

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев.
Поучительные черты домашней и семейной жизни древних христиан.
Смысл слов христианского писателя II века, что христиане ни в чем не отличались от нехристиан. – Молитва: как понимали учение о непрестанной молитве? – Дневная и ночная молитва, определенные часы для молитвы, употребляемые молитвословия, внешнее положение при молитве, употребление креста. – Стол: благочестивые обычаи во время трапезы, простота ее, правила благоприличия при вкушении пищи; какая пища предпочиталась? – Употребление напитков, правила благоприличия при этом; как держали себя христиане на пиршествах? – Девственное и брачное состояние: процветание девства, мысли о целомудрии. Замечательнейшие примеры христианской ревности о сохранении девства; взгляды на брачную жизнь, церковное благословение брака, мысли о цели брака, правила супружеских сношений, девство в браке, дни воздержания, нравственные качества супругов и духовное единение их, попечения супругов о взаимном душевном спасении, разрыв взаимного сожития; религиозное и нравственное воспитание детей, примеры.
Св. Игнатий Богоносец, епископ Антиохийский, ученик Иоанна Богослова, писал христианам своего времени: "Неверующие носят печать мира, а верующие в любви – печать Бога, Отца, чрез Иисуса Христа". Этот преобладающий отпечаток носили на себе истинные христиане всех веков, но с особенной яркостью и блеском – верующие первых веков, когда христианство наиболее всего одушевляло христиан. Он отражался на всем их поведении, даже на самых простых, обыденных отношениях их домашней жизни. Поистине высокий святой дух проникал во все их взгляды, правила и чувства, и отсюда переходил на все их обычаи, нравы и житейский обиход.
Правда, писатель Послания к Диогнету, ученый христианин начала II века, говорит: "Христиане не различаются от прочих людей; ни страной, ни языком, ни житейскими обычаями. Они не населяют где-либо особенных городов, не употребляют какого-либо необыкновенного наречия и ведут жизнь ничем не отличную от других. Но обитая в эллинских и варварских городах, где кому досталось, и следуя обычаям тех жителей в одежде, в пище и во всем прочем, они представляют удивительный образ жизни". На основании этих слов древнего апологета можно было бы подумать, что домашняя жизнь первых христиан представляла очень мало особенного, выдающегося; но эта мысль должна быстро исчезнуть, если мы возьмем во внимание, что самыми характерными чертами христиан, по свидетельству того же писателя, были нравственная чистота и святость, которые необходимо должны были видоизменять многие стороны домашней жизни, внося в нее такие нравы и обычаи, каких не могло быть ни у язычников, ни у иудеев, в особенности у первых. Само собой бросалось в глаза, что христианский дух не мог допускать и теперь никакого обыкновения, корнящегося на языческой почве, как, например, призывания ларов (боги домашнего очага) и возлияний за обедом, а равно и всего, что стояло в противоречии с чувством целомудрия и степенностью. Этого мало. Сама домашняя жизнь христиан из иудеев постепенно отрешалась от тягостных уз и стеснительных форм ветхого закона и различных раввинистических перетолкований его и взамен того обогащалась прекрасными обыкновениями, каких не знал человек ветхозаветный, и вследствие чего вскоре в домашней жизни между иудеями и христианами из иудеев обнаружилось меньшее различие, чем какое примечалось между язычниками и христианами из язычников. Вообще можно сказать, что при внешнем сходстве христиан с нехристианами в жилищах, языке, одежде, быстро открылось коренное, чрезвычайное различие между ними в нравственном благоповедении. С одной стороны, должно сказать, что христиане, согласно свидетельству Послания к Диогнету, в указанных отношениях домашней жизни не отличались от язычников, носили, например, такую же одежду, как и их соседи, ибо древние верующие не старались, подобно западным квакерам, отличаться от прочих людей ни цветом, ни покроем платья; но с другой стороны, они отвращались всего, что напоминало им о языческой роскоши и нелепой суетности, будь то в платье или в чем ином, и через это выступала на вид христианская особенность домашней жизни.
Христианский дух подобно закваске заквашивал всю смесь домашней жизни, видоизменял и преобразовывал все явления в ней. – Скажем, прежде всего, о том, какое место занимала в домашней жизни христиан молитва. Христиане признавали, что как не может быть истинной веры без дел, так не может быть истинно-христианской жизни без молитвы. Учитель Церкви Ориген говорит: "Вся жизнь христиан должна быть великой молитвой, и так называемая в общечитии молитва есть только часть этой великой молитвы". Подобным же образом рассуждает и св. Василий Великий: "Непрестанно ты должен молиться, не на словах, но когда ты всем образом поведения стремишься соединиться с Богом,

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org так что вся твоя жизнь есть постоянная молитва". В этом именно значении понимали отцы Церкви христианское требование о непрестанной молитве. Так блаж. Августин на возражение: разве возможно постоянно, каждую минуту восхвалять Бога, отвечал: "Я укажу тебе средство, как можно хвалить Бога во всякое время, если только ты хочешь этого: чтобы ты ни делал, делай справедливо, и ты уже хвалишь Бога". Тот же Августин еще говорит: "Звук голоса при молитве пусть временами прерывается, но должен слышаться голос внутренний". Беспременная молитва не исключала труда и деятельности. Древние христиане неодобрительно смотрели на тех лжеучителей, которые отвергали труд и хотели жить исключительно для молитвы (таковы были евхиты и мессалиане). С другой стороны, отцы древней Церкви сильно восставали против тех, кто не признавали важности молитвы или даже считали ее признаком людей слабых. Против таковых вооружался уже Климент Александрийский. "Припоминаются мне, - говорил он, - некоторые лжеучители, которые утверждают, что не должно молиться. Пусть они не хвалятся своим нечестивым учением, как новостью, пусть они знают, что они заимствовали это учение от киренейских (языческих) философов". Прекрасно выражается Амвросий Медиоланский, доказывая необходимость молитвы: "Молитва есть пища души, через нее седалище порока превращается в святилище добродетели". - Древние христиане учение о непрестанной молитве понимали в некотором смысле даже буквально, потому что они все положения и действия в жизни освящали и сопровождали молитвой. Вот что говорит Климент Александрийский: "Вся жизнь гностика (т.е. совершенного христианина) есть как бы непрерывный праздничный день; у него: чтение Священного Писания перед принятием пищи, псалмы и гимны во время пищи и перед отхождением ко сну, и ночью опять молитва. Через постоянное воспоминание о Боге, он соединяется с ликами святых. На всяком месте будет он молиться, но не открыто перед народом; в то время, когда он занимается, говорит, отдыхает или читает, он молится". И при другом случае тот же Климент говорит: "Он (гностик) во всю жизнь молится". Тертуллиан, пресвитер Карфагенский, считает преступником того, кто в продолжение целого дня оставался без молитвы. По внушению св. Киприана Карфагенского, каждый час дня нужно начинать молитвой. В особенности начало дня, утро, должно освящаться молитвой. Киприан говорит: "Рано утром мы должны молиться, чтобы через нашу молитву восхвалять воскресение Господа" (которое произошло утром). Василий Великий писал: "что может быть блаженнее того, как встречать рассвет молитвой, благодарить и прославлять Творца, а потом, когда совсем рассветет, приниматься за работу?" Подобным же образом выражается Амвросий: "Разве ты не знаешь, человек, что начатки твоего сердца и твоего языка ежедневно ты обязан приносить Богу?" Если бывало несколько христиан в одном и том же доме, то они утреннюю молитву совершали вместе; и если между ними не было священника или вообще лица церковного, то хозяин дома читал молитву вслух, а все прочие тихо повторяли ее за ним. В Апостольских Постановлениях общепринятой утренней молитвой указывается псалом 62.* и не только рассвет дня ревностные христиане встречали молитвой, но и ночью вставали для того, чтобы воздать хвалу Богу. Тертуллиан говорит: "Христиане, насытившись на вечерах любви (агапы, которые совершались повечеру), никогда не забывают, что даже ночью нужно прославлять Бога", - и при другом случае: "Даже ночью ты встаешь и молишься". О том же свидетельствует Киприан: "И по ночам мы не остаемся без молитвы". Климент Александрийский также говорит: "Часто и ночью ты поднимаешься с постели и благословляешь Бога". Значит, то, что позднее сделалось достоянием монастырей - ночная молитва, - в первенствующей Церкви было обычаем, который был хорошо известен и мирянам. Как начало дня, так и конец его освящался молитвой. Киприан говорит: "Восходит ли солнце или заходит, необходимо молиться". Вечерняя молитва заключала в себе прошение, чтобы Бог попустил молящимся дожить до следующего нового дня. Как обычную вечернюю молитву, книга Постадавлений Апостольских указывает псалом 140.** Молитвою должна была начинаться работа, молитвою же сопровождаться. Молитвой, по словам Василия Великого, как солью осоляется всякое дело. Она произносилась перед началом обеда. Прежде чем начать мыться в бане, христиане тоже молились. Если гость прощался с хозяином, они делали это с молитвою, равно как и при входе в дом свое приветствие он сопровождал так же молитвой (Тертуллиан). Многие христиане приняли от иудеев обычай молиться, кроме утра и вечера, в третий, шестой и девятый час дня.*** Но христиане соединяли с этим обычаем свои новозаветные воспоминания. В третий час они молились потому, что в этот час в Пятидесятницу излился Дух Святой на апостолов; в шестой - потому, что Петр в этот именно час имел видение о чистой и нечистой пище; в девятый - потому, что в этот час умер Христос и потом около того же часа Петр и Иоанн, идя в храм Иерусалимский, исцелили хромого (так толкуют Тертуллиан, Климент Александрийский и Киприан). Таким образом, возникли узаконенные

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org часы молитвы в продолжение дня. Нужно при этом помнить, что в древности в эти же часы миряне призывались для общественной молитвы в церкви. Постановления Апостольские требуют очень строгого выполнения этого предписания. Несмотря на то, что, как мы видим, насчитывалось очень немало времени, назначенного для молитвы в течение суток, Киприан советует христианам молиться еще чаще, еще больше.

* Боже, Боже мой, к Тебе утреню... ** Господи, воззвах к Тебе, услыши мя... *** Соответственно, в 9.00, 12.00 и 15.00 сравнительно с церковными сутками. (Здесь и далее - прим. редактора изд. 1900-1903.)

Больше всего христиане при возношении своих молитв пользовались книгой Псалтири. Псалтирь была молитвенником в первенствующей Церкви. Но вместе с псалмами была в употреблении в домашней жизни христиан и молитва, которой научил Сам Господь Своих учеников (Мф. 6, 9 и сл.). Представляется, однако, удивительным, что ни апостолы, ни их ученики, мужи апостольские, не упоминают о молитве "Отче наш" как молитве употребительной в их время в христианской Церкви. Но если апостолы и мужи апостольские и не говорят ничего о молитве Господней, однако же, откуда не следует делать заключения, что в первые времена молитва Господня не была в употреблении. Прежде всего, совершенно невероятно, чтобы апостолы, просившие Христа научить их молиться, сами потом не пользовались данной молитвой. К той же мысли приводит то явление, что во времена Тертуллиана, следовательно, вскоре после эпохи мужей апостольских, молитва "Отче наш" представляется самой употребительной. Около 200 года молитва Господня пользовалась высоким уважением, на нее писались многочисленные комментарии. Все это доказывает, что ее и раньше не забывали верующие. Тертуллиан прямо называет молитву Господню "сокращением всего Евангелия". Кроме молитвы Господней, в домашнем употреблении христиан встречаем молитву "Богородице Дево, радуйся", которая составлена на основании слов из Евангелия (Лк. 1, 2. 42). Молитва эта возникла, вероятно, вскоре после III Вселенского собора, в Греческой церкви, в противодействие несторианству. Позднее она перешла и в Западную церковь, главным образом уже в XI веке. Помимо этих и других молитв, заимствованных из Библии, древние христиане пользовались молитвами, составленными ими самими. У них были как песнопения, так и молитвы, обязанные своим происхождением благочестивой ревности отдельных верующих. Об этом можно догадываться на основании следующих слов Тертуллиана: "По совершении агап каждый приглашается петь хвалебные песни Богу, извлеченные из Св. Писания или кем-либо сочиненные". На это же указывают постановления Иппонского собора в Африке (в 393 г.): "Никто не должен употреблять самоизмышленных молитвословий, прежде чем посоветуется об этом с братьями, более просвещенными". Другие соборы еще более стесняют произвол верующих молиться, произнося молитвы самосочиненные. Видно, что в Церкви в древнее время появилось много таких молитв, что они стали распространяться в народе, и что не все из них заслуживали одобрения.

Отцы Церкви сообщают немало известий и о внешних обычаях древних христиан в совершении домашней молитвы. Климент Александрийский говорит: "Во время молитвы мы воздеваем руки и голову к небу, а при конце молитвы и ноги приводим в движение", то есть в конце молитвы мы поднимаемся из коленопреклоненного положения, в котором оставались во время нее. Со своей стороны, Тертуллиан говорит: "Мы молимся, взирая на небо, с распростертыми руками и непокрытой головой". Он же увещевает христиан, что они "не должны слишком поднимать руки и размахивать ими, что не должны возвышать головы с самонадеянностью и что приличие требует тише произносить молитвы". Ориген между всеми телесными положениями, какие возможны при молитве, рекомендует христианам, как самые приличные, воздеяние рук и поднятие головы. Впрочем, прибавляет он, больной может молиться сидя или лежа, а находящийся на корабле или занятый чем-либо препятствующим воздеянию рук может молиться, не делая вида, что молится. Распростертыми руками христиане изображали вид креста, на котором был распят Христос, как об этом свидетельствует апологет Минуций Феликс. Перед молитвой обыкновенно обмывали себе руки, чтобы показать необходимость внутренней чистоты, и обращались во время молитвы на восток, потому что свет древний и духовный приходит с востока (Тертуллиан, Климент). Сообразно с апостольским предписанием, мужчины молились с головой обнаженной, а женщины - с покрытой (1 Кор. 11, 4). Но уже Тертуллиан высказывает жалобы на то, что девушки его времени и его отечества являлись

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org на молитву непокрытыми и в свое оправдание говорили, что апостол Павел заповедует носить покрывало только женщинам, а так как они не замужем, то к ним неприложимы слова апостола. Тертуллиан поэтому старается доказать таким легкомысленным, что под женщиной, по библейскому употреблению, разумеются и жены, и девушки. - Тертуллиан порицает как суеверие, встречавшееся тогда обыкновение скидывать верхнее платье во время молитвы. "Так приближается, - говорит Он, - язычник к своим идолам, а христианский Бог слышит и того, кто имеет на себе плащ". Не менее он осуждает и тех, кто возлежали во время молитвы. Сидеть во время молитвы, как это было в обычае кое-где на востоке, он считает за выражение небрежения к этому делу. Христиане при молитве обыкновенно стояли. "Мы стоя молимся", - говорил киприан. Христиане часто также молились коленопреклоненно. Во дни поста, говорит Тертуллиан, и во дни стояний (так называется у него полупост) не должно быть молитвы без коленопреклонений и других знаков самоуничижения. Коленопреклонение представлялось первоначальным христианам делом совершенно естественным, как выражение смирения, как знак, что человек отпал от Бога и нуждается в Божественной благодати и милосердии. Поэтому кающимся постоянно предписывалось преклонять колена.

В самой тесной связи с молитвой во все времена находилось крестное знамение, и уже у древнейших христиан мы встречаем самое широкое распространение его. Они полагали крестное знамение не только на себе, - на челе, устах, груди, но осеняли им одежду, постель, пищу, посуду, домашнюю утварь и жилище; они делали его, если выходили из дома или снова возвращались сюда, если начинали одеваться, садились за стол, ложились в постель, умывались или мылись в бане. Обо всем этом явно свидетельствует Тертуллиан. При этом он замечает, что хотя на крестное знамение нет указания в Библии, но зато важность его утверждает Предание. В одном из своих сочинений он убеждает свою жену, чтобы она в случае его смерти не выходила замуж за язычника, потому что тогда для этого последнего не было бы тайной, что она знаменует крестом и свое ложе, и свое тело. Следовательно, в это время было уже обыкновение ограждать крестом свою постель и тело, когда ложились спать и вставали. Так же Киприан, Ориген и другие отцы и писатели церковные многократно говорят об употреблении крестного знамения. Ефрем Сирийский в IV веке говорил: "животворящим крестом пусть осеняются наши двери, наши очи, наши уста, наша грудь, все наши члены. Этот крест, вы, христиане, не оставляйте ни в какое время, ни в какой час; пусть он с вами будет во всех местах. Без креста ничего не предпринимайте: ложитесь ли вы спать или встаете, работаете или отдыхаете, едите или пьете, путешествуете на суше или плаваете по морю, постоянно украшайте все ваши члены этим живоносным крестом". - До сих пор у нас шла речь о кресте, который мы делаем нашей рукой, но мы должны еще прибавить, что и крест в смысле вещественного изображения распятия весьма рано уже вошел в практику домашней жизни; его изображали или при помощи живописи, или пластики. Церковный историк Евсевий говорит о Константине Великом, что в самом лучшем зале его дворца был поставлен золотой крест, украшенный драгоценными камнями. Тот же Константин приказал украсить даже оружие солдат знаком креста. Что далее изображением креста украшались стены и двери, об этом находим свидетельство у Златоуста. Некоторые в своем желании повсюду делать кресты заходили уж слишком далеко - они вздумали украшать крестами полы в своих домах. Это обыкновение, однако, строго запрещено Трулльским собором (прав. 73-е), потому что попирает знак креста ногами противно чувству благоговения. История древнего христианского искусства и Акты мученические указывают, что христиане украшали крестом свои одежды и предметы обиходного употребления. В IV веке встречаем указание на употребление креста на шеях верующих, поверх одежды. Так, Григорий Нисский говорит о своей сестре Макрине, что она носила крест на своей шее.

Трапеза древних христиан, в свою очередь, также не осталась без влияния на нее нового христианского духа. Прекрасное изображение того, как происходила трапеза в домах древних христиан, находим у Тертуллиана. "Садятся за стол не иначе, как помолясь Богу; едят столько, сколько нужно для утоления голода; пьют как пристойно людям строго соблюдающим воздержание и трезвость; насыщаются настолько, что той же ночью могут возносить молитвы Богу; беседуют, зная, что все слышит Бог. По омовении рук и возжигении светильников, каждый приглашается петь хвалебные песни Богу. Трапеза оканчивается, как и начиналась, молитвой. Выходят отсюда не для того, чтобы производить бесчинства, выходят паче из школы добродетели, нежели от вечери". Тертуллиан, собственно, говорит здесь о христианских агапах, но сам же он не полагает никакого различия между агапами и обыкновенной трапезой в отношении к благоприличию и благочестию. Климент Александрийский

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org прямо уверяет, что во время еды христиане пели псалмы и песнопения. Еще яснее говорит об этом киприан: "Час обеда не должен оставаться без небесной благодати. Скромный обед должен сопровождаться псалмами, и если ты имеешь хорошую память и хороший голос, принимай на себя обязанности певца". - Очень часто и с особенным удовольствием древние отцы изображали скромность, умеренность и целомудренность, которые царили во время христианских обедов. Апологет Минуций Феликс говорит: "Наши обеды не только целомудренны, но и трезвенны, ибо мы не позволяем никакой болтовни, веселость умеряем важностью и скромными речами". Очень подробно распространяется об этом предмете Климент Александрийский. "Иные люди, - говорит он, - живут для еды наравне с бессловесными животными, у которых жизнь во чреве; наш же воспитатель Христос повелел нам есть для того, чтобы жить, ибо пища для нас не занятие, и сластолюбие не есть наша цель. Жизнь слагается из двух вещей, - здоровья и сил, а для этого легкое питание гораздо целесообразнее. Великое разнообразие в пище нужно отвергать, потому что от этого проистекает различного рода вред, недомогания тела, вспучивание живота". Изысканность в пище Климент совершенно отвергает и осуждает тех, кто со всех частей света собирают для себя лакомые кушанья и необыкновенные приправы, тех ненасытных искателей пищи, которые для своих сластей желали бы весь мир уловить сетью. Таких сластолюбцев он называет не людьми, а "ртом и челюстями". Этот строгий церковный нравоучитель стыдит христиан за то, что они начали допускать излишества во время христианских агап. "Мы бесчестим священную агапу, прекрасное дело Слова, разными горшками и жидкими похлебками, наносим поношение этому имени разными питьями, изысканными кушаньями и кухонной копотью". В лакомых блюдах он усматривает смерть для тела и души. Умеренно питающиеся люди, говорит он, гораздо сильнее, здоровее и благоразумнее, чем другие; это можно видеть при сравнении крестьянина или философа (в смысле человека умеренного) с богачом. Обед христиан, по нему, должен быть прост и короток, не должен мешать ночному бодрствованию и не должен быть приправлен какими-нибудь благовониями. Он осуждает также жадность в еде. "Неразумно жадными глазами пожирать яства. Неразумно протягивать постоянно руки к столовым запасам. Неблагопристойно наполнять свой рот не по обычаю вкушающих, а по обычаю похищающих. Такие люди по прожорливости похожи более на свиней или собак, чем на людей; они торопятся наестся, наполняя обе щеки сразу из всех сосудов, стоящих перед ними. Кроме того, и пот с них льется, когда по причине ненасытности крепко сжимаются их челюсти, и по причине невоздержания они тяжело дышат, с непристойной поспешностью, далекой от честного обычая, втискивая пищу в чрево, как в дорожный мешок, и без меры нагружая себя съестными припасами". Климент много занимается указанием тех приличий, соблюдение которых при трапезе предписывается разумному христианину. Он советует, чтобы христиане благопристойно касались предлагаемого, сохраняли не запачканными руки, бороду и занимаемое ими при столе место, соблюдали спокойствие в лице и чинно протягивали руку к кушаньям через известные промежутки. Не советует он и говорить за обедом. Тогда бывает, по нему, и голос неприличный и не довольно выразительный, так как из наполненных щек несвободно выходит слово, и язык, сжимаемый пищей, затрудненный в естественном своем действовании, издает неясный и как бы сдавленный звук. Неприличным кажется Клименту и есть вместе, и пить: это признак великого невоздержания соединять вместе то, совместное употребление чего неудобно. Климент указывает и виды пищи, которые более всего полезно употреблять. Той пищи, которая способна возбуждать половые страсти, нужно, по нему, совершенно избегать. "Можно употреблять лук, маслины, овощи, молоко, сыр, и, если угодно, мясо вареное и жареное. Из яств, - говорит он, - самые удобные для употребления суть те, которые приготавливаются без помощи огня, потому что с ними менее хлопот; потом те, которые не обременительны для желудка и дешевы. Те же, которые составляют роскошь стола и бывают причиной болезней, носят в себе демона обжорства, которого я не колеблюсь назвать демоном чрева, злейшим и пагубнейшим из всех демонов". Далее Климент дает наставления и относительно принятия вина. Он позволяет употреблять вино, но весьма умеренно, как ап. Павел заповедует Тимофею принимать понемногу вина для здоровья желудка. Вообще он допускает вино более всего в качестве лекарства. Он не разрешает, чтобы вино пили все без различия. По его воззрению, молодые люди - юноши и девушки - и даже замужние должны воздерживаться от вина. "Пылкому возрасту нейдет вливать в себя вино, горячую влагу: это все равно, что к огню прибавлять огонь. От этого возжигаются необычайные стремления, пылкие страсти, огненные нравы; разгоряченные внутри юноши устремляются к похотям, так что и тело их показывает признаки будущей гибели в преждевременном созревании органов похоти. Похотливые пожелания юношей по возможности нужно стараться истреблять, и среди стола или обеда пусть они совершенно воздерживаются от

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org вина, для них опасного. Если же приступит жажда, нужно утолять ее водюю. Да и самой водюю не следует чрезмерно наполняться, чтобы пища, не разжижаясь, удобнее варилась в нашем желудке и в большем количестве переходила в нашу плоть". Каждый должен, по совету Климента, смешивать вино с водюю, а не пить его как водюю. Сильными красками изображает он порок пьянства, который, впрочем, по его замечанию, встречался очень редко в то время между христианами. Он осуждает также пристрастие к винам иностранным и употребление различных вин во время одного и того же обеда. "Нужно, – по наставлению Климента, – весьма заботиться и о соблюдении приличия во время питья, т. е. нужно пить с лицом спокойным и не искривленным, не нужно хвататься за чашку с чрезмерной жадностью, не нужно неприлично водить глазами перед тем, как пить, не нужно предлагаемое для питья поглощать непристойно с невоздержанностью, чтобы не замочить бороды, не залить одежды, что случается, когда питье вливается залпом". "Не должно держать кубок таким образом, чтобы он покрывал почти все лицо". У женщин Климент порицает обычай пить из очень узких бокалов. Они делали это из некоторого рода кокетства: им казалось некрасивым широко раскрывать рот. Ему не нравилось, как они при этом загибают голову, нецеломудренно обнажают шею, как будто стараются обнажить для сотрапезников то, что могут. Тот же Климент дает многие советы о том, как прилично христианину держать себя во время пиршества. Он считает непристойным христианскому дому позволять шумную музыку, танцы и пр. "Зрелищем гнусным, театром распутства, – по его представлению, – является пиршество, когда на нем нескромно обращаются собравшиеся, при игре на флейтах, кимвалах, тимпанах и других музыкальных инструментах, при плясках и других подобных упражнениях. Можно допускать скромные и целомудренные мелодии, но всячески избегать изнеживающей музыки, нечестивым искусством звуков расслабляющей наш ум и нарушающей мир и тишину чувства. Кто умеет петь или играть на лире, тот не заслуживает этим себе упрека. Это делал и праведный Давид, благодаря Богу. Но если мы хотим достойно пользоваться приобретенным нами искусством пения или игры на музыкальном инструменте, не любовные песни должны быть нашим упражнением, а хвала Богу, Создателю вселенной, и благодарение Ему за те благодеяния, какими Он щедряет нас". Климент хочет, чтобы шутки, столь обычные на языческих пиршествах, были совершенно изгнаны из собраний христиан. Веселость, по нему, должна сдерживаться в границах и должно далеко оставаться все, носящее печать нескромности. неприлично не должно ни говорить, ни слушать, а о пороках не должно быть и помину. Не следует, по Клименту, на пиршественных собраниях насмехаться над другими, отчего рождается оскорбление, а отсюда споры, вражда и разные неприятности.

"Для любви и по любви сходятся на пиршества: зачем же здесь, вопреки цели пиршеств, вызывать насмешками вражду?" Климент требует большой осторожности по отношению к молодым людям. "Молодые люди, – по его рассуждению, – не должны вовсе участвовать в пиршествах, потому что они еще не тверды и многое, что здесь приходится им видеть и слышать, может приносить им вред, возжигать страсти" и пр. А о замужних женщинах и девушках он говорит: "Замужние женщины, когда они являются сюда, должны быть внутренне прикрыты стыдливостью, как внешне одеждой, а незамужние и вовсе не должны являться на пиршества мужчин". Участие в пиршествах язычников христианам не было позволено. Этому уже препятствовало то, что в таком случае христианину неудобно было совершать обычной молитвы и пения перед едой, во время нее и после нее. Притом же, христианам казалось греховным быть на пирах, носивших религиозно-языческий характер. Поэтому испанскому епископу Марциалу (около 250 г.) поставлено было в большое преступление "его участие в постыдных и скверных пиршествах язычников" – за это он даже был низложен. Из Тертуллиана мы узнаем, что христиане сторонились общественных пиршеств, которые устраивались в честь императоров, в чем язычники видели род политического преступления. Тертуллиан по этому поводу замечал иронически: "Правду сказать, великое доказательство верноподданнического чувства: зажигать огни и раскладывать постели (потому что у древних вкушали лежа) по улицам, делать тут огромные пиршества, обращать город в питейный дом, разливать всюду вино, производя всякие наглости и бесчинства. Неужели радость народная должна обнаруживаться через общий позор?" С течением времени благопристойность начала ослабевать у христиан на пиршествах; именно во время брачных пиров местами стали нарушать чистоту и скромность прежних нравов. Поэтому собор Лаодикийский (около 370 г.) повелевает: "Если христиане присутствуют на свадьбе, то они не должны ни скакать, ни плясать, но скромно вкушать за свадебным столом, а священники и клирики не должны смотреть ни на какие зрелища, а должны уходить, как скоро появятся комедианты". Должно быть, в IV веке уже нестрого смотрели на то, что на браки христиан приглашались языческие скоморохи и музыканты. Слушать их и

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org смотреть на них стали считать не столь греховным, как если бы сам христианин позволил себе что-либо подобное. Эти непорядки вызвали следующие узаконения Седьмого Вселенского собора: миряне должны удаляться с мимических представлений и сатанинских песней на браках.

К замечательнейшим и интереснейшим обнаружениям духа христианского в домашней жизни первенствующих христиан принадлежит влияние его на отношение к девству и браку.

С полным правом говорит Иоанн Златоуст, что девство только в христианстве достойно оценено, и с таким же правом он восклицает: "Прежде чем явилось христианство, где тогда было девство?" Евангельскому совету о девстве (Мф. 19,12) следовали многие из первых верующих. Иустин (около 138 г.) пишет: "Между христианами есть много мужчин и женщин из всех сословий, которые с детства пребывали в девстве и достигли уже 60 и 70 лет". Немного позднее апологет Афинагор говорит: "У нас можно найти многих как мужчин, так и женщин, которые остаются в безбрачии, в надежде таким образом теснее соединиться с Богом". И Минуций Феликс утверждает: "Мы целомудренны в наших речах, непорочны в нашем теле. Очень многие между нами постоянно девствуют, имея целомудренное тело, хотя они не хвалятся этим". Все последующие отцы Церкви настаивают на мысли о предпочтении девства перед супружеством. Когда на Западе Иовиниан, Гельвидий и Вигилянций стали распространять противоположный взгляд, то бл. Августин и бл. Иероним провозгласили это последнее учение ересью и сильно боролись против него. При этом никогда не надобно забывать, что понятие о девстве не ограничивалось представлением только о телесной непорочности. Истинным девственником считался тот, кто при непорочности телесной отличался смирением и внутренней чистотой. Так учили мужи апостольские: Климент Римский и Игнатий Богоносец. Собор Гангрский, около середины IV века, говорит: "Если кто из тех, кто ради Господа остается безбрачным, осмеливается гордиться над женатыми, - анафема". Подобным образом писал Кирилл Иерусалимский. Как сильно Церковь настаивала на внутренней чистоте, понимая под нею отрешение от нечистых желаний, взглядов, слов и пр., это можно видеть из слов Афинагора: "Девство ведет к Богу, а нечистые помыслы и похоти снова удаляют от Бога". Дополняя ту же мысль, Минуций Феликс говорит: "Мы целомудренны не только во взоре, но и в сердце". Относительно этой внутренней чистоты верующие были убеждены, что она не может быть потеряна даже в том случае, если грубое насилие осквернит телесную чистоту, как это случалось с христианками во время гонений. Проспер Аквитанский (V в.) так рассуждает об этом: "Если сохраняется святость души, то святость тела остается нерастленной, хотя бы тело и потерпело растление; напротив, как скоро не соблюдена чистота души, исчезает и святость тела, хотя бы тело не было осквернено". В мученических Актах рассказывается, что когда консул Пасхазий, в царствование Диоклетиана, святую деву Люцию, из Сиракуз в Сицилии, приказал отдать в публичный дом, она отвечала: "Тело никогда не может вступить в преступную связь, когда нет на то согласия души. Если совершат со мной насилие, непорочность моя удвоится, и я получу венец". Впрочем, если приходилось выбирать что-либо одно из двух: смерть или бесчестие, христианские девы и жены с радостью и решительностью выбирали смерть. Они скорее соглашались потерять жизнь, чем лишиться девства, охотнее шли ко львам, чем к содержателям публичных домов (*ad leonem, quam ad lenones*). Об этом свидетельствует христианский поэт Пруденций Климент (IV в.). В особенности часто случалось в царствование Максимиана, преемника Диоклетиана, что христианские жены и девы подвергались казни или пыткам за то, что они не хотели служить гнусным страстям этого императора, его сановников и военачальников. Евсевий насчитывает не менее 600 христианок, которые приобрели за свое мужество в этом случае великую славу. Во главе этих героинь он ставит именитую и высокообразованную александрийку, которая многократно отвергала неистовые искания языческого императора Максенция и за это, наконец, была лишена своего богатого имущества. Христианки в период гонений решались даже на самоубийства, лишь бы не потерять свою честь. Позднейшие отцы Церкви не одобряли подобные поступки, но в более древнее время многие считали самоубийство, совершенное при таких тесных обстоятельствах, не только позволительным, но и считали его подвигом, заслуживающим всяких похвал. У Евсевия встречаем такой рассказ: "Достойна удивления одна женщина-христианка в Риме, благороднейшая и скромнейшая из всех, которым пытался нанести бесчестие Максенций. Едва только узнала она, что люди, в таких делах прислуживающие извергу, окружили дом ее, и что ее муж, бывший римским префектом, из страха содействует ее похищению, тотчас, выпросив себе минуту времени, будто для того чтобы прилично одеться, входит в свою внутреннюю комнату и, оставшись одна, пронзает себя мечом и

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org немедленно умирает". - О других подобных случаях рассказывает церковный историк Никифор Каллист; именно он говорит о двух знаменитых антиохийских девах, которые по совету своей матери бросились в воду, чтобы избежать позора. Он прибавляет, что этот поступок встретил такое одобрение, что вслед за ними с той же целью побросались в море и многие другие антиохийские девы. Тот же Никифор передает сказание об одном случае, в высшей степени замечательном по своей необычности. Дело было с христианской девой Евфразией, из Никомидии. Она спрашивала Никомидийского епископа Анфима (во времена Диоклетиана), что она должна сделать, если ей случится выбирать или смерть, или идолопоклонничество. Он посоветовал ей в подобном случае выбрать смерть. И она привела в исполнение это решение своего пастыря, но привела так, как едва ли можно было ожидать. По определению гонителей, она была отдана одному юноше на растление. Оставшись с ним в уединенной комнате, Евфразия объявляет ему, что она владеет одним волшебным средством, которое делает человека неуязвимым, и что она сообщит ему этот секрет, если он не коснется ее непорочности. Затем она сделала смесь из воска и масла, обмазала себе шею и пригласила юношу из всех сил ударить ее мечом по шее, уверяя, что он увидит, что не принесет ей никакого вреда. Опыт сделан, и она лишилась жизни, как и желала того. Так как в то время очень хвалили за подобную хитрость, то нечего удивляться тому, что заслуживал одобрения и всякого рода обман, если только он имел целью охранение своей девственности. Так, тот же Никифор рассказывает об одной христианской деве, что она в видах сохранения своего целомудрия объявила себя большой позорной болезнью. - От истинной девственности в древней Церкви требовали, чтобы она выражалась во всем поведении девственников. В этом отношении Тертуллиан говорит следующее: "Для целомудрия недостаточно того, что оно существует, нужно также, чтобы оно проявлялось. Оно должно быть так совершенно, чтобы оно из души переходило на одежду, простиралось от сердечных внутренностей до внешних покровов". Поэтому было строго запрещено девственникам носить какую-нибудь неприличную одежду, допускать себе такого же рода украшения и удовольствия. Киприан писал: "Девы ни для кого не должны украшаться, не должны стараться нравиться никому, кроме их Господа, от которого они получают награду за девство. Дева не должна украшаться так, как будто она отыскивает себе мужа. Дева, привлекающая к себе взоры юношей и возбуждающая в них страсти своими нарядами, не может быть целомудренной и скромной в душе!" - "Девы, украшающие себя золотом, жемчугами и драгоценными камнями, потеряли красоту сердца".

Христианская древность высоко ценила и брачное состояние. Только мечтательные и еретические секты считали непозволительной брачную жизнь. Но отцы и соборы всех веков единодушно возвышали свой голос против подобной крайности. Собор Гангрский (прав. 9-е) определяет: "Если кто живет неженатым и остается в воздержании не ради красоты и святости девства, а из презрения к браку, да будет анафема". То же говорит 51-е Апостольское правило: "Если епископ, пресвитер и диакон удаляется от брака, мяса и вина не ради подвига воздержания, но по причине гнушения, забыв, что Бог все создал добро зело и что Бог сотворил мужа и жену, или да исправится, или да будет извержен из священного чина и отвержен от Церкви. То же - и с мирянином". Учитель Церкви, Климент, даже определенно отдает предпочтение брачному состоянию перед безбрачным. "Совершенный христианин, - думает, - если вступает в брак по воле божественного Слова, имеет своими образцами апостолов (которые, по нему, имели жен). Таковой человек одерживает верх над прочими мужами. Женатый человек и хозяин дома живет среди всяческих искушений, с которыми он встречается вследствие своих забот о жене и детях, о здоровье и имуществе, остается при всем этом твердым, не отпадая от божественной любви. Но кто не имеет хозяйства, тот не имеет и многих искушений; так как он заботится только о самом себе, то и стоит ниже того, кто хотя менее его заботится о собственном своем спасении, но полезнее в жизни". - Дух христианский, прежде всего, оказывает могущественное влияние на условия заключения браков. Первый след церковного благословения при заключении браков находим в послании Игнатия Антиохийского к Поликарпу. "Те, которые женятся или выходят замуж, должны вступать в союз с согласия епископа, чтобы брак был о Господе, а не по похоти". Остается не совсем ясным, что нужно иметь в виду под выражением "с согласия епископа", но во всяком случае видно, что Церковь с древних времен давала согласие, одобрение, вообще принимала участие при заключении браков. Брак уже перестал, как это было в язычестве, быть гражданским делом, - он стал вместе с тем делом церковным. Яснее Игнатия говорит Климент Александрийский. Осуждая обычное ношение женщин носить фальшивые волосы (шиньоны), учитель Церкви взывает: "Да кому же священник будет преподавать свое благословение? В таком случае (при возложении рук) он будет

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org преподавать его не этой женщине, а волосам посторонней женщины". Так же и Тертуллиан пишет: "Как изобразить счастье брака, советуемого Церковью, освящаемого ее молитвами, возвещаемого от ангелов на небесах, благословляемого Богом-Отцом?" При другом случае тот же писатель говорит: "Тайные брачные союзы, т.е. о которых не объявляется перед Церковью, влекут за собой большую опасность, потому что они могут быть сравнимы с блудом и прелюбодеянием". Позднейшие свидетельства о церковном благословении браков бесчисленны.

Много поучительного представляют предписания древней Церкви о цели брака, о свойствах супружеской жизни, о взаимном отношении супругов и прочее. Так как брак есть образ союза Христа с Церковью и есть таинство, то древние писатели постоянно требуют особенной чистоты и святости от брачного состояния, - качества, которые были неизвестны в языческом мире. Иустин говорит: "Христиане вступают в брак не ради плотской похоти, но для того, чтобы родить детей". Афинагор пишет: "Жену каждый из нас, которую он взял по установленным у нас законам, имеет только для деторождения. Как земледелец, бросив в землю семена, ожидает жатвы и больше уже не сеет, так и у нас мерою пожелания служит деторождение" (т.е. если плодородие женой уже началось или если возраст не позволяет надеяться иметь детей). Родственное с этим замечание встречаем у Климента Александрийского: "Ближайшая цель брака есть рождение детей, а высшая - доброе воспитание их". Очень хорошо тот же Климент говорит при другом случае: "Добрые браки основываются не на золоте и красоте, но на добродетели". То же - Тертуллиан: "Христианин женится не ради плотской похоти и не ради прибытка". Климент дает многие правила о том, как должны поступать христианские супруги при физических сношениях между собою. Он запрещает плотское совокупление во время месячных очищений или в случае, если жена уже зачала во чреве. Продолжение физических сношений в последнем случае он почитает противоестественным и греховным. Другие правила касательно того же предмета заключаются в следующем: "Человеку должно воздерживаться от сладострастия и повелевать чреву и тому, что ниже чрева. Не касайся никакой другой жены, кроме своей. Да и здесь должны быть мера и граница. Излишнее удовлетворение плоти расслабляет нервы, омрачает чувства и уменьшает силы. Бог хочет, чтобы род человеческий продолжался, но Он не говорит: будьте похотливы. Время для соития соблюдают даже животные, не имеющие разума. Человеку ли, отличенному разумом, стоять в этом отношении позади их? По руководству разума, время нужно соблюдать тем, кому позволено жить с женами: никто не должен сходиться с женой, по обычаю петухов, во всякое время, например, возвращаясь из церкви или утром с торжища, когда время молитвы, чтения и других дел. Нечасто должно быть брачное сношение: чем оно реже, тем желательнее и приятнее. Далее, и ночью, во тьме, не нужно вести себя неумеренно и вольно. Бесстыдные слова, гнусные фигуры, любодейные поцелуи и имена других вольностей пусть не упоминаются между нами". Скромность, которая характеризовала древний христианский брак, слышится в самых наименованиях, какими называли себя взаимно супруги. Жены весьма часто назывались "сестрами" своих мужей, и в самом деле некоторые супруги жили друг с другом как брат с сестрой, на некоторое время или навсегда отказывая себе в брачных удовольствиях. Что такое воздержание может иметь место только при обоюдном согласии супругов, на этом настаивает в особенности Августин, на основании слов ап. Павла (1 Кор. 1, 2. 4). Некоторые при самом вступлении в брак давали себе обет постоянного целомудрия; другие, живя более или менее долгое время в брачном состоянии, потом переходили к жизни целомудренной. Примеры того и другого рода были известны еще во времена Тертуллиана; воздержание этого рода представлялось явлением столь выходящим из обыкновенного порядка вещей, что считалось героическим подвигом. Кроме этого произвольного воздержания в браке, существовали еще определенные времена воздержания, продолжавшиеся более или менее короткий срок. Отцы и соборы требовали воздержания от людей женатых во все воскресные и праздничные дни, в дни причащения и поста; при этом ссылались на кн. Исход, гл. 19, ст. 15, где приказано было израильтянам перед принятием закона в продолжение трех дней не общаться с женами. Что в день совершения брака новобрачным не позволялось плотское сношение, это видно из одного правила Карфагенского собора, где говорится: "Жених и невеста, по получении благословения, должны проводить следующую ночь в девстве из благоговения к установленному благословению". Об установленных временах воздержания говорит Кирилл Иерусалимский, хотя и не перечисляет их. О воздержании в день причащения говорит блаж. Иероним. А собор Лаодикийский запретил браки во дни Четырнадцатницы.

Отцы и учителя Церкви многократно внушают супругам скромность в их взаимных

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org отношениях, так, чтобы их речи и взаимное обращение не давали случая к соблазну ни детям их, ни прислуге. Тертуллиан внушает: "Являйте собой красоту пророков и апостолов. Простота и целомудрие да будет единственным вашим убранством. Привяжите слово Божие к ушам вашим, - говорит он женам, - а иго Христово к шее своей. Покоряйтесь мужьям, сего довольно для вашего украшения. Оденьтесь в шелк справедливости, в виссон святости, в пурпур целомудрия. Исполняйте мудростью, святостью и чистотой. И тогда сам Бог будет вашим верным и вечным подателем любви". Говоря о женах, Климент называет предметы, которыми они стали бы украшать себя, перьями, на которых они улетают от супружеской верности. Но не все христианки соглашались с этими строгими предписаниями; некоторые из них старались выставить разные возражения в защиту своих нарядов. Они говорили, что они должны украшаться ради своих мужей, чтобы поддерживать их благосклонность; что Бог самые блага земные даровал на пользу им; что они занимают высокое положение в свете и по необходимости должны сохранять свое достоинство. Тертуллиан разбирает и доказывает неосновательность каждого из этих возражений. Древние христианские писатели описывают брак христианских супругов в самых привлекательных чертах, как полное внутреннее единение двух лиц, составляющих из себя как бы одну жизнь.

Приводим слова Тертуллиана: "Как приятны должны быть узы, соединяющие два сердца в единой надежде, в единой вере, в едином законе! Они - как дети одного отца. Нет между ними никакого раздора или разделения ни в душе, ни в теле. Они два в единой плоти: где плоть едина, там и душа едина. Они вместе молятся, вместе припадают на колена, вместе постятся, взаимно ободряют и руководят друг друга. Они равны в Церкви и в общении с Богом, равно делят бедность и богатство, ничего один от другого скрытного не имеют, не в тягость друг другу, каждый из них может посещать больных и помогать нищим. Они вместе поют псалмы и гимны, стараясь превзойти друг друга в хвалениях Бога своего. Иисус Христос радуется, видя такое домоводство их, посылает мир Свой на их дом и обитает в нем вместе с ними, а где Он находится, туда не может войти дух злобы". Такое взаимное общение супругов проявлялось, между прочим, в обоюдных попечениях о спасении души. Пример заботливости супруга о спасении своей жены показывает Тертуллиан, написавший сочинение "К жене", в котором он дает ей наставления, как устроить свою внутреннюю хранилищу, не только при его жизни, но и по смерти. Еще во втором веке было широко распространено предание, что ап. Петр возбуждал в своей жене ревность к терпеливому перенесению мученической смерти, говоря ей: "Жено, помни Господа". В свою очередь, весьма часто случалось, что жены-христианки обращали своих мужей к вере в Бога, знакомили их с христианством и приобретали их для веры и добродетельной жизни. За это именно восхваляет Григорий Богослов свою мать, Нонну. Если Златоуст говорит: "Нет ничего сильнее благочестивой жены, увещающей и наставляющей своего мужа", то это замечание подтверждается бесчисленными примерами из всех веков. В понятие святости христианского брака входило - прекращать супружеские сношения с порочным супругом. В книге "Пастырь" Ерма даются такие наставления по этому поводу: "Если кто-нибудь будет иметь женой христианку и найдет ее впавшую в прелюбодеяние, то муж грешит, если живет с ней. Если муж узнает о грехе своей жены и она не покается, но будет оставаться в своем прелюбодеянии, то муж сделается участником в ее прелюбодеянии. В случае, если она упорно остается в своем пороке, пусть муж оставит ее, а сам остается один. Если же, отпустив свою жену, возьмет другую, то и сам становится прелюбодеем. Если же отпущенная жена покается и пожелает возвратиться к мужу своему, то он должен принять ее; если же не примет ее муж, он грешит грехом великим; должно принять грешницу, которая раскаивается, но не много раз". Что здесь сказано о муже, то же, по книге "Пастырь", имеет свою силу и в отношении к жене. Того же требует и Василий Великий. Впоследствии случилось, что только одни мужья хлопотали о разводе со своими женами, под предлогом прелюбодеяния их, и возникло воззрение, что жены не имеют права требовать такого же развода в случае прелюбодеяния своих мужей. Представители Церкви старались объяснить всю неосновательность подобного одностороннего взгляда.

Наконец, бросим взгляд на отношения родителей и детей. Мы увидим, что и здесь новый дух христианский положил свою неизгладимую печать. Воспитание детей было преимущественно религиозным. Таково, по крайней мере, оно было в домашней жизни. Уже муж апостольский, Варнава, предписывает каждому христианину: "С детства наставляй сына и дочь в страхе Божьем". Главным средством религиозного воспитания детей было Свящ. Писание. О Леониде, отце Оригена, известно (из Евсевия), что он ежедневно задавал ему выучивать на память по главе из Свящ. Писания. Блаж. Иероним в таких чертах изображает христианское воспитание дочери. "Будь осмотрительна, - пишет он матери, - в

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org выборе воспитания для души, назначенной служить храму Богу; помни, что начатки всего исключительно должны принадлежать Господу; поэтому первые мысли, первые слова дитяти должны быть освящены благочестием. Для матери-христианки нет радости выше той, когда она слышит дитя свое произносящим еще слабо и с запинанием имя Иисуса Христа, или когда оно пытается петь священные напевы нежным голоском своим. Когда потом представится возможность упражнять память твоей дочери, то обучи ее псалмам. Пусть Евангелия и Писания апостольские сделаются сокровищем сердца ее; пусть каждый день она прочитывает с тобою несколько страниц из них и таким образом подносит тебе каждое утро как бы букет из цветов, собранных ею в священных книгах. Пусть это будет самой главной заботой ее, самым привычным делом, которое оставляла бы она, только ложась спать и за которое принималась бы, пробуждаясь от сна. Остерегай дитя свое, - продолжает Иероним, - от всех тех чтений, которые вносят в недра христианской души понятия и вкусы язычества. Удаляйся и сама того мнения, будто юности полезно измлада приобретать некоторые сведения, которые впоследствии приходят сами собой. По-моему, гораздо безопаснее вовсе не знать тех вещей, познание которых неизбежно влечет за собой расследование". Вместе с этим очень велика была заботливость родителей о том, чтобы удалять от детей все неприличное и соблазнительное. "Душа, - говорит тот же Иероним, - должна быть так руководима, чтобы она не научалась ни слушать, ни говорить ничего такого, что отвлекает от страха Божия. неприличных слов она совсем не должна понимать. Должно держаться вдали от легкомысленных детей других родителей, и пусть няньки избегают всякого дурного общества, чтобы они не научили детей худым нравам. Если родители с такой заботливостью предохраняют своих детей от укуса змеи, то как им не предохранять тех же детей от зла мира сего?" Древние христиане в высшей степени заботились о том, чтобы дети имели учителями людей добродетельных; если этого не наблюдалось, епископы и проповедники возвышали свой сильный голос против такого упущения. Так, например, Златоуст говорит: "Теперь заботятся более о лошадях и ослах, чем о детях. Если нанимают погонщика ослов, то очень заняты бывают вопросом: не глуп ли он, не пьяница ли, не вор ли, опытен ли. А если берут учителя для детей, то принимают, кого пришлось, и не размышляют, что нет искусства важнее воспитания детей". Часто матери-христианки, в случае если их мужья были язычниками, сами заботились и смотрели за воспитанием детей. Такова была Нонна, мать Григория Богослова, с юности посвятившая его Богу и сама вложившая Евангелие в его руки, от чего Григорий сравнивает себя с Самуилом, которого смолоду мать посвятила Богу. На воспитание Василия Великого имела сильное влияние бабушка его Макрина, которая постоянно указывала ему, как на образец для подражания, на Григория Чудотворца, епископа Неокесарийского. Мать блаженного Феодорита, родив этого сына после продолжительного бесплодия и смотря на него как на дар Божий (на что указывает и самое имя), с ранних лет посвятила его Богу; она каждую неделю отправлялась с ним к благочестивым антиохийским монахам, испрашивая у них благословения и наставления ему. Златоуст и Августин последующим своим величием и святостью обязаны своим матерям: первый - Анфусе, второй - Монике, о чем засвидетельствовали сами эти великие мужи.

Обращение императора Константина Великого в христианство

Смысл наименования равноапостольный. - Влияние на Константина семьи, в которой он родился. - Значение пребывания при дворе Диоклетиановом. - Состояние духа Константина перед войной с Римом. - Видение Креста. - Возражения против сказания и разбор их. - Утверждение Константина в вере. - Другие объяснения обращения Константина в христианство. - Первые обнаружения христианства в деятельности Константина: монумент в Риме, Миланский эдикт и пр. - Радость христиан.

Церковь дала императору Константину Великому имя равноапостольного и этим определила его значение в области церковной истории. Он называется равноапостольным, потому что после целого ряда римских императоров, воздвигавших гонения на христиан в продолжение трех веков, он был первым императором, обратившимся в христианство и поставившим своей целью внести идеи и убеждения христианские во все отправления государственной жизни. Апостолы своей проповедью имели целью просветить и освятить каждого отдельного человека. Константин же, став христианским императором, старался воплотить христианские идеи и убеждения в сам государственный организм; отсюда государственные учреждения, государственные законы, военная служба должны были вести свое дело в зависимости от тех требований и предписаний, какие заключаются в христианстве. По всему этому его деятельность и

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org приближается к деятельности апостольской.

Проследим те пути, которые привели Константина, родившегося язычником, к вере во Христа.

Первые семена благорасположенности к христианству посеяла в нем семья, в которой он родился. Его отец Констанций, по всем описаниям, был искренним другом христиан, и эту расположенность к христианству от Констанция наследовал и сын Константин. Констанций был императором западных областей Римской империи (Галлии и Британнии). Посмотрим, каков был по своим нравам, убеждениям и наклонностям духа Констанций, чтобы судить по этому, какое направление и настроение духа мог вынести Константин из-под домашнего крова. По словам церковного историка Евсевия, Констанций был государем самым кротким, благосклонным к подданным и весьма расположенным к христианскому учению; по своей жизни он стоял выше других современных ему императоров, являл себя правдивейшим и благодетельнейшим ко всем*. Тот же историк рассказывает о необыкновенном бескорыстии этого императора. Он рассказывает следующий замечательный случай из жизни Констанция. Констанций не имел обыкновения наполнять казнохранилища деньгами, отчего могло бы последовать обеднение подданных и застой в предприятиях. Об этом узнал император Диоклетиан, бывший старшим императором между четырьмя правившими тогда империей, узнал и остался недоволен этим. Он послал к Констанцию послов, которые упрекали его в том, что он небрежет в государственных интересах и что он настолько беден, что срамит этим свое императорское достоинство. Констанций оставил послов погостить у него, а сам между тем собрал к себе тех из подданных, которые отличались богатством, и объявил им, что он имеет нужду в деньгах, и просил каждого жертвовать в казну, сколько кто может. И что же? Прилив пожертвований превзошел все ожидания. Казнохранилище наполнилось золотом, серебром и другими драгоценностями. Тогда он показал эти богатства послам Диоклетиана, сказав, что эти деньги до этого времени хранились у его подданных, как верных казначеев, и просил обо всем этом донести Диоклетиану. Констанций, однако же, не присвоил себе денег, добровольно принесенных в царские сокровищницы благодарными подданными его. Как скоро закончилась ревизия его казначейств, он снова отдал все деньги тем лицам, которые принесли их сюда, причем благодарил усердных жертвователей за их любовь и преданность ему**. Отсюда видно, что Констанций отличался возвышенным нравственным характером. Поучаясь у своего отца кротости и нестяжательности, Константин тем самым лучше всего приготавливался к принятию того учения, которое кротость и нестяжательность ставит в числе первых добродетелей благочестивого человека. – Что касается религиозных убеждений Констанция, то он, не будучи христианином, однако же не был и грубым язычником. Он уже отрекся от суеверного служения многим языческим богам и поклонялся только единому истинному Богу. Евсевий прямо говорит, что он "признавал одного над всеми Бога" и что "он весь дом свой, вместе с детьми, женой и домашними посвящал одному Царю – Богу"***. Как далеко был Констанций от суеверного служения идолам, об этом свидетельствует следующий замечательный случай в его жизни. Констанций, уже отказавшийся от суеверного языческого служения идолам жертвами и воскурением, однажды, желая испытать истинные расположения своих царедворцев, сделал вид, что он хочет снова приняться за исполнение всех суеверных языческих обрядов, и сказал придворным: "кто хочет пользоваться моим расположением и любовью и оставаться в почести, тот должен приносить жертвы идолам, а кто отказывается от этого, тот должен удалиться с моих глаз и не рассчитывать впредь на мое благоволение". Приняв за истину слова императора, придворные сейчас же разделились на две партии. Одни, люди лицемерные и без действительных религиозных убеждений, сейчас же изъявили согласие на требование императора, хотя до этого из расчетов, вероятно, следовали благому примеру царя; другие же, которые от искреннего сердца пренебрегали суетными языческими обрядами, и теперь остались верны своим убеждениям. Следствием этого было то, что первых, как людей лицемерных и непоследовательных себе, он удалил из дворца, а вторых приблизил к себе и сделал их начальниками над подданными своего царства****. Следовательно, Константин, живя в своей семье, уже далек был от язычества с его суеверием и внешним благочестием. Он еще у своего отца мог научиться вместо многих и ложных богов почитать одного истинного Бога. Язычество этого времени поддерживалось внешностью, обрядностью, пышными церемониями, а кто отверг этого рода язычество, тот уже был при дверях религии духа. Но особенно сильное впечатление на восприимчивую душу Константина Должна была производить кроткая политика Констанция к христианам.

* Евсевий. Церковная история. Кн. 8, гл. 13. ** Евсевий. Жизнь Константина. Кн. 1, гл. 14. *** Там же. Кн. 1, гл. 17. **** Там же. Кн. 1, гл. 16.

В то время когда на Востоке кипело гонение Диоклетианово, Констанций оставлял христиан неприкосновенными: они жили в мире и благоденствии*. Не имея возможности являться послушником воли Диоклетиана, старшего из императоров, Констанций позволил одно – разрушить некоторые из христианских церквей**. Насколько он был благосклонен к христианам, это видно из того, что в самом дворце его были христиане, которые могли свободно возносить молитвы христианскому Богу***. Правда, во время сильнейшего развития Диоклетианова гонения, Константин был не среди семьи, а в Никомидии при дворе Диоклетиана; но, конечно, Константин хорошо знал, как шли дела под руководством его отца. Константин, конечно, знал и то, что кроме хорошего, ничего не следовало из той политики, которой придерживался Констанций в отношении к христианам. Вообще Евсевий допускает сильное и благодетельное влияние Констанция на Константина, когда замечает: "Соревнование отцу призывало сына к подражанию ему в доблестях"****. А подражая отцу в любви к христианам, Константин воспитывал в своем сердце и любовь к тому Богу, под охраной Которого христиане делались достойными любви.

* Евсевий. Церков. история. Кн. 8, гл. 13; Жизнь Константина. Кн. 1, гл. 13. ** Лактанций. О смертях гонителей, гл. 15. *** Евсевий. Жизнь Константина. Кн. 1, гл. 17. **** Там же, гл. 12.

К сожалению, нельзя сказать ничего определенного о том, какое влияние в ранний период жизни Константина оказывала на него родная его мать Елена, имя которой Церковь в своем чествовании соединила с именем Константина Великого. Впоследствии, когда Константин сделался императором всей Римской империи, Елена ознаменовала себя необыкновенной ревностью к христианству: она предпринимала благочестивые путешествия на Восток, украшала Святую Землю великолепными постройками, удостоилась открытия Креста Христова. Все это показывает, что последние дни своей жизни она была ревностной христианкой и прославилась святостью; но было ли так издавна, была ли она таковой и во времена малолетства Константина – неизвестно. Историк Феодорит, писатель пятого века, впрочем, допускает, что Елена имела влияние на обращение Константина к христианству. Он отзывается о ней так: "Родительница этого света (Константина), питательница его благочестия"*.

* Феодорит. Церков. история. Кн. 1, гл. 18.

Не все время молодости провел Константин под кровом отеческого дома. Часть своей молодости он провел при дворе Диоклетиана в Никомидии. Он оставался здесь в качестве заложника: он был взят Диоклетианом, старшим императором, от Констанция в знак ручательства в верности и преданности этого последнего первому. По-видимому, пребывание Константина при дворе жестокого гонителя христиан не могло быть благоприятным для христианского развития Константина, но в действительности с христианами и их достоинствами он нигде более не мог ознакомиться в такой мере, как именно на Востоке, при императорском дворе и в такую эпоху, какой было гонение Диоклетиана. Сам Константин впоследствии прямо признавал, что пребывание при дворе Диоклетиана было делом не последним в его обращении к христианству. В самом деле, при дворе Диоклетиана он мог познакомиться с лучшими людьми из христианского общества, которых было немало на службе у Диоклетиана, и, ознакомившись, мог оценить их ревность, честность, преданность, верность и достоинства их жизни. В штате диоклетиановского двора мы встречаем христиан на высоких должностях. Так, Лукиан имел должность камергера*; Горгоний и Дорофей принадлежали к лицам, приближенным к императору**; несколько христианских юношей были при дворе в качестве императорских пажей***. По свидетельству Евсевия, христиане также занимали видные места в

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org административных сферах тогдашней Империи****. Так было, конечно, до времени гонения христиан. Жизнь и столкновения Константина при дворе Диоклетиана с достойнейшими из христиан, которым не могли отказывать в уважении даже такие враги христианства, как Диоклетиан, должны были показать Константину, что за люди были христиане, как много хорошего вносило христианство в жизнь граждан. Здесь, на Востоке, Константин мог прийти к представлению о силе и распространенности христианства; он мог видеть здесь "многолюдные собрания во всяком городе и стечения христиан в молитвенных домах, обширные церкви"*****. Но вот кончились времена мира для христиан. Диоклетиан из благосклонного к христианам делается жестоким гонителем на них (303-305 гг.). Кровь ни в чем не повинных христиан льется ручьями; самые приближенные к Диоклетиану лица из христиан беспощадно наказываются и убиваются. Нельзя было смотреть на это зрелище без глубокого сожаления к невинным страдальцам. Вот что, например, происходило в самой Никомидии, на глазах у Константина. Те, кто еще вчера окружали царский трон, ныне влекутся на казнь, и они первыми из всех*****. Священники, служители престола без всяких допросов предавались в руки палачей. Лица нечиновные всякого возраста и пола ввергались в огонь, и так как их было слишком много, то их сжигали массами, других кидали в море, привязав камень на шею. Гонение никого не щадило. С каждым днем выдумывались новые и новые казни для христиан. Гонение было так распространено, что один писатель-современник замечает: "Если бы у меня была сотня уст и железный язык, то и тогда не мог бы исчислить всех мучений, какие терпели верующие"*****. Силе и свирепости гонения соответствовала ревность христиан к вере. В сознании своей невинности "цельми тысячами" шли они на смерть*****. Мог ли Константин, смотря на беспричинную свирепость гонителей христиан, на тысячи жертв варварской политики императора, на твердость и мужество христиан, через что они громогласнее всяких слов говорили, что вера их есть святая истина, мог ли Константин, смотря на все это, не понимать, что христиане и христианство, это - великая сила, пришедшая в мир, которая требовала глубокого уважения к себе? Если же при этом взять во внимание, что Константин, видя гонение Диоклетиана и сопровождавшие его волнения и беспорядки, не мог не отдавать предпочтения образу деятельности отца своего Констанция, который неизменно благоволил к христианам и в этом находил залог общественного спокойствия, то сердце Константина, однажды и навсегда, должно было отречься от всякой ненависти к христианам, ради блага Империи. Какие уроки Константин вынес из обстоятельств своего пребывания "при дворе тирана", об этом впоследствии он сам заявлял при различных случаях.

* Neander. Allgemeine Geschichte d. Christ. Kirche. Bd. I. S. 76 (Ausz. 1856 г.). ** Евсевий. Церков. история. Кн. 8, гл. 1. *** Там же. Кн. 8, гл. 6. **** Там же. Кн. 8, гл. 1. ***** Евсевий. Церков. история. Кн. 8, гл. 1. ***** Евсевий. Жизнь Константина. Кн. 1, гл. 15. ***** Лактанций. Указ. соч., гл. 15-16. ***** Евсевий. Церков. история. Кн. 8, гл. 4.

Это пребывание навсегда поселило в нем отвращение к казням христиан. "Я отчуждался от бывших доньше правителей, потому что видел дикость их нравов". Он пришел к мысли, что гнать христиан есть дело бессмысленное, ни к чему, кроме вреда, не ведущее. Впоследствии Константин изумленно восклицает: "Какая ему (Диоклетиану) была польза вступать в войну с нашим Богом", т.е. христианским? После этого несколько не удивительно, что Константин, сделавшись императором крайнего Запада, после смерти Констанция, в 306 году, под живым впечатлением только что виденного им гонения, счел первым делом объявить в своих областях свободу христианского исповедания.

* Евсевий. Жизнь Константина. Кн. 2, гл. 49. ** Слово Константина к обществу святых, гл. 25 (Сочинения Евсевия в русском переводе. Т. II). *** Лактанций. Указ. соч., гл. 24.

Условия жизни императора Константина, рассказанные нами выше, имели в общем

Страница 14

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org то благодетельное следствие, что воспитали в нем благорасположенность к христианству, побудили его навсегда отказаться от преследований христиан и ценить их как усердных подданных. Этим определялась для Константина политика мира в отношении к христианам. Тем не менее и сделавшись императором крайнего Запада, вместо отца своего Констанция, Константин еще не был христианином и не пришел к мысли, что ему нужно сделаться христианином. В душе его еще происходила борьба идей старых, языческих, с новыми – христианскими. И неизвестно, долго ли бы душа его осталась в колеблющемся, нерешительном положении, если бы грозные и трудные обстоятельства не склонили его искать помощи у Бога христианского, а этот Бог дивным образом утвердил его в этом решении. В 312 году Константин решился предпринять военный поход против римского императора Максенция. Целью этого похода частью были виды филантропические: Константин хотел похитить Рим из рук тирана. Поход представлял трудности неодолимые: самому популярному полководцу, любимому войсками, нелегко было заставить римскую армию войти с мечом в сердце Италии, внести войну на священную для язычников почву Рима, сделать нападение на Капитолий. Подобное предприятие производило в римских войсках глубокий ропот неудовольствия. Случалось, что армии рассеивались под тем предлогом, что они не могут сражаться против Рима. Константин не мог освободиться от чувства невольного страха, предпринимая поход на Италию. Притом же Константин никогда не был и не видел Рима, который поэтому ему казался каким-то грозным исполином. Наконец, Константину было известно, что войско, которым располагал его противник Максенций, было многочисленнее его войска. Поход на Италию представлялся делом очень смелым и рискованным. Надеяться на одни человеческие силы и средства было недостаточно. В Константине появилось искреннее желание искания помощи сверхъестественной. Вот как Евсевий описывает состояние духа Константина ввиду грозных обстоятельств, в каких находился он теперь. Константин "стал думать, какого Бога призвать бы к себе на помощь. При решении этого вопроса ему пришло на мысль, что немалое число прежних державных лиц, возложив свою надежду на многих богов и служа им жертвами и дарами, были вводимы в обман лъстивыми оракулами, обольщались благоприятными предсказаниями и оканчивали свое дело неблагоприятно. Константин основательно рассуждал, что полагавшиеся на многих богов подвергались и многим бедствиям". В этих размышлениях Константина уже высказалось полное неверие в языческих богов; сердце его далеко отстояло от них. Язычество представлялось ему ложью, сплетением обманов. Тогда его мысли переносились к политическим переворотам, которых он был свидетелем; ему живо представлялось, что в самое короткое время погибли уже трое из лиц, разделявших вместе с ним верховную власть в Империи. Все они имели постыдный конец. После этих размышлений, по словам Евсевия, Константин решил, что не следует "попусту держаться богов несуществующих, и после стольких доказательств оставаться в заблуждении"*. Мысль Константина искала в небесах истинного Бога, верного Помощника в бранях. Константину тем необходимее было противопоставить силе Максенция какую-либо новую силу, что этот последний употребил все меры, чтобы заручиться покровительством языческих богов; он советовался с Сивиллиными книгами, гадал по внутренностям беременных женщин, приносил в жертву львов: "этими способами он надеялся на одержание победы"**. Чем более Максенций обставлял себя религиозными церемониями, тем более и Константин, со своей стороны, потеряв веру в силу языческих богов, однако, религиозным упованиям своего врага должен был противопоставить подобные же упования. Но мысленный взор Константина, отвращаясь от веры в язычество и не имея веры в христианского Бога, тщетно блуждал по сторонам. Единственно, на чем мог Константин остановиться мыслью, это был Бог его отца Констанция, единый и верховный Владыка всего.

* Евсевий. Жизнь Константина. Кн. 1, гл. 27. ** Там же. Кн. 1, гл. 36; Лактаний. О смертях гонителей, гл. 44.

И вот среди недоумений Константин возносит молитву тому Богу, который был бы в силах помочь ему, подать ему мужество, даровать ему победу. Молитва Константина была услышана. Он зрит дивное видение, которое положило конец его колебаниям и побудило всем сердцем уверовать в христианского Бога. Евсевий, современник события, лично слышавший о нем от самого Константина, так повествует об этом необычайном деле. "Царь получил удивительное, посланное от Бога знамение, так что и поверить было трудно, если бы говорил

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org кто другой об этом; но нас, - замечает Евсевий, - с клятвой уверял в этом сам победоносный царь, когда удостоились мы его знакомства и собеседований. Поэтому кто станет сомневаться в истинности его сказания, тем более что и последующее время было свидетелем его истины? Однажды после полудня, когда солнце начало уже склоняться к западу, говорил царь, я собственными глазами увидел сложившееся из света и лежавшее на солнце знамение креста с надписью: "Сим побеждай". Константин и все войско его пришли в изумление. Царь, однако, находился в недоумении и говорил сам себе: что бы значило такое явление? Но между тем как он думал и размышлял о нем, наступила ночь. Тогда явился ему во сне Христос с виденным на небе знаменем и повелел сделать знамя, подобное этому виденному на небе, и употреблять его для защиты при нападении врагов. Встав ото сна, Константин рассказал своим друзьям тайну и потом созвал мастеров, умевших обращаться с золотом и драгоценными камнями, сел между ними и описав им образ знамени, приказал по подражанию этому сделать такое же из золота и драгоценных камней. Пораженный дивным видением и решившись не чтить никакого другого Бога, кроме виденного, Константин призвал к себе таинников Его слова (священников) и спрашивал их: кто тот Бог и какой смысл знамения, которое он видел? Они отвечали, что этот Бог есть Сын единого Бога, а явившееся знамение есть торжественный знак победы над смертью, которую одержал Он, когда приходил на землю. Потом подробно раскрыв учение о Боговочеловечении, они объяснили Константину и причины Его пришествия. Константин внимательно слушал их слова и, сравнивая то, что он видел, с тем, что рассказывали они, утверждался в вере и сам начал заниматься чтением Св. Писания. Сверх того приказал находиться при себе иереям". Затем Евсевий в подробности описывает то знамя, какое сделано было в это время и какое предносилось в войске*.

* Евсевий. Жизнь Константина. Кн. 1, гл. 28-32.

Событие это имело решительное влияние на обращение Константина к христианству. Несмотря на то, что событие это передается Евсевием, современником и доверенным лицом Константина, новейшие рационалистические писатели всеми мерами стараются заподозрить и опровергнуть верность рассказа. Считаю нелишним представить те возражения, какие делаются против сказания, разобрать их и устранить*.

* Нижеследующие возражения находятся у протестантских историков: Heander'a. Allgemeine Geschichte d. Christ. Kirche. Bd. 1. S. 401-402. Ausgabe, 1856, Keim'a. Uebertritt Constantins des Grossen zum Christenthum. S. 23-25. у католического историка Broglie. L'Eglise et L'empire Romain au IV siecle. Regne de Constantin. P. 218-219. Edit. 1856.

Прежде всего, сомневающиеся критики сказания Евсевия указывают на то, что рассказ этот, заключающийся в сочинении Евсевия "Жизнь Константина", написанного в похвалу этого императора, не нашел себе места в другом сочинении Евсевия "Церковная история", которое будто бы беспристрастнее, как написанное до времени дружбы и близости Константина к Евсевию. На это нужно сказать: "Церковная история" Евсевия написана, вероятно, еще до времени, когда Константин в качестве императора окончательно утвердился на всем Востоке, поэтому неудивительно, если Евсевий, скромный палестинский епископ, не знал подробностей всего, что случилось с Константином на отдаленном Западе, с которым у Востока сношений вообще было немного. Но было бы напрасно утверждать, что Евсевий, при написании своей "Церковной истории", ничего не знал о чудесном событии. Из повествования его здесь видно, что слух об этом событии дошел до него, но слух глухой, неясный. Тем не менее, главное он знал и передал в повествовании. Так, во-первых, он знал, что в поход против Максенция Константин отправился с молитвой к христианскому Богу: "Константин молитвой призвал на помощь небесного Бога и Его Слово, Спасителя всех Христа, и выступил", - говорит Евсевий. Во-вторых, он знал, что поход этот сопровождался чудесными событиями: "Бог, говоря вообще, всем верным и неверным, лично видевшим дивные события, деятельно доказал, что древние, описанные в св. книгах происшествия, для многих нечестивых кажутся невероятными и похожими на басни, а для

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org благочестивых истинными"* , после того как современные события оказались тоже дивными и необычайными. Чего же более можно ожидать от повествования короткого и написанного в общих выражениях, какое и есть "Церковная история" Евсевия в своих заключительных книгах? И, однако, и здесь, как видим, есть очевидные указания на события, какие он рассказывает подробнее впоследствии, в другом сочинении.

* Евсевий. Церков. история. Кн. 9, гл. 9.

Далее возражают: каждый рассказ для своей достоверности должен иметь достаточное речательство в свидетелях происшествия. Но рассказываемое Евсевием не имеет таких свидетелей. Единственный свидетель – это сам Константин, который уже спустя много лет после события рассказывает о нем Евсевию. Для доказательства истинности своих слов Константин прибегает к клятве, которая в свою очередь свидетельствует, что в обществе уверенности в событии не было. Правда, Евсевий говорит, что свидетелями чуда были все воины Константина, но если бы это было так, в таком случае факт был бы общеизвестен. – Разберем эти возражения. Достоверность рассказа Евсевия подтверждается тем, что молва о событии была широко распространена в обществе еще ранее, чем Евсевий в подробности описал событие, и нашла себе отголоски как в литературе христианской, так и языческой. Лактанций, живший на Востоке и не доживший до того времени, когда Константин сделался властелином Востока, однако, знал об одном из главных обстоятельств события, а именно о том, что Христос явился Константину в сонном видении и повелел сделать воинское знамя с изображением креста. Кроме того, он знал, что войска, сражаясь с Максенцием, уповали при этом на священное знамя*. Языческие писатели также знали о чудесном событии, хотя и передавали его своеобразно**. Все они писали ранее Евсевия и, следовательно, независимо от него и независимо от свидетельства Константина, – значит, были и другие свидетели происшествия. Сомневающиеся критики говорят: "Если бы свидетелями, кроме Константина, были и в самом деле воины, в таком случае факт был бы общеизвестен". Что слух о событии был не так распространен на Востоке, как можно было бы ожидать этого, так что Евсевий в подробности узнает дело только от самого Константина, в этом нет ничего удивительного. Константин перебрался на Восток с Запада, где было событие, спустя более десяти лет. Поэтому войско, которое было свидетелем события, естественно, могло быть заменено другим, новым. Притом, это было войско западное, галльское, которое, естественно, не пошло за Константином на Восток, а потому не могло и принести рассказов о событии. Да и что странного в том, что подробнее, полнее и обстоятельнее о событии никто не знал так, как сам Константин?

* Лактанций. Указ. соч., гл. 44. ** Keim. Op. cit. S. 23, 24.

Возражатели продолжают: "Константин после явления ему креста представляется недоумевающим: что бы значило такое явление, так что он находит нужным обратиться к священникам для разъяснения: кто тот явившийся ему Бог, и какой смысл знамения, какое он видел? Такого неведения о Христе решительно нельзя допустить у Константина. Константин, конечно, должен был знать и действительно знал о Боге христианском еще от своего отца, который был таким искренним другом христиан; он прекрасно мог ознакомиться с христианством в продолжение более чем десятилетнего пребывания при дворе Диоклетиана. Значение крестного знамения также едва ли могло оставаться неизвестным для каждого, кто входил в какое-либо соприкосновение с христианами, как оно, по Евсевию, остается, однако же, неизвестным, 38-летнему Константину. Да и самое призвание Константином священников для разъяснения виденного не соответствует ни времени, ни месту описываемого видения: дело было перед последним, генеральным сражением, а такие обстоятельства менее всего соответствовали идиллическим, огласительным беседам Константина со священниками, о каких (беседах) рассказывает Евсевий. Да и откуда взялись такие священники, как бы по мановению волшебства? Такое появление священников ни с того, ни с сего, носит печать сказочности". – Приведенные возражения не имеют действительной силы. Что

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org касается призвания Константином священников с целью беседы с ними, то Евсевий не говорит, как хотят этого возражатели, что они были призваны для элементарного ознакомления Константина с христианством. Он, конечно, знал многое о христианстве; священники были призваны для того, как замечает Евсевий, чтобы "подробно раскрыть учение о Боговочеловечении". Значит, если Константин и спрашивал священников: кто такой Бог Распятый, какой смысл явления, то не потому, что не знал христианства, но желал подробнее и тщательнее узнать от священников о христианстве и Христе. Но кроме этого, в том же рассказе есть прямое указание, что Евсевий вовсе не имел намерения выставить Константина совершенно не знающим христианства. Именно: по рассказу, священники являются лишь впоследствии, а сначала он заказывает мастерам сделать виденное им зная, причем сидел в среде их и объяснял им дело. Было бы странно думать, что Константин делал заказ такой вещи, такого символа, смысла которого он решительно не понимал. До беседы ли со священниками было, говорят возражатели, когда дело было перед последним, генеральным сражением с Максенцием; да и откуда в таком случае явились священники? – Имеет силу это возражение или нет, все зависит от того, как решить вопрос: где и когда происходило дело. Евсевий говорит об этом не очень определенно. А возражатели стараются утверждать, что это было чуть не накануне генерального сражения. Но последние не правы. Как ни мало определенности в сказании Евсевия, однако, видно, что видение было не в Италии, перед вратами Рима (место генерального сражения Константина с Максенцием), а вероятно еще в Галлии, при самом начале похода, когда только что собрались войска. В самом деле, Евсевий сначала рассказывает о видении креста, об устройении крестного знамени, затем далее пишет: "Призвав Бога всяческих и призвав, как помощника и защитника, Христа Его, так же поставив перед своими латниками победную хоругвь со спасительным знаменем, он выступил со всем своим войском в поход"* . Спрашивается после этого: не справедливее ли будет полагать, что видение было в Галлии в самом начале похода? Это весьма вероятно, тем более, что Евсевий еще до генерального сражения упоминает о трех сражениях Константина с войсками Максенция, которые дают ему возможность овладеть Италией, сражениях, которые происходили уже под покровительством крестного знамени**. Если так, если видение было в Галлии, при самом начале похода, когда только что собралось войско, то нет ничего непонятного в том, что Константин вместо военных соображений тратит время на огласительные беседы, и в том, что тотчас же явились священники. Если дело было в Галлии, свободное время для огласительных собеседований у Константина было, и священники могли быть собраны без малейшего затруднения. Значит, неправ не Евсевий, а его критики, которые то читают между строк, то не читают того, что прямо написано.

* Евсевий. Жизнь Константина. Кн. 1, гл. 37. ** Там же.

После этого само собой отпадает возражение, направленное против рассказа Евсевия. Говорят: "Невероятно в рассказе Евсевия сказание о том, как Константин вслед за видением призвал к себе золотых дел мастеров, как, сев между ними, разъяснял им свое требование о сооружении хоругви. Все это слишком драматично для полководца, с часу на час готового вступить в решительный бой с врагом. Да и могли ли находиться при войске подобные мастера? Едва ли могла в них быть какая-либо нужда для Константина; подобная свита могла быть лишь бременем при быстрых передвижениях войска". – Если, скажем на это, история видения креста, как мы доказали, совершилась ни где-нибудь в Италии перед лицом неприятеля, а в Галлии, то не могло быть никакого затруднения для Константина созвать мастеров и сделать им заказ. Факт не представлял бы ничего невероятного, если бы доказано было, что дело происходило во время самого похода, вдали от границ Константинова государства, потому что нужно взять во внимание, как отправлялись древние в поход: они обыкновенно переносили с собой всю обстановку домашней жизни; они имели с собой большой обоз, в котором находилось все нужное не только для каких-либо потребностей, но и на случай забав, увеселений, удовлетворения прихотей*.

* См.: Dollinger. Heidenthum und Judenthum.

По-видимому, имеет более серьезности еще одно, последнее возражение: "Евсевий, рассказывая о том, какое знамя было сооружено по случаю чудесного видения, говорит, что на знамени были изображены, между прочим, Константин и его дети. Знамя это, по замечанию Евсевия, он видел собственными глазами. Но подобного знамени с изображением Константина и его детей, в то время, к которому относится событие, сооружено быть не могло; потому что в это время Константин имел одного сына - Криспа". Что у Константина в 312 году был один только сын - это правда, но этим мало подрывается вероятность рассказа Евсевия о видении креста Константином. Прежде всего, нужно сказать, что рассказ о знамени, хоругви, Евсевий ведет уже не от лица Константина, а от своего лица: в нем могут быть неточности. Затем, изображение сыновей Константина на знамени не имело никакого отношения к видению, а имело чисто политическое значение, следовательно, оно могло изменяться смотря по тому, сколько было в данное время детей у Константина. Эти подробности на одном и том же знамени могли меняться, смотря по надобности. Наконец, нужно сказать, что Евсевий не особенно настаивает на том, что виденное им знамя есть то самое, какое сделано Константином по случаю видения; Евсевий, описав знамя, тотчас же замечает: "Но это было немного после". Эти слова Евсевия можно относить и к подробностям украшения знамени.

Борьба Константина с Максенцием увенчалась блистательной победой, и это сделалось для него сильнейшим побуждением уверовать в могущественного христианского Бога.

Таким образом, поход Константина в Италию и Рим, и сопровождавшие его чудесные события были, по достоверным свидетельствам, решительным моментом в истории обращения Константина к христианству. Но не так рассуждали языческие писатели тех времен и не так рассуждают новейшие светские писатели. Один языческий писатель, описавший в виде пасквиля жизнь Константина, любимый современными рационалистами (Зосим, V век), рассказывал, будто Константин обратился в христианство по следующему случаю: Константин запятнал свою совесть убийством двух близких к нему лиц - жены фавсты и сына Криспа (о чем сведения почерпнуты из языческих источников). Вследствие этого душа его впала в великое смущение и искала очищения. Напрасно он искал прощения греха у представителя языческой платонической школы Сопатра: последний отказал ему в прощении греха. Тогда он обратился к христианским священникам, которые охотно отпустили ему грех, и Константин обращается в христианство*. Но неправдоподобие этого рассказа обращало на себя внимание еще древних христианских писателей. Так, историк Созомен с решительностью опровергает эту сказку, и на серьезных основаниях. Этот писатель рассказывает, что смерть Криспа последовала в двадцатилетие правления Константина, т.е. в 326 году, а между тем Константин до этого времени издал многие законы, благоприятные для христиан, из чего видно, что обращение его к христианству последовало ранее события, которое выставляют причиной обращения его к христианству; далее указывает на то, что язычники не замедлили бы дать Константину прощение, принимая во внимание, что многие их религиозные представления могли давать основание к такому снисхождению**. К этому разбору Созомена нужно прибавить, что если бы Константин в самом деле искал прощения своего греха у христианских священников, то он поспешил бы принять крещение, очищающее все грехи, чего, однако, Константин не делает.

* Созомен. Церков. история. Кн. I, гл. 5. ** Созомен. Церков. история. Там же.

Другие побуждения к обращению Константина к христианству некоторые отыскивают из современных светских историков. Они находят их в политических расчетах Константина. Полагают, что Константин становится на сторону христиан потому, что рассчитывал найти в них для себя опору и поддержку в борьбе с языческими императорами, - возбудить к себе симпатию в войске и странах, поскольку в них было много христиан. Но подобные расчеты со стороны Константина не отличались бы благоразумием. Константин, как мы видели, является христианином впервые в походе на Рим и Италию; но если бы принятием христианства он хотел себе облегчить победу здесь, то он жестоко ошибся бы. Христиане, несмотря на свою совокупную многочисленность, еще не

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org составляли большинства в Западной империи; в особенности же в Риме они были малочисленны и не были влиятельны. Рим был и надолго после Константина оставался убежищем языческого богопочитания. Константин не мог не понимать, что Вечный город не только не стал бы благоприятствовать христианскому императору, но даже сделался бы к нему еще враждебнее. Оскорбления, нанесенные древней государственной религии, не могли бы простить в Риме Константину ни чернь, жадная до языческих праздников, ни Сенат, наследовавший предания древности и привязанный к древней своей славе, которая в представлении римлян тесно связывалась с их религией. Некоторые историки несколько видоизменяют представление о политических расчетах Константина, при обращении его к христианству, и полагают, что Константин хотел восстановить силу и могущество Римской империи и потому примкнул к партии христиан, людей честных, миролюбивых и послушных. Но понятно само собой, что, поступая так, Константин не достиг бы своей цели, потому что привлекая к себе меньшую часть народонаселения - христианскую - он отталкивал бы от себя большую - языческую.

Итак, остается неопровержимым фактом, что Константин обратился к христианству частью по внутренним влечениям своего сердца, частью по небесному призванию. Свое обращение к христианству Константин после победы над римским императором Максенцием доказывает распоряжениями, не допускающими ни малейшего перетолкования.

Прежде всего, когда римляне, по словам Евсевия, после указанной победы поставили новому императору на самом людном месте в Риме статую, он немедленно велел утвердить высокое копьё в виде креста в руке своего изображения и написать следующую надпись: "Этим спасительным знаменем, истинным доказательством мужества, я освободил ваш город от ига тирана и по освобождении его возвратил римскому народу и Сенату прежний блеск и знаменитость"* . Неумолимая рационалистическая критика не оставляет без возражения и этого случая, но ее усилия пропадают напрасно. Напрасно некоторые новейшие историки силятся доказать, что копьё в виде креста не было символом исключительно христианским, а было древнеримской эмблемой, которую Евсевий ошибочно принял за крест** ; напрасно, говорим, потому что к простому копьё было бы ни с чем несообразно обращаться с теми словами хвалы, с какими обращается надпись. Притом же и многие другие обстоятельства в том же роде доказывают, что в победе над Максенцием Константин видел очевидное подтверждение действия христианского Бога. Так, именно с этого времени вводится крестная хоругвь в употребление в войсках. Сам Константин с этого же времени носит на своем шлеме монограмму имени: Христос*** . И опять: напрасно новейшие историки стараются дать другой, нехристианский смысл приведенным фактам, напрасно уверяют, что хоругвь в виде креста была в употреблении у римлян еще до Константина и что монограмма, подобная монограмме времен Константина, встречается на древних аттических тетрадрахмах (монета) и на крупных монетах времен Птолемеев**** . Говорим - напрасно, потому что остается совершенно необъяснимым, почему же Константин, вдруг отказавшись от в то время употреблявшихся эмблем и символов, принял знаки какие-то древнеримские, древнеаттические, древнеегипетские? Это было бы более чем странно.

* Евсевий. Церков. история. Кн. 9, гл. 9; Жизнь Константина. Кн. 1, гл. 40.

** Manso. *Leben Constantins des Grossen*. S. 320-321. *** Такой монограммой называются буквы X и P, выписанные таким образом, что первая покрывает вторую. **** Manso. *Op. cit.* S. 321-322.

Самым выразительным доказательством привязанности Константина к христианам из этой эпохи был его указ, опубликованный в 313 году в Милане. В этом обширном указе говорилось: "Объявляем следующую нашу волю: пусть решительно никому не запрещается избирать и соблюдать христианское богослужение. Отныне каждый, решившийся соблюдать христианское богослужение, пусть соблюдает его свободно и неуклонно, без всякого затруднения. Предоставляем христианам полное и неограниченное право совершать свое богослужение". Христианам по этому указу снова возвращались молитвенные дома (храмы), даже в том случае, если они во время гонений перешли в частные руки; церковное имущество, составлявшее собственность данной церкви, также возвращалось по принадлежности. За этим указом последовал ряд других указов, благоприятных для христианства*. С этого времени Константин сближается с христианскими

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org священниками; празднование своего десятилетнего царствования он совершает (в 316 г.) без языческих воскурений и без языческих жертв**. Все говорило, что Константин перестал быть язычником и стал христианином.

* Евсевий. Церков. история. Кн. 10, гл. 5 и др. ** Там же. Кн. 10, гл. 1, 3.

Хотя Константин не тотчас принял крещение, но отлагал его до будущего времени, тем не менее, христиане вполне были уверены в его истинном обращении к христианству. Его благоволение к христианам вызвало восторг в христианском обществе. Все почувствовали себя живущими под новым, лучшим, христианским правительством. Евсевий восторженно пишет: "Теперь светлый и ясный день, не омраченный никаким облаком, озарил лучами небесного света церкви Христовы во всей вселенной. Мы должны сознаться, что счастье наше выше наших заслуг; мы приведены в величайшее изумление благодатью Виновника столь великих даров, достойно дивимся Ему и говорим с пророком: приидите и видите дела Божия, яже положи чудеса на земли (Пс. 45, 9). Люди всякого возраста, мужского и женского пола, всей силой души радуясь, умом и сердцем воссылают молитвы и благодарение Богу"*.

* Там же.

Первый христианский император на троне римских цезарей

Влияние христианской религии на нравы и поведение человека. – Религиозная сторона жизни Константина; выражение его личного благочестия; вера в небесную помощь; отношение его к предстоятелям Церкви: сближение с ними, беседы со многими из них, характер этих бесед; почтение и уважение к тем же предстоятелям Церкви, выражавшееся в суждениях его о достоинстве иерархического сана, в смиренном выслушивании пастырских поучений, в сотрапезновании и переписке с ними; дворец Константина, обычаи и порядки в нем как доказательства религиозности царя; христианские украшения дворца; заботы Константина о благолепии храмов; религиозно-христианское учительство Константина; степень образованности царя и направление ее, знакомство с философией, Священным Писанием, современной церковной литературой. – Где выступает Константин с религиозно-христианским поучением? Кто были его слушатели? Какие темы для своих поучений избирал он? – Заботы государя о религиозном воспитании своих детей, черты из жизни его семьи. – Нравственная сторона жизни Константина: личные нравственные его качества, трудолюбие и простота домашней жизни; обличение им нравственных недостатков у других; примеры человеколюбивых отношений царя; благотворительность; развлечения царя и их характер. – Как готовится к смерти Константин и как умирает? – Наименования, присвоенные ему в истории. – Влияние образа деятельности Константина на последующих византийских императоров.

"Мне стыдно было бы перед самим собой – о царе, который чтит Бога с величайшим благоговением, не сказать по силам хотя чего-либо малого и слабого". Евсевий

Один знаменитый английский историк (Гиббон), в высшей степени талантливый ученый, но не верующий в божественное происхождение христианской религии и не признающий значения и могущественной силы за этой религией, говорит: "Добродетельная жизнь древних христиан, подобно добродетельной жизни первых римлян, очень часто охранялась бедностью и невежеством". Другими словами, по мнению указанного историка, древние христиане вели добродетельную жизнь потому, что они не имели материальных средств, чтобы доставить себе разнообразные греховные наслаждения, да и не имели по своей неразвитости и вкуса к такого рода наслаждениям.

Лучшим опровержением этого мнения упомянутого историка будет, если христианская история укажет на какое-либо знаменитое лицо, которое жило во времена древней христианской Церкви, отличалось образованностью и имело полную возможность удовлетворять всем своим, даже самым прихотливым

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org желаниям, но которое, однако же, под благодетельным влиянием христианской религии, верно следовало правилам христианского благочестия и запечатлело свою жизнь теми же добродетелями, какими славились и бедные, и неученые люди из числа первенствующих христиан.

Нет сомнения, что христианская история может указать на много лиц, которые при всей образованности и при всем довольстве в материальном отношении, проводили добродетельную жизнь и не видели ничего заманчивого и соблазнительного для себя в разного рода наслаждениях и удовольствиях, которые можно купить за деньги, но которые противоречат долгу и обязанностям истинного христианина. Но между этими многими лицами едва ли не одно из самых видных мест следует отвести первому христианскому императору Константину Великому.

Константин прервал ряд языческих императоров, управлявших римским государством, встал на сторону христианского народонаселения Империи. Событие чрезвычайно важное во всемирной истории! Но еще важнее то, что Константин на собственном примере показал, какое могущественное действие имеет христианство на нравственное усовершенствование человека, какой коренной переворот производит в его жизни, открывая для него благороднейшие цели и давая средства для их возможного осуществления. Едва ли вследствие простой случайности Константин управлял Империей частью одновременно, частью непосредственно после таких языческих императоров, нравы которых представляют совокупность всего худшего. Кто такие были западные императоры – Максимиан, Максений, и восточные – Галерий, Максимиин и Лициний? В нашу задачу не входит характеристика этих недостойных римских императоров конца III и начала IV века. Скажем только одно: самое пылкое воображение едва ли в состоянии представить себе то, что известно о них по свидетельствам истории. Пьянство, объедение, необузданное распутство, бессмысленное кровопролитие, тирания – вот сфера, в которой вращались эти последние из языческих римских императоров. История, поставив их лицом к лицу с первым христианским императором, тем представляет разительнейшее доказательство, какие различные плоды давали две религии – древнеязыческая и новая христианская.

Церковный историк Евсевий, описавший деятельность первого христианского императора в сочинении "Жизнь Константина" и являвшийся, как он сам говорил, "истолкователем мыслей" этого государя, находит много назидательного в характере и поступках изображаемого им первого лица. "Сам Бог, – замечает историк, – показал в Константине мужа, служащего уроком благочестивого назидания" (I, 4)*. Ибо император, по словам Евсевия, "преуспевал в добродетели и изобилуял плодами благочестия" (I, 9). Историк был уверен, что его рассказ в состоянии возбудить "подражание подвигам царя и возжечь в сердце жажду христианского совершенства" (I, 11).

* Цитаты в тексте без обозначения сочинения указывают на Евсевиеву Жизнь Константина

Действительно, в жизни Константина есть много как достойного удивления, так и подражания. Его глубокая религиозность составляет средоточие его деятельности. Он сам говорил: "Я твердо верю, что всю свою душу, все, чем дышу, все, что только обращается в глубине моего ума, мы обязаны приносить в жертву великому Богу" (I, 29), и доказал на деле, что эти слова его были вполне искренни и правдивы. В обыденной жизни Константина встречаем все то, чем всегда отличается жизнь благочестивого христианина. Его молитвы к Богу усердны и ревностны. Он "ежедневно в известные часы заключался в недоступных покоях дворца и там наедине беседовал с Богом, в молитвах преклоняя колена, и испрашивал потребного себе" (IV, 22). Но государь не довольствовался одними дневными молитвами, ночью он также вставал на молитву, лишая себя обычного отдохновения*. Евсевий не без основания находит, что по своему усердию к молитве царь походил скорее на священника, чем на простого мирянина (IV, 22). Особенно усугублял молитвенный подвиг Константин в ночь на Пасху, проводя всю ее в беседе с Богом (Там же). Для благочестивого христианина чтение Св. Писания составляет потребность. То же находим и у первого христианского императора. Чтение Св. Писания он считал своим неперменным долгом (I, 32). Для этого занятия, как и для молитвы, он отнимал у себя часы ночного покоя (IV, 29). Он не только соблюдал посты,

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org положенные Церковью, но и налагал на себя добровольные посты, почитая их одним из лучших средств угодить Богу (II, 14). Предметом особенного религиозного чествования для Константина служил святой Крест, о котором он говорил всегда с величайшим благоговением (II, 55). Чтить память святых мучеников он считал своим неизменным долгом (III, 1). Внешними знаками его благочестивого настроения были: осенение крестным знаменем (III, 2), воздеяние рук и коленопреклонение (IV, 22).

* Евсевий. Похвальное слово Константину, гл. 5.

С особенной силой проявлялась религиозность Константина и его вера в могущество христианского Бога во всех исключительных обстоятельствах его жизни, как тяжелых, так и радостных. Константину, как известно, приходилось совершать много военных походов. И в каждом из этих походов император обнаруживал все лучшие чувства христианина. Он заявлял, что не тот побеждает в войне, кто лучше вооружен, а тот, кто снискал расположение Божества. По словам Евсевия, Константин, "вооружение и множество войска считая средствами второстепенными, признавал непреодолимым и несокрушимым только содействие Божье" (I, 27). И действительно, при одном случае Константин говорил: "Надежды войска должны основываться не на копьях, не на вооружении, не на силе телесной, ему больше всего надобно знать, что податель всякого блага и самой победы есть Бог" (IV, 19). Сообразно таким воззрениям, Константин обыкновенно предавался пламенной молитве, прежде чем открыть сражение. "Вне лагеря и на весьма значительном от него расстоянии Константин ставил палатку в честь креста и возносил там молитву Богу. Это было обыкновенным его занятием во всех случаях, когда он намеревался вступить в битву, потому что он любил все делать по совету Божию" (II, 12). Эта палатка имела сходство с храмом, то есть была походной церковью (IV, 56). К молитве в подобных случаях он присоединял и другие подвиги благочестия - посты и иные лишения (II, 14). Иногда Константин обращался с молитвенным воззванием к Богу перед лицом войска, и войско понимало, что этим давался знак ринуться на врагов (II, 6). Император устроил для войска особую крестную хоругвь. Носить ее позволялось не всякому, а для этого был учрежден штат хоругвеносцев. Константин из числа своих щитоносцев выбрал пятьдесят человек, которые отличались крепостью сил, а главное - благочестивым нравом и добрыми наклонностями. Им поручено было носить во время битв крестную хоругвь. Они носили ее попеременно, причем прочие окружали ее или следовали за ней в виде стражи. Император заметил, что где показывалось крестное знамя, там войска неприятеля терпели урон и поражение; поэтому он приказал переносить хоругвь туда, где видел какой-либо свой легион ослабевающим в борьбе с врагом (II, 7-8). Таким образом, наиболее тяжелые обстоятельства жизни Константина, каковыми были его опасные войны, давали всегда императору повод выразить его искреннюю веру в небесное Провидение. Радости жизни давали ему также заявить свои благочестивые чувствования. Одержана ли победа над врагом, Константин возносит благодарственную молитву Виновнику победы (I, 39); пришел ли юбилейный праздник, отмечающий больший или меньший период его царствования, он опять не забывает восхвалить небесного Распорядителя судьбами царей и царств (I, 48).

Религиозность императора заставляет его искать близкого и всегдашнего общения с руководителями христианского общества - священниками и епископами. Любя христианство, он не мог не любить и предстоятелей христианской Церкви. Одно обуславливало другое. Лиц священного сана Константин почитал своими "друзьями" (I, 56). Он называл их "мои сослужители" (II, 72), считал их лицами самыми близкими и дорогими к нему. Отношения Константина к иерархическим лицам представляют много интересных особенностей и должны быть описаны с надлежащей подробностью. Император был глубоко уверен в силе молитвы священнослужителей и потому просил их, чтобы они не оставляли его своими молитвами (IV, 14). Лучшей своей свитой, с которой он почти никогда не разлучался, царь считал лиц священного сана. Он окружил себя предстоятелями Церкви в той надежде, что за это одно Бог христиан, которому они служат молитвами и духовными жертвами, будет к нему, царю, милостив (I, 32). Для многих в то время представлялось странным, почему Константин оказывает такое уважение и внимание этим лицам, казавшимся ничтожными в особенности по своей простой и бедной одежде; но император разъяснял, что он смотрит на лиц духовных не просто как на людей,

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org а как на служителей великого Бога (I, 42). "Священники, как добрые стражи души, по его словам, должны непрестанно беседовать и быть с ним" (II, 4). Константин держит при себе духовных лиц во время всех военных походов, не хочет разлучаться с ними и тогда, когда он собрался предпринять отдаленный поход против персов. Но вот, он, по-видимому, не совсем уверен, последуют ли за ним любезные ему епископы в трудном и небезопасном походе против персов. Происходит трогательное объяснение между царем и окружающим его духовенством, и результат выходит самый благоприятный для государя. Об этом Евсевий рассказывает так: "Решившись идти войной на персов и собрав армию, царь объявил о своем намерении окружающим его епископам и высказал желание, чтобы некоторые из них приняли на себя труд сопутствовать ему и отправлять для него богослужение. Епископы охотно пожелали исполнить его волю и говорили, что они с величайшим усердием пойдут вслед за ним и не имеют в мысли отказываться от предложения; напротив, говорили они, своими непрестанными молитвами Богу мы будем содействовать царю и таким образом помогать ему в военном деле. Царь обрадовался таким словам и тотчас написал им подорожную" (т.е. дал им право пользоваться общественными подводами для передвижения) (IV, 56). Вместе с епископами Константин возносил молитвы Богу как во время своих походов, так и в мирное время. Он любил проводить с ними время в беседах, посвященных раскрытию различных сторон христианского богословия (I, 32). Особенно часто в разговорах с ними любил рассказывать о своей жизни и тех ее событиях, в которых он видел явный перст Божий, указующий пути Промысла. Разговаривая в свободное от дел время с епископами, он сообщал им о том, по каким признакам он узнавал, угодно ли такое-то или такое-то его действие Богу, о том, как Бог помогал ему в трудные минуты жизни, и о том, как враги его не имели возможности приводить в исполнение свои козни, будучи удерживаемы всемогуществом Божиим. "Память царя была как бы ковчегом, из которого он вынимал и показывал, что в нем было самого драгоценного"* . Очень много доводилось епископам слышать от царя рассказов о необыкновенной чудесной силе, которую обнаруживала во время сражений крестная хоругвь. Вот один из таких рассказов Константина. "Однажды во время сражения, - говорил он, - в войсках произошел шум, и распространилось большое смятение. В это время один из хоругвеносцев, до которого дошла очередь нести крестное знамя, очень заробел, передал ношу другому и хотел уйти с поля битвы. И что же? Лишь только трусливый человек начал удаляться, как стрела врага пронзила его и он пал мертв. А напротив, тот хоругвеносец, который сменил робкого и маловажного, остался жив и невредим, несмотря на то, что в него пускали целые массы стрел. Замечательно, что стрелы попадали не в хоругвеносца, а в саму хоругвь. Во всем этом, - прибавлял Константин, - было что-то выше всякого чуда: каким образом стрелы врагов попадали лишь в маленькое копьё, какое утверждено было на хоругви, вонзались в него и пронзали его насквозь, и совсем не касались того, кто носил знамя, так что люди, носившие это последнее, оставались неуязвимы?" (II, 9) При другом случае в разговоре с теми же христианскими епископами, Константин рассказал о том, как враги боялись крестной хоругви. Когда Лициний, император Востока, начал воевать с Константином, рассказывал этот последний, то языческий император скоро заметил, что войско его претерпевает поражение, как только отдельные части его встречались с хоругвью, а потому он уговаривал воинов не выходить навстречу хоругви и не смотреть на нее, так как это предмет опасный и приносящий вред (II, 16).

* Евсевий. Похвальное слово Константину, гл. 18.

Из числа многих епископов особенным доверием Константина пользовался церковный историк Евсевий Кесарийский, которого царь, по его словам, высоко ценил как за ученость, так и за примерную жизнь (III, 60). Евсевию не меньше других приходилось слышать от царя рассказы о событиях замечательных в истории деятельности первого христианского венценосца (II, 9). Царь не чуждался бесед с епископами, не принадлежавшими к Православной Церкви. Царя, любившего больше всего единодушие и мир между своими подданными, без сомнения, интересовал вопрос: почему те или другие общества, носящие имя христианских обществ, однако, на деле отделяются от Церкви Православной, прервали союз с ней? Ближе других к Православной Церкви по своему духу и учению были новациане, отпавшие от Церкви в третьем веке, в гонение Деция. С одним из представителей новацианского общества, епископом Акесием, Константину однажды пришлось вступить в беседу. Государь начал выпрашивать его: отчего новациане разорвали союз с Церковью? И когда Акесий, подробно

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org разъяснив, в чем именно новациане не согласны с православными, между прочим, сказал: "Мы не считаем нужным допускать отпущение грехов через покаяние, ибо после крещения не должно грешить, в особенности не должно впадать в грехи смертные". Константин внимательно выслушал слова Акесия, подумал и с тонкой иронией сказал: "Ну так поставь лестницу, Акесий, и взойди на небо"* . Иногда Константин делился с епископами своими наблюдениями касательно нравственного характера христианского общества и высказывал свои мнения: как поступать в том случае, если кто-либо из оглашенных будет искать христианства и стремиться к соединению с Церковью из корыстных видов, например, ради тех благотворений, на какие щедра была Церковь, ради покровительства со стороны власть имущих лиц и т.д. Высказывая свои мнения в подобных случаях, царь, без сомнения, не хотел окончательно предрешать вопросы. Он делился мыслями со своими друзьями, предоставляя священнослужителям действовать, как они сочтут за лучшее (III, 21). Случалось, Константин заходил на соборы епископов, в качестве частного человека, интересуясь тем или другим вопросом, подлежащим церковному обсуждению; он являлся запросто, не имея ни свиты, ни телохранителей; следил за прениями членов собора, выражая иногда свое согласие или несогласие с рассуждающими (I, 44). Дела епископов или пасторские предначертания Константин, именовавший себя "сослужителем" епископов, считал за дела и предначертания близкие своему сердцу.

* Сократ. Церковная история. I, 10.

С каким великим уважением и расположением Константин относился к предстоятелям Церкви, это еще яснее открывается из нижеследующих фактов.

Евсевий говорит, что царь в отношении к иерархическим лицам "выражал услужливость и отличное уважение, в речах с ними показывал смиренномудрие" (I, 42). Такое расположение к указанным лицам царь многократно доказывал самим делом. С Константином раз был такой случай: "какие-то сварливые люди вознесли обвинение на некоторых епископов, и свои доносы подали царю письменно. Царь принял это и, сложив все в одну кучу, запечатал своим перстнем и приказал хранить. Но потом, когда собрались к нему епископы, он вынес запечатанные пакеты и сжег их на глазах епископов, утверждая с клятвой, что он не читал ничего тут написанного; не надобно, говорил он, поступки иереев делать общеизвестными, чтобы народ, получив отсюда повод к соблазну, не стал грешить без страха". К этим словам Константин прибавил еще следующее: "Если бы ему самому случилось быть очевидцем греха, совершаемого епископом, то он покрыл бы незаконное дело своей порфирой, чтобы взгляд на это не повредил зрителям"* . Разумеется, так поступать и так мыслить мог только человек, проникнутый благоговением перед лицами священными, а таким и был этот император. Если Константину приходилось встречаться с епископами, у которых в предшествующее гонение (Диоклетианово) был исторгнут глаз, то зная, что это служит знаком твердости в вере этих исповедников, он целовал избожденный глаз и почитал за счастье для себя поступать так** . О чем другом, как не о глубоком почтении к духовному сану, свидетельствует следующий рассказ, дающий понять, что царь перед лицом епископа считал себя ничем не отличным от прочих мирян, хотя бы самого низшего сословия. "Одобряемый любовью царя к божественному, однажды я, - говорит о себе Евсевий Кесарийский, - просил позволения предложить, в его присутствии, слово о гробе Спасителя, и он внимал моему слову со всей охотой. В кругу многочисленного собрания во внутренних покоях дворца он слушал его вместе с прочими стоя. Мы предложили было ему сесть на приготовленном для него царском троне, но он не согласился и с напряженным вниманием разбирая, что было говорено, подтверждал истину догматов веры собственным свидетельством. Так как времени прошло уже много, а речь еще длилась, то я хотел было прервать слово, но он не позволил и заставил продолжать до конца. Когда же просили его сесть, снова отказался, прибавив на этот раз, что слушать учение о Боге с небрежением было бы неприлично и что стоять для него полезно и удобно" (IV, 33). И другими разнообразными способами царь заявлял свою почтительность к епископам. Одним из самых видных способов этого рода было то, что Константин любил разделять свою царскую трапезу с епископами, особенно по случаю каких-нибудь торжественных событий в его жизни. Один случай трапезования царя с епископами Евсевий описал с живым чувством очевидца и участника. По случаю двадцатилетнего юбилея своего царствования,

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org Константин устроил торжественный пир. Главными гостями на пиршестве были епископы. Пиршество было устроено во дворце; вокруг дворца расположена была почетная военная стража. Часть епископов возлегла с царем за одним столом, а прочие разместились по сторонам палаты. "Случившееся походило на сон, а не на действительность", - прибавляет восторженно историк (I, 42; II, 15). Не ограничиваясь сотрапезованием с епископами, царь одарил их различными подарками, как бы на память о своем расположении к ним; причем подарки были не одинаковы, а соответствовали достоинствам одаряемых (III, 16). Выражением благоговения Константина к епископам служит, наконец, и переписка с этими лицами. Константин охотно получал письма от епископов и с удовольствием сам писал к ним письма. В своих письмах к епископам, а таких писем очень много, царь называет их не иначе, как возлюбленными братьями. Он в необходимых случаях писал письма ко всем главным епископам провинций, т.е. митрополитам (II, 46). Но преимущественным своим доверием и уважением он отличал следующих епископов: Евсевия Кесарийского, которого он признавал "достойным епископства над всей Церковью" (слова самого Константина: III, 61); св. Афанасия, епископа Александрийского, которого царь хвалил за "благоразумие и постоянство"****, Макария, епископа Иерусалимского, которого он называл своим "возлюбленным братом" (III, 52). Все эти письма христианского императора сохранились до нашего времени. Нельзя не упомянуть и о том, что царь, услышав о великих подвигах египетского отшельника св. Антония, писал и к нему письмо от своего лица и своих детей; здесь Константин величал Антония своим "другом" и признавал его "отцом" своим. В ответ на почтительное письмо царя Антоний просил последнего об одном (Константин выражал желание удовлетворить всем нуждам Антония), - чтобы царь был человеколюбив, заботился о правде и неимущих****.

* Феодорит. Церковная история. I, 11. ** Там же. *** Афанасий Великий. Защитительное слово против ариан//Творения. Т. I. С. 278-280. **** Созомен. Церковная история. Кн. I, гл. 13; Афанасий Великий. Жизнь Антония//Творения. Т. III. С. 273.

Отличаясь глубоким религиозным чувством и имея таких друзей, как епископы, Константин, конечно, должен был устраивать свою обыденную жизнь сообразно с требованиями благочестия и святости. Так действительно и было. Константинопольский дворец, в котором проводил жизнь царь, стал явным отображением христианских расположений Константина. Все в этом царском жилище носит печать новых религиозных начал. "В царских чертогах Константин устроил род церкви Божьей. Личное его усердие к благочестивым упражнениям сделалось примером для других". Он часто совершал молитвословия, приглашая к участию в них и весь свой двор (IV, 17). Из числа прочих дней недели с преимущественным благоговением он проводил день воскресный и пятницу. В пятницу, как и в воскресенье, он оставлял обычные свои занятия и посвящал этот день на служение Богу (IV, 18). Вообще дворец Константин был не похож на дворцы прежних римских государей. Здесь не слышно праздной "болтовни", не видно шумных и суетных увеселений; здесь слышатся теперь "гимны славословия Богу"; тон придворной жизни сообщают священники*. Даже придворная прислуга, лейб-гвардия отличаются правилами христианского благочиния и проникнуты благочестивым настроением. Разумеется, хозяин чертогов сам озаботился о том, чтобы царские слуги и телохранители были взяты из числа лиц, достойных быть вблизи благочестивого венценосца. Это были люди лучших нравственных качеств. "Служителями его (Константина) и споспешниками, равно как и стражами всего его дома, были мужи посвященные Богу, люди украшенные чистотой жизни и добродетелью; самые копыеносцы, верные телохранители руководились примером благочестия царя"**. Христианин - хозяин дворца наложил христианскую печать на всех служащих при дворце. Украшения дворца - и те стали вестниками, что в нем живет христианский государь. Одна из лучших палат дворца украсилась драгоценной мозаикой в христианском вкусе. "Любовь к божественному столь сильно обладала душой царя, что в превосходнейшей из всех храмин царских чертогов в вызолоченном углублении потолка, в самой середине его он приказал сделать великолепное изображение знамения спасительных страданий Христа; изображение было составлено из различных драгоценных камней, богато оправленных в золото" (III, 49). Каждый ступивший на ступени крыльца, ведшего во дворец, сейчас же должен был заметить, что он входит в жилище царя-христианина. Над дверями царских палат была утверждена картина, сделанная из воска и расписанная цветными красками. Картина изображала следующее: лик императора

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org Константина, над главой его крест, а под ногами его дракон, низвергающийся в бездну. Смысл картины такой: "фигура дракона указывала на тайного врага рода человеческого, которого Константин в лице гонителей христианства – языческих императоров, низвергнул в бездну гибели силой спасительного знамения, помещенного над главой изображения императора". Картина с умыслом была поставлена на внешней стороне дворца, – "напоказ всем", чтобы все знали, что владыка вселенной – почитатель христианского Бога (III, 3).

* Евсевий. Похвальное слово Константину, гл. 10. ** Он же. Жизнь Константина. Кн. IV, гл. 18; Похвальное слово Константину, гл. 9.

Множество государственных занятий императора вселенной не отнимали, однако же, у него время, нужное для обсуждения дел, на совершение которых указывало его христианское сердце. В этом отношении заслуживают внимание заботы царя о благосостоянии и украшении христианских храмов. Во многие из христианских храмов он приказывает посылать богатые денежные вклады (I, 42). Весьма значительную сумму денег он распорядился послать на нужды африканских Церквей*. Думы благочестивого царя иногда обращались на такие предметы, о которых до него никто не заботился. Так, его заботами о славе христианского имени открыто в Иерусалиме место погребения Спасителя. Обдуманность, с какой он исполнял это дело, невольно поражает исследователя религиозной деятельности Константина. Царь не просто приказал разрушить языческий храм, построенный на месте Гроба Господня, и копать землю, пока не будет обретена священная пещера, но он дал распоряжение, чтобы материалы разрушаемого храма были относимы как можно дальше от места погребения Христа. Царь, очевидно, хотел, чтобы ничто оскверненное идолослужением не прикасалось священнейшего в глазах христиан места (III, 26-27). А решившись на этом месте выстроить великолепный храм, он следил из своего далека за исполнением дела с такой внимательностью, с какой может следить лишь преданный своему искусству архитектор. Об этом лучше всего могут дать понятие следующие строки из письма Константина к епископу Иерусалимскому Макарию: "что касается возведения изящной отделки стен (храма), то знай, что я заботу об этом возложил на правителей Палестины. Я озаботился, чтобы их попечением немедленно доставляемы были тебе и художники, и ремесленники, и все необходимое для постройки. Что же касается колонн и мраморов, то какие признаешь ты драгоценнейшими и полезнейшими, – рассмотри обстоятельно, и нимало не медля пиши мне, чтобы из твоего письма я видел, сколько каких требуется материалов, и отовсюду доставил бы их. Сверх того, я хочу знать, какой нравится тебе свод храма – мозаичский или отделанный иначе. Если мозаичский, то прочее в нем можно будет украсить золотом. Твое предпочтение пусть в самом скором времени известит упомянутых правителей, сколько потребуется ремесленников, художников и издержек. Постарайся так же немедленно донести мне не только о мраморах и колоннах, но и о мозаике, какую признаешь лучшей" (II, 31-32). Константин сам придумал, что храм хорошо будет украсить, между прочим, двенадцатью колоннами, наверху которых находились бы вылитые из серебра вазы; таких колонн было поставлено 12 по числу апостолов (III, 38). Всякий слух, какой доходил до ушей царя, и какой в том или другом отношении касался памятников веры, – сильно занимал царя и вызывал его на соответствующие делу распоряжения. Так, до него дошел слух, что под дубом Мамврийским в Палестине совершаются языческие жертвы. Известие это заставило его тотчас же отдать приказ, чтобы впредь ничего такого совершаемо не было на месте, где жил Авраам. Отдавая указанное распоряжение, царь сообщает о нем Евсевию Кесарийскому и замечает: "А если кто будет по-прежнему осквернять то место языческими жертвами, об этом прошу немедленно извещать меня письмами, чтобы обличенного, как преступника закона, подвергнуть строжайшему наказанию". Царь не находит для себя обременительным заниматься письмами, касающимися хотя чего и не важного, но имеющими отношение к предмету его религиозных попечений. Место Мамврийского дуба Константином украшено храмом (III, 52 – 53). Можно сказать, что Константин не пропускал ни одного случая, чтобы выразить свою заботливость о славе христианской веры. На что другой не обратил бы никакого внимания, вследствие кажущейся неважности дела, и на это простиралась религиозная попечительность государя. Так ему пришло на мысль, что следует экземпляры Библии, принадлежащие храмам, облечь в великолепные переплеты, – и он распорядился о приведении в исполнение своей мысли (III, 1). Язычники, зная о такой, по видимому мелочной, заботливости императора о делах христианской религии, порицали его и смеялись; они находили, что он принимает на себя

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org такие занятия, которые не принадлежат к кругу деятельности государя, в особенности великого государя**. Так изумительна представлялась людям IV века религиозная ревность Константина!

* Евсевий. Церковная история. Кн. X, гл. 6. ** Евсевий. Похвальное слово Константину, гл. 11.

Кроме забот о внешнем возвеличении христианской религии, Константин изыскивал пути к утверждению христианства в сердцах людей, насколько это было возможно в его положении. Он не отказывался прямо учить людей христианскому боговедению. Это составляет замечательную черту в жизни Константина. Но для того чтобы учить других истинам христианской религии, нужно самому быть хорошо образованным вообще и знать христианское богословие в частности. И мы действительно видим, что Константин прилагал немало труда о своем просвещении для того, чтобы принять на себя ответственную обязанность наставника и руководителя других в области христианского учения. Евсевий хвалил в Константине, помимо других качеств, и его ученость (I, 19), и не без основания. Первый христианский император принадлежал к лицам просвещенным. Его знания были средством к достижению высших религиозных целей. Он знал философию, ознакомился с греческими философами Платоном, Сократом, Пифагором*, но свое знание философии старался подчинить религиозному ведению. Он, например, хорошо понимал, что Платон есть "наилучший из всех философов"; однако Константин не обольщался этой философией, потому что ему известны были слабые стороны философской системы Платона, - в особенности по сравнению с христианским Откровением**. Он был не чужд знания классической поэзии, но не разделял восторгов язычников, слишком высоко ставивших своих поэтов. По воззрению Константина, поэты не могут считаться учителями религиозной истины, какими их считали язычники, потому что в их творениях так много очевидной лжи, не свойственной тому, кто возвещает истину о божественной природе***. Из поэтов Константин отдавал полное предпочтение лишь одному Вергилию, ибо у римского поэта Константин, подобно некоторым христианским ученым древности, находил предсказания относительно христианских событий, например о рождении Спасителя от Девы, о наступлении блаженных времен для бедствующего рода человеческого. Вергилия он называл "мудрейшим из поэтов" и пользовался его творениями для доказательства христианского учения о приготовлении рода человеческого к принятию Искупителя****. Константин изучал книгу Сивилл, имевшую значение священной книги для язычества. Этой книгой венценосный ученый интересовался не потому, что произведение это имело такую важность в языческом мире, но потому, что древнехристианские учителя находили в ней прикровенные указания на времена и явления христианские. Константин занимался книгой Сивилл в интересах христианства*****. Но больше всего и усерднее всего царь занимался изучением Св. Писания и различных вопросов, имевших отношение к христианскому богословию. Об этом отчасти можно составить себе понятие по тем вопросам, какие занимали его богословствующий ум, и на какие он давал посильное решение. Например, ему представлялись вопросы: возможно ли Богу сделать человеческую волю лучшей и более кроткой, в чем сомневались некоторые скептики его времени. Откуда произошло название Сына Божия? Что это за рождение, когда Бог только один и чужд всякого смешения? Или: сколько основательности во мнении, высказываемом некоторыми нечестивцами, что Христос наш был осужден справедливо и что Виновник жизни сам на законном основании лишен был жизни?***** Конечно, нужно иметь очень пытливый богословский ум, чтобы обращать внимание на такие богословские вопросы, как сейчас указанные. При изучении Священного Писания Константина в особенности занимали вопросы о ветхозаветных пророчествах и их исполнении. Значит, он был толкователем Св. Писания. Его толкование приобретает особенный интерес в том отношении, что при толковании ветхозаветных пророчеств он пользуется, как средством уяснения пророчеств, личными наблюдениями над исполнением их, личным опытом. Так, читая пророчество Иеремии, что Мемфис и Вавилон опустеют и с отечественными своими богами останутся необитаемыми (Иер. 46, 19), царь находил, что это предсечение пророка исполнилось во всей точности. "И это говорю я не по слуху, - замечает венценосный экзегет, - но утверждаю, как самовидец: я сам был очевидным свидетелем жалкой участи тех городов"*****. Константин не оставлял без внимания и современную ему христианскую литературу. Он читал произведения этой литературы, насколько представлялся тому случай. Несомненно, с некоторыми из современных ему епископов Константин вошел в

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org очень близкие отношения главным образом потому, что ценил их христианскую ученость. По этому именно побуждению он был дружен, например, с Евсевием Кесарийским (III, 60). От Евсевия он получал богословские сочинения, написанные этим епископом, читал их с живым удовольствием и поощрял автора к дальнейшим трудам на этом поприще. Обо всем этом свидетельствует следующее письмо от царя к Евсевию. Получив от этого последнего сочинение о Пасхе и прочитав его, царь пишет Евсевию: "Изъяснить важный, но затруднительный вопрос о праздновании и происхождении Пасхи, есть дело весьма великое; ибо выражать божественные истины бывают не в состоянии и те, которые могут принимать их. Весьма удивляясь твоей любознательности и ревности к ученым трудам, я и сам с удовольствием прочитал твой свиток, и многим, искренно преданным божественной воле, приказал сообщить его. Поэтому, видя, с каким удовольствием принимаем мы дары твоего благоразумия, постарайся как можно чаще радовать нас подобными сочинениями, к которым ты приучен самим воспитанием; так что, когда мы побуждаем тебя к этим привычным занятиям, то мы только поддерживаем твои собственные стремления. Столь высокое мнение всех о твоих сочинениях показывает, что тебе небесполезно было бы иметь человека, который твои труды переводил бы на латинский язык, хотя такой перевод большей частью не может выражать красот подлинника" (IV, 34-35).

* Constantini Oratio ad sanctorum coeternum (Константин Великий. Речь к обществу верных), гл. 9. ** Там же. *** Там же, гл. 10. **** Там же, гл. 19-20. ***** Там же, гл. 18. ***** Там же, гл. 11-13. ***** Константин Великий. Речь к обществу верных, гл. 16.

Обладая значительными богословскими познаниями и начитанностью в богословской литературе, Константин хотел делиться своими религиозными сведениями с окружающими. В его константинопольском дворце, по его приглашению, нередко собиралось многочисленное собрание для того, чтобы слушать царя, излагавшего "боголепное", т.е. христианское учение для общего назидания и просвещения. Какое зрелище! В середине многочисленного собрания в великолепном дворце восседает царь, владыка всемирной империи, держит обширную речь, посвященную раскрытию истин христианской религии; все с глубоким вниманием слушают проповедника в короне и порфире. Вот он коснулся в своей речи одного из величайших догматов христианства; чувство благоговения наполняет сердце оратора, он считает неприличным о таком священном предмете вести речь в сидячем положении; он встает... лицо его поникло... слова выговариваются медленнее... голос понижается. Он понимал, что теперь он ведет не просто беседу о религиозных вопросах, но посвящает предстоящих в самые тайны божественного учения... Кто же слушатели богословских лекций Константина? Простой народ византийский: каждый из простолюдинов, желавший "понимать веру", мог идти и слушать богословствующего царя; затем слушателями венчанного оратора были все придворные, слуги его; затем философы и ученые, и даже не одни христианские, но и языческие; наконец, христианские священники и епископы... Богословские и публичные лекции царя нередко вызвали в слушателях чувство восторга и восхищения, производили могучее впечатление. И дворцовая аудитория оглашалась одобрительными криками в адрес оратора... Царь прервал на минуту свою речь, для того чтобы умерить шумный восторг слушателей и внушить, что "похвалами чествовать надлежит одного Царя всяческих" - Бога*. Для нашего времени может представляться изумительным и странным такое зрелище: царь во дворце произносит религиозно-нравственную речь, - его слушает простой народ, христианские и языческие философы, епископы. И это правда. Но в быту византийских христианских императоров встречалось много такого, что на наш современный взгляд показалось бы странным, непонятным и неуместным. Что сказали мы, если бы православный государь облекся в саккос и омофор, если бы в руках его мы увидели во время литургии дикирии, если бы, при вступлении в общественное собрание, он стал благословлять народ архиерейским благословением, если бы певчие стали возглашать ему: исполла?*** Все это показалось бы нам выходящим из ряда вон, необыкновенным, аномалией. И, однако, все это было в Византии, и никто этому не изумлялся. Поэтому нас несколько не должно поражать стремление Константина Великого наставлять народ в тоне и духе церковного учителя. Другие времена - другие нравы.

* Евсевий. Жизнь Константина. Кн. IV, гл. 29; Константин Великий. Речь к обществу верных, гл. 2. ** Лебедев А. П. Очерки внутренней истории Византийско-Восточной церкви. М., 1878. С. 75-78.

Сообщим некоторые подробности о религиозном учительстве первого христианского императора. Константин, произнося свои поучения, смиренно сознавал, что дело христианского учительства есть дело нелегкое, и просил в его беседах ценить выше всего то благое расположение, с каким он берется за этот труд. "Внимайте благосклонно вы, искренние почитатели Бога, - говорил он, обращаясь к своим слушателям, - внимайте не только к слову, сколько истине слов, и взирайте не на меня, лицо говорящее, а на благочестивое мое расположение; ибо какая будет польза в словах, если вы не будете уверены в сердечных расположениях говорящего к вам? Может быть, я решаюсь надело трудное, но причиной такой решимости служит укорененная во мне любовь к Богу, - она да укрепит робкого. При этом я испрашиваю себе помощи у вас, особенно у сведущих в божественных таинствах, чтобы, следя за мной, вы исправляли всякую погрешность, если какая случится в словах моих. Высшее внушение от Отца и Сына да поможет мне ныне высказать то, что положили Они мне на язык и сердце"*.

Учитель, прежде чем начать изложение христианских истин, обращался с молитвенным воззванием к Подателю всех благ - Христу. "Ты, Христе, Спасителю всех, - зывал Константин, - споспешествуй моей ревности по благочестию, Сам приди и, указуя мне образ благоговейного вещания, укрась мое рассуждение о Твоей силе"**. Можно составить себе определенное понятие и о том, о чем говорил царь со своими слушателями. Темами его поучений было обличение заблуждений многобожия, причем наставник доказывал, что суеверие у язычников есть обман и прикрытие безбожия; учение о мироправящем Божестве или о всеобщем и частном Промысле; учение о домостроительстве нашего спасения, причем раскрывалось, что домостроительство должно было совершиться так, как оно и совершилось; истина правосудия Божия. Иногда его речь переходила на практическую почву. Он говорил против корыстолюбивых правителей, хищников и любостя-жателей. Царь при этом имел в виду обличить и наставить на путь правый того или другого из его подчиненных, замеченного в алчном корыстолюбии и присутствовавшего на царских собеседованиях. Император раскрывал мысль, что, вручая управление известной областью тому или другому лицу, он вручает ее не по своей, а по Божьей воле, а потому хищник некогда должен будет дать отчет в своих делах Великому Царю. Обличения императора попадали в цель, - виновные смущались и потупляли глаза. Обличительные поучения царь говорил нередко. Но, по замечанию историка, к сожалению, царские вразумления не всегда производили должное действие: обличаемые, казалось, раскаивались, но на самом деле продолжали грабить лиц, вверенных их управлению (IV, 29). Раз августейший проповедник в обычном собрании слушателей во дворце произнес речь в память какого-то усопшего (*funebrem orationem*); в ней он подробно раскрыл учение о бессмертии души, рассуждал о людях, проведших свою жизнь благочестиво, и о благах, которые Бог уготовал избранным Своим; в заключение распространился и о том, какая участь ожидает нечестивых и в особенности не принимающих христианства, - язычников, поклоняющихся многим богам. Речь государя произвела заметно сильное впечатление на слушателей. Пользуясь этим впечатлением, царственный наставник спросил одного языческого философа, бывшего в числе слушателей, что он думает о слышанном. Спрошенный не мог не похвалить сказанного царем против многобожия, хотя он и понимал, что, хваля царя, он тем самым порицает себя (IV, 55).

* Константин Великий. Речь к обществу верных, гл. 2. ** Там же, гл. 10.

Ревнуя о христианско-религиозном воспитании народа, царь в свободное от правительственных дел время составил молитву, которую потом приказал читать солдатам в воскресный день (IV, 20). Трогательна также забота царя о богослужбных нуждах жителей константинополя, трогательна по той крайней обдуманности и внимательности, с какой царь хочет удовлетворить насущной потребности. Оказалось, что в Константинополе с умножением христиан умножались и церкви, но не все церкви имели употребляющиеся при богослужении книги Священного Писания. Как скоро царь узнал об этом, сейчас же написал к Евсевию Кесарийскому следующее письмо, в котором царь,

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org кажется, не забыл ни о чем относящемся к делу. "Прими со всей готовностью наше решение, - писал Константин. - Мы заблагорассудили, чтобы ты приказал опытным, отлично знающим свое искусство писцам написать на выделанном пергаменте пятьдесят экземпляров книг, которые было бы удобно читать и легко переносить с места на место. В этих книгах должно содержаться Божественное Писание, какое, по твоим представлениям, особенно нужно иметь и употреблять в храмах. Ради этой цели нами послана грамота к правителю округа, чтобы он озаботился доставкой всего нужного для их приготовления. Наискорейшая переписка их будет зависеть от твоих хлопот. Для перевозки переписанных книг, это письмо наше даст тебе право взять две общественные подводы, на которых прекрасно изготовленные свитки легко будет тебе доставить ко мне. Такое дело исполнит один из диаконов твоей Церкви, и по прибытии его к нам мы наградим его как следует". Отсюда с полной очевидностью видно, как близки были душе царя религиозные нужды жителей столицы, сограждан Константина. Разумеется, Евсевий немедленно исполнил царскую волю, - он приказал изготовить роскошные свитки Священного Писания и послал их по назначению (IV, 34, 36-37).

Укореняя истины христианского исповедания и дух благочестия в окружающих его лицах и в народе царствующего города, Константин усердно старался утверждать дух христианского благочестия, - что наперед можно предполагать, - и в своем семействе, в сердцах своих детей. Об этом сохранилось немного известий, но зато они с полной ясностью свидетельствуют о ревности царя сделать своих детей подражателями благочестия отца. Лишь только дети Константина достигли того возраста, когда начинается обучение, он "приставил к ним учителей, мужей известнейших своей набожностью" (IV, 51). В основу воспитания наследников положены христианские начала. Особенно был известен глубоким христианским просвещением учитель старшего сына Константина Криспа - Лактанций, этот замечательный христианский писатель и апологет, имя которого занимает почетное место в списке ученых мужей древнелатинской Церкви*. Но самым лучшим руководителем детей Константина на поприще благочестия, конечно, был сам Константин. По свидетельству Евсевия, царь "посредством личных наставлений питал своих детей божественным учением", внушал им подражать его собственному благочестию (IV, 52). Весьма вероятно, что дети Константина были постоянными слушателями его религиозных беседований, о которых мы говорили выше. Главными правилами, которые старался царственный отец внушить своим детям, были такие: познание Царя всех - Бога и благочестие нужно предпочитать и богатству, и самому царству; надлежит иметь попечение о Божией церкви; нужно открыто и неоязненно исповедовать себя христианами. Внушая им такие и подобные правила в личных беседах, Константин брал на себя труд наставлять детей своих и посредством писем, если они предпринимали путешествия. Отчасти под влиянием отеческих уроков, а частью по собственному побуждению, дети царя "в самих царских чертогах, вместе со всеми домашними исполняли церковные уставы", то есть предавались благочестивым упражнениям. По распоряжению царя, их окружали люди преданные христианской религии, как бы крепкие стены (IV, 52).

* Иероним. О знаменитых мужах, гл. 80.

Кроме религиозности были и другие привлекательные черты в его жизни. Евсевий восхваляет Константина за незлобие сердца, скромность, правдивость и кротость. В доказательство его незлобия Евсевий указывает на следующее: "Некоторые негодовали на Константина, хоть он и не подавал к тому повода; и он сносил это незлобиво. В спокойных и мягких выражениях он советовал таким лицам одуматься и не волноваться. Одни из таких лиц, - по рассказу историка, - вразумляемые его убеждениями, изменялись; но другие по-прежнему оставались в злобе и не хотели слушать внушений. Таковых царь не тревожил, предоставляя их суду Божьему, так как не желал никого и ничем оскорблять" (I, 45). С особенной выразительностью тот же Евсевий отмечает необыкновенную скромность государя. Император отнюдь не надмевался своей царской властью, ибо он понимал, что нет оснований гордиться и тщеславиться тем, что дано лишь на время и притом короткое. Он сравнивал себя с пастухом: как пастух не может гордиться своей властью над животными, так и царь, управляя людьми, должен быть чужд превозношения, тем более что управлять людьми гораздо труднее и беспокойнее, чем стадом животных. Многочисленные войска, блестящая личная охрана, раболепствующие толпы народа тоже не давали царю забыть, возмечтать о себе как о существе, не

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org равно с прочими людьми: царь помнил, что, несмотря на все это, он такой же человек, как и все прочие. По причине скромности, он не любил таких шумных восторгов, к каким прибегала толпа при виде своего властелина. В Римской империи народ в знак приветствия, при появлении царя, имел обыкновение выкрикивать какие-либо лестные для него выражения. Но Константину эти шумные восторги не доставляли удовольствия: "Они наводили на него скорее скуку, чем доставляли удовольствие"* . Правдивость и искренность, по свидетельству Евсевия, были отличительной чертой Константина: "Царь, что возвещал, то и делал" (I, 6); его слово не расходилось с делом. А указывая на кроткий нрав Константина, Евсевий признавал его самым кротким человеком и не сомневался, что подобного ему трудно найти (I,46).

* Евсевий. Похвальное слово Константину, гл. 5.

Из других нравственных личных качеств Константина следует упомянуть о его необычайном трудолюбии, простоте и воздержанности в жизни. Его трудолюбие было явлением поразительным. Константин никогда не был празден, от одного дела он переходил к другому. Даже в преклонных летах он был неутомимо деятелен; он "или писал речь, или своим слушателям преподавал христианское учение, или составлял законы то военные, то гражданские, и придумывал все способы к общей пользе людей" (IV, 55). Он писал такое множество писем к епископам, начальникам областей и другим лицам, что Евсевий не мог не удивляться самоотвержению царя (III, 24). Константин не считал для себя бременем писать собственноручные обширные законодательные акты (IV, 47). Самые разнообразные вопросы занимали его ум и на каждый из них он дает соответствующее решение. Он хочет, чтобы мысль его была понятна во всей точности, и не отказывается войти в подробные объяснения хотя бы с ремесленником (I, 30). Внешний блеск не прельщал Константина, – он не мог без улыбки видеть такого наивного изумления, с каким народ смотрел на его парадные царские украшения из золота и драгоценностей. Он знал истинную цену всех подобных украшений; он понимал и давал знать другим, что и золото, и серебро, и драгоценные камни – все же камни и вещи, без которых так легко обойтись. В домашней жизни он избегал подобных украшений. Стол его не отличался изысканностью и роскошью. Изысканные блюда он предоставлял другим, чревоугодникам, а не себе; он находил, что лакомые блюда кроме вреда для здоровья ничего не приносят. Еще менее расположен был он употреблять "опьяняющие и хмельные напитки; он хорошо знал, что крепкие напитки помрачают рассудок и путают мысли".

Находясь на высоком уровне нравственного развития, Константин хотел поднять до того же уровня и лиц, с которыми ему приходилось вступать в соприкосновение. Один вельможа заявил себя лихоимством, тяжело падавшим на народ, которым управлял этот сановник. Константин захотел обличить его и усювестить, и сделал это следующим остроумным способом: царь взял его за руку и сказал: до каких еще пределов будем простирать свою алчность? Потом, очертив копьем, которое случайно держал в руке, на земле пространство в рост человеческого тела, промолвил: если приобретешь ты все богатства мира и овладеешь всеми стихиями земли, и тогда не унесешь ничего более этого очерченного участка, да и то если получишь его (IV, 30). Другой случай: Константин не любил лести и желал отучить от этой склонности других, считающих льстивость делом позволительным. Раз Константину пришлось вступить в беседу с одним из высших духовных лиц. Имея намерение доставить удовольствие государю, это духовное лицо позволило себе назвать Константина "блаженным" и затем добавило: "Царь и в сей жизни удостоился самодержавного над всеми владычества и в будущей станет управлять вместе с Сыном Божьим". Константин выслушал эти слова с неудовольствием и заметил, чтобы он впредь не произносил подобных похвал, а лучше бы молился о нем, царе, да удостоится он в будущей жизни быть рабом Божьим (IV, 48). К сожалению, замечает историк, старания Константина возвысить нравственный уровень лиц, к которым обращались его обличения и вразумления, редко достигали своей цели (IV, 30).

Константин отличался великой любовью к человечеству и благотворениями. Как ни славен был в этом отношении отец Константина Констанций, но человеколюбие сына затмило человеколюбие отца. "Константин с самого начала своей исторической деятельности привлек к себе сердца многих, и все уверены были, – по словам одного современника, – что он превзойдет своего отца в

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org добросердечии и милосердии"* . И ожидания народа действительно не были обмануты. Константин настолько был незыскателен и человеколюбив, что некоторые даже порицали его за эти качества, как неуместные в том положении, какое занимал Константин (IV, 31, 54). Его человеколюбием даже подчас злоупотребляли, втирались в его доверие, но оказывались не заслуживающими царского расположения. Милосердие царя обнаруживалось нередко в таких фактах, которые кажутся почти невероятными, несмотря на их историческую достоверность. Так непривычно встречать в людях такие поступки, какие отличали человеколюбивого царя. Война в то время имела варварский характер. Победители не знали, что такое милосердие. Побежденный враг обыкновенно делался добычей меча. Желая смягчить жестокие нравы воинов, Константин сделал такое распоряжение: всякий из его воинов, доставивший царю военнопленного врага целым и невредимым, получает определенное вознаграждение золотой монетой. Понятно, к чему повело такое распоряжение: "Целые тысячи варваров, искупленные царским золотом, были спасены от смерти" (II, 13). Столь же необычно Константин относился и к лицам, проигравшим процесс, касавшийся каких-либо их имущественных прав. Если случалось, что судебный процесс двух тяжущихся из-за имущества лиц восходил на рассмотрение самого царя и ответчик проигрывал свое дело, то Константин, чтобы доставить утешение потерпевшей стороне, давал человеку, понесшему ущерб, или деньги, или какие-либо вещи из собственной личной казны. Ему доставляло удовольствие видеть радующимся то лицо, которое по закону терпело убытки. "Такое великодушие царя возбуждало общее удивление" (IV, 4). Император всегда был готов преложить гнев на милость, если за какого-либо преступника являлся ходатаем перед царем человек, достойный уважения по своим добродетелям. Однажды был такой случай. Некто из телохранителей царя, к которым он питал особенное доверие, совершил какой-то тяжкий проступок. Константин приговорил виновного к тяжелому наказанию. Но преступник убежал, припал к ногам одного подвижника, Евтихиана, и умолял его испросить ему пощады у царя. Подвижник, тронутый просьбами виновного, лично обратился к царю и исходатайствовал прощение преступнику**.

* Лактанций. О смерти гонителей, гл. 18. ** Сократ. Церков. история. Кн. I, гл. 13.

Благотворения щедролюбивого царя лились широким потоком, ибо, по выражению историка, Константин "с утра и до вечера изыскивал, кому бы оказать благодеяние и благотворение" (IV, 27). Евсевий так описывает деяния щедролюбивого государя: "Он раздавал много денег бедным, оказывал благодеяния приходившим к нему за помощью иноверцам, а нищих и брошенных на произвол судьбы, собиравших милостыню на площадях, приказывал снабжать не только деньгами, но и необходимой пищей и приличной одеждой; тем же, которые, прежде жив хорошо, впоследствии испытали неблагоприятную перемену обстоятельств, помогал с еще большей щедростью, оказывал истинно царские благодеяния, например, дарил земли. О детях, подвергшихся несчастью сиротства, он заботился вместо отца; участь жен, испытывающих беспомощное вдовство, царь облегчал собственным покровительством; а дев, лишившихся родителей и осиротевших, даже выдавал замуж за известных ему и богатых людей, и делал это, наперед дав невестам все, что нужно было для приданого" (I, 43). Особенно много делал Константин благотворения в день Пасхи. Константин, скажем мимоходом, ввел обычай, чтобы в пасхальную ночь по всем улицам Константинополя возжигались восковые столбы, "как бы огненные лампы", так что "таинственная ночь становилась светлее самого светлого дня", а лишь только наступало утро, царь ко всем неимущим простирал свою благодающую десницу, раздавая им всякого рода подарки (IV, 22). С такой щедростью раздавалась милостыня царем и по случаю радостных семейных событий, например, по случаю брака его сыновей (IV, 49).

Развлечения царя носили характер скромности, благоразумия и полезности. К физическим его развлечениям принадлежали: езда верхом, прогулки пешком, физические упражнения и упражнения с оружием. Все эти полезные развлечения он позволял себе до глубокой старости. Они предохранили его от болезней и дали ему возможность до конца жизни сохранить юношескую бодрость (IV, 53). Они-то настолько укрепили его силы, что он в молодости однажды вышел на единоборство со львом и остался победителем*. По случаю радостных событий в семействе мы видим Константина гостеприимным хозяином, душой общества. Он

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org делал распоряжения о пирах и обедах. Сам угощал роскошными снедями гостей. Здесь выходил навстречу мужчинам, там приветливо принимал женщин. Так было, когда справлялась свадьба детей Константина (IV, 49). Веселье царило во дворце и на улицах, но к нему не примешивалось ничего нескромного и соблазнительного.

* Лактанций. О смертях гонителей, гл. 24.

Оканчивая характеристику первого христианского государя со стороны религиозной и нравственной, скажем о последних днях жизни и кончине его. Последние дни и кончина Константина служат достойным завершением христианской и благочестивой жизни этого императора.

Еще задолго до смерти Константин начал готовиться к ней. Так, император построил в Константинополе храм в честь двенадцати апостолов. Храм был украшен двенадцатью ковчегами во славу лика апостолов, а посреди этих ковчегов была устроена гробница. Сначала оставалось неясным, зачем здесь поставлена гробница, но потом разъяснилось. Оказалось, что эту гробницу Константин воздвиг себе, еще задолго до смерти (IV, 60). Мысль о смерти стала предметом напряженного размышления для Константина, как скоро он начал чувствовать, что его конец не далек (IV, 55). А когда его постигла предсмертная болезнь, он всецело предался религиозным размышлениям. Известно, что в древние времена христианской Церкви многие принимали крещение и в зрелых летах или даже в старости. Происходило это из опасения, как бы соделанными после крещения грехами не прогневать Бога и не лишиться Его милостей. К числу таких лиц принадлежал и Константин. Впрочем, как сейчас увидим, у царя была и другая причина, побуждавшая его повременить с принятием крещения. Лишь только Константин почувствовал, что его телесные силы ослабевают и кончина его близка, он с ревностью начал изливать молитвы перед Богом, исповедовать свои грехи и ушаченно преклонять колена (IV, 61). Это было в городе Елеополе, где он лечился теплыми ваннами. Отсюда, ввиду сильного упадка сил, царь переправился в Никомидию, где и воспринял св. крещение*.

* Иные западные, как светские, так и церковные историки, не сочувствующие деятельности Константина, проникнутые рационалистическими наклонностями, желая поставить в неловкое положение Православную Церковь, причислившую Константина к лику святых, останавливаются с особым вниманием на том факте, что император был крещен в Никомидии; а так как известно, что в это время Никомидийским епископом был Евсевий, человек арианского образа мыслей, то указанные историки с торжеством объявляют, что, значит, Константин крещен арианом и сам есть арианин. Но историк Евсевий не говорит, что Константин был крещен Евсевием Никомидийским, а ясно утверждает, что он крестился от "собора епископов" (IV, 61). Из кого состоял этот собор – неизвестно. Весьма вероятно, что в этом соборе участвовал и Евсевий Никомидийский, но едва ли ему принадлежало здесь первенствующее место: Константинополь весьма близко от Никомидии, поэтому есть все основания полагать, что патриарх столицев. Александр приехал на собор ввиду важности дела, и занял в соборе первенствующее место. Правда, Александр был очень стар, но ведь он прожил после того еще три года, управляя Церковью. – В одном учебнике по гражданской истории (А.И. Цветкова) мы прочли известие, что Константина крестил Евсевий Кесарийский. Откуда составитель мог занять такое странное сведение? Конечно, ниоткуда. Евсевий Кесарийский тщательно отмечает, сколько раз он виделся с Константином, и не упоминает, чтобы он виделся с последним перед его смертью. Полагаем, что семинарский ученый прочел где-нибудь известие, что Константин крещен Евсевием Никомидийским, соблазнился этим, и не думая много, превратил Евсевия Никомидийского в Евсевия Кесарийского, известного церковного историка. Поступок хоть и остро-шумный, но уж никак не похвальный...

Перед крещением умирающий император сказал речь такого содержания: "Пришло желанное время, которого я давно жажду и о котором молюсь как о времени

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org спасения. Пора и нам принять печать бессмертия, приобщиться к спасительной благодати. Я думал сделать это в водах реки Иордана, где в образ нам принял крещение сам Спаситель; но Бог, ведающий полезное, удастивает меня этого здесь". Приняв крещение, Константин "ликовал духом, обновился и исполнился радости и живо почувствовал действие благодати". Он "оделся в царскую одежду, блиставшую подобно свету (белую), и опочил на ложе, покрытом белыми покрывалами, а багряницы - этого царского отличия - не хотел уже касаться" (IV, 62). Потом "возвысив голос, он вознес к Богу благодарственную молитву и в заключение сказал: теперь я сознаю себя истинно блаженным; теперь я достоин жизни бессмертной; теперь я верую, что я приобщился божественного света". Константин скончался в день Пятидесятницы, 337 года (IV, 63-64).

Еще при своей жизни Константин получил в христианской Церкви наименование равноапостольного; это наименование с тех пор навсегда упрочилось за ним в христианской истории (IV, 71). А жизнеописатель Константина, церковный историк Евсевий, воздал ему честь, наименовав его "Великим"*. С этим именем Константин известен во всемирной истории. Кроме того, Евсевий дает ему другие почетные названия, например: "чудо царь" (III, 6) и т.д.

* Евсевий. Похвальное слово Константину, гл. 1.

Константин Великий является самым типическим лицом из числа христианских византийских монархов. Все, в чем проявляется религиозность первого христианского императора, в чем выражалась его христианско-нравственная жизнь, в чем обнаружилась его любовь к Церкви и преданность священноначалию, - все это стало с тех пор образцом для подражания преемников Константина на византийском престоле. И хотя ни один из последующих византийских венценосцев не повторил своей жизнью и деятельностью Константина, не сделался таким полным воплощением религиозно-нравственного духа христианского, каким был первый византийский монарх, но многие из них, несомненно, шли по его стопам, подражая в большей или меньшей мере первообразу истинно христианского царя. Усвоить те или другие черты религиозно-нравственной жизни Константина было задушевным стремлением лучших византийских монархов. Такие византийские императоры, как Феодосии Великий, Феодосии Младший, Маркиан и особенно супруга его Пульхерия, Юстиниан Великий, Маврикий, Константин Погонат, Ирина, Феодора (IX в.), Василий Македонянин, Лев Мудрый, Константин Порфирородный, Алексей I Комнин - были, по мере возможности, носителями и выразителями религиозных свойств основателя восточной столицы Римской империи. Некоторых из упомянутых нами византийских царей и цариц, как известно, Церковь причислила наравне с Константином Великим к лику святых. Идеал истинно благочестивого христианского царя нераздельно слился в сознании позднейшей истории с именем равноапостольного Константина; поэтому, когда хотели похвалить какого-либо византийского государя, то всегда говорили: "Он - второй Константин". Так возглашали отцы Четвертого Вселенского собора, желая почтить благочестивую деятельность императора Маркиана.

Язычество и христианство по их влиянию на питомцев греческих и латинских школ II, III и IV веков

(Исторический очерк) Задача и цель этого очерка. Благожелания и напутствия, с какими отправляли язычники и христиане в школы своих детей; разность благожеланий и напутствий языческих и христианских; стремления, с которыми языческие и христианские юноши поступали в школы, и разность этих стремлений. - Характеристика преподавателей языческих школ; непривлекательные стороны учительского персонала этих школ; приятную противоположность представляли христианские наставники в своих школах. - С какими предосторожностями христианские юноши поступали в языческие школы? Какими общими правилами руководствовались, поступая в них? Что в особенности делало эти школы неопасными для их духовно-нравственного преуспеяния? - Изучение юношами разного рода наук в языческих школах: словесности или литературы, ораторского искусства, философии, истории, а также астрономии, естественной истории и медицины; важные недостатки в преподавании, особенно словесности и ораторского искусства; христианские юноши, в отличие от языческих, усваивают из всех наук лишь полезное и здравомысленное; каким образом они достигли этого? Общий взгляд на цель, к которой стремились христианские юноши при изучении наук в языческих школах.

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org – Дисциплина языческих школ: распушенность и беспорядки в школах: отчего они зависели и к чему приводили? Христианские юноши сами для себя создают правила дисциплины и верно следуют им; заботы христианских императоров о водворении правил доброго поведения в школах. – Нравственное состояние языческих школ: печальная картина нравов языческих школьников; противоположная картина нравов христианских школьников; пример дружбы христиан и сотоварищей по школе. – Плоды школьного образования христианских юношей: их высокое умственное развитие, твердость в убеждениях, сила воли, строгость жизни. Насколько во всем этом христианские юноши разнились от своих сотоварищей язычников? – Послесловие.

Господь Иисус Христос в одной из Своих кратких, но глубоко внушительных притчей, указывая на имеющее вскоре последовать распространение христианства в мире, говорил: "Царство Небесное подобно закваске, которую берет женщина и кладет в три меры муки, причем закваска заквашивает все смешение (тесто)" (Мф. 13, 33). В этой притче под Царством Небесным имеется в виду христианство и христианское учение с его благотворным влиянием на жизнь человека; под женщиной – христианская Церковь, – ее служители и вообще все ревнующие об успехах христианства; под мукой – все человечество с различными сторонами деятельности. Закваска всегда берется в небольшом количестве (малъ квасъ), но она имеет такую силу, что оказывает свое действие на сравнительно большое количество муки и вообще смеси; так и христианство, хотя оно и представлялось на взгляд неверующих иудеев и язычников ничтожным явлением, однако же своим влиянием "заквасило" все человечество, преобразовало его мысли, чувства, всю жизнь с ее многоразличными проявлениями. Далее, закваска производит свое действие не вдруг, а мало-помалу, со значительной постепенностью; так совершало свое действие в мире человеческом и христианство: оно постепенно и почти незаметно преобразовало все отношения человека. Историк, наблюдая ход распространения христианства в мире, невольно поражается глубоким соответствием между предполагаемым в притче Христа распространением христианства и действительным осуществлением этого дела в самой истории рода человеческого. Христианство постепенно изменяло все человеческие отношения, подобно тому как это бывает с закваской в отношении смеси теста. Христианство не вдруг, например, положило свою печать на многоразличные учреждения, созданные язычниками в течение многих веков и потому долго не поддававшиеся благотворному действию христианства. К числу таких учреждений историк имеет полное право отнести языческие школы; эти школы позже других языческих учреждений подвергаются освящающему и очищающему действию христианства. Наука с многоразличными ее разветвлениями обязана своим происхождением язычникам; она преподавалась в языческих школах, преподавалась языческими учителями и по книгам языческого происхождения; конечно, и дух преподавания был языческий. Все это долго так и оставалось, потому что христиане не имели возможности закрыть эти школы, – власть в Римской империи (I – III в.) принадлежала язычникам, – не имели они и желания (в IV в.) закрывать языческие школы: ведь школы давали человеку одно из лучших благ – образование. Что же нужно было делать христианам при таком положении вещей, когда, с одной стороны, они желали дать своим детям надлежащее образование, а с другой, должны были опасаться вредного влияния школ на тех же детей? Открывать свои школы, школы христианские? Но легко это сказать и пожелать, но нелегко было сделать. Христиане действительно стали открывать свои школы с христианским преподаванием; но таких школ в первое время было немного. Это зависело, главным образом, от того, что слава языческих школ не вдруг померкла; христиане сочли более целесообразным противодействовать вредному влиянию языческих школ на учащихся в них христианских детей другим способом: они устроили дело так, что христианские дети, учась в языческих школах, выносили отсюда все полезное, отстраняясь от всего вредного, усваивали лучшее и отметали худшее. Разъяснение этого и составляет предмет нашего очерка. Поставив себе такую цель, мы в то же время в возможно ясных чертах изобразим состояние языческих школ, чтобы таким образом видеть, какое влияние оказывало язычество на питомцев школ, и какое, напротив, христианство на тех же питомцев. Мы увидим, что язычество не давало питомцам школ того, чего можно и должно требовать от школ; оно извращало и представления учеников, и пагубно действовало на их нравственность; с другой стороны, увидим, что христианство и только христианство могло спасти питомцев этих школ от вредного влияния на них язычества, одно христианство просветляло их мысль и давало твердые устои для их нравственности. Мы берем для своего исследования II, III и IV века, потому что в это время особенно ясно проступает та упорная борьба между воззрениями языческими и христианскими, какие имели место в святилищах науки, труднее всего поддававшихся влиянию

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org
христианских начал – в греческих и латинских училищах римского государства.

Уже сама цель, с какой отправлялись в школы дети язычников и дети христиан, была в значительной степени не одинакова. Отправляя своих детей в школы, родители язычники желали одного, а родители христиане – другого; сами дети, если они были язычники, искали и ожидали от школы одного, а если христиане – другого. В те времена, о которых мы говорим, в языческом обществе и в языческих семействах на науку, как таковую, смотрели как на нечто второстепенное и служебное, вся цель воспитания заключалась в том, чтобы доставить детям материальное обеспечение в будущем и подготовить их к общественной жизни; и отцы с нетерпением ждали того времени, когда дети их сделаются способными к занятиям, обещавшим богатство и славу. Об истинном образовании и знаниях, приобретаемых через школы, мало заботились. Из школ спешили броситься в жизнь*. Язычники держались грубо-житейских взглядов на задачу школы, а потому вот с какими напутствиями и внушениями отпускали своих детей в школу: "Учись, – внушали они мальчику при отправлении его в школу, – чтобы сделаться славным, особенно старайся отличиться в искусстве красноречия, ибо это искусство ведет к приобретению почестей и богатств". Это было "единственным правилом" для неопытного мальчика, это было последней "целью, с какой отдавали в школу" язычники своих детей**. Язычники, отдавая своих детей в школу, желали, чтобы из мальчика вышел "изящный человек". Но что понималось под именем изящного человека? Пустой щеголь, гостинный болтун. Вот как понимали язычники изящного человека: "Изящный человек тот, кто искусно причесывает свои волосы, тот, от которого всегда пахнет корицей, кто насвистывает мелодии из александрийских и испанских танцев, кто расставляет свои гладкие руки, как будто собирается танцевать; изящный человек тот, кто целый день сидит между креслами дам и постоянно напевает какой-нибудь из них на ухо, кто пишет и получает записочки, кто знает, кто в какую девицу влюблен; изящный человек – тот, кто беспрестанно перебегает от одного пиршества к другому и кто выучил наизусть родословную знаменитых бегунов в цирке. Вот что значит быть изящным человеком", по представлению язычников***. Видеть таким своего сына желал каждый отец, каждая мать языческого семейства. К этой цели должны были вести наука, образование и школы. По признанию одного языческого учителя, школа и действительно бралась отучать питомцев от провинциальных манер и приучать их к светской ловкости: "Вместо вихирей делала голубями"****. Родители, понимая по-своему цели науки и задачу школы, не считали возможным обойтись без того, чтобы со своими неразумными требованиями не обращаться к учителям, которым они вверяли образование детей. Такая неразумная притязательность нередко выводила из терпения учителей, и они "жаловались на несправедливое притязание и глупое тщеславие родителей"; а один из таких учителей (Орбий) написал "целую книгу жалоб на суетность и неразумие родителей"*****.

* Шлоссер. Всемирная история. Рус. пер. 1862. Т. 1. IV. С. 330–331. См. также: Кожевников. Нравственное и умственное развитие римского общества во II веке. Козлов, 1874. С. 106. ** Блаж. Августин. Исповедь. Кн. I, гл. 9. *** Фридендер. Картины римских нравов. Рус. перев. СПб., 1873. Т. I. С. 214. Ср.: Августин. Исповедь. Кн. I, гл. 10. **** Письмо Либания Василию Великому//Творения Василия Великого в рус. пер. Т. VII. С. 340. ***** Фридендер. Картины римских нравов. С. 153, 155.

Не то видим у христиан. Христиане совсем не с той целью посылали своих детей в школы, с какой язычники; совсем не то внушали своим детям, когда отдавали их в школы, и если выражали свои пожелания перед учителями своих детей, то это были желания, совсем не похожие на неразумные требования и требования языческих родителей. Посмотрите: есть ли что общего между тем напутствием, с каким отпускали в школу своих сыновей язычники, и теми святыми благожеланиями, с какими благочестивый христианин IV века отправлял своего сына в школу того времени. Благочестивый отец говорит своему сыну: "Следующая песнь да будет тебе от меня напутствием: "Вождем и в слове, и в жизни своей имей Христа – Слово, которое превышает всякого слова. Не дружи с человеком порочным и негодным: зараза проникает и в крепкие члены. Добродетели своей, пожалуй, не сообщать другому, а срамота его жизни падет и на тебя. Избери себе товарищем целомудрие, и им одним увеселяйся, чтобы преступная любовь не изгнала из тебя любви добродетельной. Одно предпочитай превосходству в слове – мудрый навык всегда быть совершенным"*. Тот же

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org благочестивый христианин обещает своему сыну на прощание, что молитва родительская всегда и везде будет сопутствовать ему: "Положившись на свои собственные и родительские молитвы, - внушает отец сыну, - усердно, неуклонно и с лучшими надеждами стремись, сын, куда желаешь. На нашу жизнь призирает Божие око"**. От будущих наставников своих детей разумные христианские родители далеко не того требовали, что требовали родители-язычники. Не о том заботились они, чтобы наставники делали из их детей "изящных" молодых людей, приучали их к приятным манерам, а о том, чтобы они "самым ревностным образом" занялись своим делом, чтобы "они оказали ту милость юношам, которая заключается в приучении нравов их к добродетели"; чтобы они зорко смотрели за питомцами, так как "глаз наставника есть уже безмолвный урок"***. Христиане, давая образование своим детям, не только не ставили целью образования обогащение их в будущем, достижение житейских выгод, а даже стремились совсем к обратному. "Пусть наставники, - вот чего хотели христиане, - научат своих питомцев презирать деньги, не стараться из всего извлекать прибыль и не домогаться неправильных стяжаний - этого залога бедствий".**** Значит, христиане требовали от наставников, чтобы они воспитывали в юношах чувство истинного бескорыстия. Сами христианские дети, если они вступали в школу взрослыми, - а такими были все христианские дети, учившиеся в высших школах и составляющие предмет нашего особенного внимания, - нередко прямо заявляли, чего они ищут в школах, - и, оказывается, они искали благ высших, разумнейших. Так, один христианский питомец языческих школ говорил о себе и одном из своих товарищей, что задачей школы они поставили "нравственное обучение, что у них обоих было одно упражнение - добродетель, и одно усилие - жить для будущих надежд, к этой цели они направляли деятельность", что и "внимания достойным они не хотели почтить того, что не ведет к добродетели и не делает лучшим своего любителя", что "выше всего они ставили то любознательное, чтобы всё и ученые труды свои повергнуть перед Богом"*****. Нравственность и преданность Богу - вот что ставили главной целью школы лучшие из христианских юношей. Ничего подобного искать в душах и сердцах языческих школьников не представляется возможным. С такими-то неодинаковыми воззрениями христианские и языческие дети готовились вступить под кров школы. Но вот они уже при входе в храм науки. Что ожидало их здесь? Много ли хорошего могла дать им школа? К сожалению, учителя в школах редко стояли на высоте своего призвания. Большинство учителей принадлежало к разряду житейских неудачников, которые взяли за преподавание за неимением лучшего занятия и потому смотрели на свое дело как на неприятное ремесло. "Большая часть учителей занималась своим делом не по призванию, а по нужде и ради выгоды. Это видно из того, что между самыми знаменитыми и учеными римскими грамматиками многие обратились к этим занятиям совершенно случайно, после того как им не повезло в другом поприще. Иные положили начало своему образованию, будучи рабами или вольноотпущенниками, или сопровождая господского сына в школу. Один знаменитый учитель (Орбий) был сначала приказным служителем у одного магистрата и служил в пехоте и коннице. Другой, еще более знаменитый учитель (Валерий Проб), предался филологическим занятиям после того, как потерял надежду приобрести восторженное офицерское место. Третий был прежде кулачным бойцом. Четвертый прежде шатался по театрам и тешил публику разными фарсами. Случалось и наоборот: так, например, император Пертинакс, сын вольноотпущенника, торговавшего дровами, перешел из учительского звания, которое ему не понравилось, на военную службу. Вообще сидеть в школе и учить детей считалось, так сказать, тяжелым хлебом"*****. Желание богатства, денежной наживы - вот что больше всего заправляло деятельностью учителей и их мнимым стремлением к просвещению общества. Все их искусство имело целью единственно прославиться и обогатиться за счет других"*****. Один христианский наблюдатель положения языческих школ IV века прямо говорит, что искусство учителей "обратилось в искусство барышничать словами". "Кто учащийся делает данниками? - спрашивает тот же наблюдатель и отвечает. - Это вы, которые выставляете слова на продажу, как медовары - пряники". Чтобы хоть чем-нибудь удовлетворить одного из таких корыстолюбивых учителей, изъявлявшего, по-видимому, недовольство тем, что ему мало платят за уроки, тот же ценитель достоинства языческих учителей послал "барышнику словами" триста брусьев "по числу воинов, сражавшихся при Фермопилах"*****. Другой христианский ученый рассказывает о себе, что когда он захотел брать уроки у некоего языческого философа, то этот на первых же порах так озадачил своего нового ученика назойливым требованием денег, что ученик, исполненный возвышенных стремлений и оскорбленный таким откровенным торгашеством, сейчас же бросил школу философа"*****. Между учителями одного и того же города велось мелочное соперничество, унижавшее достоинство наставнического призвания; они больше всего заняты были тем,

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org чтобы быть популярными, чтобы о них шла молва как о людях замечательных. Как далеко простиралось их искательство в указанных отношениях, об этом дает наглядное представление следующее свидетельство одного современника: "Каждый софист (учитель), желая приобрести себе славу, домогается того, чтобы ученики спорили о нем и поднимали шум. Он всячески старается удержать около кафедры своих слушателей, а потому не одобряет ничего, сказанного другим. Положение его в высшей степени мучительно, потому что его преследует зависть, которая есть самое величайшее из душевных волнений. В городе, в котором живет и учит софист, не должно быть ни одного мудреца, кроме него; а если какой появляется, то он порицает его и всячески поносит, чтобы одному ему быть в уважении и почете. Он представляет себя сосудом, наполненным мудростью до краев, который уже ничего не может вместить более. Между тем, истинные мудрецы поступали не так"*****. Некоторые учителя позволяли себе и того более: они являлись на уроках бесстыдными, развращали нравственное чувство своих учеников. По одному заслуживающему полного доверия свидетельству, "они с наглым бесстыдством преследовали застенчивую скромность неопытных, приводя их в душевное смущение своим нахальством и тем услаждая свою злохудожную душу. Подобными своими поступками риторы (учителя) совершенно уподоблялись демонам", так что таких раторов иные звали "развратителями"*****. Главным средством, которым пользовались наставники для успешного обучения юношей, были розги, которые пускались в ход к делу и не к делу. "Трость или бич употреблялись учителем, и притом часто, для поддержания порядка в школе"*****. Розгой наказывали мальчику и тогда, когда он не понял и потому не приготовил своего урока, и тогда, когда тот же мальчик хотел позабавиться невинной игрой в мяч*****. Наказания эти были иногда так бессмысленно жестоки, что некоторые лица с великим ужасом вспоминали о них даже по прошествии десятков лет (блаж. Иероним)*****. Какую противоположность этим языческим учителям составляют учителя христианских школ II и III века! Св. Иринеи Лионский, учившийся в домашней школе св. Поликарпа Смирнского, вспоминает через десятки лет с неимоверным восторгом все подробности своей ученической жизни под кровом Поликарпа; он вспоминает о той доброте, которая отличала учителя, о том счастье, какое чувствовалось на его уроках, о том обаянии его преподавания, которое сделалось неизгладимым*****. Мог ли чем-нибудь подобным помянуть свою школу язычник? Не мог ли он, напротив, считать ее на всю жизнь чем-то постылым, ужасным кошмаром, который, слава Богу, кончился? Какое сравнение между языческими учителями и христианским школьным учителем - Оригеном! Те только и помышляли о том, чтобы прижать ученика, вытянуть из него или его родителей побольше денег за свое искусство "барышничать словами", а христианский учитель Ориген, чтобы не иметь нужды брать платы со своих учеников, продал всю свою библиотеку на условии, чтобы купивший ее выдавал ему по четыре обола (мелкая монета) в день на пропитание. Христианский учитель Ориген буквально исполнял заповедь Христа не иметь двух одежд, ходил без обуви, босой, и отклонял предложения своих друзей о материальной помощи!***** От этого-то ученики Оригена питали к нему пламенную любовь. Так, один из них (Григорий Неокесарийский, чудотворец), вспоминая о своей разлуке со школой Оригена и с самим учителем, говорил, что расставшись с ними он долго чувствовал себя "как бы Адамом, изгнанным из рая", "как бы заблудшей овцой", как бы "израильтянином в плену вавилонском"*****. Что общего, наконец, между учителями языческими и христианским учителем - Климентом Александрийским? Языческие учителя были проникнуты тщеславием и суетным желанием превзойти других, а главное - набить себе карман. Ничего такого нельзя найти у Климента. Климент в противоположность языческим школьным учителям не принял на себя святое звание наставника, не решив сначала: "Свободен ли он от предрассудков и зависти, не ищет ли он славы, не стремится ли он к другой какой награде, кроме спасения своих слушателей?"***** Когда Климент решил для себя эти вопросы (и понятно, как решил), только тогда он стал учителем, "в подражание Христу". Христианские учителя были вполне образцовыми учителями. Рано ли, поздно ли, под благотворным воздействием христианства и все учителя должны были сделаться в большей или меньшей мере такими же, как были Поликарп, Ориген и Климент. Христианские учителя изучаемого времени, без сомнения, много послужили успехам христианства, призывая языческий мир идти вслед за ними, шедшими, в свою очередь, вслед за великим учителем - Христом. Но в то время, о котором мы говорим, христианских учителей было еще немного; это был "мал квас", который еще не успел заквасить всей смеси, всего человечества с его воззрениями и идеалами. А потому многим лицам, жаждущим просвещения, приходилось стучать в дверь к "барышникам словами" - языческим риторам и софистам.

* Письмо Никовула-отца к сыну//Творения Григория Богослова в рус. пер. (1-е изд.). Т. V. С. 290-291. ** Письмо Никовула-отца к сыну//Там же. С. 239. *** Письмо Григория Богослова к Элладию//Творения. Т. IV. С. 225. **** Обличительное слово Григория Богослова на царя Юлиана//Твор. Григория Богослова. Т. I. С. 175. ***** Григория Богослова надгробное слово Василию Великому//Твор. Григория. Т. IV. С. 75-77; Стихотворение Григория о своей жизни//Твор. его. Т. VI. С. 13. ***** Фридлиндер. Картины римских нравов. С. 152. ***** Шлоссер. Всемирная история. Т. IV. С. 354. ***** Письмо Василия Великого к Либанию//Твор. Василия Великого. Т. VII. С. 339. ***** Это свидетельство св. Иустина философа//Иустин. Разговор с Трифоном, гл. 2. ***** Слова Синезия//Остроумов. Синезий, епископ Птолемаидский. М., 1879. С. 182. ***** Блаж. Августин. Исповедь. Кн. III, гл. 3. ***** Фридлиндер. Картины римских нравов. С. 153. ***** Августин. Исповедь. Кн. I, гл. 9, 13. ***** Блаж. Иероним. Апология против Руфина. Кн. I, гл. 30. ***** Евсевий. Церков. история. Кн. V, гл. 20. ***** Там же. Кн. VI, гл. 3. ***** Gregorii Neocaesariensis Oratio panegyrica in Origenem, cap. 16. ***** dementis. Stromatum. Lib. I, cap. 1.

И они стучались. Дверь отворялась охотно и широко. Но христианские юноши входили сюда с большой осторожностью. Как уберечься от тлетворного влияния языческих школ - и в то же время усвоить в них все, что требовалось для истинно образованного человека? Как одновременно достигнуть этих двух целей? Христианские юноши умели это делать. Посмотрим, как же они это делали. Прежде чем решительно переступить порог языческих училищ, они составляли себе правила относительно того, как держаться в языческих школах, твердо запоминали эти правила и поступали сообразно с ними. И успех увенчивал их предприятие. Правила же эти такого рода: "Те, кто решились посещать языческих учителей, не должны, однажды навсегда передав сим мужам кормило корабля (руководство в науке), следовать за ними, куда они ни поведут, но, заимствуя у них все, что есть полезного, должны уметь иное отбросить"*.

"Не всё без разбора нужно брать от языческих учителей, а только полезное. Ибо стыдно, отвергая вредное в пище, в науках же, которые питают душу, не делать никакого разбора, но, подобно весеннему ручью увлекающему за собой все встречающееся, нагружать тем душу"***.

Нужно поступать так же, как поступают пчелы. "Ибо и пчелы не на все цветы равно садятся, и с тех, которые посещают, не всё стараются унести, но, взяв то, что пригодно для их цели, прочее оставляют нетронутым. И христианские юноши, если будут целомудренны, собрав из языческих книг, что нам свойственно и сродно с истиной, мимо остального будут проходить. И как срывая цветы с розового куста, избегают шипов, так и в языческих книгах, воспользовавшись полезным, станем остерегаться вредного"****.

Однако не следовало оставлять вовсе без внимания и то, что было негодно для христианина, но и из этого можно было извлекать пользу. Было правило: "Из самих заблуждений извлекать полезное для христианской религии", именно - видя "худшее" (языческие заблуждения), тем с большим рвением отдавать предпочтение "лучшему" (христианству) и таким образом "немошь обращать в твердость христианского учения"*****.

Таковы общие правила, которыми руководились юноши при занятии науками в языческих школах. Более же частные правила для всеобщего пользования ими христианских юношей раскрывались христианскими писателями. Так, сочинение Василия Великого "Кюношам о том, как пользоваться языческими сочинениями", должно было быть настольной книгой для каждого христианина, искавшего образования в языческих училищах. Такое и подобное значение могли иметь и все разнообразные апологетические сочинения христианской древности. Но еще более предохраняло христианских юношей от вредного влияния школ истинно благочестивое первоначальное воспитание их в среде семейства, под руководством родителей. Такое воспитание было самым твердым ограждением юношей от тех соблазнов, какими грозила им школа. Посмотрите, например, как был воспитан Ориген. Когда он был мальчиком, отец заставлял его заучивать по несколько глав из Св. Писания и потом пересказывать. Это занятие так увлекло Оригена, что, будучи отроком, он чуть не ежедневно начал обращаться с различными экзегетическими вопросами к отцу. Отца это явно радовало и услаждало. В чувстве благодарности к Творцу, он считал себя счастливейшим отцом и нередко тайком открывал грудь Оригена и целовал ее, как "святилище Духа Божия". Известно, что Ориген под влиянием такого воспитания, не достигнув еще 16-летнего возраста, не только укреплял в вере своего отца - исповедника, но и сам

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org готов был на мученичество, если бы мать насильственно не удержала его от этого поступка*****. Кто был так воспитан в вере христианской, как Ориген, а подобным образом воспитывались многие христиане, для того не могла быть опасна никакая школа: ученик с таким направлением и в языческой школе никогда не мог забыть, что он христианин и что не все преподаваемое в школах для него годно, нужно и полезно. И действительно, исторические примеры показывают, что христианские юноши, утвердившиеся в вере в доме своих родителей, неблаженными ногами проходили курс наук в языческих школах, так что приходилось удивляться не только глубине и широте сведений, какими подобные юноши обогащались в школах, но и тому, как они искусно оберегались от всего, что могло повредить их христианскому совершенству и нравственности. Эту мысль христианский писатель IV века выражает в следующих красноречивых словах; "Здесь можно было дивиться как избранному – более, нежели отринутому, так и отринутому – более, нежели избранному"*****. Для таких разумных и разборчивых друзей языческой науки не были опасны и самые Афины – это древнее святилище науки и политеизма, Афины с их языческими школами, языческими профессорами, языческим строем жизни, языческими храмами, языческой литературой и искусством. Глубоко поучительно то, что говорит Григорий Богослов о времени своего продолжительного пребывания вместе с Василием Великим в Афинах с научными целями. Пребывание в Афинах этих благочестивых юношей среди безбожных жителей даже еще более утвердило их в христианских верованиях. "Хотя для других душепагубны Афины (в особенности для язычников), однако, не было от них никакого вреда для нас, заградивших сердце. Напротив того, нужно сказать и то, что необыкновенно: живя в Афинах, мы утверждались в вере, потому что узнали обманчивость идолов. И если действительно существует, а не в мифологии только, такая река, которая остается сладка, когда проходит и через (соленое) море, и если есть такое животное, которое живет и в огне всеистребляющем, то мы походили на все это (реку и животное) в кругу своих товарищей"*****.

* Василий Великий. К юношам о том, как пользоваться языческими сочинениями//Творения его. Т. IV. С. 345. ** Там же. С. 356. *** Там же. С. 349. **** Григорий Богослов. Надгробное слово Василию Великому//Творения его. Т. IV. С. 64. ***** Евсевий. Церков. история. Кн. VI, гл. 2. ***** Григорий Богослов. Надгробное слово Василию Великому//Там же. С. 79. ***** Там же. С. 76.

Обращаемся к предметам преподавания в языческих школах. Главным и любимейшим предметом науки в школах было изучение словесности или литературы, произведений эпических, лирических, драматических: как греческих, так и латинских. Как усердно учителя занимались именно этим предметом, об этом отчасти можно судить по тем ироническим отзывам, какие слышались иногда среди учеников, недовольных слишком продолжительным изучением одного и того же автора, по приказанию учителя. Ученики говорили, что учитель "с одной книгой возится долее, чем сколько греки пробыли под Троей"*. Иначе относились к изучению литературы язычники и иначе христиане. Юноши-язычники или сами читали, или выслушивали из уст наставника чтение различных поэтических рассказов о бесконечных "бранях богов, об их междоусобиях, мятежах и множестве бед, которые они и сами терпят и причиняют друг другу, и каждый порознь и все вместе"**, и увлекались не только изяществом языка, но и самим мифологическим содержанием поэтических произведений. Читая или слушая поэму об Энее и Дидоне, они не довольствовались наслаждением эстетическим, но и "плакали о Дидоне, умершей и в могилу сошедшей от меча, вследствие любви к Энею"***. И от сожалений, при чтении или слушании других поэм, переходили к иному рода чувствам, меньше всего приличным учащимся юношам. Они изучали с истинным удовольствием, что "боги суть путеводители и покровители страстей", и выводили отсюда заключение, что "быть порочным дело похвальное". Они с явным интересом выслушивали или читали о том, как "Юпитер принимал все виды для обольщения женщин, превращался в орла по неистовой любви к фригийскому отрокам", как "весело пировали боги, смотря на то, как подносят им вино бесчестные любимцы Юпитера". Все это им казалось "образцами"****. Рассказы о Юпитере, "громовержце и прелюбодее", с необыкновенной силой "увлекали" языческих юношей. Все подобные места в поэмах даже "с удовольствием заучивались". И тех, кто "с удовольствием" заучивал все это, называли "мальчиками, подающими добрые надежды"*****. А результат получался тот, что

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org юноша разжигал в себе похоть, "как бы по указанию самого бога"*****. "Не так, не так нужно относиться к этим поэтическим повествованиям", – твердили себе, наоборот, юноши христианские, изучая в школах те же поэтические творения.***** Они читали и изучали их с мудрой осторожностью, на одном в произведениях поэтов останавливали свое внимание, от другого же отвращали свои взоры. Они в этих произведениях "не на всем подряд останавливались умом, но когда идет рассказ о делах добрых мужей и их изречениях, то старались возбуждать в себе любовь к ним, соревноваться с ними и старались быть такими же. А когда у тех же поэтов речь шла о людях злого нрава, то юноши давали себе зарок избегать подражания им, как бы затыкали уши, как делал Одиссей, чтобы предохранить себя от песней сирен". Потому что христианские юноши помнили правило: "Привычка к словам негодным служит некоторым путем к делам такого же рода". Они отдавали дань уважения изяществу и красоте языка поэтических произведений, но при этом "не хвалили поэтов, когда они злословили, насмехались, представляли влюбленных и упивающихся или когда они полагали счастье в роскошном столе и сладострастных песнях". Они старались забывать о том, что поэты рассказывали противонравственного о борьбе богов между собой, причем брат оказывался в раздоре с братом, отец с детьми, дети в войне с родителями. В особенности христианские юноши отвращались от того, что поэты рассказывали "о прелюбодеяниях богов, любовных похождениях и явных студодеяниях опять тех же богов и преимущественно главы их – Юпитера", находя, что у поэтов нередко встречались в этом отношении рассказы о таких делах, которые "и о скотах без стыда не стал бы рассказывать иной"*****. Так неодинаково относились языческие и христианские дети к изучению греческой и римской словесности. Первые не только ценили художественную сторону, но и увлекались содержанием, а вторые, ценя изящество формы, с критическим тактом относились к содержанию. Великим соблазном для христианских юношей, да и для языческих тоже, при изучении изящной литературы было то, что после изучения поэтов классической древности, язык Священного Писания казался им не изящным, а слабым, варварским. Один из христианских великих мужей, получивших блестящее образование в школах того времени, сам сознавался, что для него переход от чтения поэтических классических произведений к чтению Св. Писания был весьма нелегко: "Начинал читать пророков, – говорил он, – и меня ужасала необработанность языка, и думал я, что виной этого не глаза (сам читавший), а солнце (Св. Писание). Бывала и другая беда от пристрастия к поэтическим писателям древности: христианин хотел поститься и молиться, а между тем рука невольно тянулась к Плавту"*****. Нужно было перенести много борьбы с самим собой, чтобы наконец постигнуть внутренние и безмерные красоты Св. Писания и не зачитываться сладкозвучными поэтами. Истинный христианин, конечно, всегда достигал этого.

* Sievers. Das Leben des Libanius. Berlin, 1868. S. 24-25. ** Григорий Богослов. Обличительное слово на царя Юлиана//Там же. Т. I. С. 174. *** Августин. Исповедь. Кн. 1, гл. 13. **** Григорий Богослов. Обличительное слово на царя Юлиана//Там же. С. 175. ***** Августин. Исповедь. Кн. I, гл. 16. ***** Там же, гл. 16. ***** Там же, гл. 13. ***** Василий Великий. К юношам...//Там же. С. 348. ***** Блаж. Иероним. Письмо к Евстохии//Творения его в рус. пер. Т. I. С 131-132.

В связи с изучением словесности в тогдашних школах находилось изучение красноречия, или ораторского искусства, которое называлось разными именами – софистикой, риторикой, а иногда диалектикой. Словесность главным образом изучали для того, чтобы питомец школы имел в запасе множество готовых литературных выражений и оборотов, помогающих оратору быстро и хорошо произносить речи. Ораторство было необходимой принадлежностью тогдашнего образования. Ораторство нужно было для адвоката, для учителя, для всякого образованного человека, так как степень образованности измерялась степенью умения говорить красиво; даже простое письмо образованный человек того времени не иначе писал, как переполняя его цветами красноречия. Поэтому ораторское искусство преподавалось во всех школах: латинских и греческих. Но преподавание этого предмета поставлено было на ложную дорогу. Все внимание учителей красноречия исключительно обращено было на внешнюю форму. Эффектное сопоставление слов и мыслей, щегольство изысканными, необыкновенными словами и оборотами, мелочная отделка каждой фразы, неуместное остроумие, ненужное цитирование древних писателей, игра разными фигурами и тропами, устранение естественности мыслей и выражений – вот к

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org чему стремились учителя красноречия изучаемого нами периода истории. Юноши приучались к пышным декламациям, но совершенно бессодержательным. Учителя, чтобы приучить юношей к искусству красноречия, и сами брали, и им давали темы нелепые и неприменимые к жизни. Например, нужно было вообразить, что живешь во время Персидских войн и говорить против тогдашних врагов греческого народа – против Дария и Ксеркса и преследовать их поношениями. Или учителя заставляли ученика вообразить, что он живет в баснословные времена, и приказывали ему говорить речи от лица "Менелая, после того, как у него похитили Елену", "от лица Гектора, узнавшего, что Приам садится за стол Ахилла". Но этим дело не ограничивалось. Учителя или сами в виде образца сочиняли, или заставляли сочинять своих учеников панегирики, похвальные речи предметам, не способным вызывать ничего кроме отвращения. Например, требовалось составить панегирик лихорадке, подагре, даже рвоте. Софисты утверждали, что это превосходные упражнения и что искусство обнаруживается тем блистательнее, чем презреннее предмет его, или, как говорили в то время, чем неблагоприятнее и непокорнее земля, тем более заслуги заставить ее производить цветы. Они держались того мнения, что речь будто имеет естественное свойство делать великие предметы малыми, а малые великими. Нелепая мода делала то, что начали сочинять панегирики, предметы которых становились постепенно все низменнее. Если один говорил в похвалу осла, то другой читал панегирик мыши, а третий, желая превзойти двух первых, ораторствовал в похвалу майскому жуку. В описываемые века дело дошло до мухи, комара, блохи. На чем бы остановились, если бы были знакомы с микроскопом? Фронтон написал похвалу пыли, дыму, небрежности; Дион Хризостом – волосам, попугаю; Синезий, когда был еще язычником, восхвалял в одной речи плешивость*. Учиться красноречию у такого рода учителей, конечно, было для рассудительного человека своего рода подвигом. Особенно учителя изоощрялись приучать своих питомцев быть возможно находчивыми адвокатами, чтобы никто, никакое судебное дело, ни малейше не затрудняло будущих адвокатов. Они, изоощряя способности своих питомцев, выдумывали юридические случаи самые необыкновенные и невозможные, самые запутанные, и заставляли учеников составлять речи, как будто такие случаи произошли на деле. Венцом красноречия считалось, если учащийся искусству красноречия без запинки мог говорить "за" и "против" известного воображаемого обвиненного в каком-либо преступлении**. Язычники, очевидно, мало понимали всю неприглядность того ораторства, какое процветало в те времена, если Фронтон, учитель Марка Аврелия, знаменитый Дион Хризостом (что значит Златоуст), Синезий, слывший философом, без всякого стыда позволяли себе (Синезий в язычестве) произносить речи на нелепейшие темы. Что касается, в частности, языческих юношей, учившихся у преподавателей красноречия, то они были в восторге от своих руководителей, готовы были превозносить их до небес. Так было, например, в Афинах в IV веке. "Охотники до лошадей и любители зрелищ не остаются спокойными на конных ристалищах, – они вскакивают, восклицают, бросают вверх землю; сидя на месте, как бы правят конями; бьют по воздуху пальцами, как бичами; воображают, что они запрягают и распрягают лошадей". "Совершенно такую же страсть, – замечает один наблюдатель над жизнью афинских учащихся юношей, – питают в себе юноши в Афинах к своим учителям, когда они произносят свои ораторские речи"***. Эти юноши не умели отличать хорошее от дурного: для них что скачки лошадей, что речь риторы – все одно. Не то видим у христианских юношей, учившихся в языческих школах ораторскому искусству. Они с большой критикой относятся к софистам своего времени. Учились они красноречию не затем, чтобы блистать пышными фразами, а затем, чтобы сравнившись в красноречии с лучшими риториками, лишиться язычников возможности хвалиться своим превосходством перед христианами. Один из христианских ученых, изучивших языческое искусство красноречия, говорил о себе: "Еще не опушились мои ланиты, как мною овладела любовь к словесным наукам; я стал обогащать себя внешней (языческой) ученостью для того, чтобы употребить ее в пособие истинному (христианскому) просвещению, дабы знающие одно пустое витийство, состоящее в звучных словах, не превозносились и не могли опутать меня хитросплетенными софизмами"****. Другой из таких же христианских ученых учился красноречию, или диалектике, с той целью, чтобы служить при помощи нее христианской истине. "Сила диалектики, – говорил он, – есть стена для догматов, и она не позволяет расхищать и брать их в плен всякому, кто захотел бы"*****. И этот ученый на самом деле пользовался этим оружием для защиты истины – самым блистательным образом. Современность засвидетельствовала, "что легче было выйти из лабиринта, чем избежать сетей его слова"*****. Вот с какими намерениями изучали христианские юноши языческое искусство красноречия. А все прочее, что не имело значения в этом искусстве, они осмеивали и порицали. Они прямо заявляли, что они "нравами не хотят походить на риторы"*****. Они порицали современных софистов и

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org учителей красноречия за их неудержимую болтливость. "Язык их, - говорили они, - если не поведет речи с одним, то поведет ее с другим; если же никого не будет, не найдет, о чем поговорить сам с собой, но ни под каким видом не умолкнет, как язык софиста"*****. Христианские юноши понимали также, как нелепо стремление софистов во что бы то ни стало превзойти один другого на ораторском поприще; они называли риториков "галками, состязавшимися между собой о первенстве"*****. Они, конечно, ни на минуту не могли похвалить обычаи софистов брать невероятные и нелепые темы для речей; в этом они не видели ничего более, кроме "искусства победоносной болтливости"*****.

* Март. философы и поэты-моралисты во времена Римской империи. Рус. перев. Москва, 1880. С. 226-229. ** Григорий Богослов. Надгробное слово Василию Великому//Твор. его. Т. IV. С. 69. *** Там же. **** Григорий Богослов. Стихотворение о своей жизни//Твор. его. Т. VI. С. 9. ***** Василий Великий. Толкование на пророка Исайю//Твор. его. Т. II. С. 123. ***** Григорий Богослов. Надгробное слово Василию Великому//Твор. Т. IV. С. 79. ***** Там же. С. 78. ***** Василий Великий. Письмо к Леонтию-софисту//Твор. его. Т. VI. С. 58 ***** Григорий Богослов. Письмо к Евдоксию-ритору//Твор. его. Т. VI. С. 235. ***** Августин. Исповедь. Кн. IV, гл. 2.

Принимая во внимание, как далеко простиралось извращение красноречия в языческих школах, они даже осмеливались называть это искусство красноречия "собачьим велеречьем"*. В особенности учившиеся в языческих школах христиане никак не могли примириться с тем, что искусство красноречия преподавалось с той целью, чтобы будущие адвокаты могли на судах выставлять правду ложью, а ложь правдой, потворствовать кривде и вредить истине. Ведь учителя ораторского искусства приучали своих питомцев говорить речи "за" и "против" воображаемых обвиняемых в каком-либо преступлении. Христиане, видевшие собственными глазами подобное безобразие, всячески порицали это явление; они с горечью говорили, что "риторский обычай состоит в том, что риторы только и годятся для народной площади"**. Они прекрасно сознавали, что такое преподавание красноречия есть уродство, они заявляли: "Красноречие, имевшее свое приложение при тяжбах в судебных местах, преподается (в языческих школах) превратно, так как благодаря этому искусству, лукавству отдавалось предпочтение перед добросовестностью"***. Они, изучив в совершенстве красноречие, в жизни, однако же, поставляли себе правилом: "Не подражать ораторам в искусстве лгать; ибо ни в судах, ни в других делах неприлична ложь христианину, избравшему прямой и истинный путь жизни, которому предписано законом (христианским) даже и совсем не судиться"****. Какое тяжелое впечатление производило учение красноречию в школах на христианских юношей, это видно из того, что некоторые из них дожив до старости, "до седой и лысой головы", не могли без отвращения вспоминать о годах изучения языческого ораторства. Так, один из таких изведавших на себе горьким опытом бессмысленную муштровку преподавателей-софистов, впоследствии рассказывал: "Часто я вижу во сне, будто я с подстриженными волосами, подобрав тогу, декламирую перед ритором пример ораторской речи, и, когда проснусь, радуюсь, что избавлен от опасности отвечать"*****.

* Иероним. Письмо к Минервию и Александру//Твор. его в рус. переводе. Т. III. С. 111. ** Григорий Богослов. Письмо к Евдоксию...//Твор. его. Т. VI. С. 234. *** Августин. Исповедь. Кн. III, гл. 3. **** Василий Великий. К юношам...//Твор. его. Т. IV. С. 349. ***** Иероним. Апология против Руфина. Кн. I, гл. 30.

Из числа прочих наук в языческих школах обращалось особенное внимание на изучение философии и истории. Но из этих наук христианские юноши старались извлекать совсем другого рода уроки, чем какими довольствовались языческие питомцы школ. Философы разделились в те времена на множество направлений, до последней крайности враждовавших между собой: кто держался одного направления, тот с презрением относился к представителям других философских школ*. Кроме того, за исключением Платоновой философии, все другие

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org философии не интересовались вопросами о Боге и Его Промысле. Ни перипатетики, ни стоики, ни эпикурейцы не разрабатывали вопросов о Причине всех причин. Язычники и языческие юноши находили такое положение вещей естественным и, усваивая какую-либо философию, мало заботились о том, действительно ли она отвечала всем потребностям духа человеческого. Не то видим среди любознательного христианского юношества. Эти юноши внимательно присматривались к тому хаосу мнений, той разноголосице, какие отличали тогдашних вождей философии, и тем крепче утверждались в философии христианской, раскрывавшей "истины сущего"**. Из внешней языческой философии они умели извлекать ту пользу, что она устремляла их взоры "в горня"***. Они сравнивали философские учения с христианским и "если находили между ними какое взаимное сродство, то старались усвоить себе познание, согласующееся с христианством, в том убеждении, что это к стати христианам; а если не находили такого сходства, то уясняли себе, в чем заключается разность, и это немало служило подтверждению лучшего (христианского) учения"****. Христианские юноши, впрочем, вообще мало интересовались такими родами философии, которые ничего не говорили о Боге и Его сущности. Так, когда один любитель мудрости вступил в школу стоиков и, долго пребывая в ней, заметил, что учитель философии не говорит о Боге и не говорит потому, что "сам не имел да и не считал такого познания необходимым", сейчас же бросил школу*****. В особенности христианские юноши, при изучении философии, с любовью занимались той ее стороной, которая касалась вопросов нравственности, короче - нравственной философией. Они так рассуждали на этот счет: "Большую пользу оказывает та наука, посредством которой усовершенствовавшиеся мужи образуют в человеке добрые нравы, как творог, который принимает вид плетеного сосуда"*****. Например, христианские юноши с большим удовольствием изучали мысли и дела языческих философов, поучавших одной из важнейших христианских добродетелей, а именно терпению в несчастиях и лишениях. Они восхищались образцовым поведением среди бед Анаксарха, Эпиктета, Сократа. Они старались закреплять в своей памяти примеры вроде следующих: "Эпиктет, когда у него вытягивали ногу, любуясь как будто в чужом теле, и скорее переломили ему ногу, нежели заметили, что он почувствовал насилие"*****. Что касается исторической науки, то многие юноши очень интересовались ею, желая "обогащать свой ум". Но иначе относились к этой науке язычники, и иначе христиане. Язычники-юноши, изучавшие историю, восторгаясь героями, не старались отличать, всё ли в деятельности их заслуживало одобрения и подражания; при том же они часто держались неправильного взгляда на историю, считали ее не столько полезной, сколько занятной наукой, думали, что "истории пишутся для развлечения слушателей"*****. Напротив, христианские юноши, изучая историю, относились к ней критически; они со всяким старанием оберегали душу, чтобы приятный исторический рассказ не внес чего-либо вредного в нее, "подобно тому, как иные с медом глотают ядовитые вещества"*****. Они не смотрели на историю как на вещь лишь занимательную, - они считали ее полезнейшей наукой, справедливо рассуждая: "История - кладезь премудрости, ум многих"*****.

* Григорий Нисский. Слово о жизни Григория чудотворца//Твор. его в рус. переводе. Т. VIII. С. 136. ** Там же. С. 135. *** Григорий Богослов. Надгробное слово Василию Великому//Твор. его. Т. IV. С. 78. **** Василий Великий. Речь к юношам...//Твор. его. Т. IV. С. 347. ***** Св. Щетин философ. Разговор с Трифоном, гл. 2. ***** Письмо никовула-сына к отцу//Твор. Григория Богослова. Т. V. С. 274. ***** Григорий Богослов. Письмо к Филагрию//Твор. его. Т. VI. С. 274. ***** Василий Великий. К юношам...//Твор. его. Т. IV. С. 348-349 ***** Там же. ***** Письмо Никовула-сына к отцу//Твор. Григория Богослова. Т. V. С. 274.

В языческих школах изучались так же следующие науки: астрономия, естественная история, медицина. Христианские юноши и на усвоение этих наук налагают свою печать - христианскую. Эти науки служили им пособием к пониманию высших религиозных истин. Древняя астрономия была далека от совершенства. Долгое время эта наука была "собранием ничем не доказанных теорий и детски наивных гипотез"*. Этого мало: в те времена астрономию смешивали с астрологией и под именем первой нередко преподавалась последняя. Во II и III веке астрология является в виде очень сложной науки, приведенной в стройную систему. В основе ее лежали старинные идеи о влиянии Солнца, Луны и двенадцати знаков Зодиака на судьбу человека. Но эти мысли

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org были дополнены многими другими. Недостаточно уже было зодиакальных богов (каждый Зодиак был поставлен под покровительство какого-либо бога): месяцы были разделены на трети, из которых каждой заведовало свое светило (в качестве богов). Половина этих 36 богов следила за земными событиями, другая управляла подземным миром. Далее, существовала особая планетарная система, в которой первое место принадлежало Сатурну; кроме того планеты делились на мужские и женские. Но это еще не удовлетворяло астрологов, которые придумали нечто большее, а именно учение о влиянии созвездий на отдельные органы человеческого тела, в каждый час каждого дня и месяца в году**. Всю эту чепуху нужно было изучить под именем астрономии и уметь прилагать на практике. Христианские юноши изучали, однако, науку о небе с большой рассудительностью, не увлекаясь бреднями. Они отменяли астрологию, а из данных астрономии делали новые выводы, направленные к постижению Верховного Творца небес и звезд. Они из астрономии и науки, для других опасной (т.е. астрологии), "избирали, сколько нужно, лишь полезное, чтобы познавать стройное течение и порядок небесных тел и благоговеть перед Творцом; а что в этих науках было вредного, того они избегали, и течению звезд не подчиняли ни существ, ни явлений, как делали язычники, сослужившую себе тварь поставившие наряду с Творцом. Напротив того, самое движение звезд, как и все прочее, приписывали лишь Богу"***. Словом, они полагали основание для естественного христианского богословия. Так же они поступали и в изучении естественной истории. Естественная история у древних народов находилась на низшей ступени развития. Так, у римлян зоология была скорее сборником различных курьезов, нежели положительной наукой: обращалось внимание только на поразительное, диковинное; изучалась только внешность и то мимоходом. В Риме устраивались выставки всевозможных редкостей. Различные уроды, карлики, гермафродиты, великаны, а также редкие животные составляли естественно-научные коллекции****. По-видимому, при таком положении этой науки, христианские юноши не могли извлекать никакой пользы от ее изучения. Но на самом деле часто случалось не так. Естественная история, при всем ее несовершенстве, делалась для них путем к боговедению. Они изучали в школах и в книгах, что знала тогдашняя наука о "природе вещей воздушных, земных, морских", и научались видеть здесь "мысль неизреченного Бога, постигали, как Бог управляет Вселенной, к чему ведет ее, и какой конец положен для целого мира, исполненного многих красот". Они изучали и постигали то, что "выше разумения смертных"*****. Христианские и языческие юноши, по крайней мере некоторые из них, обучались в языческих школах и медицине, хотя бы они и не имели в виду сделаться практическими врачами. Они "углублялись в изучение свойств естества и темпераментов и в начала природы, чтобы уметь исторгать корни и отсекают ветви болезней"*****. Христианские юноши, как везде и во всем, и здесь возносили свой дух в изучаемый предмет, подводили медицину под свою христианскую точку зрения. Они изучали в медицинской науке не только то, что касалось "видимого и долу лежащего", т.е. не только свойства человеческого организма, но и делали эту науку ступенью к высшей "науке и любомудрию", т.е. учились смотреть на человеческий организм с его немощами как на творение Божие, испорченное грехом*****.

* Кожевников. Нравственное и умственное развитие римского общества. С. 120.

** Там же. С. 84. *** Григорий Богослов. Надгробное слово брату Кесарию//Твор. его. Т. I. С. 246. **** Кожевников. Указ. соч. С. 181-182. ***** Письмо Никомула-сына к отцу//Творения Григория Богослова. Т. V. С. 274. Какое полезное употребление делали христианские ученые из своего знакомства с естествоведением, это доказывает Шестоднев Василия Великого, где данные тогдашнего естествознания приложены к объяснению библейского сказания о шести днях творения. ***** Григорий Богослов. Надгробное слово брату Кесарию//Там же. С. 274. ***** Он же. Надгробное слово Василию Великому//Твор. его. Т. IV. С. 79.

Вообще христианские юноши, проходя курс тогдашнего школьного образования и посвящая себя различным наукам, ставили для себя законом отдавать свою "любовь" не "столько приятнейшим урокам, сколько совершеннейшим, способствующим для молодых людей образовать себя в добродетели"*. Даже более того: "Они изучали различные науки в юности для того, - по рассказам одного из них, - чтобы передать мысль свою божественнейшему Духу, чтобы потом везде отыскивать следы сокровенных красот (божественных), непрестанно восходить к свету и божественные внушения почитать мерилем жизни, а это все

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org для того, чтобы и помощником, и спутником, и вождем имея Христа, с легкими надеждами вознестись отсюда, сподобиться жизни чистой и непрекращающейся, не издали, как бы в зеркале и воде, видеть слабые изображения истины, но созерцать чистыми очами самую Истину". Особенно прекрасны следующие слова того же богомыслящего христианина, посвятившего себя науке: "Последним ключом своего учения соделаем Христа"**. Христианские юноши, как видно отсюда, высшей целью научного образования ставили то, чтобы все свои знания повергнуть к подножию креста, где все истины находят для себя полную гармонию и действительное совершенство.

* Григорий Богослов. Надгробное слово Василию Великому//Там же. С. 75. ** Письмо Никомула-сына к отцу//Творения Григория Богослова. Т. V. С. 274-275.

В хорошей, правильно организованной школе юноши не только обучаются разным полезным наукам, но и дисциплинируются. Достигала ли этой последней цели языческая школа, и насколько достигала? - Дисциплина языческих училищ, к сожалению, стояла на низком уровне и не могла удовлетворять даже самым скромным требованиям. Свидетельств о том, что языческие школы были распущены, можно встретить очень много; но тщетно мы стали бы искать хотя бы одного прямого свидетельства, удостоверяющего, что школьная дисциплина была благоустроена. Вот несколько черт, рисующих неприглядное состояние дисциплины в языческих школах. "Школьники отличались чрезвычайным своевољствием, доходившим до безобразия. В школу они входили с бесстыдством и наглостью, не разбирая того, вовремя ли они пришли или нет. Подобно одержимым горячкой или безумием, нарушали порядок, вводимый учителем для лучших успехов учеников в науках. Школьники осмеливались делать множество оскорблений самого грубого свойства". Печально было в особенности то, что законом не полагалось надлежащим образом наказывать за подобные нетерпимые шалости. "Ибо обычай покровительствовал дерзости ребят". А сами школьники ни во что не ставили свои проделки, считая их "за нечто позволительное"*. Любимой песней "косматых юношей" была какая-то песня, носившая странное название "Завещание свиньи". Неизвестно, что это была за песня. Во всяком случае, она была хуже известной современной студенческой песни: *Gaudeamus igitur* (нужно сказать, что и эта последняя песня не может быть причислена к лучшему, так как она проникнута эпикурейским духом). Что "Завещание свиньи" было нескромного характера, об этом, отчасти, можно судить по тому, что песня пелась на шутовских пирушках и признавались знавшими ее "непотребной"**. Между учениками школ царил лень, так что учителя едва могли управляться с ленивцами. "Ученикам больше нравилось играть в кости или кегли, чем учить речи умирающего Катона". Чтобы уклониться от урока, ученики пускались на всякие выдумки. Они "нередко намазывали себе глаза маслом, чтобы придать им больной вид и под этим предлогом не ходить в школу"***. С ленью учеников соединялось крайне небрежное отношение к учителям. Об этом самое наглядное свидетельство дает одно описание отношений школяров к публичным речам учителей, на которых (речах) должны были присутствовать и ученики в образовательных целях. "Если ученики приглашались на публичную речь, то они далеки были от того, чтобы идти на нее так же поспешно, как ходил раб, их приглашавший; еще менее у них было хоть сколько-нибудь охоты идти поспешнее раба; нет, они тащились, точно их волокли на аркане. И прежде чем они войдут в залу, они уже возбуждали своей медлительностью негодование присутствовавших. Но вот началась речь, и они вместо того, чтобы слушать, переговариваются между собой посредством жестов о публичных наездниках, мимах, лошадях и танцорах, о происшедшем или же имеющем произойти состязании. Одни стоят подобно каменным истуканам, не шевельнут ни одним суставом, а другие обеими руками ковыряют в носу. Они рассаживаются, тогда как им приличнее было бы стоять. Некоторые из них нашли себе занятие в том, что считают тех, кто пришел в залу позже них, а другие находят удовольствие в том, что рассматривают какой-нибудь листок. Они охотнее опозорят оратора, чем заплатят ему внимательностью. Они мальчишествоуют: без надобности аплодируют, и тем препятствуют выражать действительное одобрение. Они выдумывают и пускают в ход разные слухи с тем, чтобы, кого можно, отвлечь от присутствия на ораторском празднике, или же увлекают, кого могут, в бани (которые в Риме и Греции доставляли приятное времяпрепровождение) с той же злокозненной целью. Прежде было, - замечал описатель, - совсем не так; тогда один одно, другой другое запоминал из речи оратора, и общими силами старались восстановить всю речь, и печалились, если что-либо не могли вспомнить. Три или четыре дня после

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org говорили по поводу речи" (вероятно, писатель вспоминает здесь времена классической древности)****. Об истинном уважении к учителям не было и помину, - ученики относились к ним пренебрежительно и гордо. Самые злые шутки проделывались над педагогами (педагоги - это что-то вроде помощников учителей; они готовили с учениками уроки и содержали их в своих пансионах). Если педагог возбуждает неудовольствие в своих питомцах, горе ему. В подобном случае озорники позволяли себе следующее: они усаживали педагога на ковер (конечно насильственно), хватали ковер за края и подбрасывали несчастного вверх, а сами разбегались. Иногда педагог успевал схватиться за что-нибудь и оставался невредим; но чаще случалось, что он падал на пол и больно разбивался, так что сама жизнь его подвергалась опасности*****. Чтобы понять возможность подобных явлений, нужно принять во внимание, что в древности большая часть школ были частными заведениями, и переход из одной школы в другую был свободен. А потому, чтобы не лишиться учеников, педагоги должны были сквозь пальцы смотреть на их проделки.

* Августин. Исповедь. Кн. 5, гл. 8. ** Иероним. Апология против Руфина. Кн. I, гл. 17. *** Фридлиндер. Указ. соч. С. 155. **** Sievers. Op. cit. S. 29. ***** Ibid. S. 35.

В особенности плохо было то в дисциплинарном положении школ, что дети и юноши не отставали от взрослых в пристрастии к различного рода зрелищам. Учеников никто не останавливал, и они тешились всем, чем тешились их отцы и вообще полноправные сограждане. Они присутствовали на конных ристалищах, во время состязания возниц и лошадей; они ходили в театры на представления так называемых пантомимов*. Но что, кроме худого, они могли вынести отсюда? Ристалищные состязания были в то время каким-то беснованием. "Зрители, неотступно следя за колесницами, хлопали в ладоши, кричали изо всех сил, соскакивали с мест, наклонялись вперед, махали платками и одеждами, подгоняли криками лошадей той партии, к которой принадлежали, протягивали вперед руки, как будто хотели достать ристалище, скрежетали зубами, ссорились, грозились, бранились, издавали крики восторга и победы. Вот первая колесница достигает цели, - раздается громкий крик восторга победителей вместе с проклятиями и ругательством проигрывающих"**. Какая дисциплина позволила бы присутствовать на таких скачках учащимся детям, какая, кроме языческой, на этих скачках, где взрослые теряли всякое человеческое достоинство? И что же видим? Дети и юноши уже "увлекаются кичливыми победами на ристалищах", "с большим любопытством устремляются на игры взрослых"***. Еще хуже были представления мимов. Это была школа распутства. Самые ревностные покровители мимов не могли защитить их от упрека в безнравственности и развращающем влиянии. Некоторые молодые люди более серьезного направления намеренно избегали этих зрелищ. Один из позднейших языческих историков императорского периода считает введение пантомим при Августе признаком всеобщего нравственного упадка, начавшегося с империей. Что такое проделывали мимы, об этом нетрудно судить по одному следующему образцу. Когда прекрасный Батилл танцевал в роли Леды, то самая наглая мимическая актриса могла бы признать себя по сравнению с ним как бы деревенской простушкой и ученицей в утонченном искусстве щекотать чувственность****. И, однако, эти канканные представления беспрепятственно посещались школьниками, даже "увлекали их". Результат такого отсутствия надзора за школьниками понятен. Зрелища мимов преждевременно "разжигали пламень их страстей", - ведь и школьники, бывая в театрах, подобно взрослым развратникам "сочувствовали восторгам влюбленных, когда эти представлялись утопающими в позорных наслаждениях"*****.

* Августин. Исповедь. Кн. I, гл. 10. ** Фридлиндер. Указ. соч. С. 445. *** Августин. Там же. **** Фридлиндер. Указ. соч. С. 544-545. ***** Августин. Исповедь. Кн. III, гл. 2.

Какова школа! Сами наставники языческих школ очень много способствовали ослаблению дисциплины между своими учениками. Так как почти все наставники не имели казенного жалованья и жили на те средства, какие они получали от своих учеников за преподавание им уроков, то каждый из наставников पहले

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org всего заботился о том, чтобы иметь у себя больше слушателей. Между преподавателями имела место конкуренция, причем многие для пополнения своей школы нисходили до лести ученикам и всячески потакали им*. Один наставник враждовал против другого, если оба они были в том же городе, потому что первый видел во втором опасного соперника, способного повредить его славе и его материальному благосостоянию. Но что особенно достойно сожаления, так это то, что враждующие наставники увлекали за собой и своих учеников: ученики одного наставника составляли общину, враждебно относящуюся к кружку учеников другого учителя. Каждый кружок питал пристрастие к своему учителю и ненавидел другие кружки учеников и самих их учителей**. При каждом удобном случае один кружок готов был подраться с другим. Улицы, сады, площади часто делались местами побоища ученических кружков, причем наставники смотрели на такое безобразии с удовольствием, видя в этом защиту своей чести. Даже жители известного города также принимали сторону того или другого наставника, того или другого ученического кружка и принимали участие в побоищах. Так, по крайней мере, было в знаменитых Афинах. Иногда в побоищах пускались в дело не одни кулаки, а мечи, дубинки и камни. Случалось, что в драках один участник опасно разбивал другому голову или калечил его. Дело доходило до формального разбирательства в судах***.

* Фридлиндер. Указ. соч. С. 155. ** Herziereg. Der Untergang des Hellenismus und die Universitat Athen. S 324 150. halle, 1875. *** Ibid. S. 325, 351.

В особенности много творилось безобразий во время принятия новых учеников в школы. Вот что происходило при этом в Афинах. Каждый кружок учеников старался о том, чтобы новые ученики присоединились к их кружку, а не к другому. Это считалось честью и для себя, и для наставника, под руководством которого данный кружок учился. Поэтому, когда наступала осень – обыкновенное время прибытия в Афины новых учеников, тогда ученики, принадлежавшие к разным школам, рассеивались по Аттике и поджидали новичков, убеждая их, как скоро встречали таковых, избрать в руководители того же наставника, у которого они сами обучались*. Один писатель IV века замечает, что такими "охотившимися за новичками" захватываемы были "в Аттике города, пути, пристани, вершины гор, равнины и пустыни"**. Если какому-либо кружку удавалось на дороге завладеть новичком, кружок торжествовал. Случалось, что новичок не хотел учиться под руководством того учителя, которого рекомендовали ему; но это мало помогало новичку. Его насильственно удерживали в известном кружке, не позволяя ему перейти в другой. Если встречались на ловле два или более кружков, то между ними происходила битва из-за добычи. Не кончалось дело и на том, если известному кружку удавалось завладеть новичком; другие кружки тоже не дремали: они насильственно отнимали его у тех, кто завладел им прежде. Рассказывают такой случай: некий юноша прибыл в Афины и желал слушать уроки у одного известного ему наставника; но это ему не удалось, потому что на дороге он был пленен кружком другого наставника. Однако, ненадолго. Вскоре он был насильственно схвачен школьниками какого-то еще наставника и присоединен к их кружку. Чтобы схваченный не убежал, его посадили в пустую бочку и до тех пор держали в ней, пока он не дал клятвы, что останется верен кружку и будет слушать уроки того наставника, которого слушают его насильники***. Описанными своевольными поступками не ограничивалось принятие новичка в члены данного кружка. Новичка, прежде чем окончательно ввести в кружок, на пороге дома, где ему приходилось жить, подвергали различного рода насмешкам, которые подчас были дерзки****. Затем вся ватага школьников с новичком во главе отправлялась в баню. Процессия через весь город шла попарно. Лишь только подходили к бане, как вся эта ватага поднимала неистовый крик, под тем предлогом, что "дальше идти нельзя, баня не принимает". Далее следовал обычай совершенно нелепый: разламывали двери у бани и только тогда вводили в нее новичка. Этим заканчивался обряд. Новичок провозглашался полноправным членом кружка*****. Вся процедура охоты за добычей и посвящения новопривывшего ученика в сочлены данного кружка, представляет крайнюю степень разнузданности и отсутствия дисциплины в знаменитых афинских школах. Общий тон школьной жизни был грубый. Нередко случалось, что развольничавшиеся юноши, главным образом, кажется, ради того, чтобы сделать большую неприятность учителю и показать себя, составляли сговор и одновременно целым кружком бросали школу своего учителя и переходили в школу другого*****. Ученики любили устраивать шумные пирушки; часто такие пирушки чередовались одна за другой, отнимая много

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org полезного времени. Случалось, что иной из охотников делать подобные пирушки входил в неоплатные долги. Разгулявшаяся вольница позволяла себе среди ночи вторгаться в дома мирных граждан и, конечно, производить в них беспорядки*****. Вот краткое описание состояния дисциплины в языческих школах или, лучше сказать, изображение тех беспорядков, которые свидетельствуют, что в этих школах дисциплина отсутствовала вовсе.

* Sievers. Op. cit. S 33; Herzberg. Op. cit. S. 352. ** Григорий Богослов. Надгробное слово Василию Великому//Твор. его. Т. IV. С. 69. *** Herzberg. Op. cit. S. 352-353. **** Григорий Богослов. Там же. С. 70. ***** Григорий Богослов. Надгробное слово Василию Великому//Там же. С. 70. ***** Августин. Исповедь. Кн. V, гл. 11. ***** Sievers. Das Leben des Libanius. S. 34.

Ввиду такого положения дисциплины в языческих школах христианские юноши, учившиеся здесь, сами для себя создавали правила дисциплины и твердо держались их. Если в языческих школах сплошь и рядом встречались ленивцы, которые для прикрытия своей лени пускались на разные выдумки, то христианские юноши славилась прилежанием. Даже самые даровитые между ними, менее прочих имевшие нужду напрягать свои умственные силы, и те являлись весьма прилежными учениками, так что видевшие это не знали, "чему больше удивляться, прилежанию ли их, или же их способностям"*. Некоторые из христианских юношей отдавались в школе "неутомимому труду", не различали дня и ночи: "совокупляли воедино дни и ночи, посвящая их науке и другим полезным занятиям"**. Вследствие этого, некоторые из них достигали значительных успехов, опережая своих сверстников, даже лучших между ними: "быстрых по дарованиям побеждали трудолюбием, а трудолюбивых - прилежанием"***. Язычники, питомцы школ, любили устремляться на конные ристалища, позволяя себе бегать на зрелища даже безнравственного характера. Ничего такого не позволяли себе христианские юноши: "Ходить на праздники, на зрелища, на народные собрания они предоставляли другим". Сам же знали лишь две дороги: "Одна вела к наставникам, а другая, превосходнейшая, к священным христианским храмам"****. Если им приходилось учиться в Риме, то каждое воскресенье они ходили в катакомбы - эти древнехристианские храмы и усыпальницы первохристиан и многих мучеников*****. Если им приходилось слушать уроки в городе, где был монастырь, то они посещали благочестивых подвижников и наслаждались их беседой; также не упускали случая войти в знакомство с лицами, обладавшими богословскими познаниями, заводили с ними беседы и вступали в учено-богословские состязания*****. Они, случалось, выбирали себе квартиру в таком доме, который был как можно "ближе к церкви"*****. Вследствие всего этого для христианских юношей открывалась возможность, как выражается один из них, найти "ранние условия вести божественную жизнь"*****. Среди своих сверстников они представляли зрелище поразительное. Так было в разных местах, так было и в Афинах - этом святилище политеизма. Афины не отвлекали христианских юношей от исполнения тех правил, по которым проводили жизнь вообще христианские питомцы школ. Чудное зрелище: "Эллада и любезная юность и все - уступали христу"*****. Языческие воспитанники любили пиршества, и пиршества бурные, христианские же юноши "не предавались излишествам и проводили жизнь тихую"*****. Христианские юноши своей серьезностью, "зрелостью в понятиях" производили такое сильное впечатление на своих сверстников, что своевольные школьники делали для них исключение при приеме в свой кружок: не подвергали их "дерзким шуткам", не сопровождали их с нелепыми обрядами в баню. Всего этого сумел избежать, по крайней мере, славнейший из христианских юношей, учившихся в Афинах*****. Все обряды, какими сопровождался прием новичков в среду школьников, христианские юноши справедливо считали заслуживающими порицания. Они находили эти обряды крайне тягостными для благоразумных людей и чувствовали себя счастливыми лишь тогда, когда процедура кончалась. "Освобождение от огорчений и прекращение их во всем обряде посвящения есть самое приятное", - рассуждали они*****. Высокие качества христианских школьников не оставались незамеченными и для языческих учителей. Эти последние невольно отдавали дань уважения стремлениям к порядку и благоприличию, каковыми стремлениями отличались христианские юноши в среде своих сверстников. "Начальство отличало их ради их качеств"; этого мало: они делались "уважаемы в целом городе", где они учились*****. Первые опыты введения правильной дисциплины и благочиния в школах делаются лишь под влиянием христианских

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org начал. Христианские императоры IV века Валентиниан и Грациан принимают должные меры к обузданию своеволия школьников и приучению их к надлежащей дисциплине. Вот указ этих императоров: "Те, которые приходят в город с намерением учиться, прежде всего, пусть являются к магистру ценза, от которого должно быть дано позволение войти, и пусть приносят с собой такого рода свидетельства, чтобы обозначены были и родной город их, и родители, и прежние успехи. Потом в это же время пусть заявляют, какими науками они намерены заниматься. Далее, канцелярия чиновников должна точно знать их квартиру, в которой они занимаются тем делом, какому, по их заявлению, они посвятили себя. Эти же чиновники пусть надзирают и за тем, чтобы все и в обществе являлись такими, какими они должны быть, а именно, чтобы они считали нужным избегать гнусной и худой молвы, нечасто бы посещали зрелища и не присутствовали бы на народных пиршествах. В случае, если кто из них не так ведет себя в городе, как того требует достоинство наук, подвергать таких публичному телесному наказанию, а затем на кораблях высылать из города и возвращать на родину. Посвятившие себя по призванию науке, пусть живут в городе до двадцатилетнего возраста. После этого срока те, которые не захотят добровольно уйти из города, властью префекта высылаются на родину вопреки их желанию. (Вероятно, было опасение, что достигшие двадцатилетнего возраста школьники своими недетскими наклонностями могут служить соблазном для прочих детей; отсюда строгие меры против первых.) Канцелярия цензуры должна каждый месяц составлять отчет о школьниках, кто они, откуда прибыли, каковы, и отмечать тех, которые должны быть высланы. Пусть ежегодно подобный отчет представляют в нашу (императорскую) канцелярию, дабы мы, зная достоинства и успехи всех, могли судить, полезны ли они для службы" *****. Таков был первый шаг христианского законодательства, направлявшегося к приведению в порядок и благообразию поведения школьников. Разумеется, он не только был полезен, но и существенно необходим. Только языческая общественная распущенность могла терпеть распущенность школ.

* Григорий Богослов. Там же. С. 278. ** Письмо Никовула-сына к отцу / Творения Григория Богослова. Т. V. С. 279. *** Григорий Богослов. Надгробное слово брату Кесарию / Твор. его. Т. I. С. 246. **** Григорий Богослов. Надгробное слово Василию Великому // Твор. его. Т. IV. С. 75. ***** Жизнь бл. Иеронима. При I томе его твор. в рус. переводе. С. XIX. ***** Там же. С. XXI-XXII. ***** Григорий Богослов. Письмо к Феодору, епископу тианскому // Твор. его. Т. VI. С. 242. ***** Григорий Богослов. Надгробное слово Василию Великому // Творен, его. Т. IV. С. 383. ***** Он же. Надгробное слово самому себе // Твор. его. Т. V. С. 385. ***** Он же. Стихотворение о своей жизни // Твор. его. Т. VI. С. 12. ***** Григорий Богослов. Надгробное слово Василию Великому // Творен, его. Т. IV. С. 71. ***** Он же. Там же. С. 71. ***** Он же. Надгробное слово брату Кесарию // Твор. его. Т. I. С. 246. ***** Codex Theodosianus. Lib. XIV. Tit. 9, cap. 1.

Какова была дисциплина в языческих школах, такова же была там и нравственность. Яблоко падает не далеко от яблони. Уже из того, что сказано выше о слабости дисциплины в языческих школах, можно заключать, что нравственность языческих школьников должна была стоять на низком уровне. Но мы приведем еще несколько черт, характеризующих печальное нравственное состояние языческих школьников и указывающих, как далеко простиралось зло. Языческие дети привыкали к воровству; они не могли дать себе отчета, как это дурно, не понимая, что "все пороки детства переходят в следующие затем возрасты". Они ни во что ставили обман, ложь, "обманывали и учителей, и родителей, употребляя на то всякую ложь". Они привыкали к наглому хвастовству. "Детской невинности не было уже у детей языческих"*. Но все это ничто в сравнении с той нецеломудренностью, какой отличались языческие школьники. И это неудивительно, если принимать во внимание следующее: часто школьники учились вдали от домов родителей, поэтому школьники оставались в полной свободе и злоупотребляли ею**. Да если дети даже и жили под одной кровлей с родителями, то это мало помогало делу, потому что родители не обращали внимания на нравственное состояние своих детей. "Домашние и близкие, - по одному свидетельству, - не заботились о том, чтобы отвращать детей "от плотских похотей", внушать им негодование "к бесстыдству и беспутству"****. Правда, язычники тех времен в деле нравственного воспитания своих детей возлагали большие надежды на педагогов, называли их

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org "стражами целомудрия школьников", сравнивая их с "лающими собаками, отгоняющими волков", т.е. соблазнительных питомцев****; но горький опыт не оправдывал подобных надежд. Товарищи в школах не только не сдерживали друг друга в границах нравственной строгости, но и подталкивали один другого переходить от одной мерзости к другой. В результате получалось то, что юноши "свободно предавались греховным чувственным удовольствиям", тем более что за преступление против целомудрия "закон не угрожал никакой опасностью"*****. Языческие юноши "стремглав пускались в любовные похождения, жаждали их и пленялись ими". Ведь иметь "любовные похождения" считалось признаком "изящества" и "светскости" в поведении молодого поколения*****. И вот юноши ходили, по характерному выражению одного современника, "по путям вавилонским и валялись в грязных нечистотах"*****. Дело доходило до того, что им, юношам, нравились не только греховные деяния, но и самый грех, так сказать, в его идее. Они начинали "любить не предмет своих увлечений, пристрастий, падений, - нет, а само падение, сам грех, живущий в душе"*****. Между школьниками было обычным делом хвастаться подвигами своего нецеломудрия. "Постыдными делами своими не стыдились - они гордились ими как подвигами, стараясь превзойти других позорным удалством только потому, что ими восхищались в кругу своевольного юношества"*****. Кто безнравственнее избирал предметы для разговора, тому непутевые товарищи, забывая всякий стыд, кричали: "браво, браво!"***** "Если же не представлялось случая перешеголять приятеля распутством, то иной из юношей выдумывал и рассказывал своим товарищам такое, чего с ним совсем не было", и это делалось для того, чтобы "непорочности не почли за пошлость"*****. Нужно сказать, что языческие юноши достигли такой степени распущенности, что "если встречался между ними юноша, украшенный целомудрием, то он был неприятным зрелищем для своих сверстников"*****. Развратная жизнь иных, из учившихся в языческих школах, доводила до печального болезненного состояния: молодой организм страдал от излишества чувственных наслаждений. В шестнадцать-семнадцать лет иные из них выглядели стариками: "лицо иссыхало, и весь юноша становился мерзок" на вид*****.

* Августин. Исповедь. Кн. I, гл. 19. ** Григорий нисский. О жизни Григория Чудотворца/ /Твор. его. Т. VIII. С. 139. *** Августин. Исповедь. Кн. II, гл. 2. **** Sievers. Op. cit. S. 21. ***** Григорий Нисский. О жизни Григория Чудотворца//Там же. С. 140. ***** Августин. Там же. Кн. III, гл. 1. ***** Там же, II, 3; Sievers. Op. cit. S. 35. ***** Там же, I, 4. ***** Там же, I, 2. ***** Там же, I, 13. ***** Там же, II, 3. ***** Григорий Нисский. О жизни Григория Чудотворца//Там же. Т. VIII. С. 137. ***** Августин. Там же. Кн. II, гл. 1.

Разумеется, ничего подобного нельзя было встретить среди христианских школьников. И даже более, они представляли поразительную противоположность распущенности языческого юношества. Христианские юноши, отправляясь в школы, давали обет своим родителям, что они отнюдь "не станут увеселяться плохим", прося своих родителей, в противном случае, "исключить их из числа своих детей"*. Дух товарищества, стремление к содружеству имели место и среди христианских юношей, но все это опиралось на другие основания, чем у школьников языческих. "Они водили дружбу с товарищами, но не наглými, а с целомудренными, не с задорными, а с миролюбивыми, с которыми можно было не без пользы сойтись; ибо они знали, что легче заимствовать порок, чем добродетель, так как скорее заразишься болезнью, нежели сообщишь другому свое здоровье"**. Они отличались множеством самых привлекательных свойств: "С доверием относились к наставникам, были дружелюбны со сверстниками, убегали от сообществ и бесед с неблагонаправленными, вступали в теснейшее общение с людьми отличнейшими; никого не было, кто бы был известнее целомудрием более них; они делались предметом удивления целого города", где учились***. Они не растрчивали своего здоровья, не увлекались дружбой с молодыми людьми, если эта дружба вела к опасностям для нравственности, сохраняли целомудрие, вели себя скромно, благочестиво; "часто они стояли выше всех юношеских страстей"****. Случалось, что высокое целомудрие христианских юношей возбуждало ненависть в их языческих товарищах, и последние старались хоть как-то повредить репутации христианских юношей; но это им не удавалось. О жизни Григория Чудотворца рассказывается такой случай: товарищи его по школе, язычники, враждебными глазами смотрели на его целомудрие и решились, по крайней мере, замарать его в глазах

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org сверстников. Они подговорили какую-то публичную женщину к тому, чтобы она пришла к Григорию и сделала вид, что она находится в связях с ним, и чтобы она попросила с него денег, которые она будто имела право с него получить, но не получила. Все так и устроилось. Дело происходило в присутствии многих товарищей Григория. Можно было ожидать споров, неприятностей, но ничего такого не случилось. Григорий хладнокровно попросил одного из товарищей заплатить те деньги, каких она требовала. Тот исполнил просьбу. Клеветники были сильно пристыжены благородным спокойствием Григория. "Возбудив к себе зависть, которая сопровождает все прекрасное, Григорий стал выше нее"****. Не можем не сказать о той поистине трогательной дружбе, которая завязывалась между христианскими питомцами школ и которая служит одним из лучших свидетельств того нравственного совершенства, какого достигали эти лица. Имеем в виду дружбу двух питомцев афинских школ IV века - Григория Богослова с Василием Великим. Но предоставим самому Григорию рассказать об этой дружбе с афинским сотоварищем. "Оба мы домогались не того, чтобы кому-нибудь из нас стать первым, потому что каждый из нас славу друга почитал своей собственной. казалось, что одна душа в обоих поддерживает два тела. И хотя не заслуживают веры те философы, которые утверждают, что все разлито во всем, однако же, должно поверить нам, что мы были один в другом и один у другого. У обоих нас было одно упражнение - добродетель. К сей цели мы направляли всю жизнь и деятельность, поощряя друг друга. Можно сказать, мы служили друг для друга правилом и отвесом, с помощью которых распознается, что прямо и что не прямо". Разлука для них всегда была делом тяжелым, невыносимым. "Это было то же, что рассечь надвое одно тело, или то же, что разлучить двух тельцов, которые, будучи вместе вскормлены и приучены к одному ярму, жалобно мычат друг о друге и не терпят разлуки"*****.

* Письмо Никовула-сына к отцу/ /Твор. Григория Богослова. Т. V. С. 277. ** Григорий Богослов. Надгробное слово Василию Великому/ /Твор. его. Т. IV. С. 75. *** Григорий Богослов. Надгробное слово брату Кесарию//Твор. его. Т. I. С. 246. **** Евсевий. О палестинских мучениках, гл. 4. ***** Григорий Нисский. О жизни Григория Чудотворца//Там же. С. 137-139. ***** Григорий Богослов. Надгробное слово Василию Великому//Твор. его. Т. IV. С. 74-75, 80.

Каких общих результатов достигали христианские юноши, учившиеся в разных школах? Каковы были их научные успехи? Какого рода характеры воспитывали они в себе? Какие взгляды на жизнь и деятельность они вырабатывали? В заключение нашего очерка скажем об этом, хоть в немногих словах. Дети языческие выходили из школ "с умом незрелым"; они почти не приобретали "никаких положительных сведений"; "о естественном развитии умственных способностей не могло быть и речи"; "с умом незрелым они спешили броситься в жизнь"*. Посмотрим теперь на умственное развитие христианских юношей, учившихся вместе с детьми язычниками. Как много разницы между теми и другими! Один свидетель-очевидец, наблюдавший за умственным развитием христианских юношей, с восторгом говорит об одном из них: "Какого рода наук не прошел он? Лучше сказать, в каком роде наук не преуспел с избытком, как если бы занимался одной этой наукой? Так изучил он все, как другой не изучает и одного предмета; каждую науку изучил он до такого совершенства, как если бы не учился ничему другому"**. Тот же свидетель-очевидец почти то же свидетельство дает о другом христианском питомце языческих школ: "Кто был славнее его умом? Какого рода наук не прошел он? Или лучше сказать, в какой науке не успел более, нежели успел другой, занимаясь ей одной? Кто не только из сверстников по учению и летам, но и из старших возрастом и начавших учиться прежде него, мог с ним хотя бы несколько сравниться? Они изучил все науки как одну, и одну как все"***. Христианские юноши по богатству своих познаний представлялись как бы кораблями, наполненными богатым товаром. "Это был корабль, настолько нагруженный ученостью, насколько это вместимо для человеческого природы", - говорили об оном христианском питомце языческих школ****; это был "большой корабль, нагруженный всякими товарами, заключающий все (научные) сведения и возвращающийся в отечественный город, чтобы и других наделять сокровищами своей учености", - говорили о другом христианском юноше*****. Многие из этих последних достигали высокой славы, как между соучениками и согражданами, так и в целом образованном мире. В этом отношении лишь очень немногие из язычников могли поспорить с христианскими питомцами школ. Иные

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org из христианских юношей приобретали великую славу, когда еще учились, среди жителей города, где они учились. Жители Кесарии Каппадокийской громко хвалили ученость одного из христианских юношей, для которого этот город был первоначальным местом образования. Они всегда "свидетельствовали: какую славу этот юноша приобрел в короткое время как среди народных масс, так и у первостепенных граждан, так как он обнаружил ученость выше возраста!" Он казался "ритором между риторами и философом между философами"*****. Впоследствии же слава некоторых христианских юношей, учившихся в языческих школах, достигала всеобщей известности. Григорий Богослов о себе и о Василии Великом говорил: "Мы приобрели известность (своей ученостью) не только у своих наставников и товарищей, но и в целой Элладе. Слух о нас доходил и за пределы ее". Ибо там, где знали наставников их, там знали и их самих*****. В особенности прославлялись те из христианских питомцев языческих школ, которые избирали для себя какую-либо одну специальность, например медицину. Имена их делались известны от Востока до Запада. "Восток, Запад и все страны служили знаменитыми памятниками учености" не одного христианского врача, учившегося в языческих школах*****. Даже сами языческие ученые не отказывались отдать дань уважения христианским ученым, некогда учившимся в рассматриваемых школах. Так поступает Либаний, один из самых видных представителей учености IV века. До нас сохранились его собственные письма, в которых он отзывается о Василии Великом в самом выгодном для последнего смысле. Либаний, прочитав "Слово" Василия "На упивающихся", писал ему: "Уж не в Афинах ли живешь ты, Василий? Ибо кесарийцы (где Василий был епископом) не могли этого слушать. И мой язык не привык к этому. Это Гомер, или Аристотель, или Платон"*****. В другом письме к Василию, при котором Либаний послал ему свою речь, он высказывает свой трепет, с каким он представляет свое произведение такому замечательному ученому, каким был Василий: "Вот послал я речь, обливаясь потом. Да и как было не обливаться, посылая речь такому человеку, который своим искусством в составлении речей в состоянии доказать, что напрасно превозносится и Платонова мудрость, и Демосфенова стремительность? А моя речь то же, что комар в сравнении со слоном. Вот поэтому прихожу в ужас и трепещу, представляя себе тот день, в который взглянешь на речь, и даже едва не теряю ума"*****. С подобным же восторгом говорит Либаний и об Иоанне Златоусте, своем ученике. Вот как писал первый второму при одном случае. "Когда я получил прекрасное и обширное твое "Слово", то читал людям, которые сами знают это дело: все они пришли в восторг, прядали и восклицали"*****. Известен также факт, что когда Либания перед смертью спросили: кого из учеников своих хотел бы он иметь преемником в преподавании ораторского искусства - Либаний отвечал: "Я избрал бы Иоанна, если бы христиане не похитили его у нас"*****.

* Шлоссер. Всеобщая история. Т. IV. С. 330-331. ** Григорий Богослов. Там же. С. 78. *** Он же. Надгробное слово брату Кесарию//Твор. его. Т. I. С. 246. **** Григорий Богослов. Надгробное слово Василию Великому//Твор. его. Т. IV. С. 79. ***** Он же. Надгробное слово брату Кесарию//Твор. его. Т. I. С. 247. ***** Он же. Надгробное слово Василию Великому//Там же. С. 66 ***** Там же. С. 77. Поэтому-то Юлиан стал питать такую непримиримую ненависть к христианам, когда увидел, что христиане овладевают школами. ***** Он же. Надгробное слово брату Кесарию//Там же. С. 247. ***** Творения Василия Великого. Т. VII. С. 343. ***** Там же. С. 346. ***** Филарет Черниговский. Историческое учение об отцах Церкви. СПб., 1859 г. Т. I. С. 309. ***** Созомен. Церков. история. Кн. VIII, гл. 22.

Степень совершенства характера зависит от степени твердости тех убеждений, какими руководствуется человек в своей жизни. Первые основания для создания характера в этом смысле полагает первоначальное воспитание в доме родителей, а окончательному образованию характера в большей или меньшей мере помогает школа. Могли ли школы языческие, под влиянием языческих начал, содействовать твердости убеждений в человеке? На этот вопрос едва ли может быть дан другой ответ, кроме отрицательного. Мы знаем, как много было недостатков в организации языческой школы, а потому понятно, как мало она была пригодна для выработки цельных характеров. С какой шаткостью убеждений, с какой слабостью характера выходили лица из языческих школ, в этом мы ясно удостоверяемся, если возьмем в руки сочинение одного древнего церковного историка и прочтем у него рассказ о некоем софисте (учителе

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org (риторики) Эквилий. "Константинопольский софист Эквилий, – рассказывает древний церковный историк, – приспособившись к нравам царей, при христианском императоре Констанции притворялся пламенным христианином, при Юлиане казался ревностным язычником, а после Юлиана, когда снова начали царствовать христианские императоры, он захотел опять сделаться христианином; в последнем случае он распростерся на земле перед воротами христианского храма и взывал: "попирайте меня ногами, как соль обуявшую"*.

И такой "солью обуявшей" был не один Эквилий, а множество языческих питомцев тогдашних школ. Образованные лица из язычников, смотря по надобности, готовы были менять веру, "как одежду". Посмотрите теперь на христианских образованных юношей, характер которых слагался под благотворным влиянием христианства; разве можно сравнить их с языческими образованными людьми? Какую бы они школу ни проходили, языческую ли, христианскую ли, или же смешанную, т.е. учились ли они в тех и других школах, они, разумеется, в большинстве своем, оставались тверды в убеждениях, являлись людьми с крепким, цельным характером. Приводить ли примеры в доказательство сейчас высказанной мысли? Обратите ваши взоры на Оригена, сначала учившегося в школе своего отца-христианина, александрийского риторика Леонида, потом слушавшего уроки языческого философа и "пророка" Аммония Саккаса, – Оригена, познакомившегося под руководством этого последнего с самой соблазнительной языческой философией – неоплатонической, Оригена, прекрасно изучившего всех древних философов, не исключая материалистов и атеистов; проследите всю жизнь Оригена, и вы уверитесь, что он никогда не изменял христианским убеждениям, и ничто не могло отторгнуть его от любви Божьей. Он всегда оставался благочестивым христианином. Какое величественное и поучительное зрелище представляют ученики Оригена, учившиеся в его александрийской школе! Несколько из его учеников, цветущих молодостью, талантливых, с прекрасной жизненной перспективой, идут с полной готовностью на смерть за исповедание той веры, которой они так дорожили и значение которой им было объяснено юным учителем – Оригеном. Но что это? Вместе с учениками Оригена отводится на казнь и какая-то молодая женщина. Кто она? Да и эта ученица Оригена, это та Гераиса, которая так любила уроки Оригена, которая недавно оглашена и теперь идет креститься в "огне": ее ведь определено сжечь на костре**. Кому неизвестно также, что св. Иустин философ имел школу в Риме и что когда пришло время доказать его приверженность к вере делом, пострадать за свои убеждения, то он с твердостью пошел на место казни. А за ним пошли и все его ученики, все они, вся школа захотела разделить жребий своего учителя***. Все они были преданы казни. И хотя бы один стон, один звук! Лишь легкая бледность лица свидетельствовала, что исповедники навсегда прощаются со здешней жизнью. Христианские юноши, прошедшие языческую школу, заявляли себя не меньшей твердостью характера. Когда брату Григория Богослова знаменитому врачу Кесарию предстоял выбор: оставаться ли верным "подвигоположнику Христу", или же стать на сторону "жестокого властелина (Юлиана), то обольщавшего Кесария сладкими речами, то устрашавшего обширностью своей власти", тогда бывший питомец александрийской языческой школы с твердостью остался верен своим христианским убеждениям****. Еще один и последний пример. Св. Амфиан, сын богатых родителей, получивший прекрасное образование в Оксфорде древних времен – в Берите (в Финикии), пламенеет такой ревностью к христианским убеждениям, что безбоязненно идет обличить язычника-префекта и приобретает мученический венец за свое неустрашимое мужество. И поверите ли, что св. Амфиану в это время не было и двадцати лет?***** Остается сказать о тех взглядах на жизнь и деятельность, какие вырабатывались у христианских образованных юношей. Языческие юноши заботились главным образом о том, чтобы скорее сойти со школьной скамьи, – они "спешили броситься в жизнь". Мало того: все их помыслы устремлены были на то, чтобы получить "возможность с их образованием блистать в свете"*****. Короче, их взгляды на жизнь отличались легкомыслием. Как не похожи на этих легкомысленных молодых людей христианские юноши, учившиеся в школах не спеша, иногда до тридцатилетнего возраста! А главное: внешние приманки, внешний блеск совсем не соблазняли их. Когда Василий Великий и Григорий Богослов окончили курс в афинских школах, то к ним пришла толпа друзей и сверстников и многие из профессоров; все они "уверяли блестяще окончивших курс христианских юношей, что они ни под каким видом не отпустят Василия с Григорием, просили, убеждали, удерживали силой";***** т.е. цвет афинской образованности просил этих юношей остаться в Афинах и открыть курс преподавания красноречия. Как было бы это заманчиво для других! Как, например, стремился попасть в Афины профессор красноречия знаменитый Либаний, и тщетно! Но ни Василия, ни Григория лестное предложение афинского ученого сообщества ни мало не соблазнило. Вместо того чтобы сделаться профессорами в Афинах, и, без сомнения, блестящими, они отплыли на родину.

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org и здесь в незнатных городах – один в Кесарии, другой в Назианзе, приняли на себя скромную должность учителей в церкви. О св. Григории Чудотворце биограф его рассказывает, что когда Григорий блестящим образом окончил курс наук в Александрии и Кесарии Палестинской, то ему сделано было много лестных предложений занять то или другое место, обещавшее все блага мира сего; но Григорий, не внимая ничему такому, решился вернуться в родной Понт. "Здесь все ожидали, – продолжает рассказ его биограф, – что он обнаружит свою ученость всенародно, дабы в похвале и известности получить плод долговременных трудов". Но все обманулись. Григорий "высказывает свою мудрость молчанием, от городской жизни он удаляется в уединение..." Правда, впоследствии Григорий делается епископом Неокесарийским в Понте, но это случилось при исключительных обстоятельствах. Митрополит Понтийский Федим избрал Григория в архипастыри вышеназванного города, но избранный никак не хотел принять посвящения на такую ответственную должность. Тогда Федим (редкий случай в истории!) посвятил Григория заочно. Когда Федим хиротонисал Григория, последний находился от своего рукоположителя на расстоянии трех дней пути. После этого Григорий не противился, подчинившись своему жребию*****.

* Сократ. Церков. история. Кн. III, гл. 13. ** Евсевий. Церков. история. Кн. VI, гл. 4. *** Ruinart. Acta martirium. Ratisb., 1859. P. 105-107. **** Григорий Богослов. Надгробное слово брату Кесарию//Твор. его. Т. I. С. 253. ***** Евсевий. О палестинских мучениках, гл. 4. ***** Августин. Исповедь. Кн. I, гл. 10. ***** Григорий Богослов. Надгробное слово Василию Великому//Твор. его. Т. VI. С. 80. ***** Григорий Нисский. О жизни Григория Чудотворца//Твор. его. Т. VIII. С. 141-145.

Кто вдумается глубже в обстоятельства воспитания молодых людей в языческих школах с его последствиями, которые предположительно должны быть вредными и опасными для христианских юношей, но которые в действительности были полезны и благотворны для этих последних, тот с верой может принять, что в этом случае на этих юношах исполнялось обетование, данное Иисусом Христом Своим ученикам по воскресении: "Аще и что смертно истяють, не вредить ихъ" (Мк.16, 18). Христианские юноши утоляли свою духовную жажду из ядовитых источников, – в языческих школах, и однако же смертоносные источники эти не вредили им. Даже "душепагубные Афины" превращались для них в душеполезные Афины. Не напрасно Григорий Богослов восклицал в свое время: "Эллада, приятная юность – вы уступили Христу!"

Церковные доходы в первые века и их употребление на дела благотворительности

Положение дела в евангельское и апостольское время. – Церковные средства и их употребление во II и III в.; в чем они состояли, начатки и десятина, чрезвычайные пожертвования, кто распоряжался церковным имуществом? – Сбор пожертвований в праздники; ото всех ли принимались пожертвования? – Кому оказывалось пособие из церковных стяжаний? – Внимательность, с которой это совершалось, молитва за благотворителей, запрещение нищенства благо-творимым, употребление церковных средств на клир и нужды богослужения.

Если под именем церковного имущества будем понимать владение собственностью, ограждаемое государственными законами, то Церковь первых трех веков не имела подобного имущества. Как общество запрещенное, гонимое, христианская Церковь не обладала правоспособностью приобретать и иметь собственность. Но с другой стороны, фактически она обладала и распоряжалась по своему усмотрению пожертвованиями, какие делались со стороны ее членов; у нее были здания, предназначенные для богослужения, и усыпальницы, где погребались умершие.

Евангельская и апостольская истории представляют уже более или менее ясный пример, так сказать, церковного хозяйства.

Христос со Своими непосредственными учениками жил милостыней, которую Он получал в особенности от благочестивых женщин (Л/с. 8, 3). Евангелия показывают, на что именно употреблялись деньги, таким способом приобретаемые. Из них делались расходы на пропитание Христа и Его учеников.

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org Один из евангелистов упоминает о запасе, состоящем из пяти хлебов и двух рыб, которые ученики Христа несли с собой во время путешествия Иисуса Христа на проповедь (Мк. 6, 38). Христос, не имевший где главу преклонить, имел, однако, распорядителя, обязанного собирать, хранить и расходовать пожертвования. "А как у Иуды был ящик, то некоторые думали, что Иисус говорит ему: купи, что нам нужно к празднику, или чтобы дал что-нибудь нищим" (Ин. 13,29. Ср.: 12,6). Этот стих ясно показывает, что Господь Иисус поручил Иуде хранение подаяний и что последний расходовал их по Его указанию.

Из указанного видно, что пожертвования употреблялись для тройной цели: на содержание Господа Иисуса и Его учеников, на вспомоществование бедным и на издержки по устройению пасхальной вечери. Как покажет последующий рассказ, не иначе как для подобных же целей употребляла и последующая Церковь сборы с членов христианской общины. Пример Христа был законом для Его учеников и всей Церкви в этом, как и других случаях.

В апостольское время встречаем тот же образ действий. Верующие приносили часть от своих стяжаний и полагали к ногам апостолов (Деян. 5,2), которые и раздавались каждому, смотря по его нужде (Деян. 2,45). Часть подаяний употреблялась на покрытие издержек для совершения таинства Евхаристии (Деян. 2, 46). Апостолы от самого Господа были уполномочены заимствовать средства для своего содержания также из даяний членов Церкви. "В какой дом войдете, - говорил Господь Своим ученикам, - в том доме оставайтесь, ешьте, пейте, что у них есть, ибо трудящийся достоин награды за труды свои" (Лк. 10, 7).

В чрезвычайных случаях, как, например, по случаю голода, предсказанного Агавом, верующие делают нарочитые сборы и посылают пожертвования к пресвитерам известных церковных общин (Деян. 11, 29-30). Пресвитеры, каким именем в апостольских писаниях нередко обозначаются и епископы, являются главными лицами, ведению которых принадлежит распоряжение церковными суммами. Так как, однако, при раздаче вспомоществований вкрадывались злоупотребления, а апостолы между тем не могли уделять времени на занятие этим делом, отвлекаемые более важным и существенным служением, то в Иерусалиме дело раздачи пособий было возложено на диаконов (Деян. 6,1), хотя апостолы и пресвитеры (епископы) удерживали право высшего надзора в употреблении церковных денег (Деян. 11, 30).

Послания апостола Павла дают некоторые интересные подробности относительно занимающего нас вопроса. Апостол говорит: "В первый день недели (воскресенье) каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает, сколько позволит ему состояние, чтобы не делать сборов, когда я приду" (1 Кор. 16, 2). Апостол, желая избежать сборов во время своего прибытия, повелевает верующим из своих сбережений делать взносы по воскресным дням, которые, конечно, и сохранялись в общем казначействе. Это учреждение было новым делом в Коринфе, как это видно из того, что прежде сборы происходили только в исключительных случаях; так, например, церкви Македонии и Ахайи собирали и отсылали деньги верующим в Иерусалим (Рим. 15, 26). Из порицаний, с какими обращался апостол к коринфянам: "всякий поспешает прежде других есть свою пищу (во время совершения агап), так что иной бывает голоден, а иной упивается" (/ Кор. 11,21), легко можно заключать, что в Коринфе при богослужении сначала не существовало обыкновения уделять что-либо из своих достояний на общую пользу. Такое обыкновение возникло первоначально в обществах христиан из иудеев, а потом по наставлению апостола утвердилось и в Коринфе. Вероятно, апостол Павел ввел это обыкновение и во всех основанных им Церквях.

Из посланий ап. Павла видно, что церковные суммы употреблялись на бедных и странников (Рим. 12, 13). Избыток у богатых лиц должен был восполнять скудость неимущих (2 Кор. 8,14). Не все, однако же, бедные должны были пользоваться церковным вспомоществованием: бедные и вдовы, имеющие достаточных родственников, должны пропитываться от этих последних, а эти в свою очередь не должны были обременять Церковь требованием вспомоществования для своих бедных, ибо каждый обязан заботиться о своих иждивенцах (1 Тим. 5,8-16). Ленивцы празднующиеся также не могли рассчитывать на помощь от Церкви, ибо, по апостолу, кто не трудится, тот не должен и есть (2 Сол. 3, 10). Апостол Павел получал содержание из церковной кассы (Флп. 4,16-17). Правда, обыкновенно он питался трудами рук своих, но он ясно высказывает мысль, что проповедники Евангелия имеют все права пропитываться за счет Церкви. "Если посеяли мы в вас духовное, велико ли

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org то, если пожнем у вас телесное? Разве не знаете, что священнодействующие питаются от святилища? Так и Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовестия" (1 Кор. 9, 11-14). Само собой понятно, что могли заимствовать содержание из церковной сокровищницы не одни апостолы, но и церковные учителя: наставники оглашаемых (Гол. 6, 6), а также учащие пресвитеры, которые достойны сугубой чести (1 Тим. 5, 17).

Посмотрим теперь, в каком положении находится занимающий нас вопрос во II и III веках.

Вошедшие в обычное в век апостольский пожертвования на пользу Церкви, обыкновенные и чрезвычайные, строго удерживались и в последующее время: пожертвования обыкновенные собирались каждый воскресный день, при совершении Евхаристии. Жертвовали, кто сколько был в состоянии и сколько хотел; пожертвование отдавалось пресвитеру или епископу, как свидетельствует св. Иустин (Апол., гл. 67). То же было и в середине III века. Если Тертуллиан делает упоминание о сборах ежемесячных, которые состояли главным образом из денег (Апол., гл. 39), то это несколько не исключало воскресных пожертвований, которые главным образом состояли из натуральных продуктов - молока, меда, масла и в особенности хлеба и вина (Апостол, прав. 3-е).

Церковь постоянно призывала своих членов к посильным пожертвованиям в пользу неимущих. "Кто делится с ближним от всего, дает каждому просящему, тот идет путем света" (Варнава. Посл., гл. 19). Христианские писатели высоко ставят тех, кто во время поста, воздерживаясь от пресыщения, бывает в состоянии уделять необходимое для бедных (Ерм. Подобия, 5). Св. Киприан осуждает богатых, которые приходили в Церковь с пустыми руками, и за богослужением пользовались той долей, которая назначалась для бедных (Книга "О благотворениях").

Когда с течением времени христианские общества сделались многочисленнее и явилась нужда иметь многих духовных лиц, возникает мысль и забота о том, чтобы церковные доходы увеличить и сделать их более регулярными. Увещания Оригена, Киприана и книга так называемых Постановлений Апостольских свидетельствуют, что вообще доходы духовенства были очень незначительны. Этой беде старались помочь через утверждение обычая приносить на пользу Церкви начатки и десятины от стяжаний. Этот источник доходов указывался ветхозаветными учреждениями и законами. Учение о начатках и десятине, как источнике церковных доходов, развивалось в Церкви постепенно. У церковных писателей II века ясных свидетельств относительно этого предмета не находим. Иное дело в III веке. У св. Ипполита уже встречаем указание на обычай приносить начатки в Церковь; приносились начатки хлебного зерна, вина, масла, меда, молока, шерсти и заработной платы; все это вместе с начатками от плодов земных, приносилось в храм епископу, который и благословлял приносимое. Оставались ли эти начатки на пользу Церкви, или же по благословению возвращались владельцу, об этом прямо не говорится. Но принимая во внимание слова молитвы, которая произносилась над начатками: "да будут они в насыщение неимущим из народа Твоего", правильнее утверждать, что начатки были церковным достоянием (Постан. Апост. кн. 8, гл. 40). Этим положено начало пожертвований начатков в пользу Церкви. О десятине Ипполит, однако же, ничего не упоминает. Также и Киприан, кажется, ничего не знал о подобном учреждении в христианском обществе. Если же Киприан в одном из своих писем проводит параллель между ветхозаветными левитами и христианскими клириками, то здесь раскрывается учение не о десятине, а о том, что духовенство должно пользоваться свободой от мирских занятий, чтобы беспрепятственнее служить Богу. Мысли эти само собой предполагают, что духовенство должно содержаться за счет верующих, но не за счет десятины, а вообще от подаяний. В другом случае Киприан говорит, что прежде христиане продавали свои дома и деньги полагали к ногам апостолов, а теперь мы не даем даже десятины от своих стяжаний (Книга "О единстве Церкви").

Обычай брать десятину сначала появился на Востоке и отсюда перешел на Запад. На Востоке прежде всех учитель Церкви Ориген заговорил о десятине, а также о начатках. Об этом предмете он в особенности распространяется в одной беседе (которая известна под названием "De primitiis offerendis"). Отправляясь от мысли, что Ветхий Завет повелевает жертвовать в пользу священников начатки от плодов и домашних животных, он считает необходимым буквальное исполнение этих предписаний и в христианстве. Он говорил: "Пусть не возражают мне, что ветхозаветные правила не обязательны для христиан,

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org потому что в Ветхом Завете есть различного рода предписания. Псалом XVIII говорит о законе, заповеди и оправдании. "Закон" – это такое предписание, которое находит в христианстве свое высшее исполнение, и потому христиане должны понимать и соблюдать его не буквально, а в духовном смысле. Сюда принадлежит закон, которым предписывается праздник Пасхи и обрезание. "Заповедь" (наприм., Десятисловие) не имеет преобразовательного значения, а потому должна быть применима и хранима христианами буквально. "Оправдание" же позволяет и буквальное, и аллегорическое объяснение. Предписание относительно начатков есть "заповедь", а потому и в христианстве оно должно быть исполняемо с буквальной точностью". Основания для этого Ориген представляет следующие: "Прилично и целесообразно приносить начатки для священников новозаветных, ибо Господь сказал: благовествующие Евангелие живут от благовестия и служащие алтарю питаются от алтаря. Далее, через подобную жертву верующие дают свидетельствование о том, что они получили плоды от Бога. Ибо если кто верует, что получает их от Бога, то он знает, что он воздает тем честь Богу за Его дары, если дает начатки священникам. Наконец, Иисус сказал: горе вам, фарисеи, ибо вы даете десятину от самого малого, а важнейшее в законе забываете. Лицемеры! Одно должно делать и другого не оставлять. Если Христос, таким образом, требует, чтобы давали начатки и десятину, то тем более Он требует этого от Своих учеников, праведность которых должна быть больше праведности фарисеев" (Orig. in Num. horn. 11). В сочинениях Оригена встречаем даже одно место, в котором начатки и десятину рассматриваются не как свободные дары, а как прямая обязанность верующих (In Ies. Nav. horn. 17). Несомненно, что во времена Оригена вопрос о десятине и начатках был решен, по крайней мере, в теории. Вскоре эта теория переходит и в практику.

На той же точке зрения, как Ориген, стоит и писатель "Постановлений Апостольских". Если Ориген, однако же, главным образом имел в виду начатки, десятины же лишь только касался, то писатель "Постановлений" ставил то и другое рядом на одной линии. Это было шагом вперед в вопросе о церковных доходах. Во II книге Постановлений говорится: "По повелению Божию даваемые десятины и начатки епископ должен употреблять, руководясь справедливостью, и добровольные дары, доставляемые ради бедных, он должен расходовать также" (Кн. II, гл. 25). Здесь находится ясное различие между узаконенными и добровольными жертвами. Дальше в том же месте Постановлений говорится: "Как в Ветхом Завете священники имели от мирян содержание, так и в Новом Завете те, кто живут для Церкви, должны питаться от благ церковных". Затем, приведя изречения из Ветхого Завета, в которых заключается заповедь о десятине, писатель продолжал: "Слушайте это вы, миряне, слыши, избранная Церковь Божия". Еще решительнее предписание на этот счет заключены в VIII книге Постановлений. Здесь уже не указывается оснований, почему нужно давать десятину и начатки, а просто предписывается исполнять это, как утвердившееся и общеизвестное правило. "Повелеваю о начатках и десятинах. Всякий начаток приносить епископам, пресвитерам и диаконам на пропитание их, а всякую десятину приносить на пропитание прочих клириков и девственников, вдовиц и бедных" (гл. 30). Десятин и начатки до середины III века не были в обычае, но с этого времени постепенно входят в церковную практику.

По обстоятельствам бывали в Церквях особенные, чрезвычайные сборы пожертвований. Если обычных приношений было недостаточно для вспомоществования бедным, епископ данной Церкви побуждал общину к чрезвычайным жертвованиям (Пост. Апост. Кн. 4, гл. 8). Преимущественно это случалось, когда какая-либо Церковь оказывалась в несчастье или беде. Тогда, когда разбойники ограбили нумидийские Церкви, Киприан объявил сбор в пользу пострадавших и послал 100 000 сестерций (мелкая монета) в указанные Церкви для выкупа пленных. Римская церковь в подобных же случаях отличалась особенно широкой благотворительностью. Дионисий, еп. Коринфский, так писал к папе Сотирю: "Издревле ведется у вас обычай оказывать всем братьям различные благодеяния и посылать вспомоществования многим Церквам, в каких бы городах они не находились, помогать нуждающимся и оказывать поддержку братьям, томящимся в рудоконьях" (Евсев. Церков. ист. IV, 23). Подобное же свидетельство встречаем о Римской церкви в послании еп. Дионисия Александрийского к папе Стефану (Там же. VII, 5).

Случалось, и отдельные лица из числа верующих делали чрезвычайные вклады в Церковь. В особенности при вступлении в христианство новопросвещенные изъявляли свою радость великими пожертвованиями на Церковь. Так, это известно о еретике Маркионе: присоединившись к христианству, он сделал вклад в церковную казну, который, однако, был ему возвращен, когда он отпал

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org от Православия. Далее, те, кто чувствовал в себе призвание к прохождению апостольского благовестия, прежде чем вступить на это трудное поприще, отдавали свое имущество Церкви и бедным (Евсев. Церков. ист. III, 37).

Деньги, которые собирались с членов общины, хранились в церковной сокровищнице, которую Тертуллиан называл ящиком (arca), Киприан и писатель Постановлений Апостольских – корваной (слово "корвана" собственно значит "дар, приносимый Богу"). Епископ обязан был разделять церковные суммы между нуждающимися с вниманием, благоразумием и осторожностью; вообще требовалось самое добросовестное отношение к делу (Пост. Апост. III, 4). В самые первые времена христианства пожертвования приносились к епископу и хранились в его доме.

Кроме перечисленных доходов Церковь, по крайней мере в III веке, могла получать доход от недвижимых имуществ, какими она владела. А что она владела таковыми, это видно из того, что император Константин приказал возвратить ей различные земельные участки, отнятые у нее во время гонения Диоклетиана, как то: поля и сады. Поля, сады произращали плоды, а следовательно приносили доход Церкви.

Теперь скажем о том, как происходило управление и распоряжение церковным достоянием. Общие правила в этом отношении заключались в следующем: тот, в доме которого слагались и сберегались пожертвования, ничего не должен был удерживать для себя в вознаграждение за труд управления церковным достоянием, но он должен был из милосердия раздавать все. Обыкновенно подаяния приносились к епископу, который и надзирал за раздачей без притязаний на вознаграждение (Терт. Апол., гл. 39). Апостольские правила прямо предписывают епископу, чтобы он, имея заботу относительно церковного имущества, не присваивал его себе и не тратил на свою родню (Прав. 38-е). Миряне приносили или сами, или через диаконов свои дарствования епископу для раздаяния (Пост. Апост. II, 27).

В продолжение первых трех веков епископ неоспоримо оставался главным раздаятелем и управителем церковных доходов. Киприан прямо предписывал, сколько и кому нужно выдавать церковных стяжаний, а во время его отсутствия пресвитеры и диаконы лишь занимали его место по управлению имуществами, а не были самостоятельными деятелями. Следующий случай должен показать, как епископы исполняли свою обязанность по управлению церковным имуществом. Комедианты обыкновенно не были принимаемы в христианское общество, пока они играют на сцене. Между тем, при Киприане в его карфагенской церкви встретился такой случай: один комедиант обратился в христианство, отказавшись от сцены; но так как ему нечем было жить, то он продолжал давать уроки сценического искусства. Но это обстоятельство показалось зазорным для Киприана, и он приказывает принять содержание комедианта на церковный счет, с тем условием, чтобы последний отказался от своего занятия (Письма Кипр., 2). Из этого видно, что исключительно епископу принадлежит право принимать тех или других лиц в число содержимых за счет Церкви. То же самое видно из другого факта, о котором свидетельствует Тертуллиан. Один епископ молодую девицу, не достигшую еще двадцатилетнего возраста, зачислил в разряд вдов, содержащихся за счет Церкви. На "это чудо, чтобы не сказать – чудище" (monstrum), смеется Тертуллиан, приставший уже к ереси монтанистов, замечая, что если епископ непременно должен был оказать поддержку девице, то он мог это сделать каким-нибудь другим способом (De velan. virg., cap. 9). Факт этот, во всяком случае, показывает, что именно епископы назначали лиц, которым следовало оказывать церковное пособие. Как полный распорядитель церковным имуществом изображается епископ и у прочих писателей рассматриваемого периода.

Чтобы не оставить без помощи истинно нуждающегося и также не оказывать помощи людям недостойным, епископы обязаны были иметь самые точные сведения о членах своей общины. Киприан, как сам делал, так и внушает пресвитерам своей Церкви, когда он удалился из Карфагена во время гонения Дециева, чтобы обращалось внимание на "возраст, положение, качества" лиц, которым оказывается помощь (Письма Кипр.). В Постановлениях Апостольских говорится: "Епископ сам знает бедных и дает каждому по мере его нужды, чтобы не дважды подавать необходимое одному и тому же лицу в один и тот же день или на одной и той же неделе, и других оставлять ни с чем" (II, 27).

Случалось иногда, что епископы не сами раздавали пособие, а поручали это доверенным лицам. Это было необходимо сделать, если епископ во время гонения удалялся из города, был болен или по какой-нибудь причине

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org отсутствовал. Наместниками епископа в подобных случаях были пресвитеры. То же правило наблюдалось, если епископская кафедра была вакантной. В таком качестве встречаем пресвитеров еще во времена св. Поликарпа Смирнского, ибо последний возлагает не только попечение на них о вдовах, сиротах и бедных, но и предостерегает их от скупости (Поел, к Филипп., 6). Когда христианство из городов, где оно первоначально насаждалось, распространилось и на села, тогда здесь возникли отдельные общины. Хотя связь подобных общин с городским епископом была самая живая, однако, попечение об их бедных имел обыкновенно собственно их пресвитер. Особенную деятельность проявляли пресвитеры, когда нужно было оказывать помощь христианам, заключенным в тюрьму во время гонений. На исповедников всегда тратились большие суммы денег, и так как это поручалось пресвитерам, то они в этом случае достигали значительного влияния. Но как ни важно было значение пресвитера в том или другом случае при раздавании церковных достояний, полным хозяином был не кто другой, как епископ. В Апостольских правилах (пр. 41-е) говорится: "Епископ имеет власть над церковным имением, - он всем распоряжается по своей власти и через пресвитеров и диаконов подает требующим".

Как пресвитеры, также и диаконы принимали участие в раздавании церковных стяжаний. В этом случае они назывались "руками" епископа, но они ничего не могли делать без его воли. Им положительно запрещено было оказывать пособия помимо ведения епископа, так как это могло навлекать нарекания на последнего (Пост. Апост. II, 32).

Принятие и раздавание церковных средств обставлено было многими условиями, которые в самом ярком свете рисуют перед нами высокий нравственный характер Церкви того времени.

Большей частью сбор пожертвований соединялся с богослужебными собраниями. Время, когда верующие собирались все вместе, было, без сомнения, очень удобным для данной цели. Однако же, этот обычай имел и более глубокую основу. Христиане ставили милостыню и молитву в самой тесной взаимной связи: благотворение для них было как бы богослужебным действием. Отсюда св. Киприан предписывал, чтобы "молящиеся не приходили к Богу с пустыми руками, ибо таковая молитва бесплодна" (в книге "О молитве Господней").

Вследствие такой связи жертвования и молитвы считалось важным вопросом, что и каким образом жертвуется, подобно тому, как молиться можно о том, а не другом, так, а не иначе. Пастыри Церкви имели своей обязанностью наблюдать: принесенный дар есть ли дар правый? диаконы обязаны были знать и разузнавать: каков даятель и не приобретено ли им имущество незаконным и неправым путем (Пост. Апост. III, 8). Требовалось, чтобы не только был чист дар, но чтобы был непорочен и даятель. Бог взирал не на жертву, которую приносили Каин и Авель, но на сердце, и жертва того из них найдена приятной, в чьем сердце Бог обрел угодное ему (Киприан. "О молитве Господней"). Постановления Апостольские запрещают принимать приношения от следующих лиц: корчемников, блудников, хищников, прелюбодеев, угнетателей сирот, обидчиков слуг, плутов, бессовестных адвокатов, ваятелей идолов, несправедливых сборщиков податей, купцов обвешивающих и обмеривающих, притеснителя-воина, человекоубийцы, палача, судьи, торгующего правосудием, пьяницы, распутника, ростовщика, отлученных от Церкви. Постановления Апостольские предвидят возражение: "Если, в самом деле, Церковь не будет принимать от вышепоименованных лиц подаяний, то чем будут содержаться вдовицы и бедные?" Ответ дается такой: "Если Церковь находится в нужде, то лучше погибнуть, чем принять что от врагов Божьих", т.е. явных грешников (Кн. IV, гл. 6-8). В тех же Постановлениях Апостольских встречаем такое замечание: если случится что-нибудь принять от указанных недостойных лиц, то принятое пусть будет употреблено на покупку дров и угля, ибо дело доброе предавать дары нечестивых огню, а не употреблять их на пищу благочестивых (IV, 10). Лицам кающимся, напротив, внушалось делать пожертвования, так как это может быть средством к возбуждению духа покаяния. Земное имущество часто бывает причиной греха и падения, поэтому раздача имущества есть полезное врачевство для грешника (Киприан. "О падших").

Раздача церковных стяжаний производилась не тотчас, но смотря по свойству дара и нужде получателей, то скорее, то менее поспешно. Кажется, обыкновеннее всего было, что миряне получали вспомоществование раз в неделю, а клирики раз в месяц. Быть может, это стояло в связи с тем обстоятельством, что и сбор подаяний был еженедельный и ежемесячный. Впрочем, так как в III веке Евхаристия стали часто совершать каждый день и так как при этом собирались и пожертвования, то раздача последних

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org встречалась, вероятно, и ежедневная.

Общим правилом было то, чтобы епископы раздавали пособия нуждающимся и достойным. Они должны были "о сиротах пеших как родители, о вдовицах как мужа, взрослых сочетать браком, ремесленнику доставлять работу, страннику кров, алчущим пищу, нагим одежду, болящим посещение, заключенным вспоможение". Из числа сирот девицу, как скоро она достигла брачного возраста, епископы должны были отдать замуж, а мальчика снабдить средствами, чтобы он мог научиться мастерству и стал пропитывать сам себя. Если мальчик научился ремеслу, ему должно было на церковные деньги купить инструмент, чтобы затем не отягчать собой уже Церкви (Пост. Апост. IV, 2). При раздаче церковных пособий епископы должны были твердо помнить правило: кто не трудится, тот пусть не ест. Всякий, кто предан расточительности или пьянству, а так же ленивый, и вследствие этого терпящие нужду, не только не заслуживали никакой помощи, но считались даже недостойными церкви Божьей. "Праздность есть воистину мать голода" (Пост. Апост. II, 4).

Чаще всего на церковные средства содержались вообще бедные. Св. Иустин говорит: "Собираемое приносилось епископу, и он оказывал пособие сиротам, вдовам и таким, кто или по болезни, или по другим причинам впал в нужду, а также заключенным в тюрьме, странникам, кратко сказать: епископ заботился обо всех нуждающихся" (Апол., гл. 67). Совершенно согласно с этим Тертуллиан замечает, что благочестивые приношения тратились на пропитание и погребение бедных, на сирот, престарелых верующих, на потерпевших кораблекрушение, на тех, кто сосланы в рудопни и на острова, заключены в темницы, если все это случилось ради Христовой веры (Апол., гл. 39).

Особенными заботами окружались лица, гонимые за веру. Многие из них во время гонений лишались всего своего имущества, и, однако же, несмотря на бедность и преследование, верно служили Господу, показывая образец веры для прочих христиан; поэтому они заслуживали сугубой любви и поддержки от Церкви. После исповедников пользовались попечениями Церкви вдовы и сироты. Однако же, вдовам не отдавалось исключительного предпочтения: замужняя женщина, но обедневшая, обремененная детьми, болезнью, даже предпочиталась вдове (Пост. Апост. II, 4). На епископе лежало попечение о бедных больных; он должен был удовлетворять даже их мелким потребностям: если они нуждались в глиняном сосуде, то он должен дать и это.

Не все бедные могли рассчитывать на помощь Церкви, но только те, кто не могли работать. Бедных, но способных трудиться, Церковь призывала к ремеслам и занятиям и увещевала их не обременять собой Церкви (Пост. Апост. II, 63). Часто встречаем в свидетельствах древности восхваление таким вдовам, которые как ни были бедны, однако же умели обходиться без помощи церковных средств. Церковь считала своей обязанностью помогать лишь совершенно беспомощным.

Раздаватели церковного имущества должны были совершать это дело с полным тщанием. Они должны были разузнавать, отчего произошла бедность и достоин ли бедный вспомоществования. Обращалось внимание и на то, пребывал ли нуждающийся в бедности и лишениях от детства или вначале был богат и жил в неге, а потом позднее лишился всего. Последний предпочитался первому, как человек более возбуждающий сострадание. Принималось в расчет, кто нуждается: мужчина или женщина, старец или юноша, и если юноша, то различали такого, кто совсем ничего не может заработать, и такого, кто может заработать хоть на хлеб. Разузнавали также, имеет ли нуждающийся детей, заботится ли об их воспитании или пренебрегает этим. "Кто хочет, - говорит в заключение Ориген, который сообщает нам вышеуказанные случаи, - вполне хорошо распоряжаться церковными доходами, тому потребна великая мудрость, чтобы он найден был мудрым и верным управителем и удостоился блаженства" (Orig. in Matth. 61).

Бедные имели обязательство молиться за даятелей (Ерм. Подобия. кн. 5, гл. 3). Для этой цели, когда выдавалось пособие, возвещалось имя жертвователя, чтобы вспомоществуемые знали, за кого им молиться (Пост. Апост. III, 4). Так поступал св. Киприан. Случалось иногда, однако же, что известность имени жертвователя приводила к неприятностям для последнего. Ибо некоторые назойливые бедные обращались с укорами к щедро-дателю: почему от него назначено пособие другим, а не им, хотя они более нуждаются (Пост. Апост. III, 14). Из этого также видно, что жертвователи прямо указывали лицо, которому должно дать пособие от их взносов, и которому вручалось это пособие через епископа. Вообще было в обычае, что имена даятелей

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org упоминались при совершении самой литургии.

Пользовавшиеся пособием от Церкви должны были молиться не только за жертвователей, но и за раздавателей – епископов. Постановления Апостольские влагают в уста вдовицы следующие слова молитвы: "Благословен еси Боже, ожививый вдовицу! Благослови Господи и прослави послужившего ей. Благослови и епископа моего, благовременно давшего милостыню старице, нагой сущей" (III, 13).

Всем, кто находил себе поддержку в церковных средствах, запрещено было нищенствовать. Между вдовицами встречались такие, которые отличались бесстыдством и ненасытной алчностью. "Их Бог – кошелек", по характеристичному выражению Постановлений. Не довольствуясь церковным пособием, они шатались из одного дома в другой, везде выпрашивали подаяний, причем дело доходило до того, что некоторые из верующих объявляли, что при таких обстоятельствах они не будут делать более подаяний на бедных. Предстоятели Церкви старались положить конец беспорядку. Они указывали жадным вдовицам пример евангельской вдовы, которая из своих скудных средств находила возможным уделить две лепты на храм. Они грозили подобным бессовестным лицам, что если они будут продолжать ходить по домам и собирать милостыню, то будут лишены содержания на церковные средства (Пост. Апост. III, 7).

Для бедных, кажется, устраиваемы были общие трапезы. Это было обыкновенно по воскресным дням.

Второй род лиц, содержимых за счет Церкви, составлял клир. Это и естественно. В древности на церковные должности избирались лица вследствие глубокого призвания к этому делу. Желая быть истинными образцами для других, они отказывались от своего имущества (Orig. in Matth. 15), а потому могли содержаться лишь за счет Церкви. "Священники и служители Божьи не имели никакого земного наследия, потому что их наследием был Господь" (Orig. in Num. hom. 21). Притом большое имение и управление значительным имуществом казалось делом, противоречащим призванию клирика и его назначению: Церковь грозила низвержением тому епископу, который брал на себя управление мирским имуществом (Апост. пр. 81-е). Свободный от попечений о земном клирик, неоднократно повторяют писатели рассматриваемого периода, должен жить только для небесного. Вследствие этого пастыри могли содержать себя на средства Церкви.

История первых трех веков действительно представляет нам примеры пастырей Церкви, которые при вступлении на служение Церкви раздавали все свое имущество бедным. Историк Евсевий представляет это дело явлением самым обыкновенным (Церк. ист. III, 37). Григорий Чудотворец, епископ Неокесарийский, не только раздал все свое достояние, но даже не хотел оставлять за собой гробницы, где хоронился его род (Григ. Нисский. О жизни Григ. Чуд., гл. 18). Св. Киприан, по избрании его в епископы, расходовал свое достояние на бедных (Ruinarth. Acta mart. II, 23).

Клир, таким образом, должен был обеспечивать себя пищей и одеждой за счет Церкви. К этой же цели приводили и слова Апостола (1 Кор. 9, 10-14). Постановления Апостольские внушают ту же мысль, принимая во внимание положение ветхозаветных священников, как оно изображено в книге Чисел (II, 25). В 41-и Апостольском правиле прямо говорится о епископе: "Пусть епископ, если имеет необходимость, заимствует из церковных имений на нужды свои и странников, да не потерпят недостатка ни в каком отношении. Ибо закон Божий постановил: да служащие алтарю от алтаря питаются". Само собой разумеется, что если епископ имел свое имущество, то ничего не препятствовало ему содержаться на свои средства (Апост. пр. 40-е).

Епископы имели право и обязанность выдавать пособие из церковного имущества и всему прочему клиру. Если случится, что какой-нибудь низший клирик по небрежению епископа или пресвитера очутится в безвыходно бедственном положении, то Апостольские правила предписывают лишать виновных сана (Пр. 59-е).

Относительно того, что и как раздавалось клирикам из церковных стяжаний, древность сохранила следующие известия. Стяжания эти состояли частью из обыкновенных воскресных пожертвований, частью из начатков и десятины. Вторая книга Постановлений Апостольских вообще говорит о раздаче десятины, начатков и прочих пожертвований как клирикам, так и бедным. Седьмая же

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org книга Постановлений говорит, что десятина принадлежала бедным, а начатки священникам. По восьмой книге Постановлений начатки принадлежали епископам, пресвитерам и диаконам, вдовам и бедным (II, 25; VII, 29; VIII, 31).

Не все клирики получали равные части. Восьмая книга Постановлений указывает следующий порядок. Приношения хлеба и вина, какие оставались за удовлетворением расходов по совершению таинства Евхаристии, диаконы по воле епископа и пресвитера разделяли клиру. Епископ получал четыре части, пресвитер три, диаконы две, а прочие клирики – иподиаконы, чтецы, певцы, диакониссы – по одной части (VIII, 31). Что от воли епископа зависело увеличивать или уменьшать выдачу данному лицу, это видно из распоряжения, данного однажды Киприаном, по которому некоторые чтецы, отличавшиеся духовными достоинствами, стали получать пресвитерские доли из церковного имущества. Подобно клирикам, содержались за счет церковных сумм вдовы и девы, состоявшие диакониссами, потому что они принадлежали к клиру (Пост. Апост. VIII, 31).

Наконец, за счет церковных сумм делались расходы для целей богослужебных.

Сюда относилось и построение церквей, украшение алтарей, а также устройство усыпальниц, которые не только служили для погребения частных лиц, но иногда и для совершения общественного богослужения. Для освящения храмов при совершении богослужения и агап потребны были воск и масло, при крещении – мед и молоко, при миропомазании – миро. При совершении литургии употреблялся ладан. Все это, конечно, приобреталось на церковные суммы. Могли случаться расходы на покупку хлеба и вина, так как все христиане обыкновенно причащались во время каждой литургии, а между тем почему-нибудь приношений для этой цели было мало. Церковные суммы употреблялись также на погребение бедных из верующих. Верующие были очень заняты этим вопросом и заботились о приличном погребении, как это видно из замечания Тертуллиана, что ежемесячные сборы назначались именно для погребения бедных (Апол., гл. 39). В видах безопасности во время гонений христиане, по свидетельству того же Тертуллиана, выдавали известную сумму денег римским солдатам, чтобы они и сами не нападали, и другим препятствовали делать нападения на богослужебные собрания (De fuga, cap. 13).

Собор "при дубе" (403 г.), или Тяжкое испытание в жизни святого Иоанна Златоуста

Значение и интерес собора "при дубе". – Два главных врага св. Иоанна Златоуста; объединение вокруг них других лиц, питавших нерасположение к святителю. – Место, где собрался собор против Златоуста ("при дубе"). – Состав собора и его деятельность. – Шесть видов обвинений, предъявленных здесь против Златоуста. – Разъяснение, разбор или опровержение этих обвинений. – Златоуст и привязанные к нему любовью епископы. – Приглашение собора к Златоусту явиться сюда. – Отказ Златоуста последовать приглашению. – Приговор собора над Златоустом. – Изгнание Златоуста и торжественное возвращение его на архипастырскую кафедру столицы.

Собор "при дубе" представляет собой печальный эпизод в жизни архиепископа Константинопольского св. Иоанна Златоуста. Он был тяжким испытанием в жизни этого святителя. На нем употреблены были все усилия, на какие только способна злоба и ненависть, для того чтобы очернить и обесславить имя великого архипастыря, поистине блиставшего как замечательным умом и проповеднической деятельностью, так и святостью и добродетелями.

Великих людей чаще всего посещают великие искушения. Так было и со Златоустом. Быть может, и нельзя сделаться великим человеком, не перенеся великих искушений. Это подтверждает и собор "при дубе". Он показывает нам не только степень злобы людской, направляющейся против истинной святости, но и дает ясное представление о высотах духа истинно-добродетельного мужа, не смущающегося при виде всей ярости почти нечеловеческой вражды.

В этом главный интерес указанного собора. Но, кроме того, история этого собора переносит нас в начало V века, в столицу Империи – Константинополь. Здесь встречается для нас много явлений, обычаев, фактов, возбуждающих полное любопытство. Словом, читаем такую страницу церковной истории, которая мало кому известна.

Но обращаемся к нашему рассказу*.

* Актов этого собора до нас не сохранилось. Но, несомненно, они существовали в свое время. Их читал патр. Фотий и сделал из них извлечения, которые и заменяют для нас акты этого собора. Эти извлечения напечатаны у Манси: Concilia. T. III. P. 1141-1148 (здесь же помещены более существенные отрывки из "Жизни Златоуста", описанной Палладием, p. 1149-1154). Кроме этого издания, в нашей статье мы будем пользоваться следующими сочинениями: Hefele. Conciliengesch. Bd. II; Neander. Der heilig. Iohan. Chrys.; Thierry. St. Jean Chrysost.; Tillemont. Memoires. T. XI и некоторыми другими.

Чтобы мог составиться собор, поставивший себе целью очернить имя великого святителя и наделать ему много неприятностей, для этого, само собой понятно, должны были быть у Златоуста не только непримиримые, но и сильные по своему внешнему положению враги. О них прежде всего и скажем.

Во главе лиц, неприязненно расположенных к Златоусту, стояла императрица Евдоксия, жена слабого и недеятельного императора Аркадия. Евдоксия не отличалась нравственными достоинствами. Этого одного уже было достаточно для того, чтобы императрица почувствовала нерасположение к Иоанну Златоусту, ревностному и небоязненному проповеднику христианской нравственности. Между недостатками Евдоксии видное место занимал тот, что она была чрезвычайно корыстолюбива и притом еще содействовала своим приближенным и любимцам обогащаться за счет народа, в особенности за счет состоятельных лиц, впадших в опалу. Златоуст не молчал относительно этих злоупотреблений в своих проповедях, впрочем, избегая всяких личностей. Разумеется, льстецы Евдоксии всякую подобного рода проповедь знаменитого проповедника старались истолковывать как прямую нападку на императрицу. Это рождало глухую вражду императрицы к Златоусту. Но на этом дело не остановилось. Вскоре вражда становится явной. Евдоксия позволила себе поступок, который глубоко поразил человеколюбивую душу архипастыря. Она довела до гибели одного знаменитого мужа в Константинополе – Феогноста и лишила последнего достоинства его вдову, отняв у нее последний виноградник, находившийся в окрестностях столицы. Златоуст, узнав об этом, написал императрице сильное по содержанию письмо, в котором раскрывал мысль о суетности стяжаний. Святитель прямо требовал, чтобы царица возвратила по принадлежности отнятый ею виноградник, если она хочет обрести благоволение Божье в день Суда. Это письмо привело в ярость Евдоксию, и она пожаловалась на архипастыря своему мужу. С этих пор (а это было в 401 году, спустя 4 года по вошествии Златоуста на Константинопольскую кафедру) императрица искала случая отомстить Златоусту. Всякая проповедь Златоуста обличительного характера, в особенности если она касалась суетности женщины, принималась при дворе как более или менее ясный и неприличный намек на Евдоксию. Вражда все более и более разгоралась в сердце негодующей императрицы.

Другим лицом, которое стало тоже во враждебные отношения к Златоусту, был архиепископ Александрийский Феофил. Феофил принадлежал к числу властолюбивых и крайне самолюбивых людей, не терпящих, чтобы кто-либо становился им поперек дороги. Златоуст старался всячески о том, чтобы не затрагивать самолюбия Феофила, но его старания не имели успеха. Обстоятельства заставили его столкнуться с этим тяжелым человеком, – и это столкновение сделалось источником больших неприятностей для Константинопольского архипастыря. С тех пор как Константинополь сделался столицей Империи на Востоке, архиепископ Константинопольский естественно стал одним из влиятельных иерархов Восточной церкви. Это обстоятельство возбуждало зависть в некоторых архиепископах Александрийских, которые считали свою Церковь первой и главной Церковью на Востоке. Вследствие этого они неприязненным оком смотрели на иерархическое возвышение Константинополя и его предстоятеля. В самых простых действиях и распоряжениях Константинопольского архипастыря Александрийские архиепископы готовы были видеть посягательство на принадлежавшие им права. Из подобных же подозрительных отношений Феофила к Златоусту возникла вражда первого ко второму. Дело было так. Феофил позволил себе в высшей степени возмутительный поступок. Он разогнал монахов одного, подчиненного его власти, монастыря Нитрийского, под тем предлогом, что они держались заблуждений Оригена; говорим: под предлогом, так как в действительности у Феофила были другие, чисто личные побуждения поступить так жестоко с

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org
нитрийскими монахами.

Часть изгнанников искала себе прибежища в Палестине, а другая часть отправилась в Константинополь, в надежде найти себе защиту в столице. Между лицами, направившими стопы в Константинополь, было трое знаменитых нитрийских подвижников, известных под именем "Долгих братьев"*; людей очень образованных, высоконравственных, служивших украшением нитрийского монашества. Они просили себе защиты у Златоуста. Последний, будучи другом справедливости, решился помочь несчастным. Он призрел их, начав ходатайствовать перед Феофилом за несчастных. Но это только разожгло ненависть архиепископа Александрийского. Он увидел в действиях Златоуста вмешательство в дела чужой епархии, гневался на него, послал от себя обвинителей в Константинополь, которые должны были в самом мрачном свете изобразить поведение и жизнь нитрийских монахов. Нужно сказать, что Златоуст не подал ни малейшего повода упрекнуть его во вмешательстве и присвоении чужой власти: он из осторожности не вступил в церковное общение с "долгими братьями", не допуская их до причащения, прежде чем не выяснится их дело и они не будут оправданы. Положение дел запутывалось. Несчастные изгнанники не видели для себя никаких средств спасения и в чувстве отчаяния обратились с жалобой на Феофила к самому императору Аркадию. Император, рассмотрев их просьбу, взял их сторону, сделав распоряжение, чтобы архиепископ Александрийский приехал в Константинополь и дал отчет в своих действиях на соборе под председательством Златоуста. Можно представить себе, как это известие должно было подействовать на Феофила! Долго не ехал Феофил в Константинополь (дело "Долгих братьев" началось в столице в 401 году), но когда он приехал в столицу, то сумел сделать так, что отношения совершенно неожиданно переменились: Златоуст из судьи превратился в подсудимого, а Феофил вышел сухим из воды, – составил собор не против Феофила, а против Златоуста: собор "при Дубе". Как случилось такое необычайное превращение, об этом скажем несколько ниже.

* Они были и в самом деле родными братьями и отличались необыкновенно высоким ростом.

Две вышеуказанные личности – императрица Евдоксия и архиепископ Феофил – стали центрами, около которых соединились все почему-либо недовольные Златоустом люди. Около Евдоксии составилась кружка лиц, недовольных Златоустом и принадлежавших аристократии. В этом кружке самое большое место занимали женщины, которым крайне неприятны были проповеди Константинопольского архипастыря против пристрастия женщин к нарядам, в особенности в летах преклонных, когда более прилично помышлять о смерти, чем об изысканности в платье. Константинопольские матроны принимали речи Златоуста на свой счет и не хотели прощать смелости оратору. Около Феофила сгруппировались лица духовного сана, питавшие враждебные чувства к св. Иоанну. Прежде всего имеем в виду некоторых епископов: Севериана Гавальского, Антиоха Птолемаидского, Акакия Веррийского. Каждый из них имел повод быть недовольным Златоустом, но ни один из них не имел основательной причины враждовать к добродетельному архипастырю*. Кроме этих епископов неприязнь Феофила к Златоусту разделяли некоторые константинопольские клирики: пресвитеры и диаконы. Златоуст занял Константинопольскую кафедру после Нектария, человека хотя и достойного, но в значительной мере распустившего столичный клир. Златоуст, как ревностный архипастырь, заботясь о введении более строгих нравов в константинопольском клире, вынужден был некоторых клириков отрешить от их должностей; все это возбудило недовольство в среде членов столичного духовенства. Сердились некоторые клирики на Златоуста и за то, что он щедрую благотворительность константинопольских христиан направлял не к обогащению клира, а на пособие бедным и несчастным.

* О всех этих епископах будет речь ниже.

Выше мы сказали, что Феофил Александрийский, вызванный императором в Константинополь для суда над ним по делу "Долгих братьев", долго медлил

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org исполнить приказание государя. Это замедление было несчастливым и не было мешкотностью человека, оторопевшего от страха. Феофил медлил с расчетом. Он медлил потому, что прежде прибытия в Константинополь захотел вступить в связи с враждебными Златоусту лицами. Это ему вполне удалось. Недовольные Златоустом в Константинополе охотно протянули руку Феофилу, этому решительному врагу столичного архиепископа. Когда в 403 году Феофил, наконец, прибыл в Константинополь, он здесь сразу же почувствовал себя, что называется, в своей сфере. Двор и несколько наиболее нужных духовных лиц были на его стороне. Прибыв в Константинополь, Феофил не хотел знать Златоуста. Последний, не ведая его истинных расположений, приглашал его остановиться в епископском доме, желал вступить с ним в обычное церковное общение. Но Александрийский архиепископ в дом Златоуста не явился, общения с ним иметь не пожелал, держал себя так, как будто он приехал не в чужой епископский город, а в свою архиерейскую резиденцию. Златоуст недоумевал, что означает такое поведение Феофила. Но вскоре всякое недоразумение рассеялось. Случилось то, чего нельзя было предвидеть и ожидать, то, что противоречило всем обычаям и церковным правилам.

Оказалось, что Феофил затеял составить собор против самого Златоуста. Разумеется, такого рода собор мог произойти только с дозволения правительства. Но склонить бесхарактерного Аркадия на это ничего не стоило, как скоро на стороне Феофила была императрица Евдоксия, пылавшая гневом и мщением на Константинопольского архипастыря.

Вопрос был лишь о том: где, в каком месте собрать собор? Где найти членов для преступного собора или, точнее, сборища? Место для собора указало предупредительное византийское правительство, а вербовку епископов в члены сборища взял на себя предусмотрительный Феофил. Конечно, с первого взгляда представляется, что не могло быть и вопроса о месте собора. Что лучше Константинополя? Здесь имела жительство Евдоксия, здесь было много врагов Златоуста, здесь была полиция, здесь находились прекрасные дворцы. Но, однако, выбрать Константинополь для заседания незаконного собора было нельзя. Велика была злоба правительства и аристократии против Златоуста, но еще больше была любовь народа к великому святителю. Как не безрассудна бывает злоба, но на этот раз руководители злобы показали себя предусмотрительными. Опасались, что народная масса, душой преданная Златоустому оратору, в пылу гнева и ярости на этот собор, разнесет тот дом, где соберутся незаконные судьи, да и с самими судьями расправится так, как обыкновенно расправляется толпа со своими врагами. Мы должны помнить, что речь идет о византийском народе, который не позволял шутить с собой. Поэтому и решено было не избирать столицу местом заседаний собора. Для этой цели было выбрано загородное местечко на азиатском берегу, невдалеке от Константинополя, возле Халкидона, местечко, носившее название "при Дубе" (ἐπί δρύν). Это было что-то вроде роскошной дачи, построенной полномочным министром Феодосия Великого Руфином, который был казнен при Аркадии, и имущество которого отошло в казну. Здесь был роскошный дворец, чудо строительного искусства и великолепия; здесь находилась и церковь в честь апп. Петра и Павла; здесь имелся и монастырь. Все это было построено на деньги, собранные корыстолюбием Руфина. Место было очень удачно для того дела, которое нужно было сделать; оно было уединенно, отделено от столицы водной стихией, но могло иметь удобные сношения со столицей.

Набрать членов для собора взялся, как мы сказали, Феофил. Здесь во всем блеске высказалась злобная предусмотрительность архиепископа Александрийского. Он понимал, что нанять епископов, расположенных действовать в его духе, не так легко в Константинополе и его окрестностях; поэтому он привез с собой из Египта готовый штат епископов для заседания на соборе. Считая его, Феофила, всего приехало из Египта 29 епископов. Пусть это совсем ничем неизвестные, несколько не знаменитые архиереи, но зато они были послушнейшими орудиями Александрийского архиепископа. Его слово для них закон. С такими епископами ничего не стоило устроить собор против Златоуста. Из епископов, не принадлежавших к Египетской церкви, в состав собора вошли немногие, даже очень немногие. Так как всех епископов при открытии заседаний собора было 36, то, исключив число египетских епископов (29), оказывается, что к египтянам присоединилось лишь 7 епископов, неподручных Феофилу. Такими были вышеупомянутые нами: Акакий, Севериан, Антиох и еще Павел Ираклийский, прежде друг Златоуста, а теперь внезапно сделавшийся его врагом, Кирин Халкидонский, родом египтянин, какой-то Маруфа из Месопотамии и, наконец, Исаак, по-видимому, сделанный епископом на самом соборе. Нужны были обвинители. В них недостатка не оказалось. На собор один за другим вытребованы были все константинопольские клирики. Что

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org они говорили на Соборе, неизвестно. Но весьма вероятно, что по разным соображениям иные из них говорили то, что угодно было собору и предержавшей власти. Всех заседаний собора было 13. Из них 12 заседаний (т.е. 12 дней) было посвящено изложению обвинений или, точнее, клевет на Златоуста. Говоря иначе: 12 дней употреблено было на разборку той грязи и сора, которые были свезены из столицы под Халкидон. В настоящее время мы знаем очень мало о тех обвинениях, которые сыпались на соборе на голову Златоуста. Но и того, что мы знаем, слишком достаточно, чтобы видеть, как беспредельно велика злоба людская, восстающая на истинную святость. До нас сохранились две сокращенные записки, которые двумя лицами были предъявлены на соборе в качестве обвинительных актов против Златоуста. Чего тут только не наговорено! Чуть ли не указаны преступления против всех заповедей Десятилетия! Одна из вышеуказанных записок представлена на собор константинопольским архимандритом Иоанном, человеком худых нравов и злобным, который был временно запрещен в служении архиепископом, отстранен от должности, но который при этом, по снисхождению, был снова возвращен в клир. Этот обвинитель изрыгнул 29 обвинений на своего архипастыря. Другим обвинителем Златоуста выступил Исаак, один из тех недостойных монахов, которые больше любят мирские дразги, чем подвиги благочестия. Этот Исаак-сириец, почтенный от собора саном епископа, источает яд своих клевет на святителя, указывая 17 преступлений Златоуста. Все эти обвинения, представленные архидиаконом Иоанном и Исааком, не заключали в себе ничего истинного, - в крайнем случае, истина в них перемешана с ложью и представлена в извращенном виде; но эти обвинения во многих отношениях характеристичны, почему мы рассмотрим их в некоторой подробности.

Обвинения, возводимые на Златоуста, могут быть подразделены на несколько групп. Первая группа обнимает обвинения, касающиеся его личного характера и поведения. Обвинители утверждали: "Он ест неумеренно, как циклоп, ест всегда один и чуждается гостеприимства". Это странное обвинение возникло, кажется, вследствие того, что он действительно любил обедать один и не любил звать к себе на обеды и ходить к другим на пиршества. Мы имеем точные исторические известия, что обвинение Златоуста в неумеренном употреблении пищи - чистейшая клевета. Здоровье Златоуста всегда было очень слабо, и, тем не менее, он иногда совсем забывал о пище; случалось, что он до самого вечера оставался совсем без пищи. Занятый изучением Св. Писания и делами Церкви, он забывал о пище материальной. Он употреблял небольшое количество легкого мяса, так как тяжелых блюд не переносил его болезненно слабый желудок*. Вина за столом он не пил. Лишь в жаркие дни он принимал немного вина в качестве прохладительного напитка и для утоления жажды. Вот та неумеренность в столе, какою приписывали ему обвинители!

* Конечно, здесь речь идет о мясоеде, а не о постных днях. При этом нужно помнить, что Златоуст не имел монашеского пострига.

Другое обвинение, что Златоуст чуждался гостеприимства, возникло из желания представить в дурном свете не заключающую в себе ничего преступного привычку Златоуста обедать одному и не ходить в гости. Он любил обедать один, во-первых, потому, что его стол был беден и нередко бывал очень поздно: к такому столу неудобно будет приглашать гостей; во-вторых, он не терпел продолжительных и бесполезных разговоров, этих необходимых спутников так называемых званых обедов. Не принимая к себе гостей, Златоуст не ходил и к другим в гости на обеды. На это у него было много причин. Он боялся допустить неумеренность, а это при его слабом желудке могло сопровождаться вредными последствиями для его здоровья. Далее, Константинополь был столицей, поэтому людей, желавших видеть у себя в гостях архиепископа, было очень много, и если бы он стал посещать всех приглашавших его, тогда у него тратилось бы много времени напрасно. А если бы одни приглашения он принимал, а другие отвергал, то в этом случае не удостоенные его посещением стали бы считать себя обиженными. Наконец, Златоуст не посещал пиршества других вследствие того убеждения, что никто, и в особенности архипастырь, не имеет права услаждать себя сладким куском в то время, когда в городе есть нищие и голодные, которым мог быть уделен избыток стола богатых. Вот почему Златоуст вкушал пищу один, без гостей и не жаловал хождения по гостям. Упрекнет ли кто Златоуста за то, что он поступал так, а не иначе? А между тем в Константинополе находились люди, которые осмеливались думать, что он потому чуждается общества, что был горд и всех презирает. В этом,

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org главным образом, и заключалось обвинение, что он обедал один и не ходил по званым обедам.

В одном из обвинительных пунктов о Златоусте говорилось: "Он принимает женщин наедине, при каковом случае двери для других лиц бывают закрыты". Понятна сущность обвинения. Обвинитель набрасывал тень подозрения на его целомудренную жизнь. На это обвинение отвечает впоследствии сам Златоуст в одном из своих писем (к епископу Ки-риаку): "Говорят, что я возлежал с женщиной; но обнажите мое тело - и найдете, что тело, влачимое мной, не более как труп"*.

* Должно заметить, что Златоуст на собор "при дубе" не являлся и потому не мог дать объяснений по поводу обвинений, как об этом скажем ниже.

Златоусту ставили в вину нечто такое, что с первого взгляда представляется совершенно непонятным. Обвинитель заявлял: "Баня топится не для одного (Златоуста), но когда он моется, то Серапион (пресвитер, близкий к Златоусту) запирает дверь, так что никто другой не может мыться в бане". Вот удивительное обвинение, предъявленное на соборе! Что оно могло бы значить? С точки зрения теперешних понятий и обычаев, не может быть ничего преступного в том, - моется ли кто в собственной бане один или в общественной бане, но тоже один. Для того чтобы дело было для нас совсем ясно, нужно войти в некоторые подробности, мало кому известные и касающиеся бытовой стороны в древнегреческой Церкви. В древности, начиная с IV века и до позднейших веков греческой Церкви, было обыкновение устраивать при христианских храмах общественные бани, которые назывались то "епископскими", то "церковными". Для тогдашнего времени в этом не было ничего неестественного и странного. Так как люди должны входить в храм, особенно для принятия таинства Причащения, в возможной телесной чистоте, то у христиан с очень древнего времени образовался взгляд на бани как на нечто дополняющее храм, как на нечто к нему прибавочное. А по этой причине вошло в обычай строить бани при самих церквях, в церковных оградах; случалось даже, что бани находились не только при церквях, но даже под самыми церквями, в нижних этажах. Император Константин Великий построил бани при знаменитом константинопольском храме св. Апостолов (который служил усыпальницей византийских императоров, начиная с самого Константина (См.: Евсевий. Жизнь Константина, IV, 59)). Император Феодосий Великий в одном из своих указов причисляет бани, находившиеся при церквях в их оградах, к таким церковным зданиям, на которые распространяется "право убежища"*. Об одной из таких церковных константинопольских бань и говорит обвинитель на соборе "при дубе". Бани эти, как здания, имеющие отношение к храмам, были украшены несколько похоже на церкви: в них были иконы и кресты. Бани эти были публичными. Доступ в них был свободный, но был ли он даровой или платный - не знаем. Что вход в них был открыт для всех христиан, это несомненно. Впоследствии возникал лишь вопрос о том, можно ли "неверующим агарянам", т.е. последователям магометанского закона, мыться в церковных банях наравне с христианами**. - Когда мы узнали, что такое были церковные бани в древности, для нас становится понятным рассматриваемое обвинение на Златоуста. Слабое здоровье Златоуста требовало как можно более частого посещения бани как укрепляющего средства (Тильмон). Без сомнения, он ходил не в какую другую, а именно в церковную баню. Когда он мылся или брал ванну в бане, он закрывал доступ в нее посторонней публике. Значит, по смыслу обвинения, возводимого на Златоуста, общественное достояние, публичную церковную баню, он превращал в личную собственность, распоряжался по своей воле тем, что не ему одному принадлежало. Есть ли здесь вина со стороны Златоуста или нет? Он, конечно, был бы виновен, если бы действительно существовали какие-либо определенные правила, ограничивающие права епископа на церковную баню; но о таких правилах не существует никаких известий. Впрочем, сущность обвинения, кажется, заключалась не в том, что Златоуст злоупотреблял своими правами на церковную баню, а в том, что он был так горд, так пренебрежительно относился к другим, что не хотел вместе с другими и брать ванну или мыться в бане. По всей вероятности, в этом случае находили значительную разницу между предшественником Златоуста - Нектарием и самим Златоустом. Прежний архиепископ, как человек светских нравов (он был из сенаторов), любил, вероятно, бывать в обществе, любил жить, что называется, на людях, не имел обыкновения отказывать себе в обществе и в том случае, когда он бывал в бане. Баня в древности, нужно сказать, была

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org тем же, чем сегодня бывает клуб, – местом для бесед и развлечений. Не так стало при Златоусте. Он желал быть и в бане наедине с собой, как и за столом, потому что не терпел праздных бесед, не желал из физической потребности делать развлечения. Все это так естественно в Златоусте; но, однако, византийское общество пересуживало святителя за его самые невинные действия и ставило ему в упрек то, что заслуживало похвалы.

* Такие церковные бани встречались в Древней Руси. См. "Историю Русской Церкви" проф. Е.Е. Голубинского. Первая половина I тома. С. 566 (здесь же указаны источники, по которым можно познакомиться с вопросом о церковных банях во времена церковной древности). ** Патриарха Константинопольского Арсения (XIII в.) обвиняли в том, что он позволял иконийскому султану мыться в церковной бане наряду с христианами. В ответ на это обвинение Арсений сообщает некоторые сведения о церковной бане. См.: Пахимер. Церков. история. С. 235–236. Русск. перевод.

В одном обвинительном пункте говорилось, что Златоуст, "выходя из дома в церковь, – не молился". Как можно допустить относительно такого лица, как Златоуст, чтобы он, так прекрасно понимавший значение молитвы, не творил молитвы при таких случаях, где душа сама невольно напрашивается совершать это дело (Неандер)? Конечно, такое явление представляется совершенно непонятным. Но можно допускать, что Златоуст, при указанных случаях, не обнаруживал молитвенного расположения духа в каких-нибудь внешних, бросающихся в глаза формах, – не падал на землю, не воздевал рук к небесам, а довольствовался хотя и живой, но умственной молитвой: это так естественно в смиренном подвижнике! Но на долю Златоуста вообще выпало несчастье: его не понимали в столице или делали вид, что не понимают его.

Вторую группу обвинений на Златоуста составляют такие, которые должны были указывать, что он нарушал церковные каноны и правила церковного благочиния. Число обвинений подобного рода очень значительно по количеству.

Прежде всего, его упрекали за nepозволительную будто бы снисходительность к язычникам. Один из обвинителей жаловался на Златоуста: "Некоторых язычников, великих врагов христианства, он принимал, давал им прибежище в церкви и защищал". Очевидно, здесь ставится в преступление Златоусту его великая христианская гуманность, ради которой он не препятствовал и язычникам пользоваться известным "правом убежища" в христианском храме. Но в этом случае он поступал так, как поступать учил публично в своих проповедях. Златоуст всегда внушал своим пасомым, что ни порицания, ни гнев не должны иметь место в отношении христиан к язычникам. Напр., он говорил: "Без особенного побуждения не называй язычника нечестивым. Если он спросит тебя, как ты судишь о его религии, то скажи, что она нечестива; но если тебя не спрашивают о ней и не заставляют говорить о ней, то ты не должен обнаруживать вражды. Если кто (из язычников) будет спрашивать тебя о нашей религии, то скажи, что относится к делу, а затем замолчи. Если мы (христиане) спорим с язычниками (о религии), то мы должны стараться о том, чтобы привести их к молчанию, но делать это без гнева, без жестокости. Если мы делаем это с кротостью, то возбуждаем в язычнике истинное доверие. Где гнев, там не присутствует Святой Дух". Очевидно, Златоуст, оказывая защиту несчастным из язычников, лишь прилагал к делу те начала, какие он раскрывал на словах, и если слова его вполне справедливы, то и деятельность, основанная на справедливых словах, не может ничего заслуживать, кроме похвалы.

Один челобитчик говорил, что "он (Златоуст) вторгнулся в посторонние церковные области и поставлял там епископов". Здесь имеется в виду, главным образом, деятельность Златоуста в Ефесской церковной области. Правда, что Златоуст поставил в Ефес епископом собственного диакона Ираклида и отрешил шестерых епископов той же церковной области за симонию. Но в этом случае он действовал не произвольно, но по желанию и требованию самой Ефесской церкви. Нужно сказать, что власть архипастыря Константинопольского после II Вселенского собора, чем дальше, тем больше возрастала, хотя права этого архиепископа над соседними округами были канонически определены лишь на Халкидонском соборе. Если бы Златоуст, поступая так, как он поступал в данном случае, производил что-либо противозаконное и нетерпимое, то его примеру не стали бы следовать ближайшие его преемники. Но история

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org показывает обратное. Даже св. Прокл Константинопольский действовал точь-в-точь так же, как и Златоуст.

Златоусту ставили в вину несколько случаев неправильности действий – в качестве архипастыря – в собственной епархии или Церкви. Но все эти случаи или выдумка, или извращение действительных фактов.

Ему ставили в вину, как противозаконное действие, отдачу в руки светской власти двух священников (Порфирия и Верения) для наказания их ссылкой. Но подобный образ действий решительно не входил в правила Златоуста; весьма возможно, что эти священники были виноваты в каких-нибудь важных преступлениях, навлекавших на них кару гражданских законов (Тьери). Обвинитель архидиакон Иоанн выставляет Златоуста нарушителем церковных законов, так как архиепископ его, Иоанна, "отставил от должности только за то, что он прибил своего раба, мальчика Евлавия". На это нужно сказать, что Иоанн, если бы он был действительно достойным человеком, не стал бы указывать на этот случай из своей жизни – в своей жалобной грамоте. Разве не позорно то, что столичный архидиакон прибегает к кулачной расправе в своей домашней жизни? Если Златоуст лишил его должности, то в этом случае он действовал не как попираТЕЛЬ законов, а как защитник угнетаемых. Быть может, нужен был поучительный пример для прочих клириков. А главное, – непонятно, на что жалуется архидиакон: он был только временно лишен должности Златоустом, а потом снова принят в клир. Если одних клириков, по словам обвинителей, Златоуст незаконно отставлял от должности, то других, по свидетельству тех же обвинителей, он противозаконно возводил в церковные степени. В особенности обвинители упирали на то, что он поставил в священники некоего Серапиона. Обвинители говорили: "Серапиона он сделал священником в то время, когда этот человек находился под судом и не был еще оправдан". Серапион – это был один из самых преданных учеников Златоуста: он пользовался большим доверием у Константинопольского архипастыря. Понятно, почему обвинение выбрало целью именно Серапиона. Хотели указать факт лицепрятия в иерархической деятельности Златоуста. Напрасно. Никогда этот архипастырь не позволил бы себе приблизить к себе лицо, в чем-нибудь подозрительное. Златоуст знал, что у него немало врагов; уже по этому одному он не мог посвятить Серапиона в священники, если бы последний не удовлетворял всем каноническим требованиям.

Великое множество обвинений сплели клеветники относительно богослужебной практики Златоуста, включая сюда совершение им важнейших таинств и его проповедническую деятельность.

Наиболее невинным между этими обвинениями представляется следующее: "Он раздевался и одевался на епископском троне" (кафедре). Смысл обвинения трудно уловить. Полагают, что обвинители указывали на то, что "архиепископ, нося обыкновенную, общепринятую одежду, надевал духовную одежду лишь тогда, когда совершал богослужение" (Неандер); но правильно ли такое предположение, трудно сказать. Не вернее ли будет утверждать, что Златоуст надевал священное облачение не в диаконнике, как, вероятно, делали иные епископы, а на архиерейском троне, т.е. так называемом теперь "горнем месте". Но как бы мы ни стали понимать приведенные слова, все же ясно видно, что обвинители что-то случайное старались выставить делом существенным и важным.

Гораздо важнее обвинения в отступлениях, допускаемых будто бы Златоустом при совершении таинства священства. В этом отношении свидетели неутомимы и блещут разнообразием своих показаний. Свидетели или, точнее, лжесвидетели говорили: Златоуст "посвящал в священники и диаконы без алтаря (т.е. стоя вне алтаря). Посвящал по четыре епископа одновременно. Он совершал богослужение без участия прочего духовенства, и без согласия клира позволял себе посвящать в церковные должности; он многих посвящал без свидетелей" (тайно, в отсутствие народа) и проч. Разобраться во всех этих обвинениях нет возможности. Один исследователь жизни и деятельности Златоуста (Тильмон), передав сущность сейчас указанных нами обвинений, замечает: "Отсюда узнаем не то, что было на самом деле, а что-то такое, о чем безошибочно судить не представляется возможным". Разъяснить суть дела мог бы лишь сам Златоуст, т.е. раскрыть, где здесь прямая клевета и где извращение какого-либо действительного факта; но он молчит, да это и понятно: на многие обвинения он и сам мог бы отвечать только простым отрицанием, что того-то или того-то совсем не случилось в его практике.

Но Златоуст с большой силой и энергией защищается против одного обвинения,

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org которое, судя по многим основаниям, тоже было предъявлено на соборе и которое ставило ему в упрек оскорбление святейшего таинства Причащения. Говорили, что будто "он допускал к Причастию некоторых людей после принятия ими пищи". В ответ на это обвинение святитель с жаром говорит: "Если я это сделал, то пусть изгладится мое имя из книги епископов и пусть оно не пишется в книге православных. Если я сделал что-нибудь такое, то пусть изгонит меня Христос из Своего царства. Впрочем, если уж они говорили это против меня и обвиняют меня за это, то пусть осудят и Павла, который после вечери крестил целый дом (Деян. 16, 33); пусть осудят и самого Господа, который после вечери преподал Причащение апостолам" (Письмо к епископу кириаку). Еще другое обвинение возводилось на Златоуста относительно того же таинства Евхаристии. Обвинитель на соборе заявил: "Он на архиерейском троне ест мучную лепешечку (πρόστιλον= pastillum)". Это "единственно верное обвинение против Златоуста" (Гефеле). Здесь в неясных словах выражено нечто общеизвестное и донныне сохраняемое в церковной практике. Речь идет об одном обыкновении, введенном Златоустом в церковную практику. Он завел – тотчас по Причащении – принимать то, что у нас в просторечии называется "теплотой". Сам он делал и другим приказывал по вкушении Евхаристии – съедать маленький хлебец (теперь: просфора) и выпивать немного воды, чтобы ни единой капли от Евхаристии не осталось во рту и не было по неосторожности низвержено на пол со слюной. Вот преступление Златоуста, о котором докладывал собору один из обвинителей.

Проповедническая деятельность Златоуста тоже не ускользнула, как мы замечали выше, от внимания шпионов, следивших за каждым шагом и за каждым словом святителя. Как проповеднику, Златоусту обвинители приписывали раскрытие мыслей или вредных, или нечестивых. Так, один обвинитель говорил на соборе, что будто Златоуст давал "разрешение людям грешить, когда проповедовал: если ты еще раз согрешишь, то опять кайся, и сколько бы ты ни грешил, лишь приходи ко мне – и я исцелю тебя". До этого обвинения свидетель дошел не собственным умом: его обвинение есть эхо чужого голоса. Дело в следующем: в Константинополе во времена Златоуста было много новациан, учивших, что на земле нет и не может быть другого рода отпущения грехов, кроме того, какое дается в таинстве Крещения. Златоуст считал учение новациан гордостью и неразумием и нередко в своих проповедях опровергал мысли этих сектантов. Такое отношение Златоуста не понравилось новацианскому епископу в Константинополе – Сисиннию. Он начал распространять здесь молву, что будто Златоуст однажды сказал в проповеди: "Если ты уже тысячи раз приносил покаяние, то все же можешь и еще каяться". Очевидно, Сисинний вместо действительных слов Златоуста пустил в ход, для смущения верующих, какую-то пародию на слова великого проповедника. Мало того: он издал по этому поводу едкую книгу против Златоуста. Вот источник, откуда взялось обвинение, что будто Златоуст учил грешить – сколько угодно. Это обвинение есть плод недовольства новациан Златоустом. Таким образом, открывается, что обвинители воспользовались готовым материалом, создавшимся в сфере вполне враждебной константинопольскому оратору. – В проповедях Златоуста обвинители старались отыскать даже прямое нечестие. Так, обвинитель заявлял: "Он позволяет себе богоухульство в церкви, когда говорит (в проповедях): молитва Христа не была услышана, потому что он молился не так, как должно". По всей вероятности, это есть злонамеренное извращение слов проповедника. Возможно, что так извращены следующие слова одной беседы Златоуста: "Когда Христос сказал: если возможно, да мимо идет чаша сия, – то являет Он нечто человеческое; но когда прибавляет: да будет не как Я хочу, но как Ты, то научает нас следовать Божеству, хотя бы природа и противилась этому". В той же проповеднической деятельности Златоуста обвинители старались открыть и другие недостатки. Так, они призывали его к ответу за то, что он употреблял в церкви в поучениях такие выражения (поэтического характера), которые не принято употреблять в таком святом месте, как храм. Винили его в том, что он говорил: "престол, наполненный фуриями"; "я скачу, я вне себя" (ἄκρτῳ, μῆνρονι). Что касается первого из приведенных выражений ("престол" и пр.), то его совсем не находится ни в одном из многочисленных слов и бесед Златоуста, а второе из приведенных выражений буквально находится в одной из его воодушевленных проповедей, произнесенной по случаю одного выдающегося, радостного события. Но можно ли ставить Златоусту в упрек употребление им рассматриваемой фразы? Конечно, нет. Очевидно, проповедник ставит себя (мысленно) в положение Давида, скачущего перед ковчегом Завета. Разбираемое выражение указывает на религиозный энтузиазм, восторг. Да если бы Златоусту пришлось оправдывать себя в этом случае перед лицом собора ("при дубе"), то, без сомнения, он не затруднился бы и у самих членов собора, в их проповедях, указать присутствие совершенно таких же выражений. Поэтические обороты речи тогда

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org были в обычае у христианских проповедников (неандер).

Третью группу обвинений составляют обвинения Златоуста в неправильном управлении церковным имуществом и в присвоении им не принадлежащего ему. Об обвинениях этого рода скажем очень кратко, так как они или нелепы, или представляют искажение представлений о его благотворительной деятельности. Лжесвидетели собора говорили: "Он распродал многие церковные драгоценности; обратил в продажу мрамор, который был приготовлен предшественником Златоуста Нектарием для украшения константинопольской церкви Анастасии (т. е. Воскресения); никто не знает, на что и куда он тратит церковные доходы; имущество, завещанное Феклой в пользу Церкви, он продал; вообще чужие наследства насильственно присваивал себе". Чтобы понять сущность обвинений, нужно взять во внимание то, что Златоуст действительно продавал некоторые церковные драгоценности, очевидно, излишние, употребляя вырученные суммы на нужды и вспомоществования бедным и неимущим. Но разве кто обвинит за это Златоуста? То же самое в те времена делали и св. Амвросий Медиоланский, и блаженный Августин. Эти последние в своих сочинениях указывали и основания, почему они так поступают. А что касается обвинения константинопольского святителя в хищении не принадлежавшего ему, то оно лишено всякого основания. Известно, что когда Златоуст был уже в ссылке и, конечно, нуждался в деньгах, то, как ни много получал он их от щедро-любивых константинопольских жителей, он ничего из этих денег не тратил на себя, а отсылал их на нужды миссионерского дела. Мог ли после этого хоть чем-нибудь противозаконно воспользоваться для себя лично Златоуст в то время, когда он был архиепископом столицы и, разумеется, ни в чем не нуждался?

Четвертую группу составляли такие обвинения, которые заявлены были с целью доказать, что Златоуст позволял себе поношения и оскорбления как некоторых епископов, так и константинопольского клира. Так, один из обвинителей святителя утверждал, что он называл св. Епифания, епископа кипрского, его современника, "глупым и бесом". Чистейшая клевета! Вот краткая история действительных отношений между Златоустом и Епифанием. Епифаний перед временем рассматриваемого собора, по внушению известного нам Феофила, прибыл в Константинополь для того, чтобы заставить Златоуста изгнать так называемых "долгих братьев" из столицы и произнести анафему на Оригена. Златоуст дружелюбно принял Епифания, но, конечно, не сделал того, чего желал его гость. Епифаний некоторое время оставался в столице и предпринимал некоторые меры, неблагоприятные для Златоуста, с целью достигнуть исполнения своего желания. Архиепископ Константинопольский не уступал. Кончилось тем, что Епифаний помирился со Златоустом, начал питать добрые чувства и к "долгим братьям". Затем он отправился обратно на корабле на о. Кипр - место его служения, но по дороге на море скончался. Не в меру любившее острить и сочинять анекдоты византийское общество, вследствие не совсем дружественных временных отношений Епифания к Златоусту, создало несколько баснословных сказаний. Так, например, византийцы рассказывали, что при прощальном свидании обоих епископов они обменялись такими пророчествами: Епифаний будто сказал Златоусту: "Надеюсь, что ты не умрешь епископом столицы". На что последний будто бы отвечал: "А я надеюсь, что ты не доедешь до своего о. Кипра". Конечно, эта басня, потому что достоверно известно, что оба святителя перед смертью Епифания расстались мирно. К области таких же легенд, созданных пылким воображением византийцев, относится и обвинение, заявленное на соборе, что будто Златоуст называл Епифания "глупым и бесом".

Об отношениях Златоуста к другому епископу, Акакию Веррийскому, один из обвинителей говорил на соборе, что будто первый оскорбительно держал себя относительно второго. Говорилось, что Златоуст высокомерно относился к Акакию и не хотел ни слова говорить с ним. Разумеется, ничего такого не было. А было вот что: Акакий по некоторым делам пребывал в Константинополе. Златоуст, как обычно, пригласил его остановиться на епископском константинопольском подворье. Акакий принял предложение, но остался недоволен приемом Златоуста. Престарелый и уважаемый Акакий ожидал, что архиепископ Константинопольский устроит его жизнь со всевозможным комфортом. Но ничего такого не последовало. Ведя жизнь чрезвычайно простую, Златоуст не считал нужным делать какие-либо приготовления для приема гостя: он принял его совершенно запросто. Акакий вообразил, что Златоуст поступил так из каких-то задних целей, прогневался на хозяина и, уезжая от Иоанна, сказал константинопольским клирикам: "Хорошо же, я заварю ему кашу" (οίλαμ condío). Вот та историческая почва, на которой выросло обвинение, что будто Златоуст плохо обходился с уважаемым епископом Акакием.

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org Златоуста обвиняли еще за то, что будто он коварно держал себя в отношении к епископу Гавальскому Севериану, - говорили, что будто он строил интриги против этого епископа и возбуждал против него константинопольских архимандритов. Клевета, по всей вероятности, пущена в ход самим Северианом, человеком тщеславным и пустоватым. Севериан долгое время оставался в Константинополе во времена Златоуста. Но сами побуждения, по которым он это сделал, не заставляют уважать Севериана. Один финикийский епископ, по имени Антиох (Птолемаидский), приезжал в Константинополь, говорил здесь проповеди, но не даром. За свои проповеди он брал деньги - неизвестно, в виде ли подарка, или в виде заранее условленной платы со стороны слушателей. Само собой понятно, что это могло быть только при условии, что проповеди Антиоха нравились византийцам. Духовное красноречие принесло Антиоху большие денежные барыши. Примером Антиоха увлекся Севериан, епископ Гавальский (в Сирии); он, тоже прибыв в столицу, начал проповедовать ради денег и тоже обогатился. Замечательно благодушие Златоуста: он ничуть не мешал Севериану говорить проповеди наряду с собой, даже относился к нему дружелюбно. Но за все это Севериан заплатил великому святителю неблагодарностью. Он втерся в милость царского двора, стал вести себя надменно, подготавливая смуты против Златоуста. Так как грозила опасность, что дальнейшее пребывание Севериана в столице поведет к беспорядкам, то Златоуст перестал принимать у себя смутотворца и написал ему письмо такого содержания: "Нехорошо, Севериан, вверенную тебе епископию оставлять на столь долгое время без надзора и епископа. Возвратись скорее к твоей Церкви и не неради о живущем в тебе даровании". Севериан должен был повиноваться и уехал, но с дороги был возвращен назад в столицу по желанию Евдоксии. Вот отношения Златоуста к Севериану, давшие повод к несправедливому обвинению, что будто святитель устраивал козни против епископа Гавальского и наущал против него архимандритов. Клевета изобретательна, и из всего может сплести обвинение. Еще больше, чем на оскорбительные будто бы отношения Златоуста к некоторым епископам, обвинители жаловались собору на оскорбления и поношения, какие будто бы он позволял себе делать константинопольскому клиру. На Златоуста доносили, что он давал оскорбительные названия константинопольскому клиру, называл клириков вверенной ему Церкви "людьми негодными, испорченными, людьми грошовыми" (точнее: "людьми трех оболов"; обол был мелкой монетой вроде гроша). Называл ли действительно Златоуст так своих клириков, останется неизвестным. Но если бы он когда-нибудь в частном разговоре или в минуту справедливого гнева публично назвал их именно так, неужели это составляет большое преступление? Клирики константинопольские, из числа которых вышли лжесвидетели против своего архипастыря на соборе "при дубе", клирики, которые сами на этом же соборе без зазрения совести повествовали о своих драках со своими слугами как о деле самом обыкновенном и непостыдном, - неужели эти люди заслуживали похвал, а не жестоких порицаний от своего ближайшего священноначальника? К числу особенно оскорбительных действий Златоуста обвинители относили следующий факт: однажды Златоуст пригласил в собрание целого константинопольского клира трех константинопольских диаконов, обвиняя их в том, что они украли у него омофор, причем архиепископ прибавил: "Да и кто знает, какое употребление сделали они из моего омофора?" Что омофор Златоуста украли трое этих диаконов, в этом он не сомневался, это он знал. Почему же о таком позорном деле он не мог говорить в присутствии всего клира? Но обвинители Златоуста, кажется, больше всего недовольны вопросительным замечанием архипастыря: "Да и кто знает, на что ими (диаконами) употреблен омофор?" полагают (Тьерри), что в этих последних словах Златоуст высказывал подозрение, что омофор его был употреблен клириками на преступное дело - для чародейства против его жизни. Если так, то трое диаконов оказывались виновны не в простой краже, но и в кощунстве. Положим, святитель последнее преступление только подозревает. Но, конечно, правдолюбивый Златоуст имел основания высказывать подозрения. Спрашивается: что же особенно оскорбительного могли находить клирики в вышеприведенных его словах? Как тяжело было жить Златоусту среди такого притязательного и распущенного клира, как константинопольский! Но больше всего константинопольские клирики раздражены были против Златоуста за его сильные и прямые обличения их в беспорядочной нравственной жизни. Обвинитель этого архипастыря ставил ему в вину следующее: "Он написал книгу, наполненную клеветами против клира". Здесь, без сомнения, имеется в виду обширная проповедь его под заглавием "Слово против живших вместе с девственницами" (*Adversus eos, clericos, qui habent virgines subintroductas*). Слово это, или книга, действительно должна была раздражать клир, но в этом винить нужно не писателя (Златоуста), а лиц, вызвавших своим поведением появление книги. Суть дела в следующем: в некоторых, преимущественно больших, городах, например в Константинополе, завелся весьма подозрительный обычай: холостые клирики (а таких было немало) брали

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org к себе на житье девственников под предлогом взаимного подвижничества и взаимной помощи. Понятное дело, что некоторые из подобных клириков впадали в грех или, по крайней мере, возбуждали соблазнительные общественные толки. Этот-то беспорядок и желал прекратить Златоуст, с каковой целью и написал вышеуказанное сочинение. Что книга написана не в Антиохии (где Златоуст раньше был пресвитером), а в Константинополе, это видно из того властного тона, в каком говорит писатель и какой приличен только архипастырю. Подробное изложение содержания этой книги в настоящем случае было бы неуместно, хотя она дает яркую характеристику распушенности константинопольского клира.

Немало предъявлено было на соборе "при дубе" и других обвинений против Златоуста, но о них мы скажем кратко. Пятую группу обвинений могут составить обвинения в возбуждении народных бунтов и шестую – в насилиях, будто бы учиненных обвиняемым. Разумеется, ничего такого не было. Так, его вину в том, что будто он "возбуждал народ к восстанию вообще, против собора ("при дубе") в частности". Здесь, вероятно, имеется в виду то, что константинопольский народ, горячо любивший Златоуста, узнав, что против последнего устраиваются интриги епископами собора, открыто и сильно выражал свое неудовольствие на правительство; но Златоуст отнюдь не побуждал народ к подобным поступкам. Напротив, он старался успокаивать народ, указывая на то, что судьбами людей управляет Бог. Что касается насилия, будто бы допущенного Златоустом, то обвинители ставили ему в вину следующее: "Некоторых монахов, имевших у себя церковные общительные грамоты, он не только не принял в общение с собой, но и ввергал в темницу". Здесь речь идет не о монахах святой жизни и поведения, а о тех клеветниках Феофила, которых этот архиепископ отправлял в столицу, чтобы повредить Златоусту и очернить так называемых "долгих братьев". Эти лица действительно угодили в тюрьму, но по мнению даже протестантских писателей (Неандера), они "по законам вполне заслужили такого наказания".

Вот сколько злобной напраслины было наговорено на соборе "при дубе" против Златоуста.

В то время, когда эти клеветы и злонамеренные доносы предъявлялись и рассматривались на разбираемом соборе, сам Златоуст оставался в столице, в своем епископском доме, совершая свои пастырские обязанности. Но он был не один. С ним вместе находилось сорок епископов, любивших и глубоко почитавших его. Они собрались для известного собора, имевшего целью рассмотреть дело о Феофиле Александрийском; но так как в этом соборе, по неожиданно изменившимся обстоятельствам, не оказалось надобности, то они остались с Златоустом главным образом для того, чтобы разделить с ним его горести. Все они были в великом смущении. Им уже было известно, что Феофил действовал не самопроизвольно, а опираясь на придворную партию, не благоволившую к Златоусту. Смущение было тем больше, чем упорнее держались слухи (как оказалось, основательные), что архипастырь столицы, между прочим, обвиняется в оскорблении императорского величества (императрицы) и что обвиняемому грозит смертная казнь. Именно: Златоуста старались обвинить в том, что будто он называл Евдоксию Иезавелью. Основанием для такого обвинения могло быть то, что в вышеприведенном письме Златоуста к Евдоксии он действительно намекает, но только намекает, на тождество одного поступка императрицы и Иезавели (отнятие виноградника). Другим основанием могло быть то, что он в своих проповедях обличал константинопольских аристократов, проводивших жизнь не лучше Иезавели, – и это легко могло быть истолковано, как нападение именно на личность императрицы. Как не велико было смущение окружавших Златоуста епископов, сам великий святитель, однако, не падал духом. Когда некоторые из них плакали, а другие, будучи не в силах выносить печального зрелища, хотели уйти, Златоуст говорил им: "Сидите, мои братья, и не плачьте, этим вы лишь надрываете мое сердце. Смерть – общий жребий. Разве мы лучше патриархов, пророков и апостолов, которые не были тоже бессмертны?" На это один из епископов заметил: "Мы оплакиваем наше сиротство, смятение Церкви, прекращение наставлений". Златоуст, услышав эти слова, ударил указательным пальцем левой руки (обыкновенный его жест во время размышлений) и отвечал: "Не я первый был учителем Евангелия и не я буду последним. Разве по смерти Моисея не действовал Навин? Разве по смерти Иеремии не нашелся Варух? Разве после взятия на небо Илии не начал пророчествовать Елисей?" Другой епископ на это возразил: "Вот горе: если мы захотим остаться при наших Церквях, то мы принуждены будем иметь общение с лицами, которые произносят против тебя несправедливый приговор, и даже принуждены будем подписать этот приговор". Златоуст отвечал: "Оставайтесь с ними в общении, это необходимо, иначе в Церкви появится раскол; но ни в

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org
коем случае не подписывайтесь под несправедливым приговором, ибо я сознаю, что я не сделал ничего, за что я заслуживал бы лишения сана".

Между тем как велись эти печальные беседы, появились двое уполномоченных от собора, которым поручено было пригласить Златоуста для защиты и объяснения по обвинениям в заседании "при дубе". Этими уполномоченными были молодые и не важные ливийские епископы, очень схожие по своему характеру с их главой Феофилом: они были, судя по историческим известиям, людьми, лишенными нравственных достоинств. К этим двум лицам, в качестве особого секретаря, присоединен был какой-то мальчик. Очевидно, с намерением оскорбить Златоуста, в депутаты к нему были выбраны лица самые незначительные. Но великий святитель не обратил на это никакого внимания. Он вежливо пригласил посланных в зал и дал им возможность со всей честью выполнить поручение собора. Секретарь собора вслух прочел следующую записку, которой Златоуст приглашался на собор: "святой (?) собор, собравшийся "при дубе", Иоанну (святитель намеренно не назван ни архиепископом, ни достопочтенным в знак того, что собор-де не признает его архипастырем). Мы получили жалобы на тебя, в которых ты обвиняешься в тысяче дурных поступков. Поэтому явился перед нашим судилищем и возьми с собой двух пресвитеров Серапиона и Тигрия, присутствие которых необходимо". Серапион и Тигрий были лицами, близкими к Златоусту, и, очевидно, были замешаны в преступлениях, приписанных архиепископу константинопольскому. На это приглашение дано было два ответа: один от епископов, окружавших Златоуста, другой от самого Златоуста. В ответе епископов на имя Феофила говорилось: "Мы сами должны судить тебя первого, потому что у нас находится обвинительный акт, заключающий 70 пунктов преступлений, совершенных тобой. Кроме того, наш собор гораздо многочисленнее, нежели твой: вас только 36 и почти все из одного округа, нас же 40 из различных округов и в среде нас семь митрополитов". Со своей стороны Златоуст отвечал на имя не Феофила, а целого собора. В своем письме он прямо не отказывался явиться на собор, но объявлял, что придет сюда для оправданий только под условием, если будут исключены из состава собора его личные враги - Феофил, Акакий, Севериан и Антиох Птолемаидский. Четыре раза собор приглашал Златоуста явиться для оправдания, и каждый раз Златоуст давал один и тот же ответ. Он дал тот же ответ и тогда, когда то же приглашение было доставлено ему через императорского секретаря, т.е. с ведома императора. Рассказывают, что собор свою злобу на Златоуста, за неявкой его сюда, выместил на трех епископах, с которыми он послал членом собора свой первый ответ: одного из этих епископов на соборе избили, у другого разорвали в клочки его облачение, а на третьего наложили цепи, те самые цепи, которые были приготовлены для константинопольского архипастыря, если бы он дерзнул прибыть на собор "при дубе".

Собор производил свое исследование жалоб на Златоуста не в его присутствии и неизвестно, как именно. Ясно одно, что собор делал вид, будто он верит всем бессмысленным клеветам на великого святителя. Во время 12-го заседания собора произнесен был приговор против него. Число членов собора к этому времени увеличилось, возросши до цифры 45. Вероятно, некоторые слабые епископы, под давлением придворной партии, может быть, не без борьбы в душе, перешли на сторону Феофила и стали ратовать против святителя. Вот приговор собора относительно Златоуста, тотчас же сообщенный императору Аркадию: "Принимая во внимание, что Иоанн обвинен во многих преступлениях и что, сознавая себя виновным, он не хотел явиться на собор, - собор на основании закона (против упорных и не желающих явиться для суда) отставил его от должности. Жалобы против него, кроме того, обвиняют его в преступлении против императорского достоинства. Поэтому пусть прикажет благочестивый император изгнать его из Церкви и наказать за преступление против императорского достоинства, так как последний пункт обвинения не подлежит суду собора". Император, опасаясь народных волнений, согласился только сослать Златоуста, но не решился казнить его, хотя собор ясно подсказывал Аркадию, чтобы он наказал Златоуста смертью, как принято было поступать с презрителями императорского достоинства. Император даже затруднялся, каким образом устроить изгнание Златоуста. Дело в том, что народ, так любивший своего архипастыря, день и ночь толпился вокруг архиерейского жилища и, - явно было, - не хотел без борьбы с правительством дать возможность привести приговор о ссылке в исполнение. Уже сам Златоуст вывел правительство из неловкого положения. Он тайком от народа отдал себя в распоряжение полиции, которая отравила его в Вифинию в город Пренету, ожидая здесь дальнейших распоряжений. Но таких распоряжений не только не последовало, а напротив, все усилия правительства направились к тому, чтобы как можно скорее призвать изгнанного архиепископа снова в столицу. В следующую же ночь по удалении Златоуста, Константинополь посетило

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org сильнейшее землетрясение. Дома и дворцы колебались. Императрица Евдоксия была в ужасе и считала страшное явление за Божье наказание по поводу несправедливого осуждения Златоуста. Она упросила императора вернуть этого последнего на его святительскую кафедру и умоляла изгнанника собственноручным письмом не винить ее ни в чем и прибыть в столицу. Златоуст последовал этому приглашению или, точнее, этим мольбам. Величественное зрелище представляло его возвращение на свою кафедру. Клики народного восторга оглашали весь Константинополь, даже евреи приняли участие в этом празднестве. Босфор покрылся кораблями и лодками, переполненными множеством народа, искавшего случая хоть мельком взглянуть на любимого архипастыря. Берег Босфора со стороны столицы был усеян массами народа со свечами в руках. Здесь смешались в одно целое люди всех сословий, разных возрастов – мужчины, женщины, дети. Все ликовало. Так совершилось вторичное водворение Златоуста среди его паствы!

Паломничество во Святую Землю во времена древней Церкви

Религиозные путешествия времен христианства у язычников и иудеев. – Мало известно о путешествиях в Св. Землю в первые три века христианства; примеры путешествий из II и III века. – Умножение числа лиц, путешествующих в Св. Землю в IV и V веках; пример св. Елены. – Перечисление замечательнейших лиц IV и V века, путешествовавших в Св. Землю, и изложение впечатлений, вынесенных ими отсюда. Замечания о том, как путешествовали в это время и по каким побуждениям. – Какие памятники и места привлекали в Палестину путешественников IV и V в.? – Замечательные храмы в Палестине, возбуждавшие к себе внимание путешественников этих веков.

Наклонность путешествовать к местам, почитаемым святыми, можно сказать, заключается в религиозной природе человека. Путешествия к этим местам начались не со времен христианских, а гораздо раньше. Язычники до времен Христа ходили на поклонение тем местам, в которых, по их представлению, боги обнаруживали особенное свое присутствие и особую силу, благодетельную для человека. Ветхозаветные верующие тоже имели свои св. места и предпринимали благочестивые путешествия к ним.

Язычники вообще отдавали предпочтение местным святыням перед святынями других стран и народов; однако же, такие язычники, как греки и римляне, имели несколько чтимых святынь, которым все они, без различия стран и национальностей, воздавали общее религиозное почитание. Знаменитейшими святынями у греков и римлян были Дельфы, Додона, храм Юпитера-Аммона. Особой славой пользовались Дельфы, в Фокиде, где был храм Аполлона. Дельфы почитались центром всей земли. Сюда стекались путешественники из всех стран и народов. Чтобы удостоиться узнать волю бога Аполлона, через жрицу-пифию, пилигримы должны были вступить в храм по совершении установленных очистительных жертв, с музыкой и в торжественной процессии. Храм Аполлона был наполнен различными драгоценными подарками, какие приносили сюда цари, князья и богатые частные лица. После Дельф привлекала к себе множество путешественников Додона в Эпире. Здешний оракул был известен своей древностью. Главными святынями этого места были источник и роца, которым приписывались чудесные действия. Храм в Додоне был великолепен и изобилует подарками, какие приносились религиозными путешественниками. В древности славился также храм Аммона в Фивах, в Египте. Знаменитейшим путешественником, посетившим это священное место язычников, был Александр Македонский, который прибыл сюда на поклонение со всем своим войском. Были места, которые пользовались особым религиозным почитанием язычников и за пределами Греции и Римской империи, например в Персии и Индии*.

* Augusti. Denkwürdigkeiten d. Christl. Archeologie. Bd. X. S. 91.

Путешествия к св. местам встречаем и в ветхозаветной Церкви. Известно, что Авраам, праотец израильтян, по повелению Божьему, идет вместе с сыном своим Исааком и двумя рабами для принесения в жертву Исаака – туда (в землю Мориа), куда указано ему Богом. Почему Бог повелевает ему оставить свой дом, совершить трехдневное путешествие и избирает особое место для жертвы? Не потому ли, что Ему путешествия с религиозной целью угодны и что есть места, на которых преимущественно почует Его благоволение? Авраам беспрекословно совершает путешествие к месту, которое особенно угодно в

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org очах Господа (Быт. 22). Второй пример, в том же роде, можно найти в истории патриарха Иакова. Место, где он в сонном видении узрел лестницу, доходящую до небес, по которой восходили и нисходили ангелы, он назвал "домом Божиим" и "вратами небесными". Пробудившись от сна, он дает такой обет: "Если Бог будет со мной и сохранит меня на пути сем, в который я иду, и даст мне хлеб и одежду, и я в мире возвращусь в дом отца моего, то этот камень, который я поставил памятником, будет у меня домом Божиим" (Быт. 28, 20-22). Две стороны обращают наше внимание в указанном событии. Во-первых, Иаков положил себе почитать это место как важнейшую святыню и, во-вторых, свидетельствовать свое почитание так, как должно это в отношении к дому Божию, соответствующим богослужением, т.е. жертвой. Иаков дает обет посещать то место, на котором открылось благоволение к нему Бога. И действительно, при своем возвращении Иаков посетил место дома Божия и совершил возлияние; но посещал ли после это место Иаков, Библия не говорит. Для потомков Иакова и для пророков израильских Вефиль всегда оставался священным. Они путешествовали сюда, приносили Господу жертву, и Бог являл к ним свое благоволение (1 Цар. 10, 3; 2 Цар. 12 и 13; 4 Цар. 2, 23). Иаков и его потомки представляют примеры добровольного путешествия к местам особой святости. Пророки Самуил, Илия, Елисей не только одобряли посещения Вефиля, но и сами приносили здесь жертвы. - Моисей в книге Второзакония постановил, чтобы весь Израиль мужского пола трижды в год приходил на то место, какое изберет Бог (Иерусалим), - именно в праздник опресноков, в праздник седмиц и в праздник кущей (16, 16). Таким местом был Иерусалим и до построения в нем храма Иегове и после построения его в столице иудейской. Когда Соломон построил храм, прославленный от самого Бога, то сюда стали притекать даже такие лица, от которых закон этого не требовал: что мужской пол израильтян исполнял по обязанности, то женский пол в Израиле стал исполнять по своей доброй воле. Так, известно из Евангелия, что Иосиф Обручник и Дева Мария приходили в Иерусалим на праздник Пасхи. В Иерусалим на праздник стекались иудеи и обращенные в иудейство язычники из дальних стран; именно - парфяне, мидийцы, эламнты, каппадокийцы, жители Понта, Азии совершали религиозные путешествия в Иерусалим*. Даже язычники приходили сюда на поклонение в праздник (Иоан. 12, 20). Вообще, путешествия к св. горе Сионской, к храму Иерусалимскому с его величайшими святынями были явлением, которое, быть может, послужило образцом для христианских путешественников во Св. Землю в древности, ибо в этой земле пострадал, умер и воскрес Основатель новой религии. Израильтяне путешествовали в Иерусалим не только по требованию закона, но и по своему произволению, как это видно из примера израильтянок, и это обстоятельство еще более сближает путешествия христиан с путешествиями в Иудее, так как христиане и прежде совершали и теперь совершают хождение во Св. Землю по влечению сердца, а не по предписанию.

* Binterim. Denkwiidigkeiten d. Christ-katolischen kirche. Bd. IV. Theil. 1. S. 611-614.

Обращаемся к истории путешествий во Св. Землю во времена христианские. Мы очень мало знаем о христианских путешественниках в Св. Землю в первые три века Церкви. Причин такого явления может быть указано несколько. Прежде всего, христиан в эти века было не столь много, как в последующие века: меньше было христиан, меньше было и путешественников во Св. Землю. Далее, гонения на христиан этих веков были условием, не предрасполагавшим к совершению путешествий: путешествие к св. местам есть род самоотвержения; но к самоотвержению давали множество поводов гонения, так что подвиг путешествия был менее необходим, чем в спокойное время. С переменной обстоятельством особенно много начинают путешествовать в IV веке: это было время, когда в Церкви водворился мир с воцарением Константина Великого; спокойное время более дает удобств и возможности предпринимать путешествия, чем время тревожное, когда царствовали императоры-язычники. Далее, места, освященные страданиями Христа, были намеренно осквернены язычниками через построение на них идольских капищ; в Иерусалиме трудно было найти то, для чего шли сюда; святые места были в поругании. Прибавим еще и то, что многие святыни, с которыми были соединены воспоминания о страданиях Христа, находились в сокрытии, под спудом: крест Христов, пещера Его погребения были еще не открыты. Все это может объяснять, почему мы так мало знаем о путешествиях во Св. Землю за первые три века. Однако, блаж. Иероним, живший в IV и V веках, оставил нам ясное свидетельство, что путешествия во Св.

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org Землю начались очень рано и имели место во все время до IV века, когда этот подвиг сделался обычным. Он говорит: "Долго было бы исчислять ныне, сколько во все время от вознесения Господня до настоящего дня благовестников, сколько мучеников, сколько искуснейших в церковном учении мужей ходило в Иерусалим. Все они думали, что в них меньше будет религиозности, меньше знаний, и что они не достигнут высшей добродетели, если не поклонятся Христу в тех местах, где заблестало с креста Первоевангелие"*.

Правда, мы не можем подтвердить многочисленными примерами истинности слов Иеронима; но и нет причин сомневаться в том, что путешественники во Св. Землю встречались и до IV века, хотя быть может их было и немного: Иероним обладал хорошим знанием истории христианского Востока**. Древнейшее свидетельство о путешественниках во Св. Землю находим у Евсевия. Он рассказывает о путешествии сюда одного епископа из Каппадокии, во II веке. Вот слова Евсевия: "Александр получил в одну ночь откровение. Последуя божественному мановению, он из Каппадокии отправился в Иерусалим для молитвы и посещения св. мест, и был принят братьями весьма дружелюбно, так что они не хотели отпускать его домой, ссылаясь равным образом на откровение, виденное им в ту же самую ночь". Александр, епископ из Каппадокии, остался в Иерусалиме, сделавшись сопровителем престарелого местного епископа Наркисса (Церков. ист. VI, 11). Из времен III века можно также указать одного путешественника, посетившего Св. Землю, - имеем в виду александрийского учителя Оригена. Хотя прибытие Оригена в Палестину и имело другие побуждения, помимо желанья поклониться св. местам (Евсев. Церков. ист. VI, 19), но он не теряет из виду и этой цели, и впоследствии сам свидетельствовал, что он был в Иерусалиме и с тем намерением, чтобы зреть и благоговейно почитать стопы ног Спасителя, Его апостолов и пророков (в Толк, на Иоан. Тот. 6. Сар. 24). К сожалению, из истории Церкви до IV века только и можно указать на эти примеры путешественников во Св. Землю. Причина этого, отчасти, заключается в том, что древние писатели в своих сочинениях отмечали только таких путешественников, которые чем-либо прославились, были лицами знаменитыми, а не считали своей задачей замечать всех путешественников, ничем не известных в истории.

* Творения блаж. Иеронима. Т. II. С. 11. Киев, 1879. То же издание мы будем цитировать и ниже, именно II и III тома (письма). ** Augusti. Op. cit. S. 102.

Четвертый век христианской Церкви, напротив, представляет многочисленнейшие примеры путешествий во Св. Землю. Сколько лиц самых знаменитых "с юношеской быстротой", по выражению Евсевия, устремляются в Иерусалим, сколько славных учителей Церкви спешат в это святое место, сколько безвестных простых верующих текут все к той же цели! Во главе всех известных путешественников во Св. Землю должно поставить мать Константина Великого св. Елену. Евсевий говорит о ней: "Признав своим делом воздать Богу долг благодарности своего расположения, также вознамерившись возблагодарить Его за своего сына-царя и своих внуков, эта старица необыкновенного ума с юношеской быстротой поспешила на Восток и с царской заботливостью обозрела дивную землю, города и селения с той целью, чтобы совершить должное поклонение стопам Господа и, по слову пророка, "поклониться на месте, идеже стоясе ноze Его" (Пс. 131, 7)". Свое пребывание в Иерусалиме и Св. Земле Елена ознаменовала сооружением различных храмов (о чем скажем ниже). Страна, видевшая уничтожение Спасителя, произвела такое впечатление на царственную особу, что она с великим смирением хотела служить Богу там, где Он самоуничтожил Себя. Елена, по словам Евсевия, оставив все украшения, свойственные ее достоинству, в самой скромной одежде, чтобы не быть узнанной, смешивалась с народной массой и раздавала щедрую милостыню (Жизнь Констан. III, 42, 45). А по свидетельству историка Руфина, смирение Елены простиралось еще далее. Будучи в Иерусалиме, она приглашала к своему столу девственниц, живших здесь, а сама служила им за столом в качестве простой рабыни (Hist. Eccles. Lib. I. Сар. 8). Пример императрицы, совершившей путешествие во Св. Землю, имел сильное впечатление на христиан IV в. С этих пор путешественники во Св. Землю стекаются из разных стран, из самых отдаленных местностей, и часто большими массами. Историк Созомен свидетельствует, что особенно много стекалось христиан в Иерусалим в те дни, когда совершалось празднование Воздвижения Честного и Животворящего Креста. Со времен освящения храма, построенного при Константине Великом на Голгофе, этот праздник совершался ежегодно, был очень торжественен и продолжался 8 дней. "По случаю этого

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org торжества, - замечает историк, - туда, для посещения святых мест, стекаются многие почти со всей подсолнечной" (II, 26). Блаженный Иероним, сам посетивший святые места Палестины во второй половине IV века и долго живший здесь, свидетельствует, что в Палестину в это время стало притекать множество христиан из различных мест. Он пишет: "Лучшие в этом мире христиане собираются здесь вместе. Каждый из лучших людей Галлии спешит сюда. Отдаленный британец едва только начинает преуспевать в религии, оставив Запад, стремится к месту, столь известному по молве и по библейским воспоминаниям. А что сказать об армянах, персах, народах Индии и Эфиопии, о стране близ Египта, кишашей монахами, о Понте, Каппадокии, Сирии и Месопотамии? Они, по слову Спасителя: "Идеже бо аще будет трупъ, тамо соберутся орли" (Мф. 24, 28), - стекаются к этим местам и представляют нам зрелище всевозможных добродетелей" (Твор. II, 11-12). Свт. Иоанн Златоуст в конце IV века в одной из своих церковных бесед говорил: "Скажи мне, где гроб Александров (Александра Македонского)? Укажи и скажи, когда он умер? Александрова гроба не знают и свои, а гроб Христов и гробы рабов Распятого знают и варвары. Эти гробы блистательнее царских дворцов не только по величине и красоте строений, но, что гораздо важнее, по ревности стекающихся к ним. В предстательстве уже умершего и скинотворца, и рыбаля имеет нужду облеченный в диадему"*.

* Толкование на Второе послание к Коринфянам (М., 1851). С. 324.

Передадим сведения о наиболее замечательных странниках во Св. Землю в IV веке, о которых мы имеем более подробные известия. Первым паломником должен быть назван неизвестный христианин, который из галльского (французского) города Бордо путешествовал во Св. Землю в 333 году. Этот странник замечателен тем, что он оставил после себя свои "Путевые записки" (Itinerarium). Дневник этот есть первый исторический памятник подобного рода. Он отличается простодушием и искренностью; видно, что писатель дневника вынес самые отрадные впечатления из своего странствования*. Из св. мужей, прославившихся и своей высокой жизнью, и своими деяниями на пользу веры и Церкви, и своими творениями, предпринимал путешествия во Св. Землю св. Григорий Нисский, брат Василия Великого. Свои мысли и чувства, вынесенные им от этого путешествия во Св. Землю, он сам излагает в своих творениях. Несмотря на нечто прискорбное, с чем он встретился в Палестине, общее впечатление было для него в высшей степени отрадным. Так, он пишет в своих творениях: "Памятники великого человеколюбия к нам Господа, какие показывали мне на месте, были предметом величайшей радости и веселья; потому что открылся для меня праздник Божий: и в том, что я видел спасительные следы пребывания здесь оживотворившего нас Бога, и в том, что встретил здесь души, в которых духовно созерцаются таковые же знамения благодати Господней. Итак, поскольку я видел и чувственным взором св. места, видел и в вас (к кому писал св. отец) явные знамения таких мест, то исполнился такой радости, какую никакое слово передать не может"**. Столь же замечательным путешественником во Святую Землю был, как мы упоминали выше, и бл. Иероним, славный и по высоте жизни, и по влиянию на Западную церковь того времени, и неутомимый писатель-богослов. Он не только был во Св. Земле, но долго здесь жил и даже скончался (f 420) в Вифлееме. Пребывание во Св. Земле наложило глубокое впечатление на душу этого пришельца с отдаленного Запада. В Иерусалиме особенно приятно на него подействовали благочиние, смирение, братолюбие, какими отличались странники, отовсюду пришедшие сюда на поклонение величайшей христианской святыне. Эти странники как бы преображались. Без сомнения, священные воспоминания наполняли их душу неизъяснимым восторгом. Но предоставим слово свидетелю - Иерониму: "Как ни различны голоса (странников разных мест), но религия одна. Сколько разностей народных, почти столько же поющих хоров. Но между ними нет никакого спора из-за своекорыстия, или из побуждений гордости: общее соревнование из-за смирения. Пусть будет самый последний, его почитают как первого. Нет никаких отличий, ничего поражающего в одежде. Как бы ни заблагорассудилось ходить, нет ни порицания, ни похвалы. Не превозносится неядение, не осуждается и умеренное насыщение. Каждый своему Господу стоит или падает. Никто не судит другого, дабы не быть осужденным от Господа. А грызть друг друга зубами, что так обыкновенно в других странах, здесь этого вовсе не водится. Нет роскоши, нет и развлечений" (Твор. II, 12). Столь же отрадное, успокоительное, назидательное впечатление выносил Иероним и от своего пребывания на месте рождения

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org Спасителя, в Вифлееме. Здесь "все простота", писал он, "и только пением псалмов нарушается молчание. Обратись куда угодно: земледелец, идя за плугом, поет аллилуйя; покрытый потом жнец развлекается псалмами, и виноградарь, срезая кривым ножом виноградные ветки, поет что-нибудь из Давида. Таковы в этой стране песни, и это любимые песни, как говорит народ" (Там же, 14). Простая, идиллическая жизнь в Вифлееме с пением священных гимнов во время даже обыкновенной работы переносила мысль путешественника, посетившего место Рождества Христова, к тому времени, когда пастухи славословили Искупителя и хоры ангелов восхваляли это преславное событие. Зная, какое нелегкое дело – путешествие по Св. Земле, Иероним, чтобы доставить удобное помещение лицам, приходившим в Вифлеем, устроил здесь за свой счет странноприимницу при монастыре. "Странноприимничество, – писал он, – лежит у нас на сердце, и мы с радостью принимаем всех приходящих, потому что мы боимся, чтобы Мария, пришедши сюда с Иосифом (т.е. вообще путешественники, какими были в свое время в Вифлееме эти св. лица), не остались без убежища"****. Пример доблестной странницы во Св. Землю в IV веке представляет благочестивая римская матрона, по имени Павла, позднее спутница Иеронима. Ничто не могло удержать ее от задуманного ею путешествия в Палестину: ни даже любовь ее к своим детям, не достигшим еще зрелого возраста. Религиозное чувство победило в ней чувство материнской любви. Иероним в чертах трогательных и изобразительных описывает ту минуту, когда Павла должна была сесть на корабль в одной гавани в Италии для отправки в дальний путь и последний раз взглянуть на своих детей, расстающихся со своей матерью. "Вот она, Павла, сходит к гавани; ее сопровождают брат, родные, родственники, и что всего дороже, – дети, желающие любовью своей победить милосерднейшую мать. Уже распущены паруса, и корабль под веслами гребцов выходит на глубину. Малютка Токсоций с берега протягивает умоляющие руки. Руффина, уже невеста, безмолвными слезами умоляет подождать ее замужества. И несмотря на это, она, т.е. Павла, поднимала ясные глаза к небу, побеждая любовь к детям любовью к Богу. Она не признавала себя матерью, чтобы доказать, что она – раба Христова. Переворачивались ее внутренности, и будто на части разрывалась она в борьбе со скорбью. Быть в руках врагов и терпеть суровые бедствия плена не так мучительно, как разлучаться родителям с детьми" (Твор. III, 21-22). Прибыв во Св. Землю, Павла отдалась всем своим существом религиозному чувству, возбужденному в ней с необыкновенной силой зрелищем всего, что тогда было открыто взору путешественника. Иероним, свидетель ее хождения по Иерусалиму, так описывает душевное настроение Павлы: "Здесь она обошла все места с таким жаром и любовью, что не в силах была бы оторваться от первых, если бы не поспешала к остальным. Сколько пролила она там слез, сколько излила стон и скорби, свидетель весь Иерусалим, свидетель Сам Бог, которому она молилась"***** (Твор. III, 25). Св. Земля так могущественно повлияла на сердце этой паломницы из далекой страны, что она решила навсегда остаться здесь, именно в Вифлееме. Вся жизнь ее с этих пор была посвящена на дела благотворения, так как она была богата. Она понастроила в Вифлееме келий и монастырей и гостиниц "по той дороге, по которой Мария и Иосиф не нашли где преклонить голову" (Там же, 34). Сама Павла сделалась настоятельницей устроенных ею в Вифлееме женских монастырей и ввела в них строгий монашеский чин. Иероним так говорит о монастырях Павлы: "Она разделила на три общины и монастыря то множество дев, которое собрала из разных стран, – разделила так, однако же, что, будучи разделены в работах и пище, они соединялись в псалмопениях и молитвах". В известные часы они собирались для общего молитвословия. "Придя сама первой или в числе первых, она побуждала к приходу других. Поутру, в час третий, шестой и девятый, ввечеру и в полночь они пели Псалтирь по уставу". Кроме молитвы, "они ревностно продолжали распределенные между ними работы, и приготавливали одежды себе или другим". Благородным по происхождению не дозволялось иметь сожительницей кого-либо постороннего, во избежание рассеяния. "Для всех была одна одежда" (Твор. III, 43). В подвигах строгой инокини Павла прожила в Вифлееме двадцать лет; здесь она и скончалась, по выражению Иеронима, "взойдя из маленького Вифлеема в небесные царства" (Там же, 57-58). Эта путешественница во Св. Землю нашла такой мир для своей души здесь, что совсем не думала более возвращаться в мир и умерла там, где родилось спасение христиан. Из путешественников, посетивших Св. Землю в V веке, отметим подвижника Петра из Галатии, о котором повествует блж. Феодорит. Этот писатель не столько описывает какие-либо обстоятельства из путешествия Петра, сколько знакомит с теми чувствами и мыслями, какие наполняли душу этого путешественника при совершении им сказанного дела. Феодорит пишет: "Петр первоначально подвизался в Галатии; отсюда отправился в Палестину обозреть места, где совершились спасительные страдания, и там поклониться Спасителю Богу и насытить очи свои созерцанием вожеленных предметов. Ибо

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org страстно привязанные к кому-нибудь обыкновенно чувствуют радость не только тогда, когда видятся с ним, но получают удовольствие и в том случае, если видят его дом, одежду и обувь. Сей блаженный муж (Петр), будучи объят любовью ко Христу, приложил к себе слова из Песни Песней: "Уязвлен любовію азъ есмь" (5, 8), и как бы желая увидеть хотя тень Жениха, обратился к местам, которые источали для всех людей токи спасения"****. Чувства и представления, наполнявшие душу Петра, были, конечно, чувствами и представлениями, составлявшими самую ценную сторону такого подвига, как путешествие, какое предпринимали в то время многие в Иерусалим и его окрестности.

* Из этих "Путевых записок" ниже мы передадим, что найдем нужным. Эти Записки (Itenerarium) в 1882 году переведены на русский язык и изданы во 2-м выпуске Императорского Православного Палестинского Сборника (в этом издании указаны и варианты текста, полезные для более ясного понимания памятника). ** Творения св. Григория Нисского. М., 1871. Т. VIII (письма). С. 461-462. Этот же том будем цитировать и ниже. *** Жизнь бл. Иеронима (при I томе рус. перевода его творений). С. LXXXVIII-LXXXIX. **** Эти слова с полным правом можно прилагать и к самому Иерониму, как и делают описатели его жизни (например, составитель "Жизни Иеронима" при I томе рус. перевода творений этого учителя Церкви. С. LXXXIV). ***** История боголюбцев. СПб., 1853. Гл. 9.

Немного знаем о том, с каким настроением духа совершали древние путешественники часто длинный путь до Св. Земли, чем наполняли дни и ночи, прежде чем они вступали в черту св. града; но и то немного, что знаем, заслуживает полного внимания. Странники проводили дорожное время в посте и молитвословиях; первый как бы предпочитал душу к созерцанию достославных мест, а вторые должны были делать менее заметным само путешествие, всегда трудное и беспокойное. Блаж. Феодорит сообщает следующие сведения о двух известных ему подвижниках, совершивших путешествие в Иерусалим. "Пожелав видеть священные места спасительных страданий, Марина и Кира поспешно пошли в Иерусалим, не принимая на пути никакой пищи; придя в тот город и совершив поклонение святыне, они приняли пищу и опять обратный путь совершили в посте, а расстояние (от места, откуда они предприняли путешествие, до Иерусалима) было не менее двадцати дневных переходов"*. А Григорий Нисский сам свидетельствует, что "колесница (на которой ехали он и его спутники) была для нас церковью и монастырем, где мы всю дорогу вместе воспевали Господа и постились" (Твор. VIII, 459).

* История боголюбцев. Гл. 29.

Скажем несколько слов о тех побуждениях, которые располагали христиан IV и V века брать на себя нелегкий подвиг переплывать моря, проходить многие страны, терпеть дорожные неудобства и даже подвергаться различным опасностям, чтобы достигнуть цели - побывать во Св. Земле. Некоторые из этих побуждений видны уже из того, что сказали мы выше о замечательнейших странниках во Св. Землю. Прежде всего, конечно, побуждало принять на себя этот подвиг желание во всей силе воскресить в своей душе те великие события, какие произошли во Св. Земле во времена ветхозаветные и новозаветные, возгреть, укрепить и оживить в себе религиозное чувство, которое среди обыкновенной обстановки слабеет и притупляется. Этой цели могло в значительной мере служить поклонение святыням Иерусалима, ибо, по прекрасному выражению Иеронима, "вся религия наша имеет родину в этой стране и в этом городе" (Твор. II, 5). Здесь все могло напоминать о Спасителе и о совершении Им великого дела искупления и наполнять душу радостью и успокоением по тому естественному закону, на который указывает бл. Феодорит, что "кто привязан к кому-либо, тот чувствует радость не только когда видится с ним, но и в том случае, если видит его дом, одежду, обувь". У других путешественников к этому мотиву - усугубить в себе религиозное чувство, присоединялись и иные. Так, по словам Евсевия, св. Елена прибыла в Иерусалим, как для того чтобы видеть места, ознаменованные великими событиями и удовлетворить своему религиозному стремлению, живо

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org почувствовать все, что совершилось здесь, так и возблагодарить Бога за те блага, которыми Он одарил ее сына и внуков (Жизнь конст. III, 42). Еще другие путешественники хотели выразить через принятый ими подвиг чувство благодарности по случаю миновавшего их несчастья. По свидетельству Иеронима, нашествие варваров и опасность пленения побуждали некоторых дать клятвенный обет – во время самой опасности или по прошествии ее – отправиться к св. местам (Твор. III, 229). Некоторые из странников в Иерусалиме думали находить для себя побуждение к этому делу в заповедях самого Христа. Именно, думали, что в словах Спасителя, сказанных Его ученикам, чтобы они не отлучались от Иерусалима, находится побуждение к странствованию во Св. Землю*. Некоторые ученые христиане не забывали при посещении Св. Земли и побуждений чисто научных. Св. Земля должна была объяснить им, что представляется невразумительным и неясным в Св. Писании без непосредственного изучения той страны, где происходили события, описанные в Библии. Такие побуждения, между прочим, руководили бл. Иеронимом. Иероним, обходя св. места Палестины, брал с собой в руководители ученого иудея, потому что ему для полного знания Св. Писания не только хотелось видеть своими глазами всю эту чудную страну, но и узнать на самых местах то, что должно было служить к пользе богословской науки. "Те, которые посещали Афины, – говорит он, – гораздо лучше понимают историю греков, и те, которые шли из Трояды до Сицилии, потом оттудаплыли до устьев Тибра, те лучше знают третью книгу Энеиды. То же нужно и для знания Св. Писания"**. Эти и подобные побуждения, как, например, тяжелое горе, желание подвигом умирить свою совесть, сокрушающуюся о каком-либо великом грехе, вели и приводили в Иерусалим и Св. Землю.

* Григорий Нисский, который сообщает это, считает подобный мотив бесосновательным и искусственным (Твор. VIII, 460). ** Жизнь бл. Иеронима (при I томе его творений). С. LXXXIII.

Теперь опишем, какие предметы, памятники, местности в Палестине обозревались путешественниками тех времен. Большая часть этих предметов, памятников, местностей имела значение религиозное, но иные из них и просто удовлетворяли любопытству. Иерусалим, конечно, имел больше всего – такого, что с особенным усердием обозревалось и чествовалось паломниками в Св. Земле. Иероним свидетельствует, что в Иерусалиме "столько было молитвенных мест, что обойти их не доставало целого дня" (Твор. II, 12). Здесь, прежде всего, паломник воздавал поклонение животворящему Кресту Христову, "лобызал древо крестное" (Иерон. II, 14). Частицы от Креста Господня, по словам св. Кирилла Иерусалимского (IV в.), разносились паломниками по всей христианской земле*. Другим драгоценным памятником страстей Христовых в Иерусалиме была гробница, где Он был погребен и из которой совершилось Его воскресение. Путешественники входили в эту "пещеру, лобзали камень, отваленный ангелом от дверей гроба, припадали к тому месту, на котором лежало Тело Господне, припадали подобно тому, как жаждущие припадают к давно желанным водам" (Иерон. III, 25). Св. Кирилл свидетельствует, что гробница Христа не совсем сохранила свой первоначальный вид, что когда здесь возводились постройки, то "преддверие было отбито для большего благолепия" (Твор. С. 230). По словам того же Кирилла, гробница Христова находилась в вертограде, и в его время показывали "признаки и следы сего" (С. 227). Одним из самых достопоклоняемых мест в Иерусалиме была гора Голгофа, место крестной смерти Спасителя. На Голгофе показываемы были те самые камни, которые распались во время крестных страданий Господа (Св. Кирилл. 223). В том же Иерусалиме путешественники видели "колонну, поддерживающую церковный портик, окрашенную кровью Господа, к которой, по преданию, Он был привязан для бичевания", рассматривали и Сионскую горницу, "где Дух Св. сошел на сто двадцать верующих душ" (Иерон. III, 26). Хотя в запустении, но сохранились еще до IV века и дом первосвященника Каиафы и претория римского правителя Понтия Пилата (Св. Кирилл. 222–223). Эти предметы также обозревались путешественниками. Весьма много любопытного обозревал в Иерусалиме вышеупомянутый нами, неизвестный по имени бордосский пилигрим из Галлии (Франции), посетивший Св. Землю в 333 году и оставивший нам свои "Путевые записки" (Itinerarium)** – он обозревал много такого, о чем не упоминают другие известные нам писатели IV века. Так, он видел в Иерусалиме соединенные между собой водоемы, имевшие пять портиков (притворов), которые назывались Вифезда. Здесь, по евангельскому рассказу, получали исцеление больные, много лет одержимые болезнью. Вода в Вифезде

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org была мутная с красноватым оттенком. Он видел также крипту (пещеру), где, как ему рассказывали, Соломон мучил демонов (трудно сказать, на что здесь указывается). Ему показывали остатки высокой башни, на которую возводил Господа дьявол, искушавший Его (Мф. 4, 6). Он рассматривал и краеугольный камень, большой, о котором сказано, что им пренебрегли зиждущие. Под вышеупомянутой башней находились многие комнаты, которые составляли дворец (palatium) Соломона. В одной из этих комнат указывали место, где сидел Соломон и писал книгу Премудрости. В одном из зданий, составлявших прежде храм Соломонов, он видел на мраморном помосте следы от обуви убийц Захарии***, сохранившиеся до времени, когда был в Иерусалиме этот пилигрим. При восхождении на гору Сион, ему показывали Силоамскую купель, которая имела четыре портика, и еще другой водоем, из которого вода бежала в продолжении шести дней и ночей, а в седьмой день, субботний, вода будто бы совсем не текла в продолжение суток. Так же, как и другие путешественники, он посетил дом Каиафы, преторию Пилата, гробницу Христа, видел колонну, около которой бичевали Спасителя (Itinerarium. Col. 790-791).

* Творения св. Кирилла. М., 1855. С. 196. Один том, на который мы будем ссылаться и впоследствии. ** Напечатаны у Миня. Patr. curs. Lat. ser. T. VIII. *** Мф. 23, 35.

Еще больше, чем в Иерусалиме, было мест, предметов, памятников, которые обозревались путешественниками, вне Иерусалима, в разных частях Палестины. Нелегко было все это осмотреть, по причине множества достопримечательного. Бл. Иероним, описывая путешествие Павлы, уже известной нам, замечает: "У меня скорее недоставало бы жизни, чем слов, если бы я слегка захотел пересмотреть все те места, которые прошла (в Палестине) достопримечательная Павла с невероятной решимостью" (III, 33). После Иерусалима привлекал внимание путешественников Вифлеем, место Рождества Христова. Здесь посещали "гостиницу Марии" (т.е. место, где совершилось рождение Спасителя), "вступали в вертеп Спасителя, этот священный приют Девы, зрели стойло, в котором позна воле стяжавшаго и осель ясли господина своего" (Ис. 1, 3). Вот в этом маленьком земляном углублении, узнавали путешественники, родился Строитель неба, здесь обвит Он был пеленами, здесь видели Его пастыри, здесь указала Его звезда, здесь поклонились Ему волхвы" (Иерон. II, 12-13; III, 26). Кроме того, путешественники "посещали хижину Сарры, рассматривали следы дуба Авраамова, под которым Авраам увидел день Христов и возрадовался; ходили в Хеврон, где евреи полагали могилу Адама". Близ Севастии, или Самарии, показывали путешественникам двенадцать гробниц патриархов; там погребены, по преданию, также пророки: Елисей, Авдий и Иоанн Креститель, "болш котораго не воста въ рожденных женами" (Иерон. III, 29.32). Путешественники считали своим долгом посетить гору Елеонскую, с которой вознесся Господь и которая находилась вблизи Иерусалима, гроб Лазаря в Вифании, побывать на Иордане, помолиться на гробнице Давидовой, увидеть источник, в котором апостол Филипп крестил евнуха, зайти в пещеры, в которых пребывали пророки во времена гонений на них от нечестивых царей еврейского народа, подняться на гору Фавор и узреть "там жилище Спасителя", обозреть такие города, как Назарет, Кана, Капернаум, а также море Геннисаретское (Иерон. II, 15). К этим важным известиям о том, чему поклонялись или что обозревали древние путешественники во Св. Земле вне Иерусалима, прибавим еще и то, что там же видел бордосский пилигрим. Он сообщает нам в этом отношении довольно любопытного. Так, он побывал на месте, именуемом Сихарь, откуда вышла самарянка к колодцу, вырытому Иаковом, встретившаяся со Христом и имевшая известный разговор с Ним. Здесь этому путешественнику были показаны деревья - платаны, которые посажены были еще Иаковом. На пути из Иерусалима на восток к горе Елеонской открывается долина Иосафатова, где находились виноградники; здесь же показывали камень, где Иуда Искариотский предал Господа. Невдалеке отсюда находилось пальмовое дерево, ветки с которого срывали дети и постилали по дороге, которой шел Иисус в Иерусалим. А недалеко от этого места, на расстоянии брошенного камня, находились два памятника удивительной красоты; в одном - это был монолит, цельный камень - заключалась гробница пророка Исаяи, а в другом - Иезекии, царя иудейского. По дороге из Иерусалима в Иерихон сохранилось дерево - сикомора, на которое влез Закхей, чтобы видеть Господа. Путешественник видел источник пророка Елисея. Об этом источнике он слышал такое предание: прежде времен Елисея, женщина, пившая воду из этого источника, сделалась бесплодной; но вот приходит к нему Елисей,

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org останавливается над ним, всыпает в него соли и говорит: "Сие глаголет Господь: Я сделал здоровыми воды сия; после сего, если какая женщина будет пить воду отсюда, она будет рождать детей". Около источника находился глиняный сосуд того же пророка Елисея. Здесь же, над этим источником показывали дом блудницы Раав, известной в истории завоевания израильтянами земли обетованной. Пилигрим, о котором у нас речь, обозревал и Мертвое море; вода в нем, по словам его, весьма прегорькая, так что в ней совсем не может водиться никакой рыбы, на нем не плавают лодки, и если кто вздумает плавать по этому морю, то вода сама выталкивает такого*.

* Itinerarium. Col. 790-791.

Не последнее место при обозрении и поклонении св. местам Палестины древними путешественниками занимали и те величественные постройки, какие воздвигнуты были на некоторых местах Св. Земли императором Константином Великим и его матерью Еленой. Эти сооружения были великолепны, служили памятниками благочестивой ревности первого христианского императора и были как бы знаками победы христианства над язычеством, которая совершилась в начале IV века. Много поучительного должны были говорить эти здания уму и сердцу паломников, приходивших в Палестину. Между всеми постройками во Св. Земле первое место занимала постройка над пещерой Гроба Господня и храм вблизи ее. Евсевий, современник и очевидец, так рассказывает об этих постройках. Когда-то давно язычники, желая скрыть от взоров христиан их великую святыню – пещеру Гроба Христова, засыпали это место мусором, и как бы в насмешку над почитателями Распятого они построили здесь святилище "сладострастному демону любви" (Венере). Так было до времен Константина. Этот император приказал языческое святилище разрушить и очистить место от сора и мусора. Это предприятие привело к тому, что под основаниями языческого храма открыта была пещера Гроба Христова, сделавшаяся важнейшей святыней Иерусалима. Царь распорядился пещеру великолепно украсить и построить возле нее такой "храм, который был бы великолепнее всех храмов, где-либо существующих". Воля царя исполнена. "Пещеру, как главу всего, – по словам Евсевия, – христолюбивая щедрота царя украсила отличными колоннами и многочисленными украшениями. Из пещеры был выход на обширную площадь под открытым небом. Эта площадь выстлана блестящим камнем и с трех сторон обведена длинными, непрерывными портиками". Что касается храма (базилики), выстроенного по повелению Константина на восточной стороне пещеры, то он представлял собой чудо красоты. Свой восторг при виде этого храма Евсевий изливает в следующих изысканных словах: "Царь построил храм в ознаменование победы Спасителя над смертью, быть может, тот самый храм, который пророческое слово называет новым и юным Иерусалимом и во славу которого по внушению Духа Божия так много говорится в Писании". Затем Евсевий так описывает этот храм: "Базилика – здание чрезвычайное, высоты неизмеримой, широты и длины необыкновенной. Внутренняя сторона его одета разноцветными мраморами, а наружный вид стен, блистающий полированными и один с другим сплошными камнями, представляется делом чрезвычайно красивым и несколько не уступает мрамору. Куполообразный потолок украшен глубокой резьбой, которая, распространяясь подобно великому морю над всей базиликой взаимно связанными дугами и везде блистая золотом, озаряет весь храм лучами света". "Главный предмет всего – полукруг, расположенный на самом краю базилики (на восточной стороне). Он по числу двенадцати апостолов увенчан двенадцатью колоннами, вершины которых украшены большими, вылитыми из серебра вазами – прекрасным приношением Богу от самого царя". В храме было множество утвари из золота с драгоценными камнями (Жизнь конст. III, 26-40). Красота и великолепие храма в Иерусалиме, построенного Константином, не оставались без должного впечатления на пилигримов; они ценили то приятное впечатление, которое выносилось от созерцания этого памятника благочестивой ревности первого христианского императора. Они находили, как и Евсевий, храм в Иерусалиме "удивительным по красоте" (*mirae pulchritudinis*)*. Кроме этого храма Константин построил храм у дуба Мамврийского, ознаменованного событием, которое всем известно (Евсевий. Жизнь конст. III, 53). Этот храм путешественники находили столь же прекрасным, как и храм в Иерусалиме, и не забывали упомянуть и о нем в числе достопримечательностей Св. Земли**. Святая Елена, со своей стороны, построила два храма в Палестине: над пещерой Рождества Христова в Вифлееме и на горе Елеонской, – на месте Вознесения Господня, – храмы "прекраснейшие", по свидетельству Евсевия (Жизнь конст. III, 43). Без сомнения, и в начале IV века и впоследствии эти

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org
храмы наравне с другими достопримечательностями Палестины привлекали к себе
внимание путешественников.

* Itinerarium. Col. 791. ** Ibid. Col. 792.

II

Мысли св. отцов и учителей Церкви IV и V века о путешествии во Св. Землю. - Можно ли находить между этими лицами противников обычая путешествовать во Св. Землю? - Как отозвалось магометанское владычество в Палестине (нач. VII века) на указанном обычае? - Новые побуждения к путешествию в Палестину. - Черты из описания путешествия во Св. Землю западного святого Виллибальда (VIII века). - Из "Путевых записок" монаха Бернарда (IX в.). - Заметное извращение обычая путешествовать во Св. Землю (в XI в.); примеры.

Четвертый и начало пятого века христианской эры представляют время, когда путешествие во Св. Землю становится делом общераспространенным. Путешествуют сюда не только множество простых христиан, но и лица, замечательнейшие в истории Церкви. Очень естественно, что в это же время замечательнейшими отцами и учителями Церкви высказано было, при виде факта путешествий во Св. Землю, очень много глубоких мыслей о важности и значении путешествий во Св. Землю. Не должно, однако же, думать, что эти мысли клонились лишь к тому, чтобы возбуждать и укреплять стремление к такому странничеству; отцы и учителя Церкви высказывают немало таких воззрений по вопросу, которые должны научать христиан быть осторожными в своих порывах к путешествиям, не преувеличивать подвига, ценить свой подвиг не по тому, далеко или близко путешествуют, но по тому, с каким душевным расположением приемлют подвиг; что не для всякого подобное путешествие на пользу, что иной вместо пользы принесет вред для своей души; не думать, что Св. Земля как по наименованию, так и по качеству ее жителей есть земля святая, и не соблазняться, если увидят здесь что-либо не соответствующее своим пламенным ожиданиям и т.д. Блаж. Иероним придавал очень большое значение путешествию во Св. Землю - в деле религиозного преуспевания христианина. Указав на то, что во Св. Землю путешествовали и мученики, и искуснейшие учителя церковные, он пишет: "Все они думали, что в них будет меньше религиозности, меньше знаний и что они не достигнут высокой степени добродетели, если не поклонятся Христу в тех местах, где заблестало со Креста Первоевангелие", и внушает мысль, что поклонение святыням в Палестине есть дело, заслуживающее поощрения. "Если поклоняемся гробам мучеников, - замечает он, - поставляя на виду св. останки их, прикладываясь к ним устами, то почему же оставлять без внимания град, в котором был похоронен Господь?" При этом тот же учитель Церкви разбирает возражения, какие делались в его время против поклонения св. местам Палестины, например, что эта земля напоялась кровью Господней и сделалась позорной, и опровергает их (Твор. II, 10-11). Св. Павлин, епископ Ноланский († 431), на западе, в своих письмах восхваляет желание видеть Св. Землю и приносить что-либо отсюда на память о посещении. Он говорит: "Желание благочестивое - видеть те места, по которым шествовал, на которых страдал и вознесся Христос; также дело благословенное иметь у себя что-либо из тех мест, хотя бы ничтожный прах или что-либо от древа Креста Христова, хотя бы то было величиной со стебелек"*.

В пользу путешествий ко святым местам высказывали себя церковные историки: Евсевий (Жизнь Константина, III) и блж. Феодорит**. Но у писателей рассматриваемых времен встречаем, как мы сказали, много и таких мыслей по вопросу о путешествиях во Св. Землю, которые научали благоразумию, осторожности и предостерегали от излишней мечтательности и преувеличенных представлений о таком подвиге, как путешествие во Св. Землю. Блаж. Иероним дает совет путешественникам, чтобы они ни на минуту не забывали, что истинное служение Богу - в духе. "Все верующие получают возмездие не по различию мест, - говорит он, - а по мере веры, и истинные поклонники поклоняются Отцу не в Иерусалиме и не на горе Гаризин. Бог есть Дух, и поклонникам Его должно поклоняться духом и истиной (Иоан. 3, 8). После того как по осушении руна Иудеи весь мир был окроплен небесной росой и многие, пришедши от Востока и Запада, возлегли на лоне Авраама, перестал быть введом Бог только Иудеи и Израиля, но во всю землю изыде вещание апостолов" (Пс 75, 18; Твор. II, 131). Св. Григорий Нисский в том же роде внушает мысль, что побывавший на свят. местах не должен приписывать себе слишком много, "как будто Господь донныне телесно обитает в этих местах, а от нас удалился, и как будто Дух

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org Св. обилует между иерусалимлянами, а к нам не может прийти" (Твор. С. 457). Далее блаж. Иероним дает понять путешественникам, что их поклонение Св. Земле тогда только получит значение, когда, узрев места смерти и воскресения Христа, погребут себя для греха и воскреснут для новой, совершенной жизни. "Места крестной смерти и воскресения, - пишет он, - доставляют пользу тем только, кто несут крест свой и ежедневно воскресают со Христом, тем, кои представляют себя достойными такого жилища. Небесная храмина равно видна и из Иерусалима, и из Британии, ибо Царствие Божие внутрь нас есть" (II, 132). Тот же Иероним внушает путешественникам, чтобы они не превозносились тем, что видели Св. Землю, потому что многие не видели ее совсем или видели на самое короткое время и, однако, достигли высокой святости. Он замечает: "Антоний и весь сонм монахов Египта, Месопотамии, Понта, не видели Иерусалима, и без этого города им отверзлись райские врата. Блж. Иларион был из Палестины и жил в Палестине, но только один день был в Иерусалиме, чтобы и не показать пренебрежения ко святым местам, по их близости, но вместе с тем чтобы и не показать, что он ограничивает Господа только этим местом" (II, 132). Затем Иероним внушает путешествующим во Св. Землю, чтобы они не думали, будто в будущей жизни при раздаении мзды прежде всего примется во внимание этот подвиг, а не дела вообще. Иероним, указывая на свой собственный пример, говорит: "Чтобы ты не считал каким-либо ущербом для своей веры, если ты не видел Иерусалима и не предпочитал меня, что я нахожусь в этом месте, ты примешь одинаковую мзду за дела твои от Господа нашего" (II, 133). Григорий Нисский, со своей стороны, развивает мысль, что было бы неосновательно думать, что, побывав в Иерусалиме, человек становится более верующим, чем прочие люди, и что он становится святее, особенно если помыслы его остаются греховными. Он пишет: "что явившийся Христос есть истинный Бог, это мы исповедывали и прежде, чем были на месте (в Палестине), и после сего вера не уменьшилась, а увеличилась. О вочеловечении через Деву мы знали и прежде, чем были в Вифлееме; и воскресение из мертвых мы веровали прежде, нежели видели Гроб; что истинно было Вознесение, исповедали прежде, нежели увидели гору Масличную. Поэтому боящиеся Господа хвалите Его в тех местах, в которых находитесь. Ибо перемена места не приближает нас к Богу. Но где бы ты ни был, Господь придет к тебе, если обитель души твоей окажется такой, чтобы Господь мог вселиться в тебе и ходить (Лев. 26,12). А если внутренний твой человек полон лукавых помыслов, то хотя бы на горе Масличной, хотя бы над памятником Воскресения, ты далек от принятия Христа в себя. Итак, советую братьям из тела путешествовать к Господу, а не из Каппадокии в Палестину" (Твор. С. 459-460). Наконец, блаж. Иероним и св. Григорий в своих описаниях весьма ясно дают понять, чтобы путешественники не воображали себе, что Земля Святая по имени есть святая и на деле, что много соблазнов и греха и в Палестине, и что путешественник и здесь может также впасть и сам в грех, как и дома. Иероним говорил, что и в Иерусалиме, "этом знатнейшем городе, есть казармы, публичные женщины, коменданты, шуты и все, что обыкновенно бывает в других городах", и что небезопасно "оставлять родину, покидать города, считаться монахом и среди большого многолюдства жить совершенно так же, как жил на родине. Сюда стекаются со всего света. Город наполнен людьми всякого рода, бывает великое стеснение обою пола, и чего в другом месте отчасти избегал, здесь все вынужден терпеть" (II, 133-134). В том же роде пишет Григорий. "Так как по обыкновению для человека трудно наслаждаться каким-нибудь благом без примеси зла, то и у меня, по вкушении сладкого (во Св. Земле), примешалось некоторое ощущение горького, от чего после приятного наслаждения радостным, снова возвращался я в одиночество опечаленным, рассуждая, что справедливо слово Господне: весь "мир во зле лежит" (1 Иоан. 5,19). Поскольку в восточных странах, на постоялых дворах, в гостиницах и городах, много распущенности и повода ко греху, то как может быть, чтобы у ходящего в дыму не стало резать глаза? Где оскверняется слух, оскверняется и зрение, там оскверняется и сердце, принимая непотребное через зрение и слух. Нет вида нечистоты, на который бы не дерзали живущие в Иерусалиме; у них и лукавство, и прелюбодеяния, и воровство, и идолослужение, и отравление, и зависть, и убийство; особенно между ними обыкновенно последнего рода зло, так что нигде нет такой готовности к убийству, как в этих местах. Если бы большая была благодать в местах иерусалимских, то грех не водворился бы в живущих там" (Твор. 457-458, 462)***.

* Augusti. Denkwurd. X, 130. ** история боголюбцев, гл. 5. *** Принимая во внимание, что у блаж. Иеронима есть мысли, которыми он поощряет путешествие ко св. местам, но также есть и такие мысли, которые

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org предостерегают против путешествия сюда, как сейчас приведенные, немецкий археолог.

Августи (X, 126-128) считает Иеронима за противника путешествий, находя, что в последнего рода мыслях он высказывает свой истинный взгляд на дело. Но нам кажется, что с одинаковой же и даже большей основательностью за выражение истинного взгляда учителя Церкви нужно почитать первого рода мысли, как скоро мы знаем, что целую часть своей жизни он провел в странствованиях по св. местам.

С гораздо большим правом тот же Августи считает Григория Нисского противником путешествий во Св. Землю (X, 119-121). У него действительно встречаются выражения резкие, которые легко истолковать в духе неблагоприятном для странничества во Св. Землю. Но чтобы судить правильно об истинных взглядах св. отца, нужно принимать во внимание следующие обстоятельства: 1) сам он почитает себя счастливым и исполненным радости, что он посетил "спасительные следы Бога" (см. выше); 2) справедливо думают, что Григорий удерживает от путешествий не всех христиан, а монахов, ибо он говорит: "Поскольку есть люди из избравшихиноческую и отшельническую жизнь, которые считают делом благочестия посетить места иерусалимские, в которых видны памятники пребывания во плоти Господа, то хорошо было бы им смотреть на правило, и если требует этого руководство заповедей, то делать это дело, как повеление Господне. Если же нет этого в заповедях Владыки, то не знаю, где бы заповедано было желать делать что-либо, ставя самого себя законом в выборе доброго. Так, где Господь призывает благословенных к наследию Царства Небесного, путешествие в Иерусалим Он не поставил в числе добрых дел. Имеющий же ум пусть размыслит, зачем стараться делать то, что не делает ни блаженным, ни к Царствию Небесному близким? Но это дело, по тщательном размышлении, оказывается приносящим и вред душевный избравшим строгую жизнь" (Твор. 455-456). 3) Из лиц монашеского чина или, пожалуй, из числа вообще христиан, св. отец предостерегает от путешествий, как способных приносить "душевный вред" - в особенности женщин, как имеющих нужду в проводнике-мужчине, но, как справедливо замечает Григорий, "вверяет ли себя (путешественница) чужому или своему, знакомому или наемнику - все не сохраняет закона целомудрия, неизбежно нарекание" (С. 457). 4) На Григория Палестина произвела тяжелое впечатление в особенности потому, что здесь он нашел много еретиков. Одни из них были так горды и надменны, что с презрением смотрели на православных; они, по его словам, как бы так провозглашали: "дальше от нас, не приближайтесь к нам, мы чистые" (С. 465). Другие из еретиков распространяли здесь вздорные лжеучения, называли "Богородицу человеко-родицей", учили "о трех воскресениях", возвещали "тысячелетнее объединение" (хилиасты), проповедывали о восстановлении иудейского обрядового закона, мечтали о том, что будет построен какой-то новый Иерусалим (для спасенных) "из вещества более прекрасного, чем камни". Вследствие всего этого, св. отец "чувствовал раздражение и скорбь в сердце от таких несправедливостей" (С. 470 - 471). Августа даже св. Златоуста выставляет противником путешествий ко св. местам вообще. В доказательство Августы приводит следующие слова из бесед Златоуста к антиохийскому народу: "Адам был в раю и пал, потому что сделался беспечным; Иов сидел на гноище и победил, потому что был бдителен. Во сколько раз рай лучше гноища? Однако же, свойство места не помогло обитателю, когда он сам предал себя, точно так же, как нечистота места не повредила Иову" (Рус. пер. Т. 1. С. 291). Допустим, что будто здесь св. отец говорит против путешествий; но как в таком случае понимать следующие слова его о том же Иове: "От воззрения на гноище Иова каждый получит великую пользу, великое вразумление в терпении. Поэтому многие ныне предпринимают дальний и морской путь и со всех копире земли текут в Аравию, чтобы увидеть эти гноища и облобызать землю" и пр. (Там же. С. 297). Августи в доказательство той же своей мысли приводит еще следующее изречение св. отца из бесед кантиохийскому народу (С. 124): "Не нужно переплывать моря, не нужно пускаться в дальний путь; каждый и каждая пусть приходят в церковь или в доме призывают Бога" (С. 251). Но достаточно прочесть это место в контексте, чтобы убедиться в неправильности выводов, которые делает Августи. А в контексте приведенные слова Златоуста читаются так: "Призовем Бога и помолимся Ему, и Он несомненно укротит гнев царя (т.е. Феодосия Великого) и избавит нас от всех угрожающих нам скорбей. Отец (т.е. архиепископ Антиохийский Флавиан) там (т.е. в столице, у царя) предстательствует; а мы (т.е. антиохийские христиане) здесь будем предстательствовать перед Царем небесным и помогать ему (Флавиану) молитвами. Много может целая Церковь. Не нужно переплывать моря, не нужно

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org пускаться в дальний путь (подразумевается, как сделал это Флавиан, отправляясь предстательствовать перед императором Феодосией): каждый и каждая, и приходящие в церковь, и остающиеся дома, призовем Бога со всеусердием, и Он, конечно, приклонится к нашим мольбам" (С. 251). Ясное дело, Златоуст говорит здесь вовсе не о путешествиях ко св. местам. А говорит он вот о чем: в Антиохии произошел мятеж против императора Феодосия, во время которого были низвергнуты царские статуи в Антиохии; вследствие этого жители города справедливо ожидали себе тяжелых наказаний. Ввиду такого положения дел, архиепископ Флавиан предпринял дальний путь в столицу, имея цель смягчить "гнев царя"; а Златоуст, будучи священником в Антиохии, в то же время произнес перед народом ряд "бесед по случаю низвержений царских статуй". В одной из этих-то бесед он раскрывает мысль, что нет надобности многим, подобно Флавиану, "пускаться в дальний путь" (в столицу), а нужно усердно молиться Богу, так как молитва будет самым лучшим содействием архиепископу, предпринявшему "дальний путь".

Четвертый и пятый века христианской Церкви представляют собой явление замечательное в истории путешествий ко св. местам. В это время путешествуют знаменитейшие лица в истории Церкви; путешествия предпринимаются вследствие побуждений, заслуживающих похвалу; сколько мудрых и прекрасных мыслей касательно путешествий по св. местам высказывается великими учителями Церкви! В этом отношении последующие века древней Церкви не могут иметь сравнения с веками IV и V. Тем не менее, и следующие за V веком столетия древней Церкви представляют в истории путешествий во Св. Землю немало любопытного, заслуживающего внимания в глазах современного нам христианина.

Изучение истории путешествий во Св. Землю после V века древней Церкви затруднительно. Мы не так много знаем эту историю, как бы желали того. Историк не богат документами. Но все же изложение этой истории весьма возможно.

Недолго Св. Земля оставалась в руках христианского правительства. В начале VII века Палестина была завоевана сарацинами-магометанами, под владычеством которых она оставалась во все время древней Церкви. Без сомнения, на первых порах этого владычества христиане опасались пускаться в путешествие к святым местам, находившимся в руках неверных. Быть может, этим объясняется то обстоятельство, что мы так мало знаем о путешествиях во Св. Землю из VII века. Но вскоре оказалось, что опасения и страх иноверного господства в Палестине безосновательны. Магометане-сарацины по весьма важным причинам нисколько не думали стеснять путешественников-христиан; напротив, они даже благосклонно смотрели на подобное дело. У самих магометан составляло религиозный закон - путешествие ко св. местам: что считали они делом святым для себя, в том они не могли отказывать и христианам. Притом же, такие места как Иерусалим, предмет глубокого религиозного почитания христиан, были также священными и достойными почитания и в глазах сарацин-магометан. К этому присоединялись и экономические расчеты со стороны новых властителей Палестины. Путешественники оставляли в Палестине немало золота, будь то в качестве различных милостынь в пользу церквей, будь то в качестве платы за позволение осмотреть ту или иную святыню, находящуюся в руках неверных, будь то в качестве простых издержек на проживание: все это побуждало магометан не препятствовать христианам посещать св. места Палестины.

И вот мы видим, что путешествия во Св. Землю не прекращаются и с VII века, как не редки они были и до времени магометанства в Палестине, - в VI веке*. Даже, кажется, чисто путешественников во Св. Землю во времена господства сарацин умножилось. Трудности и опасности путешествия (столкновения с иноверными у путешественников бывали, и бывали нередко, по крайней мере, в частных случаях) делали этот подвиг еще привлекательнее, еще ценнее в глазах христиан. Тот, кто совершил это путешествие, смотрел на себя как на своего рода героя**. Мы встречаем множество путешественников между князьями, вельможами, священниками, монахами и простыми мирянами***. К сожалению, побуждения их к путешествиям значительно изменяют свой характер в сравнении с прежним временем. Теперь многие путешествуют по принуждению, тогда как прежде путешествовали по своей доброй воле. Прежде устремлялись во Св. Землю лица, которых побуждало к этому благочестие и жажда видеть и лобызать места, озаменованные великими событиями в истории христианской религии; теперь нередко можно встречать в числе путешественников тяжелых грешников, которых заставила путешествовать духовная власть. В особенности такие великие грехи, как предумышленное убийство, содомия и купля за деньги священников должностей, или симония, - искупались со времени VIII века путешествием ко св. местам. Сами вельможи, если духовник находил совесть их

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org отягченной тяжкими грехами, и те должны были покорно слушать голос своего духовника и идти в Иерусалим замаливать грехи. Такие путешественники, случалось нередко, вместо того чтобы очистить свою душу подвигом, праздное время во время пути употребляли на худые и безнравственные дела****.

* Augusti. Op. cit. S. 132-134. О путешествиях в VI веке говорит св. Григорий Великий, папа римский: Binterim. Op. cit. S. 626. ** Augusti. Op. cit. S. 139. *** Ibid. S. 138. **** Binterim. Op. cit. S. 628-630.

В наших руках находится сборник путешествий*, в котором, между прочим, встречается описание некоторых путешествий, имевших место в VIII и XI вв. Здесь изображено много любопытного, достойного внимания тех, кто интересуется историей путешествий во Св. Землю в древние времена. Имеем в виду описание путешествия западного святого Виллибальда со спутниками** (нач. VIII века) и "Путевые записки" (Itinerarium) монаха из Франции Бернарда*** (IX века). Принимая на себя пересказ описания путешествия первого лица и изложение содержания "Путевых записок" второго, мы постараемся передать главное их содержание, поскольку в этих рассказах выражается наблюдательность и религиозная любознательность путешественников, но достоверность сведений оставляем на ответственности самих повествователей, так как проверить рассказанное ими не имеем возможности.

* Descriptiones Terrae Sanctae ex seculo VIII, XI, XII et XV. Von Tobler. Leipz., 1874. ** Виллибальд был родом из Англии, монах, впоследствии епископ в Германии. Всего в путешествии во Св. Землю он пробыл 4 года, - время весьма достаточное для обстоятельного изучения Палестины. Путешествие Виллибальда описано в двух редакциях: одна из них подробная, другая краткая. Первая составлена монахиней, родственницей Виллибальда, как думают, под диктовку самого путешественника; другая - каким-то диаконом, на основании рассказов самого путешественника (Tobler. P. 282-305, 348). В своем очерке мы соединим эти два рассказа в один, во избежание повторений. *** Он путешествовал около 865 года (P. 393).

Виллибальд и его спутники, двинувшись из Англии через Галлию, Италию, Сицилию и остров Кипр, достигли Малой Азии. При рассказе об их путешествии через Ефес на юг встречается упоминание о тех лишениях, каким подвергались путешественники. Придя в город Фигилу, они выпросили себе хлеба, пошли к источнику, который находился среди города, сели на краю его, размочили хлеб в воде и таким образом утолили свой голод. Продвигаясь далее к Палестине, они нередко чувствовали полнейший недостаток в хлебе, так что по временам они считали себя близкими к смерти от голода. В городе Емиссе случилось с ними приключение очень неприятного свойства. Когда они пришли в этот город, сарацины заподозрили в них шпионов, представили их правителю страны, который, нимало не внемля их объяснениям, приказал посадить их в тюрьму, пока окончательно не выяснится, кто они и зачем идут. Положение их в тюрьме было бы очень печальным, если бы не нашелся какой-то благодетельный купец, который хотя и не мог избавить их от тюрьмы, однако же, сумел доставлять узникам обед и ужин, водить их в баню, разумеется, с разрешения властей, сделать возможным для них по праздникам посещение храма Божьего. Быть может, долго бы продолжалось их темничное заключение, если бы не прибыл в город какой-то человек родом из Испании. Он принял участие в заключенных, узнав от них, кто они и куда идут, доложил обо всем этом правителю страны, после чего последний, расспросив их еще раз о цели их путешествия, освободил их, сказав: "Они не имеют греха против нас". После этого путники благополучно прибыли в Палестину. Здесь они прежде других мест посетили Кану Галилейскую. В Кане привлек их внимание храм, а в храме престол, устроенный на шести кувшинах, в которых Господь на браке в Кане превратил воду в вино*. Были они также в Вифсаиде, откуда были родом апостолы Петр и Андрей. Здесь устроена была церковь в доме, который прежде принадлежал этим апостолам. По дороге в Иерусалим Виллибальд и его спутники (с Виллибальдом их было 8 человек) побывали в Иордане. Здесь на том месте, где крестился Христос, была устроена церковь на каменных столбах, а под церковью была

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org
сухая земля на том месте (?), где некогда произошло крещение Спасителя. Там, где теперь (в VII в.) происходило крещение (вероятно, оглашенных), стоит на Иордане деревянный крест и немного воды; с одного берега Иордана до другого протянута была веревка. Это для того, чтобы слабые и больные, приходившие сюда в праздник Богоявления, могли, держась за веревку, погружаться в воду. Женщины, страдавшие бесплодием, по рассказу путешественников, погружаясь в воды Иордана, получали милость от Господа (т.е. начинали рождать). Простирались путники к Иерихону и здесь видели источник Елисея; но рассказ, какой они слышали об этом источнике, несколько отличен от рассказа бордосского пилигрима (он был передан выше). Этот источник, слышали они, сначала лишен был живительной силы для растительности, и потому был бесполезен людям, пока не пришел пророк Елисей и не освятил его. После этого жители города провели струи его на свои поля, в сады и вообще всюду, где необходима вода, и все, что орошалось этим источником, хорошо росло и было здорово, по причине благословения Елисея (Р. 20-29). Наконец, путешественники прибыли в святой град Иерусалим. Здесь они, прежде всего, посетили то место, где обретен был Крест Господень. На этом месте, которое называлось Лобным, находилась церковь. Место это прежде находилось за чертой города, но потом Елена, обретя Крест, включила его в состав городской площади. В то время у восточной стороны храма стояло три деревянных креста в память св. Креста Господня и двух крестов разбойников, которые были распяты со Христом. Эти кресты находились не в храме, а вне его, впрочем, под кровлей. Здесь находился и тот сад, в котором был гроб Спасителя. Этот гроб был высечен в скале, и эта скала была на поверхности земли, была квадратна и хорошо выровнена. Наверху гробницы был водружен крест и на ней же построено красивое здание (domus); на восточной стороне был сделан вход в скалу гроба, через который проникали молящиеся внутрь скалы. Внутри гроба можно было видеть возвышение, на котором лежало тело Господне; на этом возвышении стояло пятнадцать золотых лампад с елеем, горевшим днем и ночью. Указанное возвышение находилось в северной части пещеры гроба. Перед дверью гробницы лежал большой квадратный камень наподобие прежнего камня, который ангел отвалил от дверей гроба. Описатель путешествия Виллибальда замечает, с каким благоговением этот путешественник посетил святыни Иерусалима. "Какому месту чудес или каких других дел Господа не воздал он целования? Какой алтарь не оросил он слезами? С каким набожным чувством повергался он перед Крестом Господним, на котором Он распялся за мир! Какой источник слез изливался на тот камень, который ангел отвалил от дверей гроба!" (Р. 29-30. Ср.: Р. 65-66). Перед воротами города возвышалась великая колонна с крестом наверху; она поставлена была в воспоминание о том, как иудеи хотели похитить тело св. Девы Марии. Когда скончалась Дева Мария, и одиннадцать апостолов выносили ее тело из Иерусалима, то лишь только они подошли к городским воротам, иудеи захотели отнять его у апостолов. Но дерзновенные мгновенно сделались недвижимы, пока по молитвам апостолов не получили прощения от Бога (Р. 31-32). Путешественники ходили в долину Иосафатову на восточной стороне от Иерусалима. В долине находилась церковь св. Девы Марии, а в церкви гробница ее, не потому, - прибавляется в описании, - что здесь погребено было тело ее, а в память ее. То ли здесь нужно понимать, - говорится в документе, - что действительно на этом месте апостолы погребли тело Богоматери, или то, что они только намеревались погребать его тут и для этого вырыли уже и могилу, но тело ее было восхищено из рук живых людей - или же оно, хотя и было погребено тут, но потом взято и перенесено отсюда, или же Богоматерь, получив истинное бессмертие, воскресла, - этот вопрос лучше оставить под сомнением, чем утверждать что-либо апокрифическое, т.е. недостоверное (Р. 32. Ср.: Р. 66)**.

Были путники на горе Елеонской, столь известной в евангельской истории. Здесь была церковь, а в церкви, в середине ее, находился изваянный из меди красивый квадратный монумент, поставленный на том самом месте, с которого вознесся Господь. Посередине монумента находилась четырехугольная стеклянная, а в самой стеклянке маленькая свечка. Эта свечка была закрыта со всех сторон указанной стеклянницей, так что она могла всегда гореть не только в то время, когда светит солнце, но и во время дождя, несмотря на то, что храм был открыт сверху, т.е. был без кровли. В храме, кроме того, обращали на себя внимание две колонны, одна близ северной, другая близ южной стены. Они поставлены были в память тех двух мужей, которые говорили: "Мужие галилейстїи, что стоите, зряще на небо?" Затем рассказчик делает следующее странное замечание: и человек, которые сумеет пролезть между стеной и колоннами, становится свободным от грехов своих (Р. 33). Побывали путники и в Вифлееме, где "позна волю стяжавшего его и осел ясли Господина своего" (Ис. 1,3). Здесь они дивились на колодезь, поверхность которого от одного края до другого изображала фигуру звезды, которая, по Рождестве Господа, явилась волхвам и привела их

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org в Вифлеем. Ходили они в местечко Фекуа, где Нафанаил был скрыт своей матерью во время избияния младенцев, совершенного Иродом, под смоковницей, о чем Христос сказал: "Видех тя под смоковницею суща" (Р. 67-68). Повествователи рассказывают, что когда Виллибальд был в Газе, в церкви св. Матфея, и совершал здесь литургию, вдруг он ослеп и оставался слепым в продолжение двух месяцев до того времени, пока он не посетил снова Иерусалим, где при Кресте Христовом, чудесно обретенном некогда, опять открылись очи его, и он прозрел (Р. 35-36). Близ Эммауса путешественникам показывали источник, в котором Христос, когда ходил с учениками по Иудее, однажды обмыл себе ноги, отчего вода этого источника сделалась целебной: она служит как во здравие людям, так врачует и больной скот, пьющий ее (Р. 69). Когда путешественники возвращались, по совершении своего подвига, обратно из Палестины, с ними случилось приключение, угрожавшее им большой опасностью. Будучи в долине Ездзелонской, они пришли в большой масличный сад; с ними ехал и какой-то эфиоп. Когда они продвигались вперед, вдруг выскочил лев с открытой пастью, со страшным рычанием. Путники испугались, но эфиоп сказал им: "Не бойтесь, а идите прямо". Они так и сделали, - и что же? Кровожадный зверь свернул в сторону и очистил им дорогу. Потом они узнали, что лев, которого они так случайно избежали, пожрал многих собиравших плоды с оливковых деревьев (Р. 39).

* Издатель нашего сборника замечает, что кувшины, какие употреблялись в Палестине, весьма могли, вследствие своего устройства, быть употреблены и для той цели, о какой передают путешественники. ** Издатель к этому месту из описания путешествия Виллибальда, где говорится о гробнице св. Марии, делает такое замечание. "Арульф пишет: "В этой гробнице она действительно была погребена некогда, но каким образом, в какое время и кем тело Богородицы было перенесено отсюда и в каком месте ожидает воскресения, никто, как говорил блж. Иероним, не знает ничего верного"" (Р. 335).

В середине XI века путешествовал во Св. Землю французский монах Бернард с двумя другими спутниками, тоже монахами, из Испании и Италии. Как и Виллибальд, Бернард держал путь через Италию, но дальше он выбирает другой путь по сравнению с Виллибальдом. Он переправляется не через о. Кипр и Малую Азию, а через Египет. В Египте случилось с ним весьма неприятное приключение, очень сходное с тем, которое было с Виллибальдом в Емиссе: когда Бернард прибыл в Вавилонию (т.е. Каир), то он был вдруг схвачен и брошен в тюрьму, где он томился шесть дней, и до тех пор не был освобожден, пока не сделал денежный подарок правителю страны. Египет в это время был также под владычеством магометан (Р. 88-89). После этого приключения Бернард и его спутники благополучно прибыли во св. град. В Иерусалиме они остановились в прекрасной гостинице, устроенной по повелению западного императора Карла Великого для путешественников, говоривших на латинском языке. При гостинице была церковь в честь св. Девы Марии и замечательная библиотека; к гостинице приписаны были поля, виноградники и сад в долине Иосафатовой. Бернард, едва ли не первый раз из древних путешественников, сообщает сведения о схождении святого огня в день Пасхи на Гроб Господень. Он говорит: с наступлением вечера в Великую субботу начинается богослужение при Гробе Господнем и по окончании его поется: "Господи, помилуй" до тех пор, пока не сойдет ангел и не зажжет огня в тех лампадах, которые висят над Гробом Господним. Патриарх раздает этот огонь епископам и народу в церкви, чтобы каждый мог возжечь его в своих домах. Кроме того, Бернард видел в Иерусалиме какое-то особенное место, которое называлось "рай". Оно находилось между четырьмя церквами, устроенными на Голгофе. "Рай" был без кровли, стены блистали золотом, пол в нем был сделан из драгоценного камня, в середине "рая" сходились четыре цепи, протянутые от четырех церквей; в этом последнем месте, говорили Бернарду, находится центр земли. Бернард видел в Иерусалиме еще следующие храмы: храм святого Сиона, где Господь омыл ноги Своим ученикам, здесь висел терновый венец Господа; храм, построенный на месте, где был убит первомученик Стефан; храм в честь св. Петра, построенный на том месте, где он отрекся от Христа (Р. 91-93). Вне Иерусалима Бернард осматривал в долине Иосафатовой селение Гефсиманию, где обратила его внимание на себя церковь, круглая, в честь Богородицы, которая, по рассказу Бернарда, хотя и не имела крыши, но весьма мало страдала от дождей. В Гефсимании он видел мраморные квадратные камни такой прозрачности, что в них как в зеркале человек мог созерцать все, что хочет (Р. 94-99). Был он на горе Масличной. Рядом с этой горой показывали ему

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org место, на котором фарисеи привели к Иисусу жену, обвиненную в прелюбодеянии. Здесь была устроена церковь в честь св. Иоанна, а в этой церкви будто бы сохраняются на мраморном камне письма, какие писал Господь на земле при вышеуказанном случае. На самой Масличной горе Бернард видел круглую церковь без крыши, а в середине ее алтарь на месте Вознесения Господня. Был он и в Вифании, где показывали ему гробницу Лазаря. Близ этой гробницы находился водоем, о котором рассказывали, что в нем Господь повелел омыться воскресшему Лазарю. При спуске с Масличной горы, на запад, он видел мраморный камень, на который ступил Господь, когда воссел на жребя, сына подъяремника. В Вифлееме ему показывали поле, которое возделывал пророк Аввакум, когда ангел повелел ему нести пищу Даниилу в Вавилон; там во времена Бернарда было очень много змей и диких зверей. В самом Вифлееме он видел церковь в честь св. Девы Марии, и в середине церкви пещеру, закрытую камнем, в пещере показывали ясли, и на том месте, где Христос младенчески плакал, устроен алтарь. В Вифлееме была еще и церковь в честь невинных младенцев, избитых Иродом (Р. 94-96). В заключение своих "Путевых записок" Бернард рассказывает о следующем прекрасном обычае, который, по его словам, соблюдался в Египте и в Иерусалиме: сарацины и христиане заключили между собой условие, что если у какого-либо путешественника в пути падет верблюд или осел, везущий вещи путешественника, то никто не должен касаться этого имущества; вследствие чего путешественник, потерявший верблюда или осла, мог бы без опасений за свое достояние оставить его на пути и идти в какой-нибудь город за новым вычным животным в полной уверенности, что из его имущества ничто не пропадет. А для того чтобы строже соблюдался этот обычай, жителями принято было за правило: всякого бродягу, шатающегося днем или ночью по дорогам без письменного документа, удостоверяющего его личность, забирать в тюрьму, пока не разъяснится, кто он. Этим же путем достигали и другой цели: ловили лазутчиков (Р. 98-99). В последующие века - X и XI - путешествия ко св. местам Палестины не только не ослабевают, но и приобретают особенную силу. Многие из христиан ожидали, что с окончанием тысячелетия христианской эры наступит конец света, явится антихрист, произойдет Страшный суд. Ввиду этого многие в конце X века устремились в Иерусалим, чтобы в местных святынях почерпнуть крепость в борьбе с антихристом и достойно приготовить себя ко встрече Страшного суда. Когда же конец X века не оправдал этих мечтаний, то же самое стали думать о конце XI века. И вот стремление путешествовать во Св. Землю превращается в какую-то болезнь, страсть. Начинают путешествовать короли, князья, архиепископы, епископы, вельможи и лица низших сословий. В числе путешественников встречается множество женщин, благородных и иных сословий, - женщин, что доньше было мало в обычае. Путешественники иногда составляют массы в несколько тысяч человек*. Так, число путешественников, собравшихся и отправившихся в Палестину в 1064 году, во главе которых стояли архиепископ Майнский Зигфрид и еще множество епископов, простиралось до семи тысяч человек. Путешествие ко св. местам заметно теряет те достоинства, какими оно отличалось прежде: хороший обычай извращается и вырождается. Упомянутые путешественники совершали свой путь среди роскоши и богатства. Эта громадная масса, однако же, совершала свой путь безо всякого оружия, в надежде, что Бог будет заступником за благочестивых, какими они себя считали, эти путешественники. Но в этом они обманулись, как и всегда человек обманывается в суетных надеждах. Роскошь и богатство путешественников привлекали внимание арабов; и эти путешественники, не достигнув еще Иерусалима, были перебиты и ограблены. Из всей массы едва ли две тысячи благополучно вернулись восвояси. Теперь начинают путешествовать с тем, чтобы удостоиться смерти в Иерусалиме. Многие полагали, что они тем отверзнут себе райские двери, если найдут смерть во Св. Земле. Некто Летбальд, родом из Бургундии, прибыв во Св. Землю, отправляется на гору Елеонскую и здесь просит Бога о том, чтобы Он удостоил его умереть в Св. Земле, если только этот год по Божьей воле назначен сделаться годом его смерти. Теперь входит в силу обычай привозить что-нибудь из Палестины и беречь. Так, епископ Орлеанский Одольрих покупает у Иерусалимского патриарха одну из лампад с огнем, какие теплились на Св. Гробе, и бережно везет ее в зажженном виде в свое отечество, где и вешает ее в одном из храмов в Орлеане. У иных путешественников паломничество принимает вид своеобразный до странности. Выдумали особое платье для путешественников ко св. местам, платье, которое бы показывало их кающимися грешниками; в руки брали бич, вероятно, в ознаменование того, что принятый ими подвиг есть своего рода самобичевание; нередко шли босыми ногами. Последнюю крайность в путешествиях описываемого времени составляет то, что некоторые шли таким образом: три шага сделают вперед, а потом шаг назад, чтобы таким способом удлинить путь и сделать его более угодным Богу.

* Эти и последующие замечания заимствуем из сочинения Августина: *Denkwürdigkeiten aus d. Christl. Archeologie. Bd. X. S. 139-144.*

В своем очерке мы подошли к истории Крестовых походов. Это явление было своего рода путешествиями ко св. местам. Но описание этого явления не входит в наши планы, да оно и не принадлежит к истории древней Церкви.

Рассказы из истории христианской аскетической жизни

I. Аскетические пощения

Посты у древних языческих народов, у иудеев. – Строгость соблюдения положенных Церковью постов в древности. Посты древних восточных монахов, предписываемые монашеским уставом. – Посты древних западных монахов, предписываемые монашеским уставом. Произвольные пощения отдельных аскетов на Востоке и на Западе в древности.

Посты составляют один из отличительнейших признаков аскета. Нет аскета, который бы не постился. Кто не постится, того не считают аскетом. Поэтому нередко аскет и постник считается за одно и то же. Пост заключается, как известно, не только в том, что известное лицо воздерживается от известных родов пищи или употребляет пищу в самом умеренном количестве, но и в том, что с этим родом воздержания соединяется отречение от всяких крепительных и приятных напитков, и вообще от всего, что может услаждать чувство вкуса.

Посты не составляют исключительной принадлежности христианской Церкви. Посты были важнейшей составной частью всякого рода посвящений; так, они имели место при вступлении человека в высшую касту, например, при вступлении в число воинов, при возведении в должность военачальника или жреца. Посты встречаем в многочисленных жреческих кастах древнего мира, причем там иногда того или другого рода воздержания простирались на целые нации. Так, всем последователям Будды совершенно запрещена мясная пища. У индусов-браминов это же требуется, по крайней мере, от лиц, принадлежащих к жреческой касте. В среде браминов встречаем отшельников или кающихся, которые не употребляют в пищу ничего приготовляемого на огне; отправляясь в пустыни, они ничего не берут с собой, кроме палки и глиняного кувшина; они не берут с собой ни огня и ничего прочего, что служит к приготовлению горячей пищи. Что у древних ассирийцев употребляемы были посты, на это ясное указание находим в Библии (Ион. 3, 6). Празднованию мистерий Изиды и Озириса в Египте предшествовали каждый раз посты. О египетских жрецах известно, что они не только воздерживались от многих видов пищи – мяса (за исключением самых крохотных птичек), рыбы, лука, бобов, маиса, ячменя, но и при совершении важнейших религиозных церемоний предавались строгому воздержанию, длившемуся от семи до сорока двух дней. У греков постились члены мистерияльного служения и лица, вопрошавшие оракулов. Так, при вопрошении беотийского пещерного оракула Трифония полагался суточный пост. Прорицательница, дававшая ответы вопрошавшим оракула в Милете, готовилась к ответу строгим трехдневным постом, омовениями, уединенным пребыванием в святилище. Афинский праздник Фесмофорий предварялся совершением постов, причем афинские матроны оставались босыми и в траурных одеждах, ничего не ели и должны были сидеть на голой земле. Третий день Элевсинских мистерий проводился в посте; посвящаемые в Элевсинские таинства должны были перед временем принятия в число членов этого мистерияльного служения поститься от семи до девяти дней. Посвящаемые в таинства Кибелы тоже постились: им предписывался десятидневный пост. О римлянах Ливии сообщает известие, что они объявляли всенародные посты, если на них наводило ужас стечение необыкновенных явлений в природе или если того требовало указание Сивиллиных книг, на которые римляне смотрели с большим уважением.

Переходим к иудейству. Здесь замечаем то явление, что как ни много ветхозаветный закон стремился пробудить в человеке чувства смирения и унижения, постов, однако, в древнее время у иудеев было очень мало. Ветхозаветный закон установил всего лишь один всенародный пост, – имеем в виду так называемый "день очищения"; в этот день, впрочем, требовалось от иудеев главным образом "смирение души", начиная с вечера одного дня и до вечера другого (Лев. 23, 27.32). Несмотря на то, что закон Моисеев не

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org предписывал постов в собственном смысле, позднейшая практика показывает, что у израильского народа посты встречались нередко – как частных лиц, так и общественные. Народ прибегал к посту во время тяжелых обстоятельств в его жизни по повелению судей израильских, царей и пророков. Частные лица постились для выражения своей печали и при других обстоятельствах; примеры – Давид, Даниил, Ездра, пророчица Анна. В особенности посты получили большое значение у иудеев во время плена Вавилонского. Уже пророк Захария (8, 19) упоминает о четырех постах, которые совершались всенародно. Эти посты были следующие; в 4-й месяц (в воспоминание завоевания Иерусалима Навуходоносором), в 5-й месяц (в воспоминание о разрушении Иерусалима тем же царем), в 7-й месяц (в воспоминание о изменнической смерти Годолии: Мер. 40), в 10-й месяц (в воспоминание начала осады Иерусалима халдеями в этом месяце). Во времена Иродов посты иудеев еще умножились. Несколько раньше этой эпохи возник пост в честь Есфири, который предшествовал празднику Пурим. О частных постах упоминает книга Товита; о том же свидетельствует пример фарисеев, постившихся дважды в неделю – в понедельник и четверг: в понедельник в честь Моисея, сходящего с Синая со скрижалями Завета, а в четверг в память восхождения Моисея на ту же гору. Дальше фарисеев в постничестве шли ессеи, иудейская секта; они совершенно воздерживались от всякого мяса и вина; обед у них происходил после захода солнца. После разрушения Иерусалима число постов у иудеев еще увеличилось. Талмуд иудейский создает, наконец, целую систему постов. В особенности замечательны здесь предписания общественных постов в случае продолжительного бездождия, разумеется, в Палестине. Если осенью до 11 октября не выпадало дождя, то раввины должны были наложить на себя легкий трехдневный пост – в понедельник, четверг и следующий понедельник. Если же и после того, до 23 ноября не выпадало дождя, то следовало повторить тот же пост, причем в нем должен был принять участие весь народ, и сам пост был строже. Если же и после этого небо не разверзлось, продолжалась засуха, то следовало всенародно исполнить семидневный пост самого строгого характера; к этому присоединялись печальные возгласы, закрытие бань и лавок со съестными припасами. Если все эти посты, в общем составляющие 13 дней, оказывались безуспешными, не умилоstellяли Бога, то следовало побросать всякие занятия, не исключая самых необходимых; раввины должны были поститься вплоть до месяца Нисана (марта). Если же и тогда не появлялось дождя, то это почиталось знаком Божьего проклятия (подобно тому, как это было в древности: 1 Цар. 12, 17).

Приступаем к описанию постов и постничества в христианстве. Едва ли нужно говорить о постах, узаконенных Церковью. Они известны всем, по крайней мере всем известны посты Восточной церкви, которые служили образцом и для Западной церкви. Мы сделаем лишь несколько замечаний о той суровости и строгости постов, которые отличали древнюю Церковь. Древний восточный христианин строго соблюдал все посты, а они составляли две трети года; именно, постных дней в году насчитывалось от 180 до 196; в эти дни соблюдалось воздержание от мяса; притом в числе вышеуказанных постных дней насчитывалось до 140 – 150 дней, в которые запрещено было употребление и рыбы*. На Западе в древнее время Церкви посты тоже ставились высоко. На Толедском соборе (в VII в.) определено было, что нарушивший четырехдесятницу недостоин принимать участие в праздновании Пасхи, предписывалось ему в продолжение года вкушать мяса не более раза. Дитмар Мерзебургский (IX в.) упоминает правило, что позволявшим себе нарушать четырехдесятницу едением мяса вышибались зубы. Даже схизматические восточные Церкви строго соблюдали посты. Так, у одного армянского богослова встречаем такие рассуждения: "Кто нарушает пост в среду, тот будет осужден вместе с Пилатом. А кто нарушает пост в пятницу, тот будет осужден с безбожными распинателями".

* Строгость Восточной церкви в отношении постов, выражавшаяся в многочисленности их, еще усугублялась через те прещения, которыми грозила Церковь несоблюдавшим постов. Так, 69-е Апостольское правило гласит: "Если епископ, пресвитер, или диакон, или чтец, или певец не постится в св. четырехдесятницу или в среду и пяток, кроме препятствия от немощи (болезни) телесной: таковой да будет извержен. Если же мирянин (не соблюдающий постов), да будет отлучен". В 19-м правиле Гангрского собора (IV в.) говорится: "Если кто без телесной нужды (болезни) нарушает посты, преданные и хранимые Церковью, да будет под клятвой". Как суров должен быть пост четырехдесятницы, об этом узнаем из 50-го правила Лаодикийского собора (IV в.): "Должно во всю четырехдесятницу поститься с сухоядением". Патриарх Вальсамон в толковании на вышеприведенное правило Апостольское говорит: "На

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org мясо никто не должен разрешать ни в какую среду и пяток, кроме пасхальных и других, хотя бы (кто) находится при последнем издыхании" (т. е. тяжело болен). То же замечает он и о четырехдесятнице: "Вкушать мясо в великую четырехдесятницу не должно быть позволено никому, хотя бы находился и при последнем издыхании". Тяжелобольным, по свидетельству Вальсамона, в вышеуказанные посты разрешалась только рыба.

Оставляя в стороне описание общественных постов, предписываемых Церковью, остановим внимание на тех предписаниях относительно поста, которые делались Церковью в частных случаях. Эта сторона в истории постов мало кому известна. Церковь налагала иногда посты на отдельных лиц в целях наказания или врачевания души. Иногда эти посты были продолжительны, простираясь до 40 дней. Так, сорокадневный пост в Восточной церкви налагался на бесноватых, по примеру св. Макария Александрийского, наложившего такой пост на одного бесноватого юношу. То же встречалось и на Западе. По правилам, приписываемым епископу Мартину Турскому (IV в.), бесноватый в течение первой недели соблюдения сорокадневного поста только вечером должен был съесть немного хлеба, приготовленного с солью и святой водой, а пить должен был лишь святую воду. Затем в продолжение следующих пяти недель бесноватый должен был довольствоваться самой плохой пищей, состоящей из черствого двухдневного хлеба, свиного сала и пива, или вместо последнего давалось ему незначительное количество вина. Причем он должен был строго воздерживаться от всякой зелени, от мяса птиц и четвероногих, не должен был резать животных или присутствовать при совершении этой операции; должен пить напиток, приготавливаемый для него священником и состоявший из святой воды, смешанной с солью и полынью, для возбуждения рвоты (!).

Церковью налагались также посты на грешников для их исправления; эти посты иногда продолжались до сорока дней и даже более. Колумбан, основатель многих монастырей (VI в.), наказывал сорокадневным постом (во время которого позволялось вкушать только хлеб и воду) того монаха, который осмелился бы подать жалобу на своего настоятеля. "Требник" Колумбана к тому же наказанию присуждает смертоубийцу и того, кто вследствие неумеренности в пище и питье извергал принятию перед этим Евхаристию. За преднамеренно сделанное тяжкое преступление та же книга предписывала полугодовые, годовые и многогодовые посты; иногда такие посты продолжались до 12-14 лет. Большая часть западных "Требников" за убийство налагала сорокадневные посты, на хлебе и воде. На убийц, запятнавших себя кровью родственников, налагался пост многолетний или даже на всю жизнь, состоявший в воздержании от известного рода пищи и соединенный с другими подвигами благочестия, например, путешествиями ко святым местам. Так, папа Николай I одному франку, по имени Вимар, убившему трех своих сыновей, запретил есть мясо на всю жизнь, употребление вина в продолжение первых семи лет (за исключением, впрочем, воскресных и праздничных дней), а затем, в следующие пять лет Вимар должен был воздерживаться от вина не менее трех дней в неделю. Вимару было разрешено есть молоко, сыр, а также иметь общение с женой.

Обращаемся к рассмотрению монашеских постов, предписываемых древним монашеским уставом. Прежде всего, следует отметить явление, что основатели монашества, будучи сами к себе чрезвычайно строги по части пощений, начертали в составленных ими уставах более или менее снисходительные правила для своих учеников и последователей. Так поступали св. Антоний и св. Иларион. Св. Пахомий, основатель общежительного монашества, следуя примеру своего учителя Палемона, питался только хлебом с солью, не употребляя мяса (а если и разрешал себе масло в праздничные дни, то смешивал его с прахом или пеплом); тем не менее, он был довольно снисходителен к подчиненным ему монахам. Запретив им употребление вкусных и аппетитных блюд, а также вина, Пахомий установил, чтобы братия имели ежедневную пищу, приготовленную на огне, чтобы у них было достаточное количество хлеба; вообще заботился, чтобы монахи имели достаточную силу для полевых и ручных работ. Однажды, когда Пахомию стало известно, что монахи одного основанного им общежития, ради большего подвига, в продолжение двух месяцев не имели за столом горячей пищи, вследствие чего монастырский повар, пользуясь досугом, приготовил для продажи не менее 500 ручных изделий, он сильно разгневался за отступление от его предписаний, все изделия повара сжег на глазах изумленных монахов и обратился к ним с сильным обличительным словом. Он говорил им, что гораздо легче и удобней отказаться от пищи, которой не готовят и не ставят на стол, чем соблюдать умеренность, когда достаточная и хорошая пища предлагается для насыщения

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org человека. Только в Четыредесятницу монахи должны были питаться более скудной пищей, и некоторые монахи в это время, как, например, монахи в Тавенне, не ели по два или по три дня и даже по пять подряд.

Мясо монахам было совершенно запрещено, оно и не составляло большой необходимости в жарком Египте. Но для большинства монахов Египта хлеб составлял главную пищу. В день монахам давалось по два хлебца, которые, по свидетельству Кассиана Римлянина, весили один фунт или 12 унций, следовательно, каждый хлебец был весом 10-12 лотов*. Один из таких хлебцев съедался около 3 часов пополудни, а другой после захода солнца. В постные дни монахам выдавалась только вечерняя порция. Более строгие из монахов обыкновенно довольствовались одним хлебцем в день, а иные из таковых старались съесть и того менее: так, св. Макарий Александрийский, желая превзойти некоторых монахов в Тавенне, довольствовался ежедневно 12 лотами хлеба, в продолжение же трех лет съедал ежедневно от 8 до 10 лотов хлеба. Св. Иларион, начиная от 31-го года своей жизни до 35-го года, не ел более 12 лотов ячменного хлеба ежедневно. Для Маркиана кирского на Евфрате обычную ежедневную порцию хлеба составляла четверть фунта или только 6 лотов.

* Нужно помнить, что древний фунт был меньше теперешнего фунта (древний фунт заключал в себе 12 унций или 24 лота, а не 16 унций, как теперь).

Довольно умеренные требования касательно поста монахов высказывал Феона, упоминаемый в "Собеседованиях" Кассиана Римлянина. То же самое - и Василий Великий, который, как известно, в своих правилах для монахов дал образец монашеской жизни для всего Православного Востока. Строго предписывая воздерживаться от мяса, а по временам и от рыбы, масла и вина (например, в Четыредесятницу и другие дни поста), Василий является поборником того правила, что степень пощения нужно соразмерять с состоянием здоровья и с теми трудами, какими занимается монах. Он предписывал избегать всего, что может повредить здоровью, всякого избытка в пище и слишком больших лишений в ней. Греческие монастыри последующих времен, верно следуя примеру Василия, никогда не вводили у себя слишком строгих предписаний касательно пищи.

Что касается древних западных монастырей, то и в них предписания о пище были довольно снисходительны. Главные представители и насадители монашества на Западе, хотя сами жили весьма строго, не требовали того же от монахов. А если случалось, что начальники монастырей изъявляли желание слишком ограничить подчиненных им монахов по части пищи, то эти последние иногда прямо заявляли своим начальникам, что предписания их неудобноисполнимы. Так, монахи, подчиненные св. Мартину, находя, что его требования относительно пищи слишком строги, прямо заявляли ему: "Мы, галлы, и было бы бесчеловечно нас, людей галльской нации, заставлять жить по образу ангелов". Понятно, что заявления монахов были уважены. Самым большим влиянием на Западе пользовался монашеский Итальянский устав св. Бенедикта Нурсийского. Этот же устав сделался главным руководством монахов в разрешении вопроса о том, насколько строги должны быть посты монаха. Сам Бенедикт был строгим постником. Известно, что его друг Роман в продолжение трехлетнего пребывания Бенедикта в уединении в одной пещере, ежедневно приносил ему небольшое количество хлеба, причем о своем прибытии извещал Бенедикта звонком. Но в отношении к подчиненным ему монахам Бенедикт предъявлял довольно скромные требования. Так, по его правилам, монахи имели трапезу дважды в день - в полдень и вечером: на каждого монаха полагалось выдавать в день по фунту хлеба и зелень двоякого рода, чтобы каждый мог выбирать по своему вкусу; именно, в правилах относительно зелени было замечено, "чтобы больные и немощные, если не могли выносить один род зелени, имели возможность насыщаться другим". Где можно было найти плоды или молодые стручки, там, по правилам Бенедикта, следовало прибавлять для монахов третье блюдо, состоящее из плодов или стручков. Кроме того, Бенедикт допускает начальникам монастырей увеличивать порции для тех монахов, которые были заняты тяжелым и изнурительным трудом. Запрещено было монахам употреблять мясо, но сделано исключение для слабых и больных. Всем без исключения монахам допущено было употребление вина ежедневно, но, конечно, в малом количестве. Вина полагалось на каждого монаха по полбутылки (мера вина обозначена в правилах латинским словом *hemina*, точное значение

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org (которого неизвестно). Вообще нельзя не находить некоторого соотношения в предписаниях касательно пищи между монашеским уставом св. Бенедикта и таким же уставом св. Василия Великого.

Запасись не чем другим, как только списком правил своего учителя, медным сосудом для вина и воды, одним фунтом хлеба, отправился Мавр, благочестивый ученик Бенедикта, в Галлию (543 г.), чтобы насадить здесь монастыри Бенедиктинского устава. Плацидий насаждает такие же монастыри на о. Сицилии. Григорий Великий, папа, заботился о распространении Бенедиктинских монастырей по всей Италии и вообще по всему Западу. Почитатели святого Бенедикта устраивали монастыри по правилам этого святого мужа, но иногда делали некоторые отступления. Так, в Испании, в монастырях изредка по воскресеньям допускались легкие мясные блюда, за исключением Четырехдесятницы, когда пищей монахов были лишь хлеб и вода. По правилам Колумбана, дозволенными для монахов блюдами были: зелень, стручки, кисель и маленькие хлебцы: ни мяса, ни вина не допускалось. Притом пища, по правилам Колумбана, основателя многих монастырей в VI веке, давалась монахам только по наступлению вечера. В позднейшее время основатели новых монашеских обществ все более и более стали отступать от предписаний св. Бенедикта, увеличивая строгость монашеского устава по вопросу о пище. Так поступает св. Бонифаций. Чтобы противодействовать национальной склонности германцев к напиткам, он совсем запретил монахам пить вино, а позволил пить лишь жиденькое полупиво (квас?).

Доныне мы говорили о монашеских постах, положенных различными монашескими уставами, следовательно, принудительных. От этих постов следует отличать посты произвольные, отдельных аскетов. Как произвольные, они очень разнообразны и оригинальны. Церковная история сохранила много любопытных сведений о постах подобного рода. Уже о древнейшем монахе-отшельнике, служившем во многих отношениях образцом для последующих подвижников, св. Павле Фивейском, сохранились известия относительно его замечательного воздержания в пище. Павел так мало был требователен в пропитании себя, что одно пальмовое дерево доставляло ему и пищу, и одежду, т. е. плоды этого дерева питали его, а листья доставляли ему одежду. Св. Антоний во время пребывания в пустыне претерпевал сильные искушения со стороны своего тела, не хотевшего вполне подчиниться его духу. Средством в борьбе с греховными пожеланиями был для него усиленный пост. Во время его подвижничества он жил то в полуразрушенной крепости, то в заброшенной пещере, служившей некогда для погребения покойников; единственной пищей его были хлеб и вода, которые он вкушал обыкновенно раз в день после захода солнца, а иногда через два или даже четыре дня; тем и другим, хлебом и водой, он запасался вперед на целые полгода. Ученик Антония, св. Иларион, распространивший аскетические правила своего учителя в Палестине, Финикии и Сирии, руководствовался в своей собственной жизни такой мыслью: "Чтобы укротить осла, т. е. собственное тело, для этого нужно кормить его не ячменем, а мякиной". Иларион довольствовался пищей самой неприхотливой, принимая ее через несколько дней, и наконец достиг того, что ему довольно было вкушать пищу раз в неделю. Много сохранилось древних рассказов о подвижничестве св. Макария Александрийского. Наивероятнейшим из них представляется следующий: однажды в продолжение трех лет принимал он в пищу не более 8-10 лотов хлеба в день, и в чувстве борьбы с голодом воскликнул: "Как жаль, что нет возможности наше тело, этого злого мытаря, совершенно отлучить от пищи!" О другом подвижнике, св. Макарии Египетском история рассказывает много поучительного. Так, она повествует о той мужественной борьбе, какую он вел с чувством жажды. Своему ученику Евагрию, попросившему у него воды, так как Евагрий изнемогал под палящими лучами южного солнца, Макарий сказал: "Довольно с тебя, что ты имеешь тень, которой лишены многие путешественники и мореплаватели. Подумай, сын мой, вот я уже более 20 лет никогда не высыпаюсь и не ем досыта хлеба и не пью вдоволь воды. Все это время я ем хлеб в определенной мере, воду пью тоже в определенной мере, сну посвящаю лишь немного времени, потому что я засыпаю стоя, прислонившись к стене". По долгу гостеприимства Макарий иногда позволял себе выпивать с пришельцами немного вина, но за такое невоздержание он наказывал себя тем, что потом на столько дней совсем лишал себя воды, сколько чаш вина выпито им было вместе с гостями. О другом Евагрии, нитрийском, Палладий рассказывает, что он был очень умерен не только в употреблении хлеба, но и воды; относительно последней Евагрий говорил: "В избытке принятая в тело вода порождает в голове пустые фантазии и возбуждает воображение, и таким образом дается место злобному демону". Подобного же рода подвижничеством, заключавшемся в самоограничении по части употребления воды, известен ученик св. Антония Пиор: в продолжение тридцати лет он жил в скитской пустыне при колодце,

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org соленую и горькую воду из которого никто не мог пить, кроме него. Подвижник Арсений, чтобы не доставлять удовольствия чувству обоняния, которое у него было тонко развито, не употреблял другой воды, кроме вонючей, в какой он размачивал свой сухой хлеб и пальмовые листья. Также Постумий так мало заботился об удовлетворении чувства жажды, что у него высох и растрескался язык. Мероза, один из монахов, никогда не пил ни вина, ни воды; он довольствовался размоченным хлебом, да и в этом отношении он старался, сколько возможно, ограничивать себя. Иоанн Мосх рассказывает, что один монах, которого он не называет по имени, в продолжение трех лет настолько воздерживался от питья, что, наконец, заболел горячкой. Другие аскеты выражали свое подвижничество в том, что они воздерживались от всякого хлеба. Так поступали Авраам Каррский и Евагрий, так делал Иларийон. Последний под старость, от 64 по 80 год своей жизни, питался только кочанными листьями, немного посыпанными мукой. А Посидоний Фиваидский и монах Алас лишали себя хлеба в продолжение целых десятков лет, – первый в продолжении сорока, а второй восьмидесяти! Палладий рассказывает о некоем Иоанне, что он до девяноста лет питался лишь плодами древесными и никогда не употреблял пищи, приготовленной на огне. Другие подвижники показывали свое воздержание в том, что они хотя и имели перед глазами пищу, но старались как можно дольше не вкушать ее, приучая себя как бы совсем не обращать внимания на пищу. Так поступал Павел Препростой. Какую воздержанность проявляли подвижники, когда им представлялся случай съесть что-либо особенно вкусное и приятное, об этом можно составить себе представление на основании следующего факта. Однажды Макарии Александрийский получил в подарок виноградную ветвь с ягодами; не желая доставить себе удовольствия поесть этого вкусного плода, он переслал подарок одному из подвизавшихся с ним монахов, а этот по той же причине – другому, другой – третьему и т.д.; наконец, ветвь виноградная возвратилась к самому Макарию. Еще другие подвижники Востока проявляли свой аскетизм в том, что они совсем не ели помногу дней подряд, ели не более двух раз в неделю, или же если и принимали пищу более двух раз в неделю, то в самом незначительном количестве. Питирийон вкушал свой кисель только два раза в неделю; Елпидий в течение 25-и лет вкушал пищу только по субботам и воскресеньям, поэтому на вид он казался скелетом из кожи и костей. Св. Феврония ела понемногу один раз в два дня. Св. Евфросия или Евпраксия, дочь сенатора Антигона, сначала постилась два дня в неделю, потом четыре, наконец – шесть с целью победить лукавого, искушавшего ее в сонном состоянии. Св. Савва, живший в пещере близ Едессы, наконец достиг того, что мог принимать пищу только раз в неделю, и притом самую скудную, состоявшую из просяного хлеба с водой и солью. Некто отшельник Иоанн целых три года ни ложился, ни садился, а только стоял, а силы свои подкреплял единственно Евхаристией, которую принимал каждую субботу. Подобное же рассказывает Иоанн Мосх об отшельнике Марке, именно, что он в течение 63-х лет вкушал немного пищи только по воскресеньям. Некоторые подвижники выдерживали даже сорокадневный пост по подражанию Моисею, Или и Иисусу Христу. В этом отношении известны: св. Симеон Столпник и описываемый Мосхом отшельник Иоанн Капаразимский; о таких лицах, которые отваживались на двадцатидневный пост, упоминает св. Григорий Богослов. О св. Марии Египетской, которую Восточная церковь представляет образцом постничества, известно следующее: пребывая в восточно-иорданской пустыне, она в продолжение трех лет пропитывалась взятыми ей с собой хлебами, и затем целых сорок лет питалась только злаками и водой, какие доставляла ей пустыня. Когда ее, считавшуюся уже давно умершей, встретил благочестивый монах Зосима и предложил пищу, то она была в состоянии съесть лишь три чечевичных зерна, так как она совсем отвыкла от обыкновенной человеческой пищи*.

* С точки зрения современной физиологической науки рассказы о продолжительном посте подвижников не представляют ничего невероятного. Физиология утверждает, что человек, как и многие животные, например собаки, лошади, если давать им пить воду и не заграждать доступ к воздуху, могут жить безо всякой пищи несколько дней или даже недель. По мнению физиолога Тидемана, человек может прожить без пищи до 25 дней. Один преступник в Тулузе, захотевший умереть голодом, но пивший воду, умер только на 63-й день своего "поста". Известно также из свидетельств самых правдивых путешественников по Индии, что иные из индийских аскетов действительно поддерживают себя только водой и воздухом. Пример сорокадневного поста недавно был показан американским врачом Таннером, о чем сообщены известия во всех газетах.

Самопроизвольные посты западных аскетов представляют большей частью подражание вышеописанному нами восточному подвижничеству. Начиная с V в. и до позднейших времен история Западной церкви представляет много примеров постничества. В период Меровингов (V – VIII вв.) представителями постничества в исключительном его виде служат следующие лица: Лупициний, основатель одного уединенного монастыря на юре (460 г.), единственной пищей которого был киселеобразный напиток, состоящий из воды с мукой и отрубями, но без соли, масла и молока, Геновефа († 512 г.), которая, начиная с пятнадцатого года своей жизни постилась по пять дней в неделю, – она по воскресеньям и четвергам вкушала пищу, состоящую из ячменного хлеба и вареных бобов; аббат Сенох († 550 г.), который ежедневно вкушал не более фунта ячменного хлеба и равное же количество воды, но и то в обыкновенные дни, а в дни поста он еще увеличивал свое воздержание; сюда же относятся многие мужи аскетического характера в Галльской церкви, описанные Григорием Турским. К этому же периоду относится св. Григорий Великий, папа, который, по крайней мере, в дни своей молодости, когда он был еще простым римским монахом, питался только зеленью, сваренной в воде; эту пищу посылала ему ежедневно его мать на серебряном блюде (она была из богатого дома), которое впоследствии было заменено простым глиняным, именно, когда Григорий в качестве милостыни отдал серебряное блюдо одному человеку, потерпевшему кораблекрушение. Нужно, впрочем, заметить, что Григорий слишком строгим постом настолько расстроил свое здоровье, что должен был оставить всякое произвольное пощение, ограничиваясь постами, положенными Церковью. Еще следует упомянуть о подвижнике Тиллоне, который во время своего пустынножительства принимал пищу только раз в день, и притом после захода солнца; пищей его обыкновенно были яблоки и сок из злаков, хлеб же и соль он употреблял в пищу единожды в три дня.

II. Аскетические лишения в одежде и жилище

Вретище Ветхого Завета и власяница христианских времен; примеры ношения власяницы на Востоке и Западе; предсмертная власяница. – Босоножие, его происхождение; отдельные примеры босоногих. – Полное и постоянное обнажение или отречение от всякой одежды, исторические сведения относительно этого предмета; мысли древних христианских писателей о простоте одежды и борьба их против украшений (Климент, Тертуллиан, Иероним, св. Златоуст). – Самолишения в ночном отдыхе: лишение ночного сна, сон на голой земле или в неудобных положениях на Востоке; исторические сведения по этому предмету о западном христианском обществе. Аскетическая борьба с холодом и стихиями. – Провождение жизни под открытым небом, вне жилища; примеры из истории христианского Востока; крайне малое и тесное жильё.

В настоящей главе опишем проявления христианского аскетизма, состоящие в лишениях удобств домашней жизни, в грубом или нищенском одеянии, в обустройстве себе постели, не соответствующей цели, в проведении жизни без крова или с плохим кровом. Аскетизм этого рода можно назвать аскетизмом домашней жизни. Эти аскетические проявления большей частью основываются на примерах и предписаниях Священного Писания.

Ношение вретища, или волосяной рубашки, на голом теле под верхними одеждами составляет траурный или покаянный обычай, известный с древнейших времен Ветхого Завета; он встречается как у иудейского, так и у восточно-языческих народов (у ниневитян – Ион. 3, 6; патриарх Иаков – Быт. 37, 34). Наряду с ношением вретища употреблялось раздирание одежд, посыпание главы пеплом, сидение на пепле и прахе (2 Цар. 3, 31; 3 Цар. 21, 27; 4 Цар. 19, 1; Мф. 11, 21; Лк. 10, 13). Вретище, эта торжественная траурная одежда Ветхого Завета, по сути дела совершенно то же, что и власяница христианских отшельников и аскетов, по их первоначальной форме и назначению. Оба выражения: вретище и власяница обозначают волосяные, а никак не грубо-холщовые одежды, в высшей степени простого покроя; делались они из грубой шерстяной материи темного, а чаще всего черного цвета (о цвете вретища дают представление следующие места Св. Писания: Ис. 50, 3: "я облекаю небеса мраком и вретище делаю покровом их"; Апок. 6, 12: "солнце стало мрачно, как вретище"). Под именем власяницы (*Cilitium*,) древние собственно понимают покровы или одежды, сделанные из колючей шерсти киликийских козлов; или вообще это было платье, приготовленное из какой-либо козлиной шерсти. Существует мнение, что будто бы в Ветхом Завете нужно различать вретище от власяницы, и понимать под первой – верхнюю

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org траурную одежду, а под второй – нижнюю траурную одежду. Но такое мнение неосновательно и ошибочно. Вретище Ветхого Завета само по себе было не чем другим, как обыкновенной верхней одеждой, служащей для защиты от ветра и непогоды, а также оно было принадлежностью и обычным отличием так называемых сынов пророческих и вообще пророков. Это открывается из книги пророка Исаяи (20,2). Здесь дается Божье повеление пророку, носившему в качестве обыкновенного платья вретище или волосяную верхнюю одежду поверх прочей одежды, – снять вретище и нагому, т.е. в одной нижней одежде (рубашке), и босому, без сандалий ходить по улицам в обозначение скоро последующему отведению египтян и эфиопов в плен ассирийцами. Но ту же одежду надевали на голое тело, когда желали выразить чувство печали или покаяния (4 Цар. 6, 30).

В христианские времена власяницей обычно называли шерстяную одежду, носимую прямо на голое тело, причем иногда она скрывалась под верхней одеждой. Ношение на голом теле власяницы основывалось на примерах св. Иоанна Предтечи, обычной одеждой которого была власяница из верблюжьего волоса (Мф. 3,4), и пророка Илии (4 Цар. 1, 8). С III в. о ней часто упоминают христианские писатели. Тертуллиан говорит, что кающийся должен облекаться во власяницу и посыпать себя пеплом. Св. Киприан внушает падшим, т.е. отказавшимся от христианства в гонение, умиловать Бога слезами, униженным лежанием на земле, ношением власяницы. В среде монашества с IV в. эта одежда входит в употребление чуть не во всеобщее. Так как власяница служила выражением чувства покаяния и самоуничтожения, то Кассиан Римлянин запрещал монахам носить власяницу постоянно и единственно власяницу, ибо употребление власяницы в качестве обыкновенной и единственной одежды могло воспитать в носящем ее чувство духовной гордости и самомнения. Он внушал монахам носить вместо власяницы холщовую нижнюю одежду подобно тому, как египетские киновиты носили тунику с короткими рукавами и широкую мантию из козлиной шерсти (на основании новозаветного выражения: въ милотяхъ (Евр. 11, 37)*. С V в. монахи на Востоке и Западе носили власяницу прямо на голое тело большей частью только в известные времена, например, в дни постов или же в знак покаяния в каком-либо прегрешении. В остальное время власяница имела значение верхней одежды и носилась поверх нижнего платья. В начале появления монашества такие великие мужи, как св. Антоний, св. Иларион и другие патриархи монашеской жизни носили власяницу постоянно на голое тело и находили себе подражателей. Впоследствии примеры этого рода встречаются реже; ношение власяницы встречаем только у тех лиц, которые отличались особым подвижническим терпением. К числу таких подвижников принадлежат – греческий святой Феодор Трихина, т.е. волосатый, память которого празднуется 20 апреля; Елигий († 695), епископ Нойонский, который снимал грубую власяницу только на ночь, перед тем как отойти ко сну; ее он постигал при этом возле постели и становился на нее коленями во время молитвы.

* Невразумительное слово милоть есть греческое $\mu\lambda\omega\tau\eta$ и происходит от – животное мелкой породы; поэтому милоть означает верхнюю шерстяную одежду из шерсти козлов или овец и должна быть отличаема от одежды из козлиных шкур.

В Средние века весьма был распространен обычай, по примеру некоторых знаменитых подвижников, как между монахами, так и между мирянами, обычай, состоявший в том, что многие налагали на себя власяницу перед смертью*. Это считалось делом спасительным и душеполезным. Власяницу в этом случае возлагали на себя не только те, кто при жизни хоть иногда надевал ее, но и те, кто совсем не были знакомы с ней. Власяницу или надевали на умирающего, или же расстилали ее на голом полу, посыпанном иногда пеплом, на которую и ложился умирающий. Известный Мартин, епископ Турский, умирая и вознося свои последние молитвы к Богу, одетый во власяницу, говорил окружающим его ученикам: "Христианин не иначе должен умирать, как во власянице и на пепле". Такие же примеры великих подвижников и в среде монашества – св. Антония, св. Илариона, умерших во власянице, – содействовали широкому распространению того обычая, о котором идет речь. А вслед за монахами того же обыкновения стали придерживаться и миряне всех сословий, не исключая самих королей.

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org
* Подобно тому, как у нас на Руси в древности цари и царицы, а также бояре перед смертью принимали монашество или даже схиму.

В истории древнего и нового монашества, а также в рассказах о различных путешествиях ко святым местам, о крестных ходах известен еще один вид аскетического самоумерщвления, о котором теперь и поведем речь. Имеем в виду босоножие или самолишение обуви. Босоножие основывалось прежде всего на некоторых очень известных примерах из Ветхого Завета; так, Моисею приказано было снять обувь (Исх. 3, 5); Давид босым спасается бегством от Авессалома (2 Цар. 15, 30), а Исаяи было велено снять сандалии (20, 2-4). В практике язычников босоножие тоже встречается нередко, например, при совершении жертв в обществе пифагорейцев, при молитвенных воззваниях у римлян. В христианской древности встречаем как увещания к босоножию, так и практику того же рода. Уже Климент Александрийский в числе нравственных предписаний, необходимых для мужчины, наставляет и советует ходить без обуви. Он высказывает мнение, что самое приличное дело для мужчины совсем не носить обуви, за исключением военной службы, так как привязывание к ногам сандалий есть, по его суждению, дело постыдное и унижительное, признак рабства, подобно тому как постыдны "цепочки на ногах женщин", против которых вооружался еще пророк Исая (3, 16-18). И действительно, об ученике Климента Оригене известно, что он в продолжение многих лет ходил босой. Другие основания для босоножия представляет известный описатель жизни древних монахов - Кассиан Римлянин. Он находит такие основания для монахов в Евангелии и указывает, что босоножие предписывает сам Христос своим апостолам (Лк. 10, 4; Мф. 10, 10), хотя Христос только воспрещал апостолам брать с собой запасную обувь, повелевая довольствоваться одной обувью (Мк. 6, 9). В христианском обществе появлялись еретики, как, например, упоминаемые Августином рудипеды (босоногие), требовавшие, чтобы все обязательно ходило без обуви. Но и вообще обычай при всех известных случаях ходить босыми ногами, например, во время епитимьи - в крестных ходах, в путешествии ко святым местам, считался всегда очень почтенным. Известно, что сами царственные особы не пренебрегали этим обычаем, например Феодосий Великий, Карл Великий. Разутость для монахов считалась делом в особенности приличным. Вообще считалось вполне достопохвальным, если кто, побеждая холод и трудности пути, ходил босой, для угождения Богу. Блж. Августин восхваляет своего друга Алипия за то, что он "будучи в высшей степени мужественным укротителем своей плоти, босыми ногами, оледеневшими от холода, ходил по Италии". Блж. Феодорит за подобное же действие возвеличивает отшельника Мерозу. В подобном же роде Мартин Турский говорит об одном аббате Сенохе. В Средние века встречаем немало подвижников из духовного и светского сословия, заявивших себя указанным родом аскетизма. Путешественники, отправлявшиеся в Иерусалим или по предписанию своих духовников, или по собственному усердию, где можно было, ходили босые. Также поступали и пилигримы, посещавшие Рим и его святыни.

Подобно тому как некоторые из христианских аскетов отказывали себе в обуви, иные из них считали возможным обходиться без всякой одежды, необходимой для покрытия тела. Примеры этого рода аскетизма встречаются в истории с глубоких языческих времен. Так, индийские аскеты еще в древнюю эпоху были известны тем, что лежали на голой земле, или прямо на камнях безо всякой одежды, кроме того покрова, какой у них состоял из клочка древесной коры или какой-нибудь шкуры; эти лица назывались гимнософистами. Их можно и в настоящее время встретить на всех улицах и публичных местах в священных городах Индии - или совершенно нагими, или покрытыми "поясом стыдливости"; они обычно лежат на пепле или на голой земле. Нагим был известный Диоген в своей бочке. Нагими ходят некоторые дервиши ислама.

В истории христианства подобные примеры встречаются нечасто. Вполне нагими ходили отшельники так называемой Скитской пустыни в Египте; при взгляде на них преп. Макарий Египетский вынес для себя то назидание, что при всей суровости жизни он еще не дошел до той степени в самолишениях, до какой дошли эти отшельники. Подобное же история повествует об одной монашеской секте - "пасущихся" (Воокол), жившей в Месопотамии. Встречались также и отдельные примеры обнаженных аскетов, которые или жили в пещерах, или же под открытым небом. Сульпиций Север (IV в.) говорит об одном пустынноике Синайской горы, что он не имел другого покрова в продолжение пятидесяти лет, кроме того, какой доставляли ему его собственные длинные волосы. Нечто подобное известно о подвижниках Онуфрии и Софронии. На Западе бывали подобные же примеры. Знаменитый испанский подвижник Фруктуоз († 675), жил в

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org таком отчуждении от всего света в своей пещере, что его легко можно было принять за дикого зверя.

Гораздо многочисленнее и поучительнее примеры крайней аскетической скудости в одежде, какой умели довольствоваться подвижники христианского общества. Уже со времен глубокой христианской древности раздаются сильные и непрестанные голоса, ратующие за возможную простоту и неприязнительность в одежде. Такие знаменитые писатели древней Церкви, как Климент Александрийский и Тертуллиан Карфагенский, в своих сочинениях, можно сказать, начертали систему аскетики. Вот рассуждения Климента. Он рекомендует предпочитать простую белую одежду всякой другой, потому что в белое одеты ангелы и святые люди на небе (Апок. 6,11; 19,8); он предостерегает от пестрых и цветных одежд, так как такие одежды более ласкают взор, чем служат какой-либо практической потребности, и потому что простота есть лучшее отображение христианской правоты и святости. В Ветхом Завете, говорит Климент, уже запрещены были пестрые и смешанные из различных нитей одежды. Шелковые материи совершенно неприличны христианину не только потому, что это совершенно бесполезное изделие, но и потому, что шелк – продукт червей, служащих символом непостоянства и переменчивости духовного расположения. Жемчуг совсем не должен употребляться христианами, потому что само слово Божье уподобляется драгоценному жемчугу (Мф. 7, 6; 13, 45), потому что двери небесного Иерусалима состоят из двенадцати жемчужин, и потому что сама природа, хотя не запрещает, однако сильно затрудняет употребление жемчуга и золота, скрыв первый под водой, а второе под землей.

Носить накладные волосы, как это делают женщины, неприлично и совершенно отвратительно. Ибо носить чужие волосы на своей голове так же мерзко, как и иметь обритую голову. И на кого в таком случае будет возлагать священник свою благословляющую десницу? Не будет ли он благословлять чужую голову, когда будет касаться своей рукой таких волос у коленапоклоненной женщины, которые ей не принадлежат? Также христианину не следует украшать своей головы венками из цветов, ибо он не должен любить противоположное тому, чем украшена глава Спасителя, а Его глава носила на себе терновый венец. Вообще человек, слишком заботящийся о внешних украшениях, но недостаточно пекущийся о внутренней чистоте и красоте, уподобляется капищам египетским, которые хотя снаружи и блистали роскошью, но внутри были наполнены кошками, крокодилами и другими отвратительными животными, служившими для поклонения язычников.

В таком же тоне и даже суровее говорит Тертуллиан о внешних украшениях в особенности женщин. "Вам прилично не великолепное убранство, а траурная одежда. Ибо через вашу праматерь Еву грех вошел в род человеческий. Благодаря тебе, жена, сам Сын Божий должен был уничтожиться до смерти. Всякое женское убранство, в особенности состоящее из золота и драгоценных камней, происходит от падших ангелов, есть плод той преступной любви к дочерям Евы (?), о которой говорится в 6-й главе книги Бытия. Ужели должны те, кому принадлежит суд над падшими духами (1 Кор. 6, 2), позволять себе пользоваться дарами и выдумками этих последних?" В IV в. и начале V в. блж. Иероним и святой Златоуст также преподают много мудрых советов относительно одежды христианина. Иероним дает уже определенные предписания о том, как должны одеваться монахи или аскеты. Иероним требует, чтобы монахи и монахини носили бедные, грубые и темные платья, предостерегая, впрочем, от грязных и неряшливых одежд, как хвастовства бедностью. Св. Златоуст со своей стороны обличает тех, кто выставлял на вид свою, так сказать, искусственную простоту в платье. Ибо некоторые лица, хотя под предлогом простоты и носили узкую, черную нижнюю одежду, того же цвета плащи и обувь, но при этом старались копировать некоторых лиц, изображенных на античных картинах. Взамен того, он хвалил свою верную ученицу, богатую вдову Олимпиаду, ее бедное одеяние, за то, что она по внешности ничем не отличалась от самых бедных людей.

Переходим к описанию аскетических лишений по части постели. Попытки аскетов если не вполне искоренить в себе потребность во сне и ночном отдыхе, то, по крайней мере, сколько возможно ограничить удовлетворение этой потребности, попытки подобного рода так же древни, как сама аскетическая жизнь вообще. Многие из древнейших египетских отшельников старались отгонять у себя сон в продолжение целого ряда ночей или тем, что они постоянно стояли на молитве, или через напряженные телесные занятия, например, носили взад и вперед песок в какой-нибудь корзине в значительном количестве. Св. Макарий Младший для того, чтобы совсем отогнать от себя сон, в продолжение 20-ти дней и

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org ночей не входил в свою келью, пока чрезмерность напряжения и общее расслабление не заставили войти в келью, лечь на пол и найти себе подкрепление в непродолжительном сне. Тот же Макарий однажды, сильно искушаемый демонами, целую ночь носил короб с песком из двух мер, на значительном расстоянии в пустыне. Когда же ему встретился другой монах, который хотел отнять у него эту ношу, он сказал: "Оставь меня, я мучу того, кто мучит меня и кто может заставить меня сделать еще более длинный путь, так как он знает мою лень". Макарий возвратился в келью полумертвый и совершенно разбитый от усталости. Дорофей Фиваидский днем вместе с другими носил камни, нужные для постройки келий ему и братии, а ночью, для того чтобы отогнать сон, сидя занимался плетением пальмовых веревок и никогда не ложился для отдохновения. Одни, как, например, Ориген, побеждали сон тем, что целую ночь отдавали научным занятиям, другие – тем, что предавались благочестивым созерцаниям и неустанной молитве, как, например, тот Ануф, о котором рассказывает Палладий, или тот Авраам, о котором повествует Феодорит; третьи – через постоянную беседу о благочестивых предметах с братией; так, старец Махет, по рассказу Кассиана, когда занимался такой беседой, то мог не спать несколько ночей подряд, но лишь ему стоило услышать беседу о мирских предметах, как он тотчас же засыпал. Некто Феодул причинял себе мучения тем, что ложился только на спину. Многие другие монахи спали в сидячем положении, как, например, монахи прп. Пахомия в Тавенне, которые на ночь заключались в тесные короба, принимая в них полусидячее положение, или как те монахи, о которых говорил Кассиан, что они подкладывали себе на ночь под головы снопы папируса, служащие днем братии для сидения. Некоторые из аскетов ложились ночью на голой земле. Первоначально такой способ проведения ночи предписывался грешникам в знак покаяния и был тождественен возлежанию во вретнице и на пепле, о чем говорит Библия, но уже с древних христианских времен сон на голой земле стал обыкновенным явлением в среде наиболее строгих аскетов. Так, история подобно сообщает об Оригене, св. Антонии, св. Иларионе, св. Иакове Нисибийском, св. Ефреме, Григории Турском. Этот же род аскетизма усвоили себе даже христианские женщины, например Горгония, сестра Григория Богослова, Павла, высокочтимая Иеронимом римская матрона, пустынноница Сильвания, о которой сверх того Палладий рассказывает, что она в продолжение шестидесяти лет совсем не мыла тела, исключая рук, перед принятием св. Причастия.

В Средние века аскеты на Западе и Востоке перепробовали все вышеуказанные способы лишать себя крепкого и спокойного сна. Большинство же из них изобретало все новые и новые способы, неслыханные средства в борьбе с потребностью сна. Архип Иерапольский спал на мешке, наполненном острыми камнями, а на том месте, где следовало быть подушке, тот же мешок был набит терновником; вместо этого ложа он иногда ложился на другом мешке, служившем ему единственной одеждой, и в этом заключалось единственное послабление, какое он допускал себе по части ночного покоя. Лупициний, знаменитый подвижник Мерovingской эпохи († 460), живший в одном монастыре на Юре, неизменно проводил ночи в дупле, образовавшемся в одном дереве.

Не довольствуясь тем, чтобы делать сон как можно менее спокойным и лишать его подкрепляющего действия на человека, многие аскеты употребляли все усилия на то, чтобы сколько возможно ограничить продолжительность сна. Этого достигали отчасти через то, что старались удлинять вечерние и утренние труды и работы, отчасти через то, что, как это было в монастырях со строгим уставом, не один раз, а несколько раз будили подвижников для совершения молитвы. Как строги в этом отношении были порядки в древних восточных монастырях, об этом можно узнать из описаний Кассиана. Кассиан смотрит уже как на послабление монашеского устава, если в субботные дни бдение продолжалось не всю ночь, а давалось монахам отдохновение на один-два часа перед рассветом между бдением и утренней службой, дабы подкрепить себя тем на целый день. Умереннее были требования в этом отношении св. Бенедикта и большей части западных учредителей монашеской жизни; последние в своих предписаниях следовали его примеру. Они разрешали монахам проводить во сне в зимнее время пять часов ночью от повечерия (9 часов вечера) до восьмого часа ночи, т. е. до двух часов утра. А в летнее время, от Пасхи до первого ноября, сон еще на некоторое время удлинялся ввиду длины дня и соединенного с этим усиленного дневного труда (сон продолжался до 3 и даже до 4 часов утра). От этого более или менее общего правила, однако, отступает очень строгий монашеский устав Фруктуоза († 666). Он ввел ежедневное ночное бдение, ночное богослужение, продолжавшееся до полуночи, каковое бдение, по уставу св. Бенедикта, полагалось только с субботы на воскресенье; после ночного бдения, по уставу Фруктуоза, давалось

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org монахам более или менее короткое время на отдых, до пения петухов (?), после чего начиналась утренняя служба. Очень строги и предписания Колумбана. В уставе Колумбана (VI в.) говорится: "Усталый монах приходит к своему одру, уже дорогой он начинает дремать; но прежде чем он заснет, его снова будят".

В настоящей главе рассказов об аскетизме, в которой шла речь о таких формах плотского самоумерщвления, как босоножие, полное обнажение, весьма кстати сообщить сведения о том аскетическом обычае, который состоит непосредственно в борьбе с чувством холода и в умышленном приучении себя к перенесению самой ужасной стужи.

У некоторых греческих философов, именно киников и стоиков, встречался очень оригинальный способ борьбы с чувством холода, состоявший в том, что они, нагие, обнимали холодные как лед статуи богов из меди или камня и старались остаться в таком положении как можно дольше. В области христианской аскетики нельзя ничего указать вполне аналогичного с приведенным выше явлением; однако, можно находить в ней нечто сходное с этим последним. Так, несколько похожим поступком известен сирийский отшельник св. Иаков († ок. 450); он в продолжение двух или трехдневной молитвы стоял на обледенелой земле, причем снег валился на него в таком обилии, что его пришлось откапывать чуть не лопатами. О греческой императрице св. Феофании, жене Льва Мудрого, и других подвижницах Средних веков передают сказатели их жизни, что среди жесточайшего зимнего холода они охотнее преклоняли колена для молитвы и ложились для отдохновения на холодном каменном полу своих спальных комнат или своих молелен, чем на половике или постели. Простейший и более обыкновенный способ борьбы с чувством холода или зимней стужей состоит в постоянном нарочитом нетоплении комнат. Подобное обыкновение встречается в истории аскетизма очень рано. Так, блж. Феодорит об Аврааме, епископе в Карах (400 г.), говорит, что употребление огня он считал излишним для какой бы то ни было цели.

Самый смелый и самый тяжелый вид принимает борьба с неблагоприятным влиянием ветров и непогоды в том случае, когда аскет в продолжение многих дней или даже на всю жизнь остается без всякого крова, под открытым небом. Этот вид аскетизма, что и естественно, встречаем на Востоке, где климат, в крайней мере, в большую часть года благоприятствует такого рода жизни или значительно облегчает его. В истории подвижников древней Церкви находим многих отшельников в Сирии, Палестине, Аравии, Месопотамии, о которых говорит блж. Феодорит, и которые, по его рассказу, или стояли на столпах*, или же были собственно пустынножителями по примеру Иоанна Крестителя (Лк. 1, 80; 2, 3), или пребывали в цистернах и в открытых, не представляющих никакой защиты, пещерах, или, наконец, поселялись на подверженных холоду скалах и горных шпилях, открытых для всяких перемен погоды. Многие из этих анахоретов проводили подобную жизнь более или менее долгое время, некоторые – всю жизнь. У блж. Феодорита можно найти подобные рассказы даже о благочестивых женщинах, например Марине и Кире, носивших железные рубашки. По рассказу других писателей, известная св. Мария Египетская оставалась без крова более 47 лет, живя в дикой пустыне. Даже в позднейшее время этот род аскетизма сохранился в значительной мере. В сочинениях Евстафия Фессалоникийского, XII в., встречаем указания на многочисленных аскетов, живших вне крова, – он упоминает о столпниках, о живущих на деревьях, об обитателях пещер и т.д. На Западе, сколько известно, столпничество не привилось: когда один отшельник, по примеру восточных столпников, устроил себе столп близ Трира, то галльские епископы взглянули на это неблагоклонно и приказали разрушить столп. Тем не менее аскетическая жизнь в плохих жилищах весьма известна была и на Западе. Многие аскеты жили здесь в незащищенных от ветров пещерах, в жалком шалаше из древесных ветвей, в клетушках, сделанных из мха. Впрочем, пещерножители в истории западного монашества встречаются очень редко.

* "На столпах", т.е. на вершинах башен, на открытой площадке, окруженной решеткой.

Другие из числа восточных и западных пустынников намеренно устраивали такие чрезвычайно малые, такие узкие и такие низкие кельи, что они лишали их обитателей всяких удобств жизни. Пример подобной жизни представляет Маркиан

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org Киррский, который в своей самодельной хижине не мог ни стоять прямо, ни лежать вытянувшись. Такие крошечные и узкие жилища, определенно, были потребностью для замечательнейших аскетов; по крайней мере, исторические свидетельства в этом роде нередки. В древнейшее время монахи прп. Пахомия ночной сон имели в коробах, похожих с виду на гробы; подвижник Варадат, описанный Феодоритом, жил в ящике, похожем на клетку, в котором были сделаны дырочки для света.

Публичные зрелища и голос древнехристианской Церкви по поводу них

"Театр никогда не может исправлять нравы, а портить их может очень часто. Добро, которое доставляет театр, есть нуль". Ж.-Ж. Руссо

I

Характеристика древних зрелищ: гладиаторских игр, театральных представлений, конских ристалищ. – Связь их с языческим культом. – Популярность и великолепие зрелищ. – Замечания о зрелищах времен христианских императоров. – Увлечение христиан зрелищами.

Христианство явилось в мир как проповедь о высшей чистоте и святости человеческой жизни, как проповедь об истинной гуманности. Потому оно должно было произнести самый строгий суд над жизнью, нравами и привычками человечества в язычестве. В числе таких предметов, к которым первоначальное христианство отнеслось со всей строгостью, были и зрелища.

Какого рода были эти зрелища и насколько справедливо заслуживали они противодействия со стороны христианства, – это покажет краткий очерк древних зрелищ, которые сначала услаждали грубый и развращенный языческий народ, а потом с некоторыми изменениями стали развлекать, к сожалению, и народ христианский в больших городах Римской империи.

В Римской империи было три главных рода зрелищ: гладиаторские игры, самые возмутительные из всех зрелищ, состоявшие в убийственной борьбе одних борцов с другими; сценические представления в нашем смысле этого слова: трагические и комические спектакли, оперетки, фокусничество, шутки паяцев, кривляния акробатов; наконец, конские ристалища или попросту конские скачки.

Гладиаторские игры обязаны своим происхождением Риму. Римляне, всесветные завоеватели, были народом военным. Чтобы приучить римский народ к мужеству, хладнокровно смотреть на пролитие крови, римское правительство выдумало давать перед глазами своих граждан, так сказать, примерные сражения, но с пролитием действительной крови. Были введены гладиаторские игры. Для гладиаторских боев употреблялись пленники, преступники, рабы, убежавшие от своих господ, иногда просто лентяи, не желавшие работать и продававшие себя для кровавой сцены. Случалось даже, что господа, умирая, по духовному завещанию отказывали для игр амфитеатра не только рабов, но и рабынь*. Словом, недостатка в жертвах гладиаторских игр у римлян не было. Гладиаторские игры иногда состояли в борьбе людей с какими-нибудь животными: быками, львами и пр., иногда просто из травли зверей. Самым любимым зрелищем было, когда все это соединялось одновременно.

* Schmidt. Die burgerliche Gesellschaft in der altromischen Welt... Leipzig, 1857. S. 84-91.

Вот картина гладиаторских игр с наиболее выдающимися их подробностями. Начало кровавого спектакля. Идут жертвы предстоящих игр. Шествие открывают трубачи, за ними следуют жрецы, ведущие жертвенного быка и несущие разного рода орудия. Заскрипела большая решетка арены. Приставник, вооруженный жезлом, идет впереди, открывая симметрично устроенную процессию из двадцати пяти пар гладиаторов, которые будут фигурировать в качестве одиночных бойцов, такого же числа самнитов, фракийцев и галлов, предназначенных для боя в массе; за ними следуют бойцы верхом на лошадях. Под звуки военного марша они с гордым видом обходят вокруг арены. Их медные шлемы, мечи, щиты, наколенники и кольца блестят и сверкают. Никакие стеснительные одежды не препятствуют свободному движению мускулов. Второе отделение составляют

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org мирмиллоны, на шлемах которых виднеются рыбы, – бросатели сетей с трезубцем, секуторы с кривыми ножами, парматы*, вооруженные большими мечами. Наконец, третья и последняя группа внушает отвращение: нагие фигуры, вооруженные крючьями и легкими дротиками, неприкрытые ничем; от них сторонятся гордые гладиаторы, народ осыпает их поруганием. Это – бестиарии, т. е. преступники, приговоренные к смерти, но помилованные для травли. Им – убийцам, поддельщикам, разбойникам и ворам, предстоит теперь помериться своими силами с дикими зверями и таким образом служить забавой для публики**. Бой начинается. По знаку пристава заиграли трубы. Бойцы восклицают: "Да здравствует император! Идущие на смерть приветствуют тебя!" С проворством тигра и отвагой льва бойцы бросаются друг на друга с поднятыми мечами, прикрываясь выставленными вперед щитами, отыскивая промахи и слабые стороны противника и пользуясь ими. Раздается стук наносимых ударов, пыль поднимается столбом, взор едва в состоянии следить за быстротой движений гладиаторов. При виде первой крови рев и крики одобрения толпы превращаются в неистовство***. Но что значит даже сама битва в сравнении с тем торжественным моментом, когда победитель, сломив своего противника, обращается к зрителям с вопросом: щадить ли жизнь или убивать, – или когда разъяренная толпа, глядя на гладиатора, не совсем охотно вступающего в бой, неистово кричала распорядителю игр: бей, секи, жги его! Это ожесточение, это право распоряжаться жизнью и смертью невинного человека достаточно красноречиво говорят о том, каково было влияние игр на нравственность. Но чтобы лучше судить о них, припомним, что при подобных зрелищах кровь лилась рекой, что когда во время антрактов победители были осыпаны венками, подарками и страстными взглядами дам****, и в один миг получали надежду на свободу и на богатство, в то же время мавританские невольники спешили прикрыть песком громадные лужи дымящейся крови, тогда как другие рабы, наряженные подземными богами, увозили с арены целые десятки мертвых тел. Но иногда все эти жестокости не удовлетворяли притупленных чувств толпы; тогда прибегали к необыкновенным битвам: или дрались между собой женщины, карлики, уроды или дрались люди с медведями, львами и другими хищниками, или устраивались звериные травли, в которых участвовало громадное количество животных*****. Эти травли отличались не меньшим варварством, как и бои гладиаторов. Вот раздаются звуки охотничьих рогов: хрюкающие кабаны, сначала травимые и измученные охотниками на борзых лошадях, оканчивают жизнь под копытами и петлями арканов, лани с огромными рогами гибнут, загнанные насмерть. Помилованный убийца распарывает длинным ножом брюхо великолепного животного, вырывает у него, еще живого, печень и держа ее в окровавленной руке с торжеством показывает ревущей толпе. Собаки натравливаются на медведей и доводятся побоями до крайней ярости; олени, гонимые горящими смоляными венками, прикрепленными к их рогам, мчатся по арене и в невыносимом страдании разбивают себе голову о каменную стену. Кровожадная толпа, доведенная до исступления, требует все большего и большего*****.

* Мирмиллоны, секуторы, парматы – это особые виды гладиаторов. ** "Пчела", иллюстр. журнал 1875 г., № 33. "Очерки древнеримских нравов". *** "Пчела", № 34. "Очерки древнерим. нравов". **** "Атлетам, гладиаторам римские дамы приносят в жертву свое сердце, а часто и тело, вступая с ними в постыдные связи", – говорит современник Тертуллиан. Все встречающиеся в нашей статье ссылки на Тертуллиана относятся к его трактату "О зрелищах" (*De spectaculis*). ***** Кожевников. Нравственное и умственное развитие римского общества во II веке. С. 272–273. Козлов, 1874. ***** "Пчела", № 34. "Очерки древнерим. нравов".

Все это так странно, противоестественно, дико, что один современник, выражая весь ужас и удивление при взгляде на эти кровавые игрища, восклицает: "Если обратишь свои взоры к городам, то найдешь шумное многолюдство, более жалкое, нежели всякая пустыня. Готовятся гладиаторские игры, дабы кровью доставить удовольствие прихоти кровожадных глаз. Убивают человека в удовольствие человеку; убийство сделалось обычаем, искусством, наукой: люди не только злодействуют, но и обучают злодействам. Что может быть бесчеловечнее, жесточе? Учат как убивать; и убийцы славны тем, что убивают! Что это такое, скажи мне? Отчего происходит, что отдают себя зверям те, которых никто не осуждал на это? Люди цветущих лет, в блестящих одеждах заживо украшают себя на добровольное погребение, и несчастные еще хвалятся своей гибелью! Вступают в сражение со зверями не за преступление,

Страница 107

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org а по страсти. Отцы смотрят на погибель своих детей; брат с сестрой сидят в партере; сама мать, - что может быть достойнее сожаления? - сама мать покупает для себя место на зрелище, платит за будущие вопли и отчаяние"*.

* Св. Киприан Карфагенский. Письмо к Донату. С. 11 (Твор. Киприана. 1-е изд. Киев. Духовн. академии. Рус. перевод. Т. 1).

Другой род зрелищ составляли театральные представления в нашем смысле этого слова. Древность знала и драму, и трагедию, и комедию. Истинной отчизной театра был не Рим, а Греция. Одаренное живым нравом, племя эллинов чувствовало себя расположенным и способным к этим подражаниям, этим живым картинам жизни человеческой. Справедливость требует заметить, что первоначальная греческая сцена была далеко не та, какой она стала несколько веков позже. Это было представление, имевшее целью увековечение памяти чего-либо; здесь воспроизводили перед глазами граждан великие события истории, первобытные предания Греции, торжество или несчастья ее первых властелинов. Вращаясь в подобных границах, эти драмы представляли некоторую нравственную пользу, они могли иметь благотворное влияние на дух общества, внушая любовь к Отечеству; а совершенное отсутствие женщин на сцене удаляло самый важный источник опасностей для нравов. Но греческий театр с течением времени начал портиться. Под предлогом исправления недостатков и пороков мастерски рисуя их, комедия, а потом и трагедия, наконец, не останавливаются ни перед каким развратом; театр стал школой в мастерстве разврата. В таком испорченном виде греческий театр переходит в Рим и начинает портить нравы в римском народонаселении. Римская драма ничему хорошему не учила зрителей, высоких чувств в них не возбуждала. Вот как характеризуют римскую драму времен римских императоров, т. е. ту драму, которую застало первенствующее христианство: драма на римской почве упала более, чем другие роды поэзии. Эта драма стала мало-помалу пустым упражнением в декламации, внешняя обстановка брала верх над содержанием. При отсутствии истинных драматических талантов серьезная драма была вытеснена из театра, с одной стороны, сладострастными сценами и соблазнительными пантомимами, а с другой стороны, была обременена вошедшей в моду риторикой. Настоящим образцом этого ложного драматизма были дошедшие до нас трагедии Сенеки (не философа). В этих наводящих дрожь пьесах соединяется фантазия мясника со смешным пафосом паяца, и риторическая гладкость стиха не закрывает напыщенного ничтожества характеров; эти пьесы - жалкая сценическая трескотня*. Таким образом, в тогдашней драме не было ничего эстетического. По меньшей мере, это была пустая забава, бесполезная трата времени. По единодушным свидетельствам древних писателей, содержанием сценических представлений была нечистая любовь и другие пороки. Нравственное чувство оскорблялось и попиралось в тогдашнем театре на каждом шагу. От времен Августа и во все время римских императоров в театре господствовала безнравственность. Театр был школой порока и нравственной испорченности как для актеров, так и для зрителей. В театре рассказывались истории об обманутых супругах, говорилось о прелюбодеянии, об интригах влюбленных, выводились сцены из жизни публичных домов. На сцене представлялись только нецеломудренные жены и изнеженные мужчины. Втапывалось в грязь все то, что считалось достойным уважения; смеялись над добродетелью, глумились над богами**. Актер "являлся представителем суеверия, порицателем геройских подвигов, изобразителем убийств, наставником блуда и корыстолюбия, учителем разврата, и, однако же, все восхищались этим". Театры были "аудиториями, где рассказывались срамные ночные дела, где слушатели услаждались произношением гнусных речей"***. На сцене являлись голые купающиеся женщины, плясались сладострастные танцы. Несмотря на то, что актерством занимались лишь люди с самой низкой репутацией, люди потерянные, и те стыдились и краснели, исполняя свою роль перед толпой зрителей****. Оценивая вредное влияние римского театра на народную нравственность, один современник в таких чертах описывает театральные зрелища: "Омерзительные предания об убийствах и кровосмешениях повторяются в живом действии, как события настоящие, дабы учиненное некогда злодейство не вышло из памяти потомства. Преступлениям дают переживать века; всеистребляющему времени не позволяют истреблять память злодейства; пороку не попускают приходить в забвение; давно минувшие мерзости обращаются в живые примеры.

* Шерр. Всеобщая история литературы. С. 116. Перев. Изд. 2-е, 1867. **
Schmidt. Op. cit. S. 81-83. *** Татиан. Речь против эллинов. С. 39
(Сочинения древних апологетов. Пер. о. Преображенского. Изд. 1-е). ****
Schmidt. Op. cit. S. 83.

Присутствуя на комических представлениях, одни повторяют пороки, которые им известны из домашней их жизни; другие учатся, как можно быть порочными. Смотря на прелюбодейство, учатся прелюбодейству; открытое потворство злу располагает к порокам, и женщина, пришедшая на зрелище, может быть, целомудренной, выходит из него бесстыдной. Сколько соблазна в телодвижениях комедиантов! Сколько заразы для нравов! Сколько пищи для разврата! Какое противоестественное и непотребное искусство вырабатывается там! Мужчины превращаются в женщин, так что вся честь и крепость пола бесчестится видом изнеженности тела, и чем кто лучше сумеет преобразиться из мужчины в женщину, тем больше нравится; за большее преступление получает большую похвалу, и чем становится гнуснее, тем считается искуснее. Чему не научит подобный человек! Он возбуждает чувство, щекочет страсть, усыпляет самую трезвую совесть доброго сердца; ласкающий порок имеет столько силы, чтобы под внешней приятностью ввести пагубу в человека. Представляют бесстыдную Венеру, неистового Марса; представляют также Юпитера, этого верховного царя вселенной, или, лучше, всех пороков, как он вместе со своими молниями горит страстью земной любви. Может ли тот, кто на все это смотрит, быть человеком честным, целомудренным?! Несчастные! Они боготворят и сами страсти"*.

* Св. Киприан Карфагенский. Письмо к Донату. С. 12-13.

Третий род зрелищ представляли конские ристалища, лошадиные скачки. Они являли собой самое невинное из числа других языческих развлечений. Но и они с точки зрения высшей нравственности представлялись небезупречными. Они не только вселяли в душу рассеянность, приводили к пустословию и празднословию, но и часто вели к ссорам, раздорам, дракам и даже убийствам. Предводители конских ристалищ делились на партии, всячески домогались первенства над другими партиями, употребляли в дело интригу, старались всячески вредить противоположной партии, вносили в народ распри, убийства, смертоубийства, словом - и они нравственно растлевали общество, хотя и не в такой степени, как гладиаторские игры и театры, более косвенным путем.

Для вождей христианского общества все перечисленные зрелища в особенности потому казались возмутительными, что они были пропитаны языческим религиозным характером. "Театр опирался на храм, а зрелища составляли часть самой языческой религии". Язычники изобрели зрелища, язычники были страстными их любителями; содержание сценических пьес заимствовалось из языческой мифологии; обстановка зрелищ носила отпечаток идолослужения. Один современник, говоря о идолослужесном направлении тех зрелищ, всех вообще, пишет: "какое зрелище без идола? какое игрище без жертвоприношения? какое состязание не посвящено кому-либо из умерших? Идолослужение есть мать всех игрищ. Таким образом, хитрец дьявол, зная, что идолослужение само по себе может показаться отвратительным, соединил его со зрелищами, чтобы заставить полюбить их ради наслаждения"*.

В частности, каждое из рассмотренных нами выше родов зрелищ, по свидетельству современников, было связано с языческим поклонением тому или иному божеству. Цирк, где происходили гладиаторские игры, наполнен был языческими изображениями. Он посвящен был Солнцу как божеству. Посреди цирка устраивался алтарь, наверху которого утверждался лучезарный образ Солнца. Цирцею считали учредительницей этих зрелищ. Со всех сторон цирка виднелись образы различных языческих богов. Вот стоят овалы фигуры: это фигуры Кастора и Поллукса; этих близнецов, родившихся от Юпитера, когда он превращался в лебедя. Вот дельфины, посвященные Нептуну. Огромные колонны, поддерживающие статуи, заимствуют свое наименование тоже от языческих богов. Перед этими колоннами утверждены три жертвенника, посвященные трем римским божествам. Театральные зрелища также тесно связывались с языческими верованиями. Театр был посвящен богине Венере, - театральными представлениями хотели воздавать ей честь. "Театр есть собственно храм Венеры". Театр не только был посвящен богине любви Венере, но и богу вина Бахусу. Бахус считался учредителем этого рода

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org зрелищ. Театр, таким образом, есть "чертог Венеры, а вместе и гостиница Бахуса". В театр, так же как и в цирк, язычник являлся не иначе, как по выходе из языческого храма, по изобильном употреблении там воскурений и по орошении жертвенников кровью множества жертв. Зрелища конских ристаний, наконец, также пропитаны были языческим суеверием. Они считались находящимися под покровительством Кастора и Поллукса, а также Нептуна. Колесницы, запряженные четырьмя конями, посвящены были Солнцу, а запряженные двумя – Луне. Возницы при колесницах одевались в накидки различных цветов: белого, зеленого, красного, голубого, которые были посвящены различным богам: Марсу и другим**.

* Св. Киприан Карфагенский. Книга о зрелищах. С. 341–342. Том I. Изд. 1-е Творений Киприана в русск. переводе при Киевской Духовн. академии. ** Тертуллиан. Гл. IX – XIII.

Зрелища были очень популярны в римском народонаселении, толпа охотно посещала их. Они сделались такой же потребностью, как хлеб. Правительство поощряло их и покровительствовало им. В особенности это нужно сказать о гладиаторских играх. Во времена Империи эти увеселения стали неотъемлемым правом столичной черни. Государи обязывали высших сановников периодически давать игры и травли; сами они также были чрезвычайно щедры в этом отношении. Мало-помалу римское общество до того сроднилось с этими зрелищами, что даже гуманные языческие императоры не были в состоянии их ограничить. Так игры, данные императором Траяном после Дунайского похода, отличались беспримерным великолепием и продолжались четыре месяца, в течение которых сражалось до 10 000 человек. Из столицы мода на гладиаторские игры перешла и в провинции. Зрелища производили на толпу глубокое впечатление. Уже одно объявление о представлении приводило ее в чрезвычайное волнение. Громадные массы народа, для которых даже Колизей был тесен, спешили еще ночью к месту боя, происходившего обычно утром. Дурная погода и та не в силах была разогнать этих людей, наряжавшихся и веселившихся как в величайший праздник*. Подобно шумящим горным потокам, низвергающимся в море, отовсюду стремятся народные волны к месту боя: патриции на носилках, клиенты и женщины на особом рода седалищах, юноши верхом на лошадях. Господа, рабы, старики, дети, богатые, даже больные и калеки, забывая в этот день о своих немощах, наполняют улицы и смешиваются с шумящей толпой**. Потрясающим образом действовали на воображение колоссальность и великолепные арены, роскошное убранство богачей и пр. Изумленный взор прежде всего окидывает пространство внизу, где должно происходить побоище; затем поднимается выше по многочисленным уступам сидений, занятых многими тысячами зрителей, явившихся, чтобы присутствовать с необузданным любопытством при сценах беспримерного презрения к жизни и дикой отваги. Треножки, дымящиеся аравийскими благовониями, соединенные между собой гирилами из роз, украшают колонны и столбы; порталы увенчаны блестящими арматурами из военных трофеев. Сиракузские ковры роскошными складками перекинута через спинки сидений и ramпы и опускаются своей бахромой в бассейны, в которые изливается вода из исполинских львиных голов. Пустых мест не видно***. "Надобно сознаться, – говорит христианский писатель III в.****, – что постановка игрищ цирка – действительно великолепнейшее зрелище: доказательством тому служит безмерное количество статуй, несметное число картин, блеск и пышность колесниц, носилок, венков и всяких других украшений. Сверх того, сколько церемоний, сколько жертвоприношений предшествует, сопровождает и оканчивает эти игрища! Сколько движется жрецов, приставов, воинов!" Все это привлекало, завлекало и увлекало толпу. Зрелища пленяли язычника.

* Кожевников. Указ. соч. С. 271–272 ** "Пчела", № 33. "Очерки древнерим. нравов". *** "Пчела". Там же. **** Тертуллиан. Гл. V и сл.

Увлекались зрелищами язычники, а за ними, к прискорбию Церкви, и христиане. Живя среди общества язычников, до страсти любивших театр, и часто только что выйдя из этой среды, христиане соревновали язычникам в посещении зрелищ. То необычайное воодушевление, с которым Тертуллиан и св. Киприан

Страница 110

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org писали против зрелищ, остерегая от них христиан, показывает, что для слабых из христиан с этой стороны грозила немалая опасность. Тертуллиан с сожалением заметил, что удовольствия театра имели такую притягательную силу, что ими увлекались не только глупцы, но и мудрейшие люди. Киприан, наблюдая нравы христиан середины III в., писал, что некоторые христиане постыдно, до самозабвения привязывались к зрелищам. Он свидетельствует, что некоторые так страстно любили зрелища, что по выходе из храма устремлялись на них с евхаристическими дарами, которые раздавались для домашнего причащения, но которые они забывали или даже не находили времени занести домой*.

* Св. Киприан Карфагенский. О зрелищах. С. 343.

Так было в III в., когда христиане заботливо избегали язычников и языческих учреждений, когда чистота христианской жизни сохранялась с особенной ревностью, когда, по свидетельству Тертуллиана, истинный христианин тем и отличается от христианина не истинного, что первый не посещал зрелищ. Но что же было позднее? Как стали относиться христиане к зрелищам в то время, когда язычество пало, когда язычество перестало быть для христиан страшным врагом, т.е. с IV века? Зрелища еще более стали интересовать и пленять христиан. По выражению одного новейшего историка, в IV в. "житель Константинополя и Антиохии, двух восточных столиц, оставаясь христианином во всем прочем, готовый на все для защиты христианства, являлся чистым язычником в тот день, когда назначались игры цирка; страсть к удовольствию заставляла его забывать в это время все обязательства религии"*.

* Broglie. L'église et l'empire Romain, au IV siècle. P. 141. Deuxième part. Paris, 1859.

Правда, во времена христианских императоров, с IV в., зрелища в некоторых отношениях теряют свой отталкивающий идолопоклоннический характер. Так, теперь запрещены были на зрелищах призывания богов, возлияния в их честь, жертвы в их умилоствление; исчезли в театрах алтари и идола. Но во всем прочем театры и во времена христианских императоров продолжали удерживать языческую окраску, и очень густую. Трагедия и пантомима, сделавшая господствующей в театре, брали содержание для себя, как и прежде, так и в настоящее время из походов языческих богов и героев. Какие роли на театральных подмостках разыгрывают актеры? Юпитера и Юноны, Марса и Венеры, Плутона и Прозерпины, Аполлона и Дафны, Язона и Медеи, Геркулеса и Тесея и пр. Хоры, сопровождавшие пантомимы и своим пением пояснявшие ход пьесы, что естественно, повторяли имена и сказания из языческой мифологии.

Театры описываемого времени, как почти всегда, были рассчитаны на то, чтобы воспламенить чувственность, будить и поддерживать низкие страсти в человеке; игры цирка по-прежнему ничего другого не внушали, кроме чувства жестокости и бесчеловечия*. Все это шло вразрез со святыми заповедями христианства.

* Chastel. Histoire de la destruction du paganisme dans l'empire d'orient. Paris, 1850. P. 208-211.

С какой страстью христиане устремлялись на эти зрелища в эпоху Церкви с Константина Великого, об этом засвидетельствовал страстный обличитель христиан IV и V вв. за их приверженность к зрелищам, св. Иоанн Златоуст. По его уверению, христиане шумной, беспорядочной толпой спешили на зрелища, не разбирая дней недели, забывая дни поста; не довольствуясь тем, чтобы побывать в театре один день, туда же стремились и на другой день и увлекали с собой невинных детей. Вот слова Златоуста относительно этого предмета: христиане "побежали смотреть на состязания и впали в такое неистовство, что

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org наполнили весь город непристойным шумом и криком, возбуждающим смех или, лучше, плач. Даже и самого дня вы не постыдились, – обличает он любителей театра, – дня, в который совершилось знамение спасения рода нашего; но в пятницу, когда Господь твой распят за вселенную, когда принесена такая жертва, и отверст рай, и клятва разрешена, и грех уничтожен, в тот день, когда следовало поститься, славословить и возносить благодарственные молитвы, тогда ты, оставив церковь, и жертву духовную, и собрание братьев, и забыв важность поста, отдался в плен дьяволу и повлекся на то зрелище. И недостаточно тебе было одного дня, но и на другой день, когда следовало бы немного отдохнуть от прежнего нечестия, ты опять пошел на зрелище, из дыма бросившись в пламя. Старцы посрамили свои седины, юноши подвергли опасности свою юность, отцы привели туда своих детей, ввергая их в самом начале невинного возраста в пропасть нечестия, так что не погрешил бы тот, кто назвал бы их не отцами, а детоубийцами. Потому в особенности и скорблю я, что ты, находясь в болезни, не чувствуешь, что ты болен и не ищешь врача"*.

* Св. Иоанн Златоуст. Слово против зрелищ. С. 338–341 (Слова и беседы на разные случаи. Т. II. Изд. Петерб. Духовной акад.).

После всего сказанного понятно, почему отцы и учителя древней Церкви относились к зрелищам с такой неумолимой строгостью. Христианство и театр были вещами несоединимыми!

II

Различные возражения в пользу театра; разбор их христианскими писателями древней Церкви.

Отцы и учителя Церкви первохристианских веков берут на себя священную задачу отклонить частью язычников, а главное самих христиан от всякого посещения и участия в зрелищах. Они хотели отучить человека от пустых развлечений, поражаемых праздностью, когда всей жизни человеческой недостаточно для того, чтобы приготовить себя к достойному вступлению в Царство Христово. Но эта задача отцов и учителей на деле оказалась нелегкой. Языческий мир слишком сильно влиял на христианское общество, и пастыри Церкви встречали противодействие своим воззрениям там, где меньше всего можно было ожидать этого, – в самих христианах.

Между христианами нашлось немало пустых софистов, которые встретили учение своих пастырей о зрелищах многими возражениями, направленными в защиту зрелищ. Этих возражений не оставляли без ответа отцы и учителя Церкви. Возражения эти остаются имеющими значение и для настоящего времени, потому что любители театров защищают себя в своем пристрастии к зрелищам такими же рассуждениями, как и древние христиане, случается – даже буквально схожими.

Некоторые из христиан III в. не только не находили в Св. Писании запрещения ходить на зрелища, но и усиливались отыскать в нем мысли, благоприятствующие их склонностям. "Где, – говорили они, – написано об этом (т.е. против театров)? Где запрещено? Ведь и Илия представляется возницей Израилевым, и сам Давид скакал перед ковчегом; также читаем о гусях, трубах, тимпанах, свирелях, арфах и хорах. Да и апостол, ополчая нас на брань, предлагает против духов злобы орудия, обыкновенно употребляемые борцами; он же, когда берет примеры от ристалищ, между наградами помещает венцы, – и прибавляли, что само слово театрупотребляется в Св. Писании, именно когда апостол говорит о позорище (1 Кор. 9, 24). Почему же человеку верующему, христианину, – замечали совопросники, – нельзя смотреть на то, о чем позволительно было говорить в Св. Писании?"

Св. Киприан так отвечает на это возражение в пользу театра: "На это я сказал бы, что подобным людям гораздо лучше вовсе не знать Писание, чем понимать его таким образом, потому что выражения и примеры, которые представлены у апостола для поощрения в евангельской добродетели, обращаются ими к защите пороков, тогда как они изложены в Писании не для того, чтобы приохотить к зрелищам, но чтобы через них душа воспламенялась большим стремлением к предметам полезным, припоминая подобные стремления у язычников к предметам бесполезным. Выражения и предметы, указываемые апостолом, должны побуждать к добродетели, имея в виду божественные

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org награды, потому что из-за тяжести трудов и болезней можно достигнуть вечных выгод. А что Илия представляется возницей Израилевым, в этом нет никакой опоры для посещения цирков, потому что он не ристал ни в каком цирке. И что Давид плясал перед лицом Божиим, это несколько не оправдывает верных христиан, присутствующих в театре, потому что он не употреблял при этом бесстыдных телодвижений и его пляска не была страстным греческим танцем. Гусли, трубы, свирели и арфы у Давида воспевали Бога, а не идола". Неупоминание в Св. Писании запрещения зрелищ, пишет далее Киприан, не означает позволительности посещать зрелища. "Щадя стыдливость, - замечает св. отец, - Писание потому особенно и запрещает что-либо, что совсем умалчивает о нем. И о том, о чем умолчано, говорит вместо заповедей и разум, и строгий взгляд на дело"*.

* Св. Киприан Карфагенский. О зрелищах. С. 339-341.

Другие поклонники театральных удовольствий настойчиво и решительно требовали доказательств против театров, какие бы находились в Св. Писании, - требовали "точных слов Писания", запрещающих зрелища; без этого им казалось неосновательным отказываться от того, что не запрещено Богом. Это были привязчивые буквалисты, которые на место духа Писания ставили букву его. Они не столько сами хотели выйти из сомнения, сколько других хотели поставить в затруднение и в этом находить свое торжество. Отвечать убедительно таким лицам было невозможно, коль скоро Писание молчит о зрелищах. И учитель Церкви Тертуллиан, которому приходилось иметь дело с такими притязательными христианами, мог отвечать только косвенным указанием на непозволительность театра для христианина, по учению Писания. Тертуллиан пишет: "Правда, что мы не находим буквального запрещения не ходить в цирк, в театр, на ристалище, подобно тому как имеем повеление не убивать, не поклоняться идолам, не красть, не прелюбодействовать (Исх. 20). Но мы встречаем достаточное на этот счет запрещение в начале первого псалма Давида: "Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе"". Хотя пророк Давид тут, по-видимому, говорит собственно о праведнике, не принимающем участия в нечестивом совете иудеев, беспрестанно возмущавшихся против Господа своего, но Св. Писание включает в себе многие смыслы. Поэтому слова Давида могут прямо относиться к запрещению присутствовать на зрелищах. И в самом деле, наименование совет нечестивых разве не приличествует бесчисленному собранию язычников на зрелищах? Слово Давида, по Тертуллиану, имеет большое отношение к зрелищам. В амфитеатре устроены, по его толкованию, пути или проходы, чтобы смотреть на зрелища: путями называется множество ступеней, разделяющих народ от патрициев; а места, где роскошно лежат сенаторы, называются седалищами. Общую мысль пророка можно прилагать и к частному случаю, - нечестивому собранию на зрелищах"*.

* Тертуллиан. Гл. III - IV.

Нужно сказать, что была особая причина, вследствие которой ни в Ветхом, ни в Новом Завете не встречается прямых заповедей относительно зрелищ. В Ветхом Завете нет упоминаний потому, что иудеи не знали театров. А в новозаветном Писании нет указаний на театры потому, что новозаветные писатели не имели поводов и достаточных побуждений говорить о них, обличая вообще свойственные язычникам пороки.

Новый вид защитников театра представляли те, кто, являя собой людей, отличавшихся широтой воззрений, хотели находить оправдание театральных зрелищ в идее о творческой благодати Господа. Это были чистейшие софисты, которые едва ли чистосердечно верили тому, что они говорили. Они просто хотели злоупотреблять религиозными понятиями. Недаром Тертуллиан называет это возражение "пустым предлогом, хоть и приводимым очень многими". "Бог, - говорили подобные диалектики, - сотворил все вещи в мире и отдал их в дар человеку. А так как все вещи суть благо, потому что Создатель их существенно благ, то в число этих вещей надобно включить и все то, что относится к зрелищам; каковы суть: цирк, львы, сила телесная, приятность

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org голоса. Нельзя почитать противным воле Божьей то, что Сам Он сотворил. Стало быть, служители Божьи не должны избегать того, чего Господь их не ненавидит. Таким образом, нельзя утверждать, чтобы Господь осуждал амфитеатры, потому что Им сотворены и камень, и цемент, и мрамор, и колонны". В ответ на эти возражения Тертуллиан раскрывает мысль, что все вещи, сотворенные Богом, могут быть и благом, но могут быть и злом, смотря по тому, во благо или во зло употребляет их человек. "Столько дурных дел, - говорит Тертуллиан, - строго запрещаемых самими язычниками, не производится ли посредством тех же вещей, которые создал Бог? Хотите ли совершить убийство, - вы можете избрать для того или меч, или яд, или волхование. Но меч, равно как и ядовитые травы, и злые ангелы, не творения ли Божьи? Думаете ли вы, однако же, что Бог произвел эти твари на тот случай, чтобы умещать людей? Равным образом, кто сотворил золото, серебро, медь, слоновую кость, дерево и все другие вещи, из которых делаются идола, и кто произвел металлы, как не Тот, Кто создал землю? Но для того ли дал Он им существование, чтобы люди боготворили их вместо него? Вещи, служащие к оскорблению Бога, созданы от Него же, но употребление, делаемое из них для оскорбления Бога, не есть уже дело Божие"*.

* Тертуллиан. Гл. II.

К разряду подобных же софистических возражателей в пользу театров относились и те из плотских христиан, которые строили ложный силлогизм: что не причиняет нечистоты Божеству, то не оскверняет и человека. Бог же с высоты небес смотрит на зрелища, следовательно, они позволительны людям. - Это были, очевидно, люди, у которых язык был остер, но христианских чувств было очень немного. "Недавно, - пишет Тертуллиан, - слышал я человека, рассуждающего следующим образом: не только солнце, но и Сам Бог смотрит комедию, на сражение гладиаторов, на прочие игры* и от этого не получает никакой нечистоты". Это возражение церковный учитель очень искусно обращает против самих же совопросников. Он дает им знать, что тем хуже для тех, кто утверждает это, если Бог взирает на человеческие увеселения. "Если бы Бог не взирал на наши преступления и позорные дела, то, может быть, не подвергались бы мы тогда и строгости суда Его. Но увы! Он видит их. Он не может не видеть наших грабежей, наших обманов, наших прелюбодеяний, наших неправд, наших зрелищ; потому-то мы и не должны на этих последних присутствовать, чтобы не увидел нас Тот, Кто все видит".

* Нужно помнить, что древние зрелища происходили под открытым небом.

Являлись еще возражатели в пользу своих склонностей к театру, но это были в сравнении с прежними возражателями люди скромные. Они не столько оспаривали мысль о запрещении театра для христианина, сколько просили разрешить и позволить им пользоваться подобными удовольствиями. Они не осмеливались доказывать, что театры по своему характеру вполне приличны для христиан, но они утверждали, что если присутствовать на зрелищах со страхом Божьим, то греховное не пристанет к человеку. Эти люди рассуждали так: "Нет ничего противного религии в том удовольствии, которое дается для глаз и слуха. Бог не может, - замечали они, - оскорбляться таким увеселением, среди которого человек сохраняет страх и должное почтение к Господу своему"*.

Тертуллиан называет подобное умствование "мечтой" и все сочинение свое "О зрелищах" направляет к тому, чтобы доказать, что нельзя служить двум господам: и Богу, и зрелищам. Один из самых сильных аргументов против театров он указывает в обетах, даваемых христианином на таинстве крещения. "Вступая в крестную купель, - пишет он, - мы исповедуем христианскую веру и вместе с тем торжественно обещаем отречься от сатаны и всех дел его. Где же дьявол более господствует со своими сообщниками, как не в идолопоклонстве? Не тут ли престол нечистого духа и седалище злочестия? А между тем, все устройство зрелищ основано на идолопоклонстве"*.

И для того времени, когда писал Тертуллиан, он был вполне прав в этих своих суждениях. Возражатели, при виде этого рассуждения, должны были оставаться безмолвными.

* Тертуллиан. Гл. I. ** Там же. Гл. IV.

Другие доводы в защиту зрелищ опирались не на религиозных основаниях, как это мы видим у совопросников, с которыми христианские писатели имели дело донныне, но на основаниях и соображениях чисто человеческих, мирских. Они возражали с точки зрения, так сказать, общественного права. Эти развивали мысль, что нет ничего дурного смотреть на гладиаторские игры, – речь исключительно о них, – где подвергаются смерти люди преступные, заслуживающие законной казни. Ответ Тертуллиана прекрасен, он дышит всей полнотой христианской гуманности. "Что злодеи должны быть наказываемы, – говорит он, – кто станет о том спорить, исключая самих злодеев? Я согласен с этим; но согласитесь же и с тем, что доброму человеку нельзя любоваться казнью человека злого: он скорее должен скорбеть о том, что подобный ему человек имеет несчастье впасть в преступление, заслуживающее строгого наказания!" Кроме того, Тертуллиан не соглашается с общей мыслью, заключающейся в возражении, что для гладиаторских игр употребляются одни преступники. Он спрашивает: "Впрочем, можно ли ручаться за то, чтобы одни только виновные предавались на растерзание зверям? Не случается ли, что и невинные к тому приговариваются или по злобе судьи, или по небрежности адвоката, или по неправильности судопроизводства? Нет сомнения, что из числа гладиаторов есть и невинные люди, приносимые в жертву удовольствию публики". (Так случилось, например, с христианами во время гонений.) Были и еще иные защитники театров с мирской точки зрения, с которыми вступает в состязание Тертуллиан. Их позволительно называть светскими фатами. Они указывали на театр как на училище изящных манер; они утверждали, что театры существуют "для научения вежливости и науки жить в свете". Таким христианский писатель отвечает кратко, но умно. "Нам, христианам, надлежит презирать эту светскую науку, которая есть безумие перед Богом". "Разве ты можешь восхищаться наукой, выдуманной празднотлюбивыми греками, подделывать или подкрашивать свое тело на манер чучел, как бы для того, чтобы изменить то тело, которое Бог нам даровал? Нет!" Тертуллиан стоит за естественность в манерах человека, в противность всякой театральной искусственности.

"Итак, – заключает Тертуллиан разбор возражений о театре, – не легковерна ли, не жалка ли отговорка людей, желающих под пустыми предложениями уверить себя, что подобные удовольствия им не запрещаются?"

III

Мнения языческих писателей о театре. – Общая черта в зрелищах, осуждаемая христианами. – Мысли св. отцов и учителей Церкви о гладиаторских играх. – Суждения их о разного рода театральных представлениях. – Взгляд их на конские ристалища. – Какие зрелища достойны христианина?

Приступаем к главной задаче нашего очерка – к изложению мыслей св. отцов и учителей Церкви о зрелищах. Их суждения относительно этого предмета сводятся к тому, чтобы побудить верных сынов христианского общества удалиться от зрелищ. Мысли решительны и строги.

Тем не менее, воззрения их на это дело не следует считать излишне строгими, излишне требовательными. Потому что и лучшие из языческих писателей с неприязнью смотрели на театр, не верили в благодетельное действие его на общество. Знаменитый философ Платон, начертывая в своих сочинениях идеал образцового государства, не дает в этом государстве места ни комедии, ни трагедии, так как они представлялись ему опасными как для актеров, так и для зрителей. Само искусство комедианта, по его мнению, вводит в человеческую жизнь элемент пустоты, недостойной человека и прямо противоположной простоте нравов. Он боялся, чтобы желание представлять человеческие страсти не породило желания развивать в душе то, что на сцене стараются представить словами и действиями. Театр, по нему, возбуждает в трагедии слабую и чувствительную сторону нашего существа, льстит (в комедии) желаниям человека издеваться над другими. Он заключает поэтому, что зрелища могут только поддерживать и увеличивать то, что есть в нас самого дурного. Аристотель считает театр опасным, по крайней мере, для юношества. Римский писатель Цицерон тоже не очень одобрительно смотрел на театр. Он говорил: "Если бы мы не одобряли преступлений, то комедия не могла бы существовать". Несколько веков позже император Юлиан говорил о

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org зрелищах с ужасом и презрением и запрещал языческим жрецам присутствовать на них. Римские поэты также считали действие театра вредным. Овидий, не будучи строго нравственным поэтом, однако, говорит: "Что другое видим здесь, - речь идет о комедии, - как не преступление, одетое в нарядную одежду? Отец и дети, мать и дочь, важные сенаторы услаждаются зрелищем, устремляют свои глаза на бесстыдную сцену, настраивают уши для слушания соблазнительных стихов. Чем более поэт способен портить нравы, тем лучше он награждается; правительство осыпает золотом преступления автора"*.

* Скворцов. Трактат Тертуллиана о зрелищах. Перев. с франц. С. 324 - 326 (Труды киев. Духовн. акад. 1865. Т. II).

Следовательно, если христианские писатели осуждают театр, то они в этом случае идут рука об руку с лучшими людьми в язычестве, людьми беспристрастными, поскольку театр есть чисто языческое явление.

Воззрения св. отцов и учителей Церкви на зрелища отличаются многосторонностью, глубоким психологическим анализом, строгой верностью евангельскому духу, убедительностью для всех времен.

Общую мысль о несообразности с достоинством христианина посещать зрелища прекрасно раскрывает Тертуллиан, когда показывает, как много развлечение какими бы то ни было зрелищами вредит собранности духа, бдительности над собой, какие требуются от христианина. Вот его суждения: "Бог повелевает нам чтить Св. Духа со всякимъ смиренномудріемъ, кротостью и долготерпениемъ, тщаяся блюсти единение духа въ союзек міра (Еф. 4, 2-3); напротив, строго воспрещает оскорблять того же Духа Св., говоря: всяка горестъ, и гневъ, и ярость, и кличь, и хула, да возмется отъ васъ со всякою злобою (Еф. 4, 31). Каким же образом согласить все это с зрелищами, тревожащими и так сильно возмущающими дух наш? Где удовольствие, там и страсть, без чего всякое удовольствие неприятно; а где страсть, там и соревнование. Соревнование же приносит с собой ссоры, споры, гнев, бешенство, огорчение и все другие подобные страсти, ничего общего не имеющие с обязанностями нашей религии. Положим, что кто-либо мог бы присутствовать на зрелище, соблюдая степенность и скромность, приличные его званию, летам, характеру; но и тут весьма трудно душе пребывать спокойной и не чувствовать смятения или тайного какого-либо волнения. Нельзя быть на этих увеселениях, не имея в себе какой-либо страсти, и нельзя иметь страсти, не почувствовав производимого ей на душу действия. С другой стороны, если нет страсти, то нет и удовольствия, и тогда человек остается в печальной бесполезности, находясь там, где нечего ему делать. Вообще всякое суетное бесполезное деяние кажется неприлично для христиан. Человек сам себя осуждает, поступая заодно с людьми, которым не хочет быть подобен. Для нас не довольно того, чтобы не делать зла; нам не должно иметь общения с теми, кто его делает"*.

* Тертуллиан. Гл. XV.

Теперь изложим, как смотрят христианские писатели в частности на тот и другой род зрелищ, наиболее распространенных в то время в Римской империи, - на гладиаторские игры, комические и трагические представления, конские ристалища, - какими доводами хотят они предостеречь и удержать христиан от посещения подобного рода зрелищ.

Как смотрят христианские писатели древней Церкви на гладиаторские игры? Несоответствие между христианским призванием и зрелищем этих игр ясно бросается в глаза. Прежде всего, по их воззрению, эти игры поселяли в душе христианина пустоту, рассеянность, давали повод к празднословию, шумным неприличным восторгам, а затем к ссорам и распрям. Тертуллиан пишет: "Когда нам запрещено предаваться ярости, то с тем вместе запрещены для нас и всякого рода зрелища, особенно цирк, где ярость главнейше господствует. Посмотрите на народ, спешащий вне себя к тому месту, где будет происходить зрелище; посмотрите на него, в каком он находится смятении, волнении,

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org одурении, выжидая нетерпеливо, кто останется победителем. Что-то претор замешкался. Зрители как бы сами привлечены к жребию. Каждый рассказывает свои бредни. Судите о их безумии по их рассказам. Каждый пересказывает соседу своему то, что сам сосед уже видел. Это какое-то ослепление. Потом начинают горячиться, беситься, ссориться, творить все то, что строго запрещено ученикам Бога мира. Сколько они произносят проклятий, сколько делают обид ближнему без всякого оправдания, сколько воздают похвалы и одобрения недостойным! Но какой пользы зрители могут ожидать для себя, когда находятся вне себя? Они скорбят о несчастье других, радуются счастьем других: все, чего они желают, все, что клянут - их не касается. Их пристрастие суетно, ненависть несправедлива. Если какой-либо из буйных поступков позволителен христианам, то он позволителен им и в цирке; если же Тертуллиану, производят в человеке путаницу нравственных понятий; мысли о правосудии, человеколюбию извращаются, чувство сострадания получает ложное представление. Человек вовсе теряет себя. Что видел зритель в цирке? "кто за долг себе поставляет укрощать буйных людей, тот одобряет атлетов, когда они на позорище друг другу наносят кровавые раны. Кто ужасается, глядя на труп человека, умершего обыкновенной смертью, тот в амфитеатре находит удовольствие пресыщать свои взоры, смотря на тело, члены которого, изорванные в куски, плавают в излившейся из него крови. Кто по обязанности своей (судьи) должен присутствовать в амфитеатре для наказания человекоубийцы, тот сам ведет туда на убой жалкого раба (невинного), погоняя его палочными ударами (т. е. таковой сам является человекоубийцей). Кто хочет и требует, чтобы каждый убийца был предан казни на растерзание льву, тот просит о даровании свободы гладиатору в награду за то, что он вышел из сражения победителем; в случае же его смерти, изъявляет о нем чувствительное сожаление и сострадание, хотя сам же был орудием его смерти и не оказал к нему с самого начала ни малейшего человеколюбия". Цирк, далее, неприличен христианину потому, что он воспитывает в душе грубые инстинкты, приучает к жестокости и свирепости. Св. Киприан, еп. Карфагенский, пишет: "Для казни человека выкармливается дикий зверь, чтобы он как можно свирепее неистовствовал перед глазами зрителей; искусник учит зверя, который, может быть, был бы гораздо смирнее, если бы хозяин не учил его свирепствовать. Таким образом, в числе удовольствий предлагается смерть некоторых, чтобы посредством кровавого зрелища научиться жестокости, как будто мало у человека своего собственного неистовства, чтобы не учиться тому публично"**. Цирки, по учению христианских писателей, внушают человеку чувство кровожадности, извращают совесть. Эти писатели, с точки зрения евангельского закона, прямо объявляют убийцами тех, кто с удовольствием и наслаждением смотрит на смерть себе подобных. Глубокой прочувзованностью отличаются слова Лактанция, писателя конца III и начала IV в., сказанные по этому поводу. "кто с удовольствием смотрит, когда умерщвляется человек, тот оскверняет свою совесть, хотя бы этот человек был действительно достоин смерти и осужден на казнь по закону. Он почти столько же виновен, как если бы принимал участие в убийствах, тайно совершаемых. Подобного рода люди называют игрищами те упражнения, где проливается кровь. Одни до того лишены чувства человеколюбия, что думают играть и веселиться, умерщвляя других людей. Они, без сомнения, виновнее тех самых, пролитием крови которых наслаждаются. Желал бы я, чтобы мне кто сказал, имеют ли жалость и правосудие те, кто не только позволяют выводить на смерть людей, просящих у них пощады, но будучи недовольны ранами, им причиняемыми, и кровью, из их ран текущей, требуют, чтобы они были добиты насмерть; а чтобы кто не спасся, притворяясь мертвым, вопиют, чтобы были заколоты бедняги, лежащие на земле и покрытые язвами. Они сердятся, когда гладиаторы долго сражаются, не умерщвляя себя, и как бы томясь жаждой крови, кричат, чтобы были приведены другие, посильнее. Этот жестокий обычай отнимает всякие чувства человечности. Кто прилепится к нему, тот не щадит уже невинных и весьма рад видеть, чтобы со всем светом поступали бы таким же образом, как с преступниками. Желющие идти по пути правды должны всемерно остерегаться принимать участие в этих публичных убийствах"***. Представляя себе всю несоизмеримость обязанностей христианина и пристрастия к посещению цирков, воодушевленный Тертуллиан молит и Бога, умоляя и христиан: Того, чтобы Он отнял у них желание бывать на подобных зрелищах, - этих, чтобы они помнили, что они слуги Господни, а театр - храм дьявола. Приведем внушительные слова Карфагенского учителя. Он спрашивает: "Смотря на двух атлетов, окровавливающих друг друга ударами, удобно ли вспоминать сделанное нам запрещение воздавать злом на зло? Можно ли научиться кротости и человеколюбию и услаждаться видом людей, терзаемых медведем, или видом двух гладиаторов, сцепившихся один с другим и обтирающих кровь? Боже милосердный! Избавь служителей Твоих от пожеланий участвовать в столь

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org гибельных увеселениях! О, братья любезные! Вникните, что мы делаем, переходя из церкви Божьей в храм дьявола, из священного места в злочестивое место, из сияния небес, так сказать, в тину земную. Руки, поднимаемые к Господу, спустя минуту утомляем мы на одобрение шутов; устами, произносившими аминь при совершении богослужения, восхваляем мы гладиатора в амфитатре". Таким образом, предписаниями христианских писателей вход в цирки на гладиаторские игры совершенно загражден последователям Христа.

* Тертуллиан. Гл. XVI. ** Св. Киприан Карфагенский. О зрелищах. С. 342 (Твор. Киприана. Т. II. Пер. Киев. Духовн. академии). *** Лактанций. Божественные наставления (Divinae Institutiones). Кн. 6, гл. 20.

Столь же сильные порицания и осуждения заслуживают со стороны св. отцов и учителей Церкви и театральные представления в истинном смысле этого слова, разыгрывание разных комедий, трагедий, опереток, а так же игры гимнастов, вычурная виртуозность музыкантов и танцы. Вход христианам на подобные зрелища древние христианские пастыри совершенно не допускают. Киприан Карфагенский своим пасомым прямо объявлял: "Говорю: непозволительно верным христианам, совершенно непозволительно ни присутствовать на зрелищах, ни быть вместе с теми, кого Греция посылает всюду для увеселения слуха, выучив их разным пустым искусствам"*. Борьба Церкви со сценическими представлениями шире и разнообразнее, чем с гладиаторскими играми. Почти каждый знаменитый писатель в древности не упускал случая сказать сильное слово против них. Много глубоких и прекрасных мыслей высказано ими по этому поводу. Такая упорность борьбы, вероятно, зависела от того, что этот род зрелищ наиболее соблазняет христиан; этим последним они казались, вероятно, невинными в сравнении с гладиаторскими играми, а потому на них ходили с меньшей разборчивостью. Мысли отцов и учителей Церкви по поводу сценических представлений замечательны в том отношении, что они с полной правдивостью могут быть повторены и по поводу современных театров.

* Св. Киприан Карфагенский. О зрелищах. С. 344.

Прежде всего, христианские писатели порицают театральные представления за то, что в них, кроме пустоты и суетности, ничего нельзя встретить. Критика театров св. Киприаном с этой стороны особенно разносторонняя и строга. Его описания не чужды справедливой иронии. "Вот один из них (комедиантов), - говорит Киприан, - подражает военному шуму трубы; другой, надувая флейту, извлекает из нее печальные звуки; а тот, схватив с усилием в легкие дыхание и сдержавшись с хорошим и звучным человеческим голосом, перебирает отверстия флейты и, то сдерживая дыхание, то втягивая его внутрь и потом выпуская воздух через известные щели инструмента, и затем прерывая звук на известном колене, неблагодарный художнику, который дал ему язык, силится говорить пальцами! А что сказать о комических бесполезных усилиях, о великих неистовствах трагической речи, о напряжении нервов во время крика? Хотя бы все это и не было посвящено идолам, и тогда верные христиане не должны бы ни посещать этих зрелищ, ни смотреть на них; потому что хотя бы во всем этом и не было бы прямого преступления, однако все же здесь есть величайшая и вовсе неприличная верным пустота. Не явное ли безумие тех, которые людям праздным доставляют занятие бить себя, и которых первая победа состоит в том, чтобы выказать несвойственную человеческому желудку алчу? Несчастное лицо подставляется под удары. К вышесказанному бесстыдству принадлежат и другие, одинаковые по достоинству. Вот человек, у которого переломаны все члены; вот муж, изнеженный и расслабленный более, чем женщина, искусник объясняться жестами; и из-за одного этого, не то мужчины, не то женщины, приходит в движение весь город"*. Тертуллиан, со своей стороны, также находит много мелочного, тщеславного, суетного в обстановке театральных представлений. Зрители, мужчины и женщины, являются "в театр в блестящих и чрезвычайных украшениях; между ними ведутся разговоры, сообразно с местом, не отличающиеся скромностью. Прибавьте к этому, - замечает он, - что первая мысль при входе на зрелище состоит в том, чтобы других посмотреть и себя показать". "Благоговей к религии, - внушительно говорит Тертуллиан, - ты не станешь одобрять безумного бега и бешеных схваток, сопровождающих игру в

* Св. Киприан Карфагенский. О зрелищах. С. 344–345.

Итак, по учению христианских писателей, посещение театров есть занятие пустое, суетное, несообразное с высотой человеческого призвания. Но этим указана лишь малая часть того вреда, который приносит театр христианину. Театр, по воззрению христианских учителей, пагубен потому, что он учит распутству, разжигает сладострастие, приводит к бесстыдству. Эту мысль, главным образом, и развивают христианские пастыри, обличавшие театральные представления.

Начнем с Тертуллиана. Этот древнейший порицатель театра исполнен решительного негодования на сценические представления. Он рисует перед нами театр, каким он был в его время (нач. III в.), не находя в нем ничего другого, кроме безнравственности, и оценивает его влияние на душу зрителя.

"Вероятно ли, чтобы христианин-беглец (он не хотел признать и христианином того, кто посещал театр) действительно помышлял о Боге в такое время и в таком месте, где ничто не напоминает ему присутствия Его?" – спрашивает он у любителя театра и отвечает отрицательно. "Нам велено отрезаться от всякого рода нечистоты, – пишет Тертуллиан, – стало быть, для нас должен быть заперт и театр, который составляет, так сказать, седалище бесстыдства, где ничему иному нельзя научиться, как только тому, что повсеместно не одобряется. Величайшая прелесть театра состоит обыкновенно в представлении всякого рода позора. Позор этот выводит на сцену тосканец своими нескромными телодвижениями, или комедиант, переодетый в женскую одежду, своими пантомимами, посредством гнусных непристойностей, которым приучил он свое тело с самого детства, дабы подавать другим пример бесчинства"**. "Два богомерзких божества, Венера и Бахус, покровительствуют как действиям театра, так и над театром, наблюдая и за гнусностью жестов, и за другими развратными телодвижениями, чем наиболее отличаются актеры в комедии. Эти последние в жалком своем ремесле вменяют себе как бы во славу жертвовать своей совестью Венере и Бахусу, представляя или ужасное распутство, или самое грубое сладострастие"***. "Что же происходит отсюда? Вот что. Кто на улице посовестился бы приподнять одежду, чтобы справить свою нужду, тот в театре становится столь бесстыден, что без всякого зазрения перед всем светом обнажает такие части тела, которые наиболее должен был скрывать. Кто перед дочерью своей не смел бы произнести ни одного неблагопристойного слова, тот сам ведет ее на комедию, чтобы она слышала самые скверные речи и видела всякого рода неприличные коверканья". Вообще, по Тертуллиану, театр представлял так много дурного, что скромность не позволяла и высказывать всего. "Я лучше хочу ни о чем не говорить, нежели приводить иное на память". Не делает исключения Тертуллиан и для трагедии, когда говорит о вреде театральных представлений. "Комедия есть, так сказать, – пишет он, – школа нечистоты, а трагедия учит только жестокости, злочестию и варварству. Будьте уверены, что рассказ о постыдном деле столько же опасен, как и само дело". "Сверх того, – говорит Тертуллиан, описывая на этот раз театральную публику и нравы, – известные бесстыдницы, позорящие тело свое перед обществом, не бывают ли в театре тем несноснее, что показывая в других местах свою гнусность одним мужчинам, тут обнаруживают ее перед другими женщинами, от коих всегда стараются скрываться? Они тут являются перед всем светом, перед людьми всяких лет, звания и достоинства. Публичный глашатай провозглашает этих блудниц во всеуслышание тем, которые слишком хорошо их знают. Вот, говорит он, ложа такой-то: чтобы видеть ее, надобно всем пожертвовать, она имеет такие-то и такие-то качества... Но перейдем в молчании все подобные гнусности, которые должны бы быть погребены под непроницаемым мраком, дабы не осквернять и дневного света. Зачем смотреть на то, что запрещено нам делать? Почему вещи, оскверняющие человека языком, не могут осквернять его очами и ушами, тогда как очи и уши суть, можно сказать, преддверие души нашей? Таким образом, театр непременно должен быть возбранен"****.

* Тертуллиан. Гл. XVII. ** Тертуллиан. Гл. IX. *** Там же. Гл. XVII.

Будучи беспристрастным наблюдателем и писателем театра, Тертуллиан не умалчивает, что были и такие пьесы, которые отличались скромностью и не имели безнравственного характера; но и против подобных пьес он не мог не предостерегать простодушных. Вот его внушения: "Положим, что на зрелищах происходят иногда вещи в самом деле приятные, простые, скромные, не бесчестные; но вспомни, что обыкновенно яд смешивается не с желчью, а со сладкими и вкусными жидкостями. Так всегда поступает дьявол; он укрывает смертельный свой яд в яствах наиболее приятных и лакомых. Обращай внимание не столько на удовольствие, сколько на опасность, неминуемо сопряженную с этим удовольствием"*.

* Там же. Гл. XXVII.

"Нужны ли еще доказательства, - заканчивает свою речь против театра Тертуллиан, - для убеждения истинных служителей Божьих, возгнаться всем тем, что принадлежит к зрелищам, так как все это противно божественному их Учителю".

Другой писатель середины III в. св. Киприан, еп. Карфагенский, восстает против театра с неменьшей силой. Он оценивал по их нравственному влиянию не одни комедии и трагедии, но и все другие представления, какие давались на театральных подмостках. Все они, по Киприану, ведут к одному и тому же - нравственному растлению. Предостерегая христианина от удовольствий, доставляемых театром, Киприан пишет: "Когда я коснусь бесстыдных шуток сцены, то мне стыдно и передавать о том, что там говорится, стыдно и осуждать то, что там делается, осуждать строфы из басен, хитрости прелюбодеев, бесстыдство женщин, шутовские игры гнусных скоморохов, даже самих почтенных отцов семейств, то приходящих в оцепенение, то высказывающих любострастие, во всем оглупевших, во всем бесстыдных. И несмотря на то, что негодяи (комедианты), не обращая внимания ни на происхождение, ни на должность, никому не дают в своих словах пощады, - несмотря на это, все спешат на зрелище. Находят удовольствие в том, чтобы видеть общее безобразие. Сходятся в этот дом публичного бесстыдства, в это училище непотребства для того, чтобы и тайно совершать то, что изучается публично; среди самих законов учатся тому, что воспрещается законами. Какая срамота в самих состязаниях! Мужчина лежит под мужчиной, бесстыдно обнявшись и сцепившись друг с другом. Высматривают, кто победит, но, прежде всего, побежден уже стыд. Вот, один, нагой, скачет перед тобой; другой с напряженным усилием бросает вверх медный шар; не слава это, а безумие". "Даже те из женщин, которых несчастье довело до рабства непотребству, в публичном месте скрывают свое распутство и предаются наслаждению похотью только тайно; стыдятся показать себя открыто даже те, которые продали свой стыд! А между тем, такое же публичное позорище совершается перед очами всех, и совершающие это опережают непотребство бесчестных женщин. Допытались даже, как бы совершать любодееяние на глазах других!" "Потому-то верующие христиане, - внушает св. отец, - должны убегать от этих столь пустых, пагубных и нечестивых зрелищ: надо блюсти от них и зрение наше, и слух. Мы скоро привыкаем к тому, что слышим и видим. Ум человеческий сам по себе склонен к порокам. Что же он сделает сам с собой, если будет иметь скользкие образцы чувственной природы, которая охотно предается пороку? Да, нужно удалять душу от всего этого". "Что делает на этих зрелищах христианин, верующий, которому непозволительно и помышлять о пороках? Какое удовольствие находит в изображениях похоти, способных довести его до того, что и сам потеряв здесь стыд, делается более отважным на преступления? Приучаясь смотреть, он приучается и делать"*.

* Св. Киприан Карфагенский. О зрелищах. С. 343-346.

Христианский писатель начала IV в. Лактанций, сравнивая гладиаторские игры и театр по их влиянию на нравственную природу человека, более вредным считает влияние театра. Этот талантливый писатель в немногих словах, в

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org которых он выражает свой взгляд на театр, высказывает много тонких наблюдений и глубоких соображений. "Не знаю, - пишет он, - разврат театральный не преступнее ли разврата, происходящего от зрелища сражений. Комедия чаще всего представляет более распутных молодых девиц, подвергшихся соблазну, нежели женщин замужних, преданных любви. Чем с большим искусством и приятностью поэты описывают эти беспорядки, тем глубже их мнения укореняются в уме, и тем сильнее их заблуждения запечатлеваются в памяти. Трагедии не заключают в себе ничего иного, кроме отцеубийств и прелюбодеяний злых государей. Бесстыдные телодвижения актеров внушают одно сладострастие. Представляя мнимые блудоддеяния, они учат творить их действительно. Каких впечатлений не оставляют эти грязные представления в уме молодых людей, когда они видят, что весь свет присутствует там без зазрения совести! Вождение, входящее скорее через глаза, нежели через другие чувства, зажигается в их сердце. Они одобряют мерзости, смеясь над ними; после чего как молодые люди, чью невинность не должно развращать, так и старики, которые не в состоянии уже грешить, возвращаются домой еще более развратными, нежели когда отправлялись в театр. Следовательно, - заключает христианский учитель, - надо избегать всякого рода зрелищ, дабы они не вселяли беспокойных волнений в души и дабы прелести сладострастия не отвлекали нас от служения Богу и от исполнения добрых дел"*.

Таким образом, и по воззрению этого писателя театр служит одному развращению нравов.

* Лактанций. Божественные наставления. Кн. 6, гл. 20.

Церковные писатели IV и V в. говорят о театре с таким же негодованием, как и писатели более ранние, и это совершенно естественно. Хотя с началом IV в. государственная власть переходит в руки христианских императоров, однако же театры, как мы заметили об этом в свое время, мало чем улучшились в сравнении со временами языческих императоров. А христиане со своей стороны не только избегали театров, но еще более пристрастились к ним. В этом отношении они ничем не отличались от язычников. Из писателей IV в. приведем воззрения на театр св. Василия Великого и св. Кирилла Иерусалимского. Их основная точка зрения на предмет остается той же, какой она была у прежних церковных учителей. По суждению св. Василия, театр есть "училище распутства". "Есть города, - говорит он, - в которых жители с раннего утра до глубокого вечера насыщают взоры всякого рода представлениями кудесников, и сколько ни слушают каких-нибудь нескромных и неблагочинных песен, от которых в душах зараждается много бесстыдства, однако, не могут их наслушаться. Многие даже почитают таких людей счастливыми, потому что они, оставив торговлю или занятие ремеслами, необходимыми в жизни, в праздности и забавах проводят определенное им время жизни, не зная, что позорище, обильное нескромными зрелищами для присутствующих в нем, служит общим и народным училищем распутства, и что самые стройные звуки свирелей и блудные песни, запечатлевшись в душах слушателей, не побуждают ни к чему иному, как только к бесчинству"*.

Внушения св. Кирилла относительно театра кратки. Обращая речь к новообращенному христианину, он так убеждает его: "Не будь страстным любителем зрелищ, где увидишь непотребства лицедеев, производимые с оскорблением и всяким бесстыдством, и неистовые пляски женоподобных мужей. Страсть к зрелищам есть дьявольская гордыня"***.

* Св. Василий Великий. Беседы на Шестоднев. С. 61 (Твор. Василия Великого. Перевод Московской Духовной акад. Ч. I. Изд. 10-е). ** Св. Кирилл Иерусалимский. Слова тайноводственные. С. 358 (Твор. св. Кирилла. Пер. Московской Духовной академии. Изд. 1-е).

Бурным потоком льются обличения у св. Иоанна Златоуста (конец IV и начало V в.), когда он говорит против зрелищ и именно театра. Он видел, как христиане все более и более соблазняются театром, и это побуждает его к сильному порицанию склонности к зрелищам. Златоуст не вдается в подробные описания характера сценических представлений, как это делали обличители театра III в. - он пронизательно всматривается в душу любителя театров, разбирает впечатления, производимые им на нее, указывает вредный характер этих впечатлений и раскрывает все следствия их для семейной жизни. "Какое

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org же, скажешь, здесь нечестие? Ты наполнен прелюбодеяния, – отвечает славный оратор, – и спрашиваешь: какое нечестие? Или ты не слышал слово Христа: иже воззреть на жену, ко еже вожделети ю, уже любодейсшвова съ нею в сердце своемъ (Мф. 5,28)? А что если я, скажешь, буду смотреть не ко еже вожделети? Но как ты можешь убедить меня в этом? Кто не воздерживается от того, чтобы смотреть, но прилагает к этому такое усердие, как тот может после созерцания оставаться чистым? Разве тело твое – камень? Разве оно – железо? Ты облечен плотью человеческой, которая быстрее соломы воспламеняется от похоти. И что я говорю о зрелище? Часто и на площади, встретившись с женщиной, мы смущаемся, а ты, сидя вверху, где столько побуждений в нескромности, видя блудную женщину, входящую с обнаженной головой, с великим бесстыдством, одетую в золотые одежды, делающую нежные и обольстительные телодвижения, поющую блудные песни и развратные стихотворения, произносящую срамные слова и совершающую такие непристойности, какие ты, зритель, представляя в своем уме, потупляешь взор, – как смеешь говорить, что ты не испытываешь ничего человеческого? Разве тело твое – камень? Разве оно – железо? Разве ты любомудреннее тех великих доблестных мужей, которые пали от одного такого взгляда? Не слышал ли ты, что говорит Соломон? Или ходити кто будешь на угліях огненныхъ, ногъ же не сожжешь ли? Вяжешь ли кто огонь въ недра, ризь же не сожжешь ли? Тако вшедый къ жене мужатей (Притч. 6,27-29). Ибо хотя ты и не имел совокупления с блудницей, но имел с ней связь пожеланием и сделал грех волей. И не только в то время, но и тогда, когда окончится зрелище, когда она уже уйдет, в душе твоей остается ее образ, слова, одежды, взгляды, походка, стройность, ловкость, прелюбодейные черты, и ты уходишь, получив множество ран. Не отсюда ли беспорядки в доме? Не отсюда ли погибель целомудрия? Не отсюда ли расторжение браков? Не отсюда ли брани и ссоры? Не отсюда ли бессмысленные неприятности? Ибо когда ты, запятнанный и плененный ею, приходишь домой, то и жена кажется тебе не такой приятной, и дети несносными, и слуги обременительными, и дом отвратительным, и обыкновенные заботы беспокойными, и всякий приходящий обременительным и несносным. Причина этого в том, что ты возвращаешься домой не один, а приводишь с собой блудницу, входящую не явно и открыто, что было бы сноснее, ибо жена тотчас выгнала бы ее, но сидящую в твоей душе и в сознании, и воспламеняющую внутри тебя вавилонский, и даже гораздо сильнейший, пламень; и все у тебя приходит в беспорядок. Как большие горячкой, не имея никакой причины обвинять прислуживающих им, по дурному влиянию болезни бывают недовольны всеми, отталкивают пищу, оскорбляют врачей, гневаются на домашних и обижают служащих: так точно и одержимые этой тяжелой болезнью беспокоятся и негодуют, постоянно представляя себе ту блудницу. О, тяжкие дела! Волк, лев и прочие звери, бывая ранены стрелой, убегают от охотника, а человек, одаренный разумом, получив рану, стремится к той, которая ранила его, чтобы получить еще жесточайшую рану, и находит удовольствие в этой ране; это прискорбнее всего и производит неизлечимую болезнь. Ибо кто не ненавидит свою рану и не хочет избавиться от нее, тот как станет искать врача? Потому-то я скорблю и терзаюсь, что вы приходите оттуда, получив такую заразу, и за малое удовольствие навлекаете на себя непрестанное мучение. Подлинно еще прежде геенны и тамашнего мучения, вы уже и здесь подвергаете себя крайнему наказанию. Не крайнее ли, скажи мне, мучение питать такую похоть, постоянно воспламеняться, везде носить с собой огонь непотребной любви и угрызения совести? Как ты приступишь к порогу этого святилища? Как прикоснешься к небесной трапезе?"*

* Св. Иоанн Златоуст. Слово против зрелищ. С. 341-344 (Слова и беседы на разные случаи. Т. П. Изд. С.-Петербург. Духовной академии).

Замечательное единство воззрений на театр господствует у христианских писателей древней Церкви!

Остается изложить еще мысли христианских писателей относительно конских ристалищ, одного из распространенных развлечений в древности. Суждения их об этом вообще снисходительны. Это и понятно. На скачках, если не научишься ничему хорошему, то и не выносишь вредных впечатлений. Отцы Церкви осуждают посетителей конских ристалищ за то, по преимуществу, что любовь к подобным зрелищам показывает в них пустоту души, желание убить время, которое могло бы быть употреблено на что-либо лучшее. Правда, эта мысль довольно общая, ее можно приложить и ко всяким другим зрелищам, но глубоко справедливая.

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org
Посещают с особенной охотой зрелища только лица, лишённые внутреннего содержания, чувствующие скуку, как скоро им приходится оставаться самим с собой.

Св. Киприан не может надивиться, каким образом такое ничтожное дело как конские скачки могут так интересовать разумного человека и в особенности христианина. "Сколько пустоты в этих состязаниях! – пишет он. – Спорить из-за цветов, препираться в беге на колесницах, домогаться почестей, радоваться, что конь был быстр, сокрушаться, когда был очень ленив, считать лета скотины по временам консулов, изучать ее возрасты, обозначать поколение, припоминать самых дедов и прадедов, – какое во всем этом пустое занятие! Или лучше скажу, как гнусно и бесчестно выслушивать перечисляющего на память все поколение лошадиной породы и без ошибки с великой скоростью пересказывающего все это! Но спроси его, – справедливо замечает св. отец, – о предках Христовых: он их не знает, и знать было бы для него большим бременем"*.

Св. Василий Великий со своей стороны свидетельствует, что некоторые любители скачек до того увлекались ими, что и ночью бредили о рысаках и возникших. "Страстные охотники до конских ристалищ и во сне состязаются о конях, перепрыгают колесницы, переменяют возникших, и вообще даже в сонных мечтаниях не покидают дневного безумия"**. Этим любителям скачки доводили, значит, просто до сумасбродства.

Св. Иоанн Златоуст также порицает недостойное христианина увлечение скачками, находя, что в этом случае христианин роняет свое звание в глазах иноверцев. "Некоторые из моих слушателей, – говорит он в одной церковной беседе в Антиохии, – забыв все, что слышали от меня, опять предали сатанинскому зрелищу конского бега, опять бегут на конское ристалище и еще больше рукоплещут возницам, с неудержимым неистовством и великой стремительностью стекаются, часто препираются между собой и говорят: эта лошадь нехорошо пробежала, а та споткнулась, упала; и один берет сторону того ездока, другой другого, и не подумают и не вспомнят о наших словах, ни о духовных и страшных таинствах, здесь совершаемых, но как бы захваченные в плен сетями дьявола, проводят там целые дни, предавшись сатанинскому зрелищу, и выставляют себя на позор и иудеям, и язычникам, и всем. Как теперь, скажи мне, можем заградить уста язычникам и иудеям? Как станем вразумлять и убеждать их обратиться к благочестию, когда они видят, что единомыслящие нам смешиваются с ними на этих всякой мерзости исполненных зрелищах?***"

* Св. Киприан Карфагенский. О зрелищах. С. 342. ** Св. Василий Великий. Беседы на Шестоднев. С. 62. *** Св. Иоанн Златоуст. Беседы о Лазаре. С. 193-195 (Беседы к антиохийскому народу. Т. I. Изд. С.-Петербург. Духовн. академии).

Вместо зрелища цирка, театра и ристалищ, опасных для нравственности и, в крайнем случае, бесполезных, христианские пастыри древних времен внушают обращать внимание на зрелища великие и поучительные, какие доставляет нам Божий мир, природа. Чистое наслаждение зрелищем природы – вот театр для христианина, по учению св. Киприана. "Христианин, если только пожелает иметь гораздо лучшие зрелища, он имеет истинные и вполне полезные удовольствия. Не стану упоминать о том, что пока нельзя еще созерцать; но он имеет перед собой ту красу мира, какую можно видеть и удивляться ей. Пусть он смотрит на восход и заход солнца, которые попеременно возвращают дни и ночи; на круг луны, своим возрастанием и убыванием обозначающий течение времени; на сонмы сверкающих звезд, постоянно с высоты изливающих свет с необычайной удобоподвижностью; пусть созерцает уравновешенную толщу земли с ее горами и непрерывно текущие реки с их источниками, обширные моря с их волнами и берегами, постоянный, с величайшей соразмерностью распростертый повсюду воздух, все оживляющий своим благорастворением; и во всех этих частях природы пусть созерцает обитателей, свойственных каждой части: в воздухе – птиц, в воде – рыб, и на земле – человека. Эти-то, говорю, и другие дела Божьи должны составлять зрелище для верных христиан. Какой театр, построенный руками человеческими, может сравниться с этими делами? Пусть он будет построен из великих груд камней, но гребни гор выше его; пусть потолки его сияют золотом, но блеск звезд совершенно затмевает их"*. Вот ответ св. отца тем, кто сказал бы, что нельзя же проводить жизнь без каких-либо удовольствий!

* Св. Киприан Карфагенский. О зрелищах. С. 346.

IV

Канонические постановления о зрелищах; пояснение их. – Меры христианских императоров против зрелищ.

Подобно св. отцам и учителям Церкви, которые направляли свое письменное или устное слово против зрелищ, и вся Церковь в лице своих соборов употребляла постоянно строгие меры, призванные отклонить христиан от посещения зрелищ.

Соборные постановления касаются как исполнителей зрелищных представлений, так и участников их, зрителей.

Вот соборные определения относительно первых.

Древнейшее определение в этом отношении принадлежит западному собору Эльвирскому, бывшему в 306 г. В 62-м постановлении этого собора определено: "Если возница (т.е. исполнитель на конских ристалищах) или пантомим захотят обратиться к христианству, пусть таковые прежде откажутся от своих занятий, и потом нужно надзирать, чтобы и впоследствии они не возвращались к подобным занятиям. Если же кто поступит вопреки такому запрещению, тот отлучается от Церкви"* . Другой западный собор, Арелатский, в 314 г., постановил (пр. 4-е): "Возницы, если они христиане, коль скоро они продолжают свои занятия, отлучаются от причащения". "Актеры (пр. 5-е), коль скоро они продолжают свои занятия, отлучаются от причащения"* . В правилах соборов Карфагенских, принятых Православно-Восточной церковью, говорится (пр. 71-е): "Аще кто восхощет от некоего игрищнаго упражнения приступити к благодати христианства и пребывати свободным от оных нечистот, то да не будет позволено никому склоняти или принуждати такового паки к тем же занятиям". Пятьдесят первое правило Шестого Вселенского собора, направленное против зрелищ, по толкованию Аристина, отлучает от Церкви актеров и других лиц, принимающих прямое участие в исполнении зрелищ*** .

* Hefele. Conciliengeschichte. Bd. I. S. 184. Zweite Auflage. ** Ibid. S. 207. *** Правила св. Апостолов, св. соборов с толкованиями. С. 617. Изд. Общ. Люб. Дух. Просвещ. Т. I.

Запрещая христианам исполнение зрелищных увеселений, Церковь, чтобы не оставлять лиц, снискавших себе пропитание таким занятием, без средств к жизни, брала на себя содержание бывших комедиантов. С подобным примером встречаемся в писаниях св. Киприана. Св. отец пишет к некоему Евкратию: "Ты почел нужным узнать мое мнение о комедианте, который, находясь у вас, не оставляет своего постыдного ремесла и учит этому других не к назиданию юношества, а к разорению: должен ли быть таковой в общении с нами? Я думаю, что это несообразно ни со славой божественной, ни с евангельским благочинием. Чистота и достоинство Церкви не должны быть оскверняемы столь гнусной и нечистой язвой. Если закон воспрещает мужчинам надевать женскую одежду и поражает таковых проклятием, то не большего ли осуждения достоин тот, кто не только надевает женскую одежду, но и с помощью постыдного искусства старается выразить гнусные и нескромные жесты, свойственные женщинам? И пусть никто не извиняет себя тем, что сам отстал от театра, тогда как учит тому других: нельзя почитать отставшим того, кто оставляет после себя преемников и вместо себя одного готовит многих подставных. Если таковой ссылается на недостаток и нужду от бедности, то в этой нужде можно помочь ему в числе тех, которые питаются от Церкви, только бы он захотел довольствоваться хоть и умеренным, но зато невинным содержанием. Потому употреби все зависящие средства к тому, чтобы обратить его от занятия столь зазорным и бесславным ремеслом, уеди довольствоваться содержанием от Церкви, хотя и умеренным, но спасительным. Если бы у вас в Церкви не было достаточных средств для доставления содержания нуждающимся, то может перейти к нам" (т.е. в Карфагенскую церковь)* .

* Св. Киприан Карфагенский. Письма. С. 21-22 (Твор. св. Киприана. Изд. 1-ое Киев. Духовн. академии. Т. I).

Что касается церковных законов о зрителях, то запрещаются посещения зрелищ как лицам духовным, так и всем мирянам.

В 24-м правиле Шестого Вселенского собора читаем: "никому из числящихся в св. клире, ни монаху, не позволено ходить на конские ристалища, или присутствовать на позорищных играх... Аще же кто обличен будет в сем: или да престанет, или да будет извержен". В правилах соборов Африканских запрещается посещение зрелищ всем вообще христианам (пр. 18-е): "детям священным лицам не представляти мирских позорищ и не зрети оных. Сие же и всем христианам всегда заповедуемо было, да не входят туда, где бывают хуления". Непослушные этому правилу подвергались отлучению от Церкви (VI Вселен, собора пр. 51-е).

Как не строги эти церковные правила, из церковной практики, однако же, видно, что наиболее ревностные пастыри Церкви не колебались отлучать от церковного общения неисправимых театралов. Пример можно видеть в св. Иоанне Златоусте. Этот святитель, когда его внушения оказались недейственными для любителей театра, с церковной кафедры объявил их лишенными церковного общения. "Предупреждаю и объявляю громким голосом, - говорил он в церковной беседе, - если кто после этого увещания пойдет на нечистые и гибельные зрелища, того я не пущу внутрь этой ограды (церкви), не сделаю причастником Таинств, не позволю ему прикоснуться к Священной Трапезе; но как пастухи отделяют шелудивых овец от здоровых, чтобы болезнь не распространилась на прочих, так точно поступлю и я. Итак, пусть не входит в церковь никто из предающихся этому прелюбодеянию (театру), но пусть будет отвержен и вами и станет общим врагом. Сделайте вот что (обращает речь свою Златоуст к слушателям): не разговаривайте с таким, не принимайте его в дом, не разделяйте с ним трапезы, не имейте с ним общения ни при входе, ни при выходе, ни на торжище. Таким образом, мы легко обратим его"*.

У таких пастырей, как Златоуст, у которых слово не расходилось с делом, подобные угрозы, конечно, не оставались пустым звуком.

* Св. Иоанн Златоуст. Слово против зрелищ. С. 346-347.

Церковь в своих соборных постановлениях стремилась сначала ограничить зрелища, а потом и совсем запретить их в христианском обществе. Охраняя святость праздничных дней в христианстве, соборы Карфагенские запрещают игрища в дни воскресные и на Пасху. "Да воспретятся, - говорится в 70-м правиле этих соборов, - представления позорищных игр в день воскресный и в прочие светлые дни христианской веры: тем паче, что в продолжение восьми дней св. Пасхи народ более собирается на конористалища, нежели в церковь. Должно пременять определенные для позорищ дни, когда они встречаются с праздничными". Собор Шестой Вселенский в своих постановлениях идет еще дальше: он безусловно запрещает всякие зрелища (пр. 51-е). "Св. Вселенский собор сей совершенно возбраняет быти смехотворцам и их зрелищам, такожде и зрелища звериные творити и плясания на позорищи".

Смысл последнего правила ясен. Им вовсе запрещаются зрелища. Тем не менее многие из христиан и даже клириков, неравнодушные к некоторым видам зрелищ, напр. конским ристалищам, старались ослабить силу правила и давали ему свое толкование. Об этом находим свидетельство у знаменитого греческого толкователя церковных правил патриарха Антиохийского Вальсамона. По Вальсамону, некоторые следующим образом перетолковывали указанное правило: "Говорили, это правило запрещает конские ристалища, некогда бывшие, а не те, которые бывают с дозволения и в присутствии императора. Ибо в те времена, - развивали свое доказательство возражатели, - когда конские ристалища были во власти народа и когда народ устраивал ристания когда и как хотел, когда и царь был приглашаем и не имел в этом деле никакой власти, случалось, что во времена ристаний происходило много возмутительного и неприличного. В некоторые времена происходили даже междоусобные битвы между противниками. Притом не воспрещалось сторонам и

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org биться об заклад, и они игрой в кости и судьбу призывали к себе победу, что совершенно возбраняется божественными правилами. Допускали также и бой зверей, и иное постыдное и неприличное. А ныне, - говорили возражатели, - когда конские ристания происходят в присутствии царя и не бывает на них ничего такого, чего должно отвращаться, не подозревается, чтобы выходило что-либо худое (из посещения ристалищ). Поэтому похвально, если кто-нибудь совсем не вкушает удовольствия ни от конских ристалищ, ни от другого чего улаждающего сердце; но не подлежит наказанию и то, если клирик (даже!) будет ходить на такие конские ристания. Ибо если всякое конское ристание, как то, которое совершалось в древности, так и бывающее ныне, по мнению многих, запрещается точно так же, как и все зрелища, то иной будет вынужден сказать, что никогда ничего такого не должны делать ни царь, ни другой кто. И так, посему, - заключали ряд своих доказательств возражатели против правил, - ристалища и зрелища должны быть разделяемы на два вида: на совершенно недозволенные, на которые непозволительно ходить не только клирикам, но и мирянам под страхом отлучения, и на дозволенные, которые и совершаются ныне, на которые не только миряне, но и клирики могут ходить без рассуждения". Вальсамон, однако, не соглашается с таким либеральным воззрением, существовавшим в Церкви. Выражая свое мнение, он пишет: "Так говорили некоторые о конских ристалищах, не подводя, впрочем, под свои рассуждения прочих позорищных игр. Но большей части и особенно людям более благоговейным, с которыми соглашаюсь и я, не нравилось это, и потому они говорили, что правила должны быть изъясняемы в смысле душеполезнейшем, а не в том, какой ведет к распущенности и безнравью", т.е. в смысле буквальном. Но и сам Вальсамон признает некоторые из существовавших в его время игр позволенными. "Может быть, - замечает он, - по причине епитимий, налагаемых этими правилами (собора VI Вселенск.), придумали царские игры, которые не возбуждают в зрителях рассеяния и нескромного смеха". Затем он поименовывает эти игры*.

* Правила св. Апостолов, св. соборов и пр. с толкованиями. С. 522-525, 617-618.

В заключение нашего очерка следует сделать несколько замечаний о мерах, которые принимались гражданской властью, христианскими императорами древней Церкви против зрелищ. Ибо и императоры со своей стороны действовали в том же направлении относительно зрелищ, как и сама Церковь. Церковь и государство в этом вопросе шли рука об руку. Император Феодосий Великий (IV в.) запретил устраивать зрелища в дни воскресные и в главнейшие праздники христианской Церкви. Другими законами христианских императоров воспрещено было воздвигать статуи в честь комедиантов, распорядителей игр и возникших, употреблявшихся при конских ристалищах; также возбранено было как в цирке, так и в театре делать что-либо оскорбительное для христианской Церкви; возбранено было назначать для театральные игры детей и женщин хорошего поведения и исповедовавших христианскую веру. Теми же законами дозволено было комедиантам, если они в опасной болезни приняли христианские таинства и однако же снова выздоравливали, не возвращаться к своим прежним театральным занятиям. Об императоре Анастасии (кон. V и нач. VI в.) известно, что он запретил неприличные театральные представления, которые давались юношами, переодетыми в женское платье. Знаменитый греческий император Юстиниан I (VI в.) во время правления Империей своего дяди Юстина I сделал было попытку закрыть театры во всей Восточной империи, а именно запретил пантомиму, за исключением города Александрии, но безуспешно*. С большей энергией и большим успехом велась христианскими императорами борьба против гладиаторских игр. Эту борьбу начал первый христианский император Константин Великий**. Его примеру последовал и император Гонорий (V в.). О нем церковный историк Феодорит рассказывает следующее: "Император Гонорий отменил издавна производившиеся в Риме поединки гладиаторов, и сделал это по такому поводу: был тогда некто Телемах, монах, человек подвижнической жизни. Однажды он направился с Востока и с определенным намерением пришел в Рим именно в то время, когда здесь происходило ненавистное зрелище гладиаторских побоищ; во время разгара борьбы двух гладиаторов он неожиданно бросился на арену и остановил борцов. Но зрители пришли в негодование от такого поступка, расстроившего зрелище, - в неистовстве на св. мужа они тут же побиили его камнями. Когда об этом узнал Гонорий, он причислил Телемаха к победоносным мученикам и запретил гладиаторские бои"***. Событие примечательное; к сожалению, оно не привело к цели;

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org последовало, по-видимому, только временное запрещение этих ужасных игр. Борьбу с этим жалким увеселением продолжает император Анастасий I, но опять без большого успеха. Привести это дело к счастливому окончанию удалось только императору Юстиниану****.

* Chastel. Histoire de la destruction du paganisme dans l'empire d'orient. P. 211-212. ** Евсевий. Жизнь Константина Великого. Кн. 4, гл. 25. *** Феодорит. Церков. история. Кн. 5, гл. 26. **** Chastel. Histoire... P. 283, 285.

Что касается конских ристалищ, против них не видим мер, какие употреблялись бы императорами: сами императоры были страстными охотниками до них.

Борьба христианской Церкви древних времен против увлечения азартными играми

Значение данного вопроса для нашего времени. - Понятие об азартных играх. - Азартные игры в древнем языческом мире - у греков и римлян. - Азартные игры этих народов: их происхождение; два вида игры в кости. - Игра в пешки, или шашки. - Особенная игра посредством монет. - Преимущественное распространение игр в кости. - Где они производились и степень пристрастия к ним. - Увлечение играми - в особенности в кости - некоторых древних христиан на Востоке и, главным образом, на Западе (доказательства этого). - Борьба древней Восточной и Западной церкви против этого увлечения: обличения пристрастия к играм со стороны церковных писателей того времени; прещения церковных правил против этого же явления. Содержание трактата "Об игроках", приписываемого св. Виктору, папе Римскому. - Несколько общих замечаний в виде заключения.

Наш так называемый "нервный" век, по этой ли причине или какой другой, страдает всякого рода увлечениями. Увлекается кто чем. Между этими увлечениями видное место занимает страсть к азартным играм - в виде карточной игры у нас, русских, и рулетки на Западе.

Азартными играми называются такие, счастливый исход которых для игрока зависит не от тонкости соображения, а от слепого случая, такие, которые ведутся с прямой целью наживы или выигрыша, словом, такие, которые нашими гражданскими законами воспрещено производить в публичных местах, например, клубах. Какие это игры, указывать на это не входит в нашу задачу, тем более что большинству лиц это хорошо известно.

Наша задача* заключается в том, чтобы во-первых, раскрыть несомненно языческое, следовательно, нечистое происхождение так называемых азартных игр; во-вторых, указать на печальный факт увлечения этими играми со стороны некоторых - многих или немногих, трудно решить, - христиан древности, указать не для того, чтобы в слабости других найти оправдание нашей современной слабости, а для того, чтобы разъяснить, какой это застарелый недуг и как, поэтому, необходимо его серьезное лечение; в-третьих, дать несколько уроков, извлеченных из практики древнехристианской Церкви, уроков, поучительных и внушительных для любителей азартных игр в наше время. Мы не чувствуем себя призванными поучать кого-либо, но наша цель будет вполне достигнута, если кто-либо из людей увлекающихся азартными играми задумается о пагубности своего поведения и станет благоразумнее, или по крайней мере, если не знающие этой жалкой страсти найдут в наших речах некоторое подкрепление для своей благой воли**.

* В качестве источников и пособий для нашей статьи будет следующее: 1) Harnack. Tractat De aleatoribus - die alteste lateinische christliche Schrift. Лейпциг, 1888. 2) Свидетельства древних христианских писателей и правила соборов (цитирование будет сделано в тексте статьи). 3) Pauly's Real-Encyklo-padie der classischen Alterthumswissenschaft. Bd. I, Artikel: Alea. Stuttgart, 1854. 4) Любкера - Реальный словарь классической древности. Перевод Модестова. Выпуск 5-й, статья: Игры. Петерб., 1887. ** Впрочем, нужно сказать, что и всякая игра на деньги (например, игра в карты), хотя бы и она не считалась законами азартной, на деле может становиться азартной. Потому что игроки могут играть, что называется, "по

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org большой" (на крупные суммы), вследствие чего даже дозволенная игра может принимать характер азартной игры; притом же почти никогда игра на деньги не обходится без ссоры и часто крупных неприятностей между игроками. Следовательно, каждый человек, играющий на деньги, нуждается в предостережениях и уроках благоразумия.

Начнем наш очерк описанием азартных игр у древних греков и римлян не только для того, чтобы показать чисто языческое происхождение явления, но и для того, чтобы надлежащим образом понимать свидетельства древнецерковных писателей и соборных правил, направлявшие к изобличению пагубности азартных игр и несоответствия их с достоинством христиан. Нужно помнить, что свидетельства эти возникли по поводу игр хотя и азартных, но мало похожих на наши известные азартные игры, а потому слова древнецерковных писателей и отцов соборов будут для нас не совсем ясны, если мы сначала не познакомимся с тем, каким именно азартным играм предавались язычники – греки и римляне, а по их не похвальному примеру, к сожалению, и некоторые из древних христиан.

Происхождение азартных игр теряется в глубине языческой древности. Одни из языческих писателей утверждают, что изобретателем игры в кости был египетский бог Тот; другие честь, или бесчестие, этого изобретения приписывают герою, упоминаемому Гомером – Паламеду. По древнеримским представлениям изобретателем той же игры в кости был какой-то, неизвестный теперь по имени, образованный человек, который пожелал достигнуть божественных почестей и поставил себе статую, на которой он был изображен в сидячем положении с игральной доской в руках; это будто бы привело к тому, что его стали считать изобретателем игр и в самом деле стали воздавать ему божественное почитание посредством жертв. Конечно, эти рассказы приведены нами не с тем, чтобы разбираться в том, чьи известия вернее (все известия равно не заслуживают внимания), но единственно затем, чтобы показать, в какой тесной связи азартные игры, по своему происхождению, стоят с языческой мифологией, этим источником языческого суеверия и безнравственности.

Какие же азартные игры известны были у древних языческих народов – греков и римлян? Таких игр было несколько. Больше известий сохранилось о наиболее распространенной из этих игр и наиболее азартной – игре в кости (она называлась *alea*). Различаются два вида игры в кости. Первый вид этой игры носил название "кивы" (*κῦβοι*), а у латинян *tesserae* оба эти слова означают игральные кости). Кивы представляли собой равносторонние кубики и делались из различных твердых материалов. Каждая из шести сторон таких кубиков имела по цифре, начиная от 1 и кончая 6; эти цифры размещены были так, что две цифры, находящиеся на других противоположных сторонах, всегда давали в сумме число 7. Следовательно, на двух противоположных сторонах цифры были размещены так: 1 и 6; 2 и 5; 3 и 4. Другой вид игры в кости составляли "астрагалы" (*ἀστράγαλοι*), а у латинян *tali*: оба эти слова значат собственно кости или позвонки); они делались из позвоночных костей некоторых животных, но также изготовлялись из других материалов; они имели вид несколько удлиненный по сравнению с кивами. Астрагалы были тоже шестисторонние: две стороны в них были довольно гладкие, третья выпуклая и четвертая вогнутая (вдавленная); оба верхних конца астрагалов были суженные и закругленные, так что этот вид игральные костей не давал в игре возможности ложиться астрагалам этими закругленными сторонами, по крайней мере, это должно было случаться редко и считалось неправильным "ходом", позволявшим игроку повторить игру. Гладкие стороны астрагалов помещались на двух противоположных сторонах и одна из этих сторон имела на себе цифру 3, а другая – 4; сторона выпуклая помечена была цифрой 6, а вогнутая – цифрой 1. Цифры же 2 и 5 совсем отсутствовали на астрагалах. Не всегда цифры писались на игральные костях, иногда они заменялись соответствующим числом точек или, как принято говорить, очков. Сама игра как в кивы, так и в астрагалы происходила следующим образом: бралась гладкая доска, которая называлась по-разному, но все эти названия означают "игральная доска"; края ее были несколько приподняты, чтобы кости во время игры не выскакивали за ее пределы (форма доски нам неизвестна). На эту доску игроки ложились или астрагалы. Чтобы избежать обмана при этом броске, сам бросок производился не руками, а особым снарядом, который мы сейчас и опишем. На доске устраивалось нечто вроде небольшой башенки (так этот снаряд и назывался у древних: башенкой или крепостью), которая суживалась кверху, а расширялась книзу. Она имела два отверстия: одно вверху, куда металась

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org кости, а другое внизу, откуда они выкатывались на доску; внутри башенки делалась маленькая винтовая лестница со ступеньками, по которым катились кости, по пути несколько раз переворачиваясь, прежде чем достигнуть игорной доски. Башенка сооружалась или из дерева, или из слоновой кости, или же приготавливалась из рога. Хотя снаряд этот выдуман был для избежания мошенничества, но обман все-таки встречался: случалось, что игральные кости заливали свинцом так, что они всегда ложились одной и той же стороной, которая обеспечивала выигрыш.

Для азартной игры кивами употреблялось сначала два, а потом три рода этих костей. Выигравшим, по-видимому, считался тот, кто при бросании костей через башенку на доску, на обращенной кверху стороне этих костей имел наибольшее число очков. Различная сумма чисел, получаемая при подобном счете, обозначалась между игроками на их игорном языке различными именами, взятыми из царства природы, истории и т.д. Между этими именами встречались и совершенно неприличные.

Различали хорошие и плохие "ходы". Игра же в астрагалы производилась четырьмя костями этого вида. Существовали определенные правила, по которым известное сочетание цифр на четырех астрагалах, бросаемых через вышеуказанный снаряд на игорную доску, условно считалось особенно счастливым и дающим неоспоримый выигрыш, или же крайне несчастливым. Лучшим "ходом" принято было считать тот, когда четыре астрагала на сторонах, обращенных кверху, показывали после метания следующие цифры: 1,3,4,6. Этот ход назывался "Венера" (богиня). Худшим ходом считался такой, который на тех же сторонах, обращенных кверху, давал цифры 1,1,1,1. Этот самый несчастливый "ход" назывался собака (canis). Различные сочетания цифр на астрагалах, получаемых при метании, имели, подобно самому счастливому и самому несчастному ходу (Венера, собака), различные принятые на языке игроков наименования; эти наименования заимствовались от имен богов, знаменитых мужей, гетер, зоологических видов царства природы и пр. С первого взгляда представляется непонятным, почему самым лучшим ходом в игре астрагалами принято было считать цифры: 1,3,4,6, что составляло сумму 14 очков, а не какие-либо другие, высшие цифры, сумма которых могла даже достигнуть цифры 24 (4x6). Рассматривая цифры, составляющие самый счастливый ход (Венеры): 1,3,4,6, видим, что здесь цифры все разные; на этом основании можно утверждать, что указанное сочетание цифр считалось самым удачным ходом ввиду именно этого обстоятельства, т. е. различия очков, показываемых четырьмя астрагалами после их метания. Можно было бы восстановить и другие подробности древней игры в кости, разъясняющие условия и правила этой игры, но в этом не представляется надобности.

О других играх древних греков и римлян, играх, принимавших азартный характер, скажем кратко. Кроме игры в кости у этих народов принята была игра на шахматной доске, причем ходили шашками или пешками и камешками. Один вид этой игры, называвшейся "город", имел некоторое сходство с нашей игрой в шахматы и шашки. Сущность игры сводилась к тому, чтобы запереть и преградить путь шашкам или пешкам противника. Шашка, очутившаяся между двумя шашками, принадлежащими противной стороне, считалась проигранной. По уверению ученых (Любкера), некоторые виды этой игры имели азартный характер, когда выигрыш зависел не от внимательности и соображения играющих, а от слепого случая или счастья. Существовали у названных древних народов еще игры под названием "игр в нечет". Здесь дело исключительно зависело от неразумного случая. Игнали главным образом при посредстве денег. Эта игра велась таким образом: играющий должен был отгадать, четное или нечетное число монет находится у другого в руке. Игра простая, но несомненно азартная. Эта же игра принимала иногда другой вид, сохраняя свой главный характер. На игорную доску клали произвольное число игорных костей (с цифрами), закрывали их рукой и предлагали угадать другому: четное или нечетное число насчитывается на прикрытых костях. В случае, если спрошенный угадает, спрашивающий, конечно, считался проигравшим.

Древние греки и римляне предавались азартным играм при различных обстоятельствах и в различных местах. Чаще всего играли в кости; эта игра представлялась тогда наиболее завлекательной. Игнали в кости прежде всего в семейных кругах. Конечно, это наиболее невинный род игры. Игра в кости была принята в качестве приятного занятия, которым гостеприимный хозяин развлекал гостей после званного обеда, в особенности во время питья вина, которое древние пили именно после обеда. Та же игра в кости была принадлежностью публичных домов. Игрок был улавливаем содержанием публичного дома, который ловко и хитро отнимал у посетителя и целомудрие, и

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org кошелек. Были, наконец, игорные притоны, где ничем больше не занимались, кроме игры. Эти притоны, кажется, нередко устраивались под открытым небом. Для игры в кости в этом случае предпочтительно выбирались такие места, где находилась статуя мнимого изобретателя игры. Игра неразлучно была соединена с языческим суеверием. Игроки, вероятно для счастья, любили именовать себя названием мнимого божественного изобретателя игры. Они приносили жертву этому изобретателю как богу; мало того, имели у себя перед собой его статуэтки, как амулеты, приносящие счастье. Когда игра велась семейным образом, тогда играющие предавались ей не столько ради корыстолюбия, сколько для развлечения. Но не так было, когда игра велась в различных притонах. В этом случае игрой управлял и в нее втягивал особый специалист-банкомет. Если дело происходило в доме, то двери запирались. Нужно полагать, что игра в кости, как и в настоящее время рулетка, была всегда выгодной для содержателя притона и всегда невыгодной для игроков, если и не для всех, то для большинства из них.

Страсть к азартным играм не с одинаковой силой господствовала в разные времена греко-римского мира. Что касается очень глубокой древности, то нет точных известий, насколько в эту эпоху распространены были игры, да для нашего вопроса и не особенно важно знать это. В период республиканского Рима, т.е. до времен Рождества Христова, азартные игры считались запрещенными для граждан Римского государства. Они позволены были только в течение того времени года, когда совершался языческий праздник Сатурналий. До нас, впрочем, не сохранилось определенных законов, воспрещающих игры в Римской республике, а дошли до нас лишь частные правительственные распоряжения угрожающего характера относительно азартных игроков. Особенному наблюдению подлежали гостиницы в римском государстве, потому что в те времена гостиницы были вместе с тем и публичными домами. Надзор за гостиницами был поручен так называемым эдилам, которые смотрели за тем, чтобы здесь не происходило азартных игр. Игры получают особенное распространение в период так называемого императорского Рима. Тогда стали играть с особенной страстью и увлечением. Имеем в виду I и II вв. по Р. Хр. Значит, развитие страсти к азартным играм в язычестве, к сожалению, совпадает с тем временем, когда христианство распространялось и утверждалось в языческом мире. Сами римские императоры нередко принадлежали к страстным игрокам. Так, любителем азартных игр был первый римский император Август. Один из его ближайших преемников, император Клавдий (сер. I в.) с увлечением отдавался азартным играм; ему принадлежит сочинение "Об игре в кости" (*De aleae lusu*), которое, впрочем, не сохранилось до нас. С какой страстью, с каким самозабвением в это время отдавались азартным играм язычники греки и римляне разных сословий, об этом сохранилось красноречивое свидетельство знаменитого языческого врача Галена (II в.). Он говорит: "Некоторые люди во время пиршеств с таким же увлечением предаются игре в кости и шашки, с каким серьезные мужи занимаются благородными науками; тратя время на это неблагодарное занятие, игроки являются чрезвычайно выносливыми, так что они готовы бывают претерпевать сильный холод и чрезмерный жар (из этого видно, что игра велась иногда вне дома, на воздухе), не чувствуя ни того, ни другого, так что они и голодают, и мучаются жаждой, проводят ночи напролет без сна и наживают себе тяжелые болезни". В этих словах Галена заключается не только описание увлечения играми, но и обличение игроков.

Христианство распространялось в греко-римском мире в то время, когда греко-римское государство ослабевало нравственно во всех отношениях. Вследствие этого некоторые более слабые христиане, видя перед собой недостойные примеры распущенной жизни язычников, по слабодушию и столь свойственной человеку склонности подражать в особенности дурным примерам, переняли кое-что из языческих нравов и обычаев. Они стали увлекаться языческим театром, грубыми, кровавыми зрелищами так называемого амфитеатра (публичного цирка), и между прочим азартными играми тех видов, о каких мы упоминали выше. К нашему утешению, однако, нужно сказать, что увлечение азартными играми стало встречаться среди христиан не раньше конца II в., следовательно, первые христиане, жившие до этого времени и считаемые нами идеалом нравственного совершенства, во всяком случае, остаются достойными своей славы: они не сблизались с миром до порабощения этим миром.

Увлечение азартными играми встречаем в среде некоторых христиан, как на Востоке, так и на Западе*. На Востоке это зло в течение долгого времени проявляется в незначительных размерах. До VI и VII в. встречаем здесь лишь отдаленные примеры пристрастия к азартным играм. Не то видим на Западе. Западные христиане очень рано начинают увлекаться этим жалким делом (с

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org конца II в.) и не ослабевают в своем увлечении во все времена древней Церкви.

* Дальнейшая наша речь будет идти о древних христианах, т.е. о христианах от II до IX в.

На Востоке первые примеры увлечения играми указываются в обществе монтанистов (в конце II в.), следовательно, вне Церкви. Правда, монтанисты отличались очень строгими нравами, и примеры увлечения играми среди них, пожалуй, могут наводить на мысль, что если монтанисты, эти приверженцы очень строгой нравственной дисциплины, не в силах бороться против страсти к играм, то тем более члены христианского общества, не доводившие строгости нравственных правил до крайности, тоже легко могли заключать в своей среде слабых братьев, не чуждавшихся азартных игр. Но подобное заключение будет едва ли верно. Монтанисты больше говорили о строгости правил их жизни, чем исполняли эти правила. У лицемерных людей всегда можно встретить больше скрытых пороков, чем у людей не хваставшихся своей добродетелью, но зато в самом деле руководящихся этой добродетелью. Поэтому несколько не удивительно, что если монтанисты, при их самохвальстве совершенством своей жизни, втайне допускали себе многие увлечения; последних совсем не знали действительные христиане, чуждавшиеся похвалы своими правилами и поведением. В Восточной церкви такого раннего времени, как конец II в., увлечение играми со стороны христиан могло встречаться разве изредка, при исключительных условиях, например в таких больших и распущенных городах, как Александрия, вторая столица тогдашнего мира. Имеем в виду свидетельство Климента Александрийского, который, по-видимому, знал некоторых александрийских христиан, показывавших наклонность к достойным осуждения играм*. Относительно же прочего христианского Востока, мы, к счастью, не имеем никаких свидетельств, которые бы доказывали, что члены восточных христианских общин увлекались азартными играми; и это должно сказать не только о II, но и о III, и IV вв. Определенный случай достоверного характера, случай увлечения непозволительными с христианской точки зрения играми со стороны лица, принадлежащего к Церкви, встречаем в V в. Синезий, неоплатонический философ, обратившись к христианству, не оставляет своей языческой привычки проводить свободное время в играх, как это видно из его письма к своему брату Евоптию, где Синезий перечисляет те удовольствия и привычки, которые ему придется оставить при посвящении в епископа, когда его выбрали жители египетской Птолемаиды. Конечно, принимая во внимание этот случай, можно по-видимому, утверждать: если лица философского настроения, вроде Синезия, следовательно, самые серьезные, увлекались жалкими играми, то тем естественнее допускать существование страстных игроков в среде христиан менее просвещенных и менее строгих к себе. Но такое заключение нам кажется поспешным. Нужно помнить, что Синезий, несмотря на свой философский ум, имел множество увлечений; во-вторых, он уже в зрелом возрасте перешел от язычества к христианству и потому нелегко мог бороться с застарелыми недугами, нажитыми им в язычестве. Поэтому заключать от поведения Синезия к поведению прочих христиан V в. представляется неосмотрительным.

* Большая часть свидетельств, приводимых нами при рассказе о распространении игр между христианами, не цитируются здесь, ибо будут процитированы ниже.

Вообще, кажется, можно утверждать, что увлечение азартными играми встречалось нечасто между восточными христианами от II по V в. Нельзя этого сказать о VI и VII вв. истории христианского Востока. Знаменитый Юстиниан в своем законодательном кодексе дает очень ясные факты, свидетельствующие, что игроки между христианами VI в. умножились и их увлечение азартными играми приняло чисто болезненный характер. Так, в одном законе Юстиниана указывается, как далеко простиралась страсть к азартным играм в его время. Он говорит, что древняя игра в кости, на которую до сих пор смотрел закон снисходительно, сделалась предметом, достойным сожаления, потому что виды этой игры размножились и разнообразились. Мало того: страсть к играм

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org перешла, по уверению Юстиниана, в какое-то сумасшествие. Стали предаваться игре, замечает он, и такие лица, которые совсем не знали правила игры; они играли в азартные игры, зная почти одни названия игр; тем не менее они играли с самозабвением, со страстью, проигрывали свое состояние, посвящая играм день и ночь и не разбирая играли во все игры. Юстиниан не молчит, что и сами духовные лица вовлекались в игру и, во всяком случае, с услаждением смотрели на игру других, так что их самих можно было считать увлекающимися игроками. Отчего зависело такое развитие страсти христиан к азартным играм во времена Юстиниана, трудно сказать. Можно полагать, что очень большое число язычников, обратившихся в это время к Церкви ради житейских соображений, принесли с собой и порчу нравов, заразившую членов христианского общества. В VII в. положение дел было не лучше. Пято-Шестой (Трульский) Вселенский собор боролся против увлечения азартными играми как в среде мирян, так и клириков. Очевидно, что число игроков было очень значительно и в VII в. между византийскими христианами. Этот собор полагает на игроков те же самые наказания, как и на любителей сценических представлений; значит, увлечение играми так же беспокоило отцов собора, как и увлечение театрами, которое давно сделалось предметом порицания со стороны Церкви, как имеющее много точек соприкосновения с языческими нравами и преданиями. Вот что известно о приверженности членов восточного христианского мира к азартным играм.

Картина выходит много мрачнее, когда мы посмотрим, в каких фактах проявлялась и как далеко простиралась страсть к непозволительным на Западе играм разного рода, в среде христиан латинского происхождения и других национальностей. На Западе страсть к азартным играм среди христиан находим сильно укоренившейся и развитой уже в конце II в. Римские христиане этого времени, как бы забывая свое высокое призвание, играли с таким же азартом, как и язычники. Древнейшее и обстоятельнейшее изобличение игроков на Западе, находящееся в одном древнелатинском сочинении, относится учеными к концу II в. и известно под заглавием "Об игроках". Автором этого сурового трактата признается св. Виктор, папа Римский (кон. II в.). Если это верно, то значит были очень серьезные причины, заставившие этого папу обратиться с грозным словом против лиц, увлекавшихся азартными играми, из числа его пасомых. Карфагенский пресвитер Тертуллиан, живший несколько позже Виктора, со своей стороны также знал и обличал азартных игроков, хотя они и не принадлежали к чадам Православной Церкви. Теперь мы обратимся к целому ряду замечательнейших западных свидетельств, свидетельств, заимствуемых из памятников вещественных, но в высшей степени красноречивых. Имеем в виду катакомбы, в особенности римские, где находятся захоронения древних римских христиан. Раскопки последнего времени в катакомбах дали богатый материал для характеристики жизни древних христиан. По изучаемому нами вопросу катакомбы не молчат; они дают ясное свидетельство о том увлечении, с каким христиане эпохи образования и развития катакомб предавались азартным играм. Есть однако же одно важное неудобство при пользовании данными, заимствуемыми от вещественных памятников – катакомб. никто не в состоянии точно решить, к какому именно времени относятся эти данные. Катакомбы возникли в конце I в. и оставались в употреблении в качестве христианских кладбищ до конца IV в. Но никак не уяснено (да едва ли это и удастся), к какому веку относятся данные, которые мы сейчас приведем. Чтобы не сделать крупной ошибки, можно утверждать одно: так как с одной стороны известно, что страсть к играм появилась у римских христиан не раньше конца II в., и так как, с другой стороны, с конца IV в. катакомбы перестали быть христианскими кладбищами, то данные, о которых у нас речь, можно вообще относить к двум векам христианской истории – от конца II до конца IV в. Какие же это данные? В гробах христиан, погребенных в катакомбах, исследователи находят возле останков от тел христиан игорные кости, диски, употреблявшиеся при этой игре, и игорные марки. Раскопки новейшего времени дали большую массу этого археологического материала. Прежде думали, что игорные кости попали в гробы христиан как значки или номера для счета гробов, так как на игорных костях, как известно, находились цифры, или же полагали, что предметы, относящиеся к игре, помещаемы были в гробах в качестве своего рода символов: игорная кость, говорили прежние археологи, означала скоротечность жизни или же указывала на победу над смертью, так как счастливый игрок одерживал верх над противниками. Но в настоящее время все подобные объяснения оставлены и даже католические ученые склоняются к мысли, что некоторые малопросвещенные христиане клали игорные принадлежности в гробы покойников вследствие суеверия, которое христиане заимствовали у язычников. В настоящее время открыто в катакомбах несколько шуточных и неприличных надписей, относящихся к погребенным здесь покойникам, любившим игры. Надписи эти, находимые на игорных досках,

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org зарытых на месте с трупом покойника, отличаются языческим характером*. Очевидно, хоронившие покойников родственники и друзья клали с телами покойников в могилу то, что увеселяло их при жизни. От этого в гробах, кроме игорных костей и досок вообще, нередко находят кости именно со счастливыми номерами, т.е. такими, которыми определяется выигрыш. Наконец, мы должны указать на тот факт, что в одной из римских катакомб найден даже гроб, как гласит надпись "мастера предметов, имевших отношение к игре в кости" (*artifex artis tessellariae lusoriae*). После всего этого едва ли может быть какое-либо сомнение в том, что римские христиане III и IV вв., по крайней мере некоторые из них, были страстными игроками, и что христианское общество слишком снисходительно смотрело на таких недостойных его членов. Что касается IV в., то история имеет определенные свидетельства, что западные христиане этого времени своей привязанностью к играм обращали на себя внимание как соборов, так и церковных писателей. Из правил собора Эльвирского (в Испании, в начале IV в.) видно, что борьба с игроками входила в программу его деятельности. А по некоторым выражениям св. Амвросия, епископа Медиоланского, можно заключать, что азартная игра доводила некоторых христиан до печального нравственного состояния. В позднейшее время древней Западной церкви зло не только не уменьшается, но еще увеличивается, как это можно видеть из того, что Церковь теперь ведет борьбу не против увлечения игрой простых христиан, – по-видимому, зло это представлялось неистребимым среди мирян, – а монахов и духовенства. Значит, и лица духовного сословия не меньше других стали пристращаться к игре. Григорий Турский (западный писатель VI в.) рассказывает очень замечательный случай об аббатиссе (игуменье) монастыря св. Радегунды в Пуатье (во Франции). Подчиненные ей монахини обвиняли аббатиссу между прочим в том, что она играет в кости. Обвиняемая не запералась, а объявляла в свое оправдание, что она стала играть еще при жизни св. Радегунды и что ни Св. Писание, ни церковные правила не запрещают играть. Впрочем, она не отказывалась исполнить волю епископа и бросить игру (*Histor. Franc. X, 16*). Собор Майнцский (в начале IX в.) полагает прещение на духовных лиц и монахов, позволявших себе азартные игры. Так сильно было распространено рассматриваемое нами зло на Западе к концу эпохи древней церковной истории! Вообще можно утверждать, что западные христиане гораздо больше увлекались азартными играми, чем восточные.

* Вот некоторые из таких надписей: *Victus* (это слово употреблено здесь в значении счастливого игрока) *leva te, ludere nescis, da lisori iocum* (дай место игроку); *Domine, frater hilaris semper ludere tabula* (брат пусть всегда весело играет на игорной доске). Полный перевод делать неудобно.

Переходим к изложению истории борьбы древней Церкви против увлечения христиан азартными играми. Сообразно с тем явлением, что азартные игры были больше распространены на Западе, чем на Востоке, борьба церкви Восточной против этого зла не так энергична и потому не очень богата фактами.

Самое раннее свидетельство о борьбе Восточной церкви с азартными игроками находим в одном полемическом сочинении (оно не дошло до нас) христианского писателя конца II в. – Аполлония. Этот писатель обличает за увлечение играми так называемых монтанистических пророков, т. е. лиц, которые считались у этих сектантов за учителей, руководителей других, и просвещаемых непосредственно от самого Бога (подобно пророкам Ветхого и Нового Завета). Аполлоний говорит (Евсевий. Церк. история, V, 18): "Нужно испытать все плоды пророка. Скажи мне: пророк намащается? Пророк подкрашивается? Пророк наряжается? Пророк играет в шашки и кости) Пророк дает деньги в рост? Пусть они по совести скажут, позволительно это или нет? А я докажу, что у них действительно так бывало". Этот первый случай обличения игроков между христианами, к нашему утешению, касается не христиан православных, а отщепенцев от Церкви. Следует заметить об этом обличении, что полемист перечисляет нравственные недостатки монтанистических пророков, начиная от более извинительных и кончая более тяжким из них, и ставит игру в кости и шашки в середине, между более простительными грехами и наиболее тяжким из числа замечаемых в мнимых пророках, – лихоимством. Из этого видно, что полемист относит игру не к самым тяжелым грехам. Почему так, определить трудно. Вероятнее всего потому, что на Востоке в это время увлечение азартными играми не было сильно и не сопровождалось всеми печальными последствиями этого жалкого

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org занятя. Почти одновременно с Аполлонием в борьбу с азартными игроками вступает Климент, учитель Александрийский. На этот раз дело идет, по-видимому, о некоторых православных христианах богатой и распущенной столицы Египта. В одном из своих сочинений (Paedag. III, 11,75) Климент писал: "Мужчины не должны шататься по баням (которые тогда служили, заметим, чем-то вроде наших клубов) и питейным домам, болтая всякий вздор, и, наконец, они должны перестать охотиться за мимо проходящими женщинами; притом же они, мужчины, так неумомимы в злословии других, имея в виду возбуждать смех. Должны быть запрещены, далее, игра в шестисторонние кости (т.е. кивы), а также удовлетворение корыстолюбия посредством четырехсторонних костей (т.е. астрагалов), чему так охотно предаются. Такого рода забавы изобретает расточительность ради праздных людей. Да и изнеженность так же стала причиной этого явления. Любят вещи, ничего не стоящие, лежащие вне области истины; да и нужно помнить, что нет ни одного развлечения, которое не сопровождалось бы потерей". Климент, как видим, много строже относился к игрокам, чем Аполлоний. Он, по-видимому, готов считать азартных игроков такими же преступниками, как прелюбодей и праздные люди, извращающие свои чувства и проматывающие свое имущество. По крайней мере, к такому заключению приводит то обстоятельство, что он одинаково недоволен поведением как игроков, так и прелюбодеев и жалких празднолюбцев.

После времен Климента Александрийского проходят целые столетия, в течение которых мы не встречаем прещений и порицаний на игроков. Едва ли отсюда можно выводить заключение, что в течение целых веков восточные христиане вели себя благонамеренно и не допускали себе играть в азартные игры. Скорее можно думать, что игроков было немного и их игры были умеренны и относительно скромны. Во всяком случае, дальнейшее проявление борьбы против азартных игроков встречаем на Востоке уже в VI и VII вв. В VI в. очень ревностно боролся против этого зла знаменитый Юстиниан, стоявший в своих законах на церковной точке зрения и, конечно, вполне поддерживаемый предстоятелями Церкви. Он издал закон, которым строго запрещалось вести азартную игру, как публично, так и в частных домах (исключение сделано только для некоторых игр, более невинных). Он справедливо находит, что игра завлекательна (несмотря на свою нелепость), что она ведет к потере имущества, что она всегда порождает ссоры и ругательства, что она развивает ненасытное корыстолюбие. Юстиниан приказал духовенству следить за тем, чтобы не допускалось недозволенных игр и чтобы оно доносило правительству о случаях азартной игры. Самим духовным лицам Юстиниан запрещает не только вести игру, но и смотреть на игру других, указывая на то, что игра всегда сопровождается такими явлениями, которые оскорбляют и слух, и зрение (Cod. III, 43, 1). Мало того, в одной из своих новелл (новых законов), он прямо определяет довольно строгое наказание духовному лицу, допускающему себе заниматься азартной игрой. По определению Юстиниана, клирик, предающийся играм, на три года отрешается от должности и заключается на это время в монастырь (Novell. 123, 10). В VII в. относительно увлекающихся азартными играми, на Пято-Шестом (Трулльском) Вселенском соборе, составлено следующее постановление, имеющее в виду не одних мирян, но и лиц духовных. Правило 50-е указанного собора гласит: "никому из мирян и клириков не играть отныне в азартные игры (в греческом тексте употреблено здесь слово *κίβητιον*, означающее именно игру в кости). Если же кто-либо окажется делающим это, то если он клирик, да будет извержен (из сана), а если мирянин, да будет отлучен (от св. Причастия)".*. Замечательно, что в правилах собора Трулльского азартные игры поставлены на одну ступень с увлечением театральными зрелищами и зрелищами звериной травли. Это можно видеть из того, что в следующем (51-м) правиле собор увлекающихся этими зрелищами подвергает тому же самому церковному наказанию, какому и азартных игроков. А нужно сказать, что древняя Церковь очень строго относилась к увлекающимся театральными представлениями, балетом и звериной травлей, так как все эти увеселения долго сохраняли чисто языческий, необузданный и непристойный характер. После законоположений Юстиниана и правил Трулльского собора, направленных против азартных игроков, в древней Церкви более уже не встречаем на Востоке новых законодательных определений по этому предмету. Это, конечно, зависело от того, что сейчас приведенные определения Юстиниана и Трулльского собора могли служить достаточной уздой для укрощения упорных игроков.

* Ср. Апостольские правила 42-е и 43-е.

Скажем о тех усилиях и тех мерах, которые со своей стороны Западная церковь употребляла в борьбе против страсти к азартным играм. Азартные игры, как мы видели, очень рано проникли в среду западных христиан и не переставали вовлекать их в грех во все времена, составляющие период древней Церкви. Западная церковь с прискорбием смотрела на пристрастие некоторых ее сынов к этому постыдному для христианина занятию и стремилась к врачеванию этого зла. Эта Церковь то выступала против увлекающихся играми с энергичными, но краткими прещениями, то подробно и обстоятельно раскрывала и разъясняла опасность и пагубность рассматриваемой страсти. Прещения краткие, но энергичные делались как соборами, так и церковными писателями. Перечислим сначала эти прещения. Древнейшее церковное свидетельство против игроков встречается у Тертуллиана Карфагенского. При одном случае в своих сочинениях, объясняя слова Христа, сказанные Им в ответ тем, которые заявляли Ему: "Вот мать твоя и братия твои стоят, желая говорить с Тобой", - слова: "Кто мать моя? и кто братия мои?" (Мф. 12, 48), Тертуллиан пользуется этим случаем, чтобы сделать несколько замечаний против игроков. Между древними еретиками были и такие, которые допускали только небесное рождение Христа и отрицали Его человеческое происхождение, основывая свое лжеучение на словах Христа: "Кто мать моя? и кто братия мои?" - в которых, по толкованию указанных еретиков, Спаситель будто бы отрицал свое человеческое происхождение. Такими еретиками во времена Тертуллиана были Маркион и Апеллес. Разбирая и опровергая это лжеучение, Тертуллиан справедливо утверждал, что на основании приведенных слов Христа никак нельзя отрицать Его принадлежность к человеческому роду по происхождению, ибо всякий человек, рассуждал Тертуллиан, может иногда находиться в таком положении, что он как бы желает на время позабыть о своих родителях и своих родственниках. И в пример возможности такого положения указывает на игроков, объятых страстью к игре. Тертуллиан говорил: "Позволь заметить тебе, Апеллес, или тебе, Маркион, разве вы, будучи увлечены игрой в кости или спорами об актерах и наездниках и услышав, что вас желают видеть мать и братья, не воскликнули бы: "Кто моя мать и кто мои братья?" (De carne Christi, cap. 7). Не вдаваясь в рассуждения о том, прилично ли, уместно ли приводить подобные примеры, когда речь идет о Божественном Искупителе (заметим однако: едва ли наше время, более благочестивое на словах, чем на деле, вправе строго судить древнехристианских писателей, хоть и неразборчивых в словах, но зато исполненных действительной ревности по Бозе), укажем, как сравнительно много сказано Тертуллианом в немногих словах по интересующему нас вопросу. Во-первых, как тонкий психолог, он отмечает самозабвение, до которого доходит азартный игрок: такой игрок, как известно, готов забыть обо всем на свете, за исключением самой игры: он не помнит ни о своих общественных, ни семейных обязанностях; он так объят постыдной страстью, что от него легко услышать: "Да что мне мать, братья; мне теперь не до них!" Во-вторых, тот же писатель, желая образумить приверженных к игре своих единоверцев, сравнивает их увлечение игрой с увлечением театром и конскими бегам; для нас только тогда будет понятна степень строгости суждения Тертуллиана, когда вспомним, что театр тогда отражал и совмещал все худшие стороны языческого общества; представления заимствовали свои сюжеты из языческой мифологии, речь постоянно шла о Венере да о Бахусе; театр был учителем безнравственности и убежищем для безобразных оргий. Сравнивая увлечение игрой с увлечением театром, он тем самым порицает игроков как самый худший род людей.

Из III в. мы не имеем указаний на борьбу на Западе с рассматриваемым злом. Но зато в IV в. против этого вооружаются и соборы, и церковные писатели. Вышеупомянутый нами собор Эльвирский постановил такое правило (прав. 79-e): "Если кто из числа верующих (христиан) играет в кости ради денег (nummis), таковой пусть перестанет это делать; он должен быть на год лишен права принимать дв. Причастие и может быть допущен до Причастия по истечении указанного срока лишь в случае исправления поведения". Вот первое церковное правило, которым игрок, приверженный к азартным играм, подвергается важному церковному наказанию. Но, как кажется, постановление собора Эльвирского несколько не уврачевало недуга. По крайней мере, в том же IV в. (в конце его) св. Амвросий Медиоланский сильно ратует против увлекающихся играми. Св. отец, обличая игроков между христианами, сравнивает прибыль, добываемый путем игры, с воровством, ставит его на одну ступень с барышом, получаемым ростовщиками, и говорит, что самые лица, предающиеся игре, похожи по своим нравам на диких зверей (в соч. его De Tobia, cap. 11). Как ни суров приговор св. отца относительно азартных игроков, этот приговор вполне справедлив. Азартные игроки, если им благоприятствует удача, т.е. если они выигрывают, мало чем отличаются от воров и ростовщиков: вор и

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org ростовщик обогащаются без труда, они не потом и кровью создают свое благосостояние, – точно так же и счастливые игроки. Азартные игроки, с другой стороны, все вообще, как справедливо замечает св. Амвросий, похожи на диких зверей: как звери только и заняты одним – отыскиванием себе обильного корма, так и у игроков одно на уме: выиграть побольше во что бы то ни стало; как зверь, под влиянием голода, доходит до остервенения, так и азартный игрок, под влиянием ненасытного корыстолюбия, готов обобрать всех, не различая друзей, родных, бедняков, проигрывающих в азартной игре последнюю копейку; как вершину наслаждения для зверя составляет лакомый кус, так для игрока большой куш денег, услаждающий корыстолюбивую душу. – Как кажется, и голос знаменитого отца Церкви не имел большого влияния на Западе. Так можно думать на том основании, что собор Майнцский (813 г.) запрещает пристращаться к азартным играм (*aleas amare*) лишь лицам монашеского и духовного чина (прав. 14-е), а о мирянах не упомянуто, – не упомянуто вероятно потому, что Западная церковь не находила средств обуздать мирян, предоставив их в этом случае их собственной совести.

Самое обстоятельное, самое внушительное раскрытие всех темных сторон увлечения азартными играми сделано на Западе в трактате "Об игроках" (*De aleatoribus*), древнейшем латинском христианском сочинении, приписываемом учеными (Гарнаком) римскому епископу II в. – Виктору. Сочинение это представляется нам настолько богатым назидательными мыслями, что мы решились сделать из него большие извлечения и поместить их в конце нашей статьи, на основании правила: "Конец – делу венец". Автор-епископ пишет: "Мы обеспокоены за все братство наше (христиан) по причине дерзости игроков, которые и других вводят в соблазн, и сами приносят себе пагубу. Господь по Своему милосердию внушает нам, чтобы никто из верующих по неосторожности не попадал снова в сети дьявола; Он повелевает нам быть предусмотрительными и опытными, так как дьявол различными способами улавливает чад Божьих. Испытания его разнообразны; главнейшие из них вот: идолопоклонство, прелюбодеяние, воровство, грабеж, корыстолюбие, обман, пьянство и т.д.; к числу этих же испытаний относится и игорная доска. На ней стоит сам дьявол со смертоубийственным ядом змеи и приводит верующих к падению, улавливая их кажущейся невинностью занятия. Но вспомните: должна ли рука, очищенная от неправд человеческих, принимающая участие в Господней жертве, поднимаясь вверх для хвалы Господа (указание на древний способ молитвы посредством воздеяния рук), полагающая крестный знак на челе, получающая божественные таинства (в древности евхаристический хлеб давался прямо в руку причастнику), снова запутываться в тенетах дьявола? Рука игрока причиняет ему повреждение, осуждает сама себя, ибо игорная доска есть орудие дьявола, наносящее неисцелимую рану. Здесь дьявол торжествует свою победу над нами; здесь возникает вероломство и лжесвидетельство. Вокруг игорной доски царит безумный смех, ни во что ставится божба и слышится шипение, подобное змее; самые злые страсти, споры, ругательства и дикая зависть не умолкают около игорной доски и ссорят между собой братьев и друзей. На игорной доске растрачивается состояние, с трудом нажитое; что заработано предками в поте лица, губится вследствие постыдного занятия игрока. О злосчастная рука, бьющая того, кому принадлежит, рука, не знающая покоя, день и ночь вооруженная бессмысленным инструментом, и не прежде переставшая играть, как когда отвратительные кости уносят все имущество и игрок остается беден и нищ. Закон Божий ненавидит эти кости, ибо они порождают преступление и горькую нищету. Игорная доска есть изобретение дьявола, имеющего в виду обнищание человека и побуждающего человека играть даже и тогда, когда у последнего уже ничего не осталось. Без какого-либо судебного процесса человек лишается всего своего достоинства. Никто не причиняет ему вреда, никто не преследует его, но он сам преследует себя и изживает свое и отеческое наследство игрой в разнообразные костяшки. Этого мало: игроки проводят у банкмета целые ночи в обществе блудниц, при запертых дверях. Отсюда рождается двойного рода преступление; здесь раздаются звуки от метания костей, а там в молчании совершается прелюбодеяние; здесь при забвении своего достоинства в игорной горячке растрачивается игроком имущество, а там (в спальне) выпивается смертоносный яд. Кто изобретатель этого преступления (игры)? Об этом говорят писатели. Кто-то знакомый с науками* пожелал приобрести себе божественные почести, велел сделать себе статую, в руках которой находилась игральная доска, обозначил на статуе свое имя и прослыл изобретателем. Его именем стал зваться каждый игрок, даже принадлежащий к христианскому обществу; игроки стали приносить ему жертву. Кто играет в кости, – продолжает автор, – тот совершает злодеяние и в день Суда (страшного) будет брошен в огонь. Кто играет в кости, тот наперед обязывается принести жертву изобретателю игры, следовательно, делается идолопоклонником, а этих последних, по слову

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org
Писания, ожидает смерть вечная. Но и тот, кто не приносит языческой жертвы перед началом игры, все же виновен в подобном же преступлении, ибо Св. Писание многократно грозит осуждением и всякому соприкосновению со скверной. Каждый христианин, увлекающийся игрой, пусть знает, что он не христианин, а язычник, а его участие в Господней жертве не будет иметь для него значения. Христианин-игрок напрасно называется христианином, ибо он находится в сетях Мира и, сделавшись другом врага Христова, не может пребывать в содружестве с Христом. О неразумные христианские игроки, которые держат себя также худо, как и языческие игроки; ведь и первые также впадают в ярость, кричат, дают ложные клятвы, бранятся, впадают в отчаяние, проматывают свое имущество; увлекаемые дьяволом и неразумной страстью, они продолжают играть, несмотря на проигрыш, пока не останутся наги. Играющий христианин пятнает свою руку идоложертвенным, между тем как Господь возвещает Свой гнев простирающим руки к злему, а Апостол (Павел) говорит: "Не сообразуйтесь с веком сим, но воздерживайтесь от всякой неправды мира" (в смысле: Рим. 12, 2). Ведь здесь речь идет о грехе против Бога, за который, как свидетельствует Писание, нельзя ожидать ни извинения, ни снисхождения, ни прощения. Несчастный, удержишься от своего безумия! Зачем ты вместе с дьяволом хочешь низвергнуться в сеть смертную? Так как ты воздаешь хвалы врагу твоему (дьяволу), то необходимо и наказан будешь вместе с ним. Не как игрок, а как христианин, принеси лучше деньги твои на трапезу Господню, где председатель Христос, где ангелы взирают и присутствуют мученики; раздели свое достояние между бедными". Затем автор-святитель начинает говорить метафорически и очень остроумно пользуется различными выражениями, взятыми из языка игроков, например: "игра", счастливый "игрок", "развлечение", "искусство игрока" - для того чтобы отвлечь игрока от этого постыдного дела и сделать из него благочестивого христианина; особенно остроумно говорит автор в том случае, когда пишет: "Да будет ежедневно твоя (игрока) игра с бедными" (т.е. пусть он занимается этими последними). В заключение писатель внушает: "Бегай от дьявола, бегай от костей - этих врагов твоих добрых дел; выбрось вон кости из твоего сердца" (см.: Гарнак. Указ. соч.).

* Предание это, вероятно, возникло по той причине, что различные "ходы" в игре носили имена лиц исторических или мифологических, что является признаком учености.

Мы познакомились с древнейшим христианским сочинением против игроков. Оно достойно полного внимания. Обличения, заключающиеся в нем, многосторонни. Оно старается вразумить страстного игрока ссылками на Св. Писание, раскрывает вред и пагубу игры для души человека, особенно христианина, обращает внимание игрока на возможность потери всего имущества, указывает на непристойность и зазорность того общества, среди которого вынужден вращаться игрок. Словом, писатель рассуждает и как благочестивый богослов, и как опытный психолог, и как осторожный экономист.

Несправедливо было бы думать, что обличения, прещения и увещания древней Церкви, обращенные к азартным игрокам, не имеют приложения к нашему времени. То правда, что теперь не существует тех самых игр, которые имела в виду древняя Церковь, не существует и многих обычаев, сопровождавших игры в прежнее время. Но изменились только формы, а сущность осталась одна и та же. Теперь нет азартной игры в кости, но выдуманы азартные игры в карты и в рулетку. А главное: поведение, нравы игроков нашего времени совершенно одинаковы с поведением и нравами игроков давнего времени; прежде среди азартных игр бранились, всячески клялись, допускали неистовый шум, завидовали и ненавидели, т.е. нравственно портились; но не то ли видим и теперь? Прежде играли в надежде на быстрое и незаслуженное обогащение; тем же мотивом руководствуются и игроки нашего времени. Прежде несчастливые игроки проигрывались до последней нитки; то же бывает и теперь. Старинные игроки были суеверны; а разве мало суеверных примет радостно или печально настраивает душу теперешнего игрока? Даже обстановка игроков прежнего и настоящего времени мало изменилась: прежде играли в обществе публичных женщин; но и в настоящее время, как скоро появляется газетное известие о том, что полицейскому надзору удалось обнаружить существование тайного игорного притона и арестовать виновных, - в числе необходимых принадлежностей такого притона почти всегда фигурируют женщины легкого поведения, имеющие значение приманки. Если так много схожего между

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org проявлениями страсти к азартным играм в прежнее и нынешнее время, то обличения, прещения и увещания древней Церкви, обращенные к игрокам давнего времени, сохраняют всю свою силу и для нашего века. В особенности не следует забывать, что одно из правил Вселенского собора (Трулльского) прямо запрещает всем христианам азартные игры. Правда, правило это, по благоснисхождению Церкви, не действует, но оно не отменено и призывает нарушителей его к исправлению своей жизни, если они действительно считают Церковь своей матерью.

Да и одни ли азартные игроки могут извлекать для себя полезные уроки из тех обличений и прещений, с какими обращается древняя Церковь против азартных игр? Всякий, играющий в какую-либо игру на деньги и чувствующий пристрастие к ней, уже носит в своем сердце зачатки той болезни, которую страдают игроки азартные. Как легко из игрока для развлечения сделаться игроком азартным! Пусть и для таких людей голос древней Церкви послужит вразумлением и предостережением.

Приложение к статье VIII О происхождении монашества

Аскетические проявления в языческой древности; существенное различие христианского аскетизма от этих проявлений, при сходстве внешних форм; сведения о христианском аскетизме первых трех веков; почему этот аскетизм в свое время не принял форму монашества? Чем обуславливалось происхождение монашества с началом IV в.: отчуждение аскетов от христианского общества с его недостатками, жажда мученичества; почему монашество возникает в Египте?

Христианское монашество не есть явление оригинальное. Как аскетизм вообще, так и монашество, как определенно сложившийся аскетический институт, не ограничиваются собственно христианской Церковью, но они были и прежде, и после Христа и в других религиях, в особенности на востоке. В Индии, может быть за 1500 лет до Рождества Христова, во всяком случае задолго до Александра Македонского, встречаем различных анахоретов или монахов, которых греки называли гимнософистами или "нагими философами"; эти монахи, следуя предписаниям "Вед" и законов Ману, через удаление от мира, через всякие самоумерщвления, каковы, например, нищета, безбрачие, посты, странствования, сон на соломе или на голой земле, ползание на чреве, целодневные стояния на одном пальце ноги, сидение под жгучими лучами южного солнца или под дождем - старались освободиться от греховности, заключающейся в чувственности, и стремились через самоотречение вознестись к источнику всякого бытия. Индийская религия, как известно, распадается на две ветви, на браманизм и буддизм, которые стоят в таком же отношении между собой, как иудейство и христианство. Буддизм есть система более поздняя и вышла из браманизма. Но при всем своем различии обе эти системы благоприятствовали строгому аскетизму, хотя принципы, из которых исходили эти аскетические направления в них, и не были одинаковы. Аскетизм браманизма исходит из пантеистического и нигилистического мировоззрения. Первый проистекал из стремления к слиянию с абсолютным единством, отсюда презрение к миру, сущность которого составляет множественность, второй происходил из сознания крайней пустоты всякого бытия; первый идеалистичен, второй реалистичен. Браманизм благоприятствовал изолированному отшельничеству, а буддизм выработал общежительную монашескую жизнь, в нем развилось монашество и мужское, и женское. Буддийские монастыри с их общежительной жизнью, с обетами целомудрия, добровольной нищеты и послушания так бросались в глаза западным христианским миссионерам, что они, не задумываясь, производили их происхождение из желаний дьявола ввести подражание христианской аскетике. Явления аскетизма уже задолго прежде Христа находим у иудеев, как, например, у назореев, полуиудеев и полуязычников - ессеев, а также у терапевтов в Египте. Сам эллинский мир не остается вне этого круга аскетических проявлений. Эллинская философия под пифагорейцами, платониками, стоиками понимала не только людей теоретического знания, но и людей, отличавшихся мудростью в практической жизни; приверженцы философии Пифагоровой, платонической и стоической часто сопровождали изучение философии строгим воздержанием, так что философ и аскет на языке греков значило почти одно и то же.

Говоря это, мы не хотим сказать, что христианское монашество возникло из языческого аскетизма (на самом деле этого не было), но явление монашества в Церкви не есть явление специфически христианское, а принадлежит к кругу явлений общерелигиозного или религиозно-философского характера. Оно обуславливалось не непосредственно христианством, но есть результат человеческого сознания, достигшего известной стадии своего развития. Но это

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org сознание не тождественно в аскетизме христианском и аскетизме языческом. В христианском монашестве преобладает принцип нравственный, принцип борьбы духа с плотью в целях самоусовершенствования; напротив, в аскетизме языческом преобладает принцип метафизический: здесь плоть презирается то как продукт злого начала, материи – в системах дуалистических, то как препятствие к абсолютному слиянию с Единым – в системах пантеистических. Что касается иудейского аскетизма, то за исключением назорейства, которое имело не очень широкое распространение в иудействе, другие явления, как есеейство и терапевтизм, суть явления, развившиеся под влиянием языческих идей. Но если исходная точка и отличает монашество христианское от аскетизма языческого и иудейского, то, однако, нужно заметить, что формы проявления этого направления духа довольно близко сходятся между собой. И это опять не результат заимствования, а скорее результат единства в идее, ищущей для себя одинакового выражения. Чтобы убедиться в родстве формы христианского монашества в древней Церкви и аскетизма иных религий, мы возьмем для сравнения формы аскетизма индийского и христианского, как этот последний развился на юге почти при тех же климатических условиях, как и первый. Древние и новые путешественники встречали в Индии аскетов, которые, ползарывшись в муравьиную кучу, обвитые на шею колючими растениями вроде терновника, с распущенными волосами, покрытыми птичьим пометом, неподвижно, как древесные стволы, стояли и смотрели на солнце. Древний географ Страбон рассказывает, что брамины в обнаженном виде выставляли себя на солнце и дождь, часто целые дни стояли на одной ноге, держа над головой тяжелое дерево. Некоторые гимнософисты стояли по получасу на голове, или же с железным крюком на спине ходили взад и вперед по канату над огнем. Иные носили тяжелые железные цепи на шею или тайных членах, или ходили в обуви, наполненной железными гвоздями, так что каждый шаг оставлял после кровавый след. Некоторые на всю жизнь приковывали себя к дереву, садились в клетки, подвешенные на деревьях. Последователи божества Шивы являлись на праздниках с окровавленными губами и языком, в которых был воткнут нож и пр.

Теперь посмотрим на формы христианского аскетизма: как много общего между описанными нами формами и этими? Церковный историк Евагрий, описывая палестинских монахов V в., рассказывает: "Некоторые из монахов заключаются в своих хижинах поодиночке; а их хижины имеют такую ширину и высоту, что в них нельзя ни прямо стоять, ни без боязни наклоняться. Это, по слову Апостола, – замечает историк, – жизнь "в вертепах и пропастях земных" (Евр. 11, 38). Иные из них обитают вместе со зверьми в каких-нибудь неприметных для посторонних расселинах земли. Придуман ими и еще вид жизни, превосходящий силу всякого мужества и терпения. Они проникают в сжигаемую солнцем пустыню, и, покрывая лишь тайные члены своей природы, прочее тело, как мужчины, так и женщины, предают ужасным морозам и знойному воздуху; совсем отвергают также употребляемую людьми пищу и питаются прямо от земли, срывая растения, чтобы только жить, и потому называются "пасущимися". По временам они становятся зверовидными, т.е. изменяют телесный свой образ, да и образ мыслей получают несвойственный людям" (Церк. история. Кн. I, гл. 21). Припомним наконец еще один вид монашеского подвижничества – столпничество.

Христианское монашество, как известно, явилось в IV в.; но следы аскетического направления в христианстве мы находим уже в первых веках. Аскетизм первых веков был подготовительной стадией к развитию монашества. В первенствующей Церкви встречаем особый род христиан обоего пола, которые известны с именем аскетов и девственников. Они живут среди общества, добровольно отказываются от брака и от собственности, проводят время в постах, молитвах и религиозном созерцании. Иногда они образуют даже отдельные общины для взаимного побуждения к неослабному аскетизму; в эти общины принимались даже дети, которые воспитывались для дальнейшей воздержной жизни. Указанные лица пользовались вместе с исповедниками высоким уважением, имели отдельные места в богослужбных собраниях; во время гонений они с воодушевлением стремились к мученичеству как к желанной цели.

Аскетическому направлению умов того времени весьма много содействовало стремление христиан как можно более отделить себя от языческого общества в образе жизни. Они хотели быть не от Мира сего, хотя и оставались в Мire. Христианская Церковь, со своей стороны, в лице некоторых ее представителей, старалась поддерживать это направление, и таким образом зарождалось зерно монашества. Уже "Пастырь" Ерма (II в.) различает двоякую нравственность: высшую и низшую; первой могли следовать лишь немногие, вторая составляла общее требование. Климент Александрийский требует от христианского мудреца,

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org чтобы он отличался от простых христиан не только высшим познанием, но и высшей, вполне бесстрастной стоической добродетелью и господством над всеми чувственными состояниями; Климент склонен был смотреть на тело, подобно Платону, как на гроб и узы души. Еще далее идет ученик его Ориген. "Кто делает только то, что поведено, тот есть еще неключимый раб, но кто делает более, только тот называется добрым и верным рабом". С такими же воззрениями встречаем писателя III в. из Александрийской школы - Иеракла. Этот последний жизнь аскетическую считает единственным признаком, который отличает новозаветное домостроительство спасения от ветхозаветного. "Что принесло нового, - спрашивает он, - учение Единородного? Какое новое благо даровало оно человечеству? О страхе Божьем, о зависти, о корыстолюбии уже говорит и Ветхий Завет. Что нового остается, как не введение безбрачной жизни?" В особенности этот пункт о важности безбрачия для христианина с необычайной ревностью проповедовался отцами и учителями Церкви еще до времен монашества. Так, св. Иустин в первой Апологии с особым удовольствием выставляет перед язычниками то, что он может указать многих между христианами старцев и стариц, которые всю жизнь прожили, пребывая в девственности; он желает как можно большего распространения целомудрия между христианами, указывая на пример Христа, и доказывает - замечательный аргумент, - что Христос потому и родился от Девы, чтобы положить предел для чувственной похоти. Другой апологет, Афинагор, также ревностно защищал безбрачную жизнь. Он говорил: "У нас можно найти многих, которые состарились, оставаясь безбрачными, в надежде, что они теснее соединятся с Богом". Ориген, со своей стороны, так высоко ценил безбрачную жизнь, что даже оскотил себя еще в ранней молодости. Заслуживают внимания стремления вышеупомянутого нами Иеракла доказывать на основании Св. Писания необходимость безбрачной жизни для христианина. Он старается доказать, что апостол Павел дозволил брак лишь только из опасения перед слабостью человека и что собственно он был проповедником безбрачия. Он пользовался для своей цели также притчей Спасителя о десяти девах и выводил отсюда, что, следовательно, только безбрачные примут участие в небесном Царствии. Такие рассуждения отцов и учителей Церкви, в духе аскетизма, не могли не действовать сильно на умы современного им общества, когда оно и само, в силу стремлений как можно более отделиться от языческого общества, склонно было к подобным идеям.

Но при всем том первые века христианства не могли породить и развить монашеской жизни. Еще многое не благоприятствовало появлению монашества. Аскетизм первых веков не мог перейти в монашество, в полное прерывание связей с миром, в решительное презрение к нему, прежде всего потому, что еще слишком живы были примеры не аскетического отношения к жизни, какие имели место в Апостольской церкви. Первоначальный исторический образ христианства с его необычайной жизненностью еще не отошел в область преданий. Еще слишком был в памяти пример женатых апостолов, чтобы безбрачие могло восторжествовать над брачной жизнью. Климент Александрийский, различавший, как мы видели, нравственность христианского мудреца от общей христианской нравственности, однако же, борется еще против отвергающих брак, - в силу свежих, живых еще воспоминаний о жизни апостолов. "Будут ли, - говорил он, - порицать и апостолов? Петр и Филипп рождали детей; Филипп выдал замуж дочерей; сам Павел не усомнился в одном послании приветствовать свою жену (?), которой он не водил с собой для большего удобства в служении" (Евсев. III, 30). История жизни Самого Христа еще не стала тогда предметом отвлеченного изучения, она была живым примером, предметом как бы непосредственного восприятия. В это время, так сказать, фактический Христос не затенялся Христом идеальным, неземным, божественным. Для всех было памятно, что Христос, высший образец верующих, не был ни членом монашеского общежития, ни анахоретом. Он не жил аскетом, но был совершеннейшим образцом среди мира. Он вращался в обществе своих учеников и учениц; Он являлся в домах своих сородичей и друзей, в Кане и Вифании; Он не избегал брачных торжеств, разделял печаль об умершем друге, садился за один стол с грешником и мытарем; Его бедность и безбрачие не суть чисто аскетические, - бедность Его вытекала из унижения, которому Он должен был подлежать, безбрачие же обуславливалось Его неземной природой. Итак, нам кажется, что факты апостольской жизни Самого Христа на первых порах исторического христианства препятствовали христианскому аскетизму превратиться в монашество.

Во-вторых, сама историческая почва, на которой сеялось слово Евангельское, не совсем была подготовлена для монашеских идей. Это было иудейство и римский языческий мир. Ни то, ни другое не слишком благоприятствовали строгому аскетизму. Иудейство вообще, за исключением немногочисленного

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org класса назореев, – весьма высоко ставило жизнь брачную; мысль о плотском рождении Мессии давала особенную цену чадородию, и бесплодие почиталось стыдом или даже проклятием. Римский языческий мир далеко не был аскетическим. Задатки монашества в Риме представляли лишь весталки; но посмотрите: какое их было ограниченное число; их было всего шесть. Весталками становились девочки от 6 до 10 лет, которые совершали служение богине поддержанием св. огня, в продолжение 30 лет. Но после этого они снова возвращались к обществу и могли вступать в брак. Поэтому неудивительно, если из среды христиан первенствующей Церкви даже возвышались оппозиционные голоса против аскетизма. Вот что рассказывал Евсевий из эпохи II столетия, свидетельствуя тем, как далеко была Церковь того времени от монашества. Евсевий (V, 3) говорит: "Один из мучеников, заключенных в тюрьму, некто Алкивиад, вел жизнь самую строгую, и прежде того не употреблял в пищу ничего, кроме хлеба и воды. Когда же он старался продолжать такую жизнь и в темнице, то Атталу, другому исповеднику, было открыто, что Алкивиад поступает нехорошо, не употребляя в пищу тварей Божьих и через то подавался повод к соблазну прочим. Алкивиад, – рассказывает историк, – повиновался; стал вкушать без разбора всякую пищу и благодарил Бога; ибо мучеников не переставала блюсти благодать Божья, Сам Дух Св. был их советником". Это свидетельство чрезвычайно важно; оно доказывает, что оппозиция шла не из какой-нибудь распущенности нравов, нет, она велась во имя Духа Св., во имя Самого Бога.

С точки зрения тогдашнего христианского общества аскетизм должен был быть принадлежностью разве что людей глубокой учености, философской настроенности; аскетизм должен быть не более как явлением исключительным, в том же роде, в каком он был тогда везде. "Мы не можем быть философами и аскетами, – протестовали христиане, по свидетельству Климента, – мы не ученые люди, мы не понимаем Св. Писания; каким же образом от нас будут требовать строгой жизни?" Крайний аскетизм, значит, был еще не в духе тогдашнего общества.

В-третьих, христианская литература рассматриваемого времени, если иногда и проводила аскетические воззрения, однако, она не была бедна и противоаскетическими тенденциями. Одно течение мыслей противостояло другому, взаимно ограничивая одно другим. Сама книга "Пастырь" Ерма, которая, как мы сказали выше, различала двоякую христианскую нравственность, низшую и высшую, и таким образом подготавливала мысль к появлению высшей строгости жизни, сама эта книга не чужда воззрений, которые в то же время предостерегали против аскетизма, отрешающегося от мира и изобличающего последний. Здесь о посте говорится следующее: "Первее всего воздержание выражай в том, чтобы остерегаться говорить и слушать худые вещи, очищай свое сердце от всякого порока, от всякого корыстолюбия, и в день, в который ты постишься, довольствуйся хлебом, овощами, водой и воздавай за это благодеяние Богу. Но сочти, что стоил тебе обед в тот день, если бы он был, и то, что ты сберег, отдай вдове, сироте, бедняку. Благо тебе, если будешь также поступать и твои дети, и весь дом твой". Очевидно, в этом случае воздержание полагается не само по себе целью, как в монашестве, а лишь средством сберечь деньги, которые должны быть употребляемы на благотворение. Еще замечательнее мысли Климента Александрийского, который хотя и стоял за строгое воздержание, но был против той формы аскетизма, которую оно могло принимать в монашестве. Климент, указывая на то, что в некоторых языческих культах от жрецов требуется воздержание от брака, мяса и вина и что у индийцев есть подобные же строгие аскеты, говорил: "Павел взывает, что Царствие Божие не состоит в еде и питье и, следовательно, не в воздержании от вина и мяса, но в справедливости, мире и радости во Святом Духе. Также и смирение заявляется не бичеванием плоти, но кротостью, посему воздержание есть добродетель души. Воздержание состоит не в чем-нибудь внешнем, а в том, чтобы презирать золото, быть воздержанным на язык, через разум господствовать над телом". Как видно, Климент аскетизм души предпочитал аскетизму телесному, заключенному в какие-нибудь строго определенные формы. С особенной ревностью тот же Климент отвергает мысль, что для спасения необходима добровольная нищета, – мысль, на которой зиждется монашество. Климент ничуть не соглашался с этой мыслью. Изъясняя слова Спасителя: вся елика имаши, продаждь, он говорит: "Не новость отказываться от богатства и раздать имение бедным и нищим; так поступали многие и до пришествия Христа; и взамен того еще с большим неистовством предавались порочным страстям, начиная гордиться, тщеславиться и презирать других людей, как будто сами они совершили нечто свыше человеческое. Как можно думать, чтобы Спаситель предписывал подобное поведение? Притом же обнищание вещественным благами не избавляет нас от внутренних мучений

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org любостыжания, но часто только усиливает их. Не гораздо ли лучше противиться тому, т.е. иметь достаток во всем, чтобы можно было не мучиться страстью к приобретению? Да и как может существовать милосердие? Каким образом, кто сам ничего не имеет, насытит алчущего, напоит жаждущего, примет странника, за неисполнение чего угрожается геенной. Если известно, что таких обязанностей нельзя выполнить не имея достатка, то как мог бы Господь заповедовать одно и воспрещать другое? Богатство не больше как орудие, и зло или добро не в нем, а в том, кто как будет употреблять его. Притом, для чего и земля производит и открывает человеку столько богатств, если эти богатства могут причинять только смерть?" Смысл этих суждений Климента тот, что всякий должен оставаться, и по принятии христианства, тем, кем он был и прежде, богатый - оставайся богатым, бедный - не стремись к богатству. Он защищает в вопросе об отношении христианской жизни к земным благам неизменность общественных отношений. И значит, монашество, как нарушение этого правила, не входило, по Клименту, в число вещей, требуемых христианской жизнью.

Наконец, мы должны указать на еще одну причину, которая задерживала развитие монашества в первые века - это аскетизм еретический. Аскетизм еретический развился в первенствующей Церкви очень широко; и христианство, противопоставляя себя, с одной стороны, язычеству - в воздержании, в то же время должно было отличать себя и от еретического аскетизма с его крайностями. Слишком строгий аскетизм сблизил бы христианство с еретическими направлениями, а потому христианское сознание, противодействуя этим последним направлениям, противодействовало аскетизму. - Еретический аскетизм нашел себе широкое применение в гностических и ма-нихейских ересях. Он был обязан своим происхождением дуалистическому воззрению, по которому материя считалась источником греха; вследствие чего, эти еретики смотрели на человеческое материальное тело как на нечто само по себе злое, как на произведение сатаны, и нравственное значение человека у них состояло в том, чтобы отрешиться от тела или мало-помалу уничтожать и сокрушать его, будь то через крайнее воздержание, будь то через необузданный разврат. При виде таких явлений в еретичестве, христиане, естественно, не простирали свою борьбу с греховной плотью слишком далеко - и это служило препятствием к возникновению монашества.

Итак, вот те причины, которые задерживали в первенствующей Церкви появление монашества. Но эти причины с течением времени значительно потеряли свою силу и ничто более уже не препятствовало зачаткам христианского аскетизма перейти в монашество с его характеристическими чертами.

И вот с IV в. христианский аскетизм делает большие успехи: он все более и более отчуждается от мира, ищет убежища в пустыне, предается всевозможным родам самоумерщвления плоти - словом, прежний аскетизм переходит в монашество. Ближайшим поводом к этой перемене послужило превращение Церкви из гонимой в торжествующую над язычеством, со времен императора Константина Великого. До этого времени аскеты жили среди общества, не бежали в пустыни, не разрывали с миром всех связей, потому что они видели себя в среде языческого мира как бы в пустыне; их жизнь среди этого мира своей противоположностью к нему отвечала их порывам к высшим подвигам; а неустанная борьба с языческим миром удовлетворяла их стремлениям служить Христу. Но вот христианство делается господствующей религией, многие тысячи язычников, привыкших внимать не советам своей совести, но слепо следовать предписаниям властей и житейским выгодам, обращаются в христианство. Христиане истинные смешиваются с этими ложными христианами. Аскеты чувствовали себя в среде этого, так сказать, смешанного христианства не по себе; вражда прежних аскетов к языческому миру переходила во вражду к смешанному христианству; но борьба с этим христианством была невозможна, оно наполняло города и села и было терпимо духовной и гражданской властью. Оставался один исход - покинуть мир, бежать в пустыни. И вот является монашество. "Я так же, как и вы, - говорит св. Иоанн Златоуст современным ему порицателям монашеского отчуждения от жизни и общества, - и даже более, нежели вы, желал бы, чтобы не было нужды убегать в пустыни. Но так как здесь все извращено, и сами города, несмотря на судилища и законы, полны нечестия и пороков, и только пустыня приносит плоды любомудрия, то по всей справедливости следовало бы порицать не тех, которые избавляются от такой бури смятений и входят в тихую пристань, а тех, кто каждый город сделал до того недоступным и неспособным для любомудрия, что желающие спасения должны удаляться в пустыню. Скажи мне: если бы кто в глубокую полночь, взяв огонь, поджег большой дом, наполненный людьми, чтобы истребить спящих, кого бы мы стали обвинять - того ли, кто разбудил бы спящих и вывел их из дома - или

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org того, кто произвел пожар и привел в такую крайность как находящийся в доме, так и выводящего их из огня?" Такую же причину происхождения монашеского отшельнического житья представляет блж. Августин, когда, изобразив нравственную распущенность христианского общества IV в., говорит: "Многие в настоящем бурном Мира, при таком господстве зла, уединились, обратились к Богу, отложились от Мира". А по выражению св. Василия Великого, монашеское отчуждение от Мира важно потому, что "освобождало оно от городских мятежей" (т.е. городских треволнений).

К этому отчуждению от христианского мира, в том его виде, каким он стал со времен Константина, к этой вражде, которая заменила борьбу прежних аскетов с языческим миром, присоединилось еще обстоятельство, которое вызывало теперешних аскетов на подвиги монашества. Отличительной чертой христианских аскетов первых трех веков было стремление к мученичеству. Мученичество для них было вожденной целью, прерывавшей их жизнь, к которой они питали очень мало пристрастия. С прекращением же гонений, со времен Константина, стремление к мученичеству удовлетворять более было нельзя. И аскеты начали вожделеть заменить мученичество самомученичеством. И вот, убегая в пустыни, они живут в жгучих пустынях, в страшных пропастях Египта и Сирии, отказывая себе во всем, что могло бы нежить плоть, насильственно умерщвляя в себе естественные порывы. Они ждали за это самомученичество мученического венца. Поэтому Кассиан – западный монах и описатель монашества своего времени – называет иноков новыми мучениками. Другой писатель, близкий ко времени возникновения монашества, побуждением к иноческой жизни именно и ставил рвание некоторых из христиан подражать мученическому подвигу. Верующие, пишет он, видя страдания мучеников и их стремление к исповеданию имени Христова, начали сами следовать их жизни и самоотвержению, и в монашестве осуществились слова Апостола: "Скитались в милотях и козьих кожах, терпя скорби, озлобления, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям" (Евр. 11, 37-38).

Разъясняя происхождение монашества, мы должны еще рассмотреть вопрос, относящийся сюда же, – почему Египет сделался колыбелью христианского монашества? Таких причин, которые объясняют появление монашества именно в Египте, иногда указывают две. Можно находить, говорят нам, объяснение явления в особой силе слова Евангельского в Египте. "Нигде, – по словам Евсевия, – проповедь Евангельского учения ни над кем не явила столько своей силы, как в Египте". Что сказать об этой причине? Разъясняющие дело подобным образом, кажется, забывают, что и апостол Павел в Послании к Римлянам очень восхваляет веру римлян: "Благодарю Бога моего о всех вас, яко вера ваша возвещается (т.е. славится) во всем мире" (Рим. 1, 8). И нет сомнения, что эти слова не были фразой в устах Апостола о римлянах, какой могли быть слова Евсевия о египтянах – и однако, монашество не появилось в Риме, а появилось в Египте, или же не развилось оно параллельно с Египтом и в Риме. Другую же причину данного явления усматривают иногда и в следующем. "Меланхолический и торжественный вид природы Египта: вечно ясное небо, строгий характер пирамидального зодчества, ужасное разрушение гигантских зданий, превышающих силы человека – все это невольно приводит к жизни созерцательной (монашеской) человека мыслительного". Что сказать об этой причине? Нам представляется, что, пожалуй, то же самое можно утверждать и о природе и характере Сирии, Ассирии, Вавилона и других восточных стран (за исключением пирамидального зодчества, которое, впрочем, нимало не объясняет происхождения монашества). Причина, значит, слишком обща, чтобы она могла помочь уяснить вопрос.

Итак, где же искать причины явления? Можно находить, что течением истории в Египте развиты были идеи аскетизма и формы его настолько, что монашество IV в. было явлением, в некоторой степени зависимым от этого факта. Здесь были развиты идеи аскетизма: уже иудейский писатель Филон, живший во времена Христа, проповедовал в Александрии поправление чувственности; христианские писатели Александрии вполне последовали ему; знаменитый учитель Церкви Ориген и ученик его Иеракл развивают чисто монашеские взгляды о безбрачии и добровольной нищете, а св. Афанасий Великий является панегиристом отшельнической жизни.

Здесь были и почти готовые формы монашества. Мы говорим о терапевтах – этом обществе людей с понятиями полуиудейскими, полуязыческими восточными. Терапевты, как описывал их церковный историк Евсевий, по Филону, были почти монахами до христианского монашества. Евсевий сам так поражен сходством их жизни, как она была описана Филоном, с жизнью христианских аскетов, что считает их если не за христианских монахов, то все же за христиан, хотя и без достаточного основания. Евсевий (II, 17) так описывает терапевтов, по Филону: "При самом вступлении на поприще любомудрия, терапевты раздавали

Церковно-исторические повествования. Алексей Петрович Лебедев filosoff.org свое имение; потом оставляя всякое попечение о житейском, выходили за город и водворялись в уединенных местах и садах; ибо хорошо знали, что сообщество с людьми не единомышленными было бы для них бесполезно и вредно". Кроме уединения и нестяжательности, терапевты, по Филону, отличались строгим воздержанием в пище. "Пищи и питья никто из них не примет до захода солнца. Некоторые из них не вспоминают о пище и через три дня; другие же удерживаются от телесной пищи вдвое долее, и едва через шесть дней вкушают необходимое". Безбрачие, по словам Филона, имело также применение в обществе терапевтов. "Между ними, - говорит Филон, - живут и женщины, и весьма многие из них остаются девами до старости, но сохраняют девство не по принуждению, как иные из эллинских жриц, а по свободному произволению: желание провести с мудростью всю жизнь заставляет их отказываться от телесных удовольствий и стремиться к приобретению не смертных, а бессмертных порождений". Главным занятием терапевтов, по Филону, было служение Богу. "Они занимаются, - по его словам, - только чтением Закона и Пророков, пением хвалебных песней и вообще тем, что служит к распространению и усовершенствованию их познаний и благочестия". Под такими-то главными влияниями развилось христианское монашество в Египте. Мы, впрочем, допускаем, что и географические, и национальные особенности Египта способствовали происхождению монашества именно в Египте; но это уже причины второстепенные. В самом деле, Египет, как известно, представляет множество оазисов среди пустынь, - это были как бы готовые места для уединения. Нильская долина с ее плодородием и пустыни с их бесплодием - вызывали тем самым одних наслаждаться всеми благами египетской природы, других отрешаться от этих благ и бежать в пустыню. С другой стороны, особенная черта национального характера египтян - это непреклонная твердость воли. Один писатель свидетельствует о египтянах, что они выносят самые ужасные пытки, не проронив ни звука, и что они скорее дозволит замучить себя до смерти, чем согласиться с тем, с чем они не хотят соглашаться. Некоторые из египетских христиан, обладая подобным характером, конечно, могли становиться самыми строгими подвижниками, когда доходили до убеждения в необходимости христианского подвижничества.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!